

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА ПУТИ В БУДУЩЕЕ

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

Под руководством П.А. Минакира

Хабаровск
ИЭИ ДВО РАН
2017

THE FEDERAL AGENCY FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

ECONOMIC RESEARCH INSTITUTE
FAR EASTERN BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THE RUSSIAN FAR EAST: ON THE WAY TO FUTURE

SCIENTIFIC REPORT

Edited by P.A. Minakir

Khabarovsk
ERI FEB RAS
2017

УДК 338
ББК 65.09

Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2017. – 395 с.

ISBN 978-5-906118-20-2

Рассматриваются тенденции и закономерности развития российского Дальнего Востока, формирование социального и экономического комплексов, кооперационные взаимодействия со странами АТР. Анализируются условия и возможности ускоренного развития Дальнего Востока как плацдарма для интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Приводятся оценки параметров развития региона в перспективе с учетом сценарных условий и общей концепции развития региона. Исследуются тенденции, проблемы и перспективы функционирования и развития основных секторов и функциональных сфер экономической системы и социальной среды региона: отраслевых рынков, уровня жизни, демографии и миграции, накопления человеческого капитала, внешнеэкономических связей, технологических инноваций. Анализируются новейшие тенденции в области модернизации инструментов и институтов регионального развития.

Для научных работников, специалистов в области региональной государственной политики, аспирантов.

Ключевые слова: динамика, концепция, сценарии, прогноз, технологии, человеческий капитал, доходы, миграция, народонаселение, ресурсы, инфраструктура, новая экономическая политика, интеграция, Дальний Восток России, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Рекомендовано к изданию Ученым советом ИЭИ ДВО РАН

ISBN 978-5-906118-20-2

© Авторы, 2017

© Институт экономических исследований ДВО РАН, 2017

The Russian Far East: on the Way to Future / Edited by P.A. Minakir;
Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2017. – 395 c.

ISBN 978-5-906118-20-2

The tendencies and patterns of development of the Russian Far East, the formation of social and economic complexes, and cooperation with the countries of the Asia-Pacific region are considered. The conditions and opportunities for the accelerated development of the Far East as a springboard for integration with the countries of the Asia-Pacific region are analyzed. Estimates of the development parameters of the region in the long term are given taking into account the scenario conditions and the general concept of the region development. Trends, problems and prospects of functioning and development of the main sectors and functional spheres of the economic system and social environment of the region are studied: industry markets, living standards, demography and migration, accumulation of human capital, foreign economic relations, technological innovations. The latest trends in the modernization of tools and institutions for regional development are analyzed. For researchers, specialists in the field of regional public policy, graduate students.

Key words: dynamic, concept, scenarios, forecast, technologies, human capital, incomes, migration, population, resources, infrastructure, new economic policy, integration, the Russian Far East, Asia-Pacific region.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	10
1. Теоретические и методологические основания.....	14
1.1. Пространственная парадигма экономического развития	14
1.2. Пространственный системный синтез.....	18
1.3. Пространственные эффекты в России	25
1.4. Технологии как фактор экономической динамики	31
2. Дальний Восток: экономическая динамика	38
2.1. Формирование социально-экономической системы.....	38
2.2. Макроэкономическая динамика Дальнего Востока в 2016 г.	55
2.3. Дальний Восток в контексте развития российской экономики.....	72
3. Сценарии развития Дальнего Востока	78
3.1. Общие положения.....	78
3.2. Концептуальный цикл	80
3.3. Перспективная концепция развития	89
4. Человеческий капитал и качество жизни населения.....	98
4.1. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд.....	98
4.2. Благополучие населения Дальнего Востока: номинальные и реальные доходы.....	117
4.3. Человеческий капитал и факторы мобильности населения Дальнего Востока: образ будущего.....	141
5. Реальный сектор региональной экономики	154
5.1. Биоресурсный сектор дальневосточной экономики	154
5.2. Инвестиционные проекты в минеральном секторе	172
5.3. Топливно-энергетический комплекс	185
5.4. Влияние на транспортный комплекс Дальнего Востока проекта «Нового Шелкового пути».....	191
5.5. Машиностроительные анклавы Дальнего Востока	199

6. Экономическая интеграция Дальнего Востока России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Северо-Восточной Азии	213
6.1. Международная экономическая интеграция в АТР: вызовы для России	213
6.2. Торговое и инвестиционное сотрудничество России и стран Восточной Азии	218
6.3. Эволюция интеграционных форматов в АТР	225
6.4. Эффекты интеграции	229
6.5. Восточный вектор государственной политики	231
6.6. Дальний Восток: интеграция с СВА	233
6.7. Энергетический экспорт в СВА	241
7. Технологический прорыв	250
7.1. Формирование национально-пространственной системы технологических инноваций	250
7.2. Наука и образование Дальнего Востока России: долгосрочная перспектива	269
7.3. Инновационная среда	275
8. Новая экономическая политика по развитию Дальнего Востока	280
8.1. Исторические аспекты новаций в политике государственного регулирования	281
8.2. Проект институциональных инноваций в отношении развития Дальнего Востока	289
8.3. Современные новации в государственной политике развития региона	304
8.4. Свободные экономические зоны на Дальнем Востоке	313
8.5. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики	318
9. Сценарный прогноз развития Дальнего Востока	328
9.1. Методология	328
9.2. Синтетическое прогнозирование регионального развития	335
9.3. Сценарии синтетического прогноза развития	341
9.4. Синтез социально-экономических и научно-технологических прогнозов	348
9.5. Варианты будущего	351
Заключение	365
Основные публикации ИЭИ ДВО РАН по проблемам развития российского Дальнего Востока	367

CONTENTS

Introduction	10
1. Theoretical and methodological grounds	14
1.1. Spatial paradigm of economic development	14
1.2. Spatial system synthesis	18
1.3. Spatial effects in Russia	25
1.4. Technology as a factor of economic dynamics	31
2. Far East: economic dynamics	38
2.1. Formation of the socio-economic system	38
2.2. Macroeconomic dynamics of the Far East in 2016	55
2.3. Far East in the context of the development of the Russian economy	72
3. Scenarios for the development of the Far East	78
3.1. General provisions	78
3.2. Conceptual cycle	80
3.3. Perspective concept of development	89
4. Human capital and quality of life of the population	98
4.1. Far Eastern region in the demographic space of Russia: the post-reform trend	98
4.2. The welfare of the population of the Far East: nominal and real incomes	117
4.3. Human capital and factors of mobility of the population of the Far East: the image of the future	141
5. The real sector of the regional economy	154
5.1. Bioresource Sector of the Far Eastern Economy	154
5.2. Investment projects in the mineral sector	172
5.3. Fuel and energy complex	185
5.4. Influence of the «New Silk Road» Project on the Transport Complex of the Far East	191
5.5. Machine-building enclaves of the Far East	199

6. Economic integration of the Far East of Russia with the countries of the Asia-Pacific region and Northeast Asia	213
6.1. International economic integration in the APR: challenges for Russia	213
6.2. Trade and investment cooperation of Russia and East Asian countries	218
6.3. Evolution of integration formats in ATR	225
6.4. Integration Effects	229
6.5. East vector of state policy	231
6.6. Far East: integration with NEA	233
6.7. Energy export to NEA	241
7. Technological breakthrough	250
7.1. Formation of national-spatial system of technological innovations	250
7.2. Science and education of the Russian Far East: a long-term perspective	269
7.3. Innovative environment	275
8. New economic policy for the development of the Far East	280
8.1. Historical aspects of innovations in the policy of state regulation	281
8.2. Draft Institutional Innovation for the Development of the Far East	289
8.3. Modern innovations in the state policy for the development of the region	304
8.4. Free economic zones in the Far East	313
8.5. Territories of advanced development: a new instrument of regional economic policy	318
9. Scenario forecast for the development of the Far East	328
9.1. Methodology	328
9.2. Synthetic forecasting of regional development	335
9.3. Scenarios of the synthetic forecast of development	341
9.4. Synthesis of socio-economic and scientific-technological forecasts	348
9.5. Scenarios for the future.....	351
Conclusion	365
ERI FEB RAS publications on the development of the Russian Far East	367

ВВЕДЕНИЕ

В 2012 г. Президент РФ В.В. Путин декларировал стратегический приоритет страны в XXI в. Им является ускоренное развитие Дальнего Востока как плацдарма для интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот приоритет подразумевает формирование и решение целого нового класса задач в области региональной государственной политики, экономического регулирования, социальной динамики, технологической модернизации.

Восточный вектор развития страны, который должен опираться на развитие Дальнего Востока, конечно, должен учитывать особенности российского пространства (фрагментированность, поляризованная централизация, блокирование механизмов экономической и социальной пульсации). Понимание и учет закономерностей функционирования пространства является лучшим лекарством от возможных системных ошибок, которые чреватые застоєм в модернизации национального пространства, формой чего является выделение и реализация конкретных пространственных приоритетов – в данном случае Дальнего Востока.

В политическом контексте стремление к пространственной модернизации связано с попытками нивелировать пространственное неравенство. Однако в современной региональной государственной политике необходимо базироваться на концепции преодоления неравенства через создания новых центров экономической и институциональной приоритетности. Именно в этом и заключается содержание поворота к Дальнему Востоку.

За период 2009–2015 гг. в государственной политике развития востока страны произошла смена акцентов. В 2009–2012 гг. основной идеей являлось накачивание региона государственными инвестициями, поддержание уровня государственного спроса и увеличение на этой основе темпов экономического роста и масштабов экономики. Увеличение объема финансовых ресурсов, связанное с развитием корпоративных экспортных проектов, являлось положительным шоком для макроэкономической динамики в регионе.

Однако проблему собственно развития региона кратковременные инвестиционные шоки не могут решить, хотя благотворно сказываются на динамике экспортного сырьевого сектора как на самом Дальнем Востоке, так и в Сибири, благодаря наращиванию транзитной и добывающей инфраструктуры. Собственно же региональное развитие основывается на формировании инфраструктуры

доступа к коммунальным благам и общественным фондам, транспортной инфраструктуре, обеспечивающей мобильность граждан, условий и механизмов генерации доходов в рамках регионального бизнес-сообщества, создании комфортной бизнес-среды, формировании режима открытой экономики в регионах концентрированной экономической деятельности. А для этого, прежде всего, необходима не инвестиционная накачка (хотя если она есть, то дело упрощается), а выращивание эффективных экономических институтов и формирование для них адаптивной среды функционирования.

С 2013 г. в связи с ухудшением общей макроэкономической ситуации в России объективно пришлось сменить акцент в области политики развития на Дальнем Востоке – вместо накачивания государственных средств в инвестиционные проекты речь пошла о наращивании финансовых вливаний в инфраструктуру институциональных новаций на Дальнем Востоке, которые призваны сделать регион процветающим и современным. Одной из таких новаций является концепция территорий опережающего развития (ТОР). Эта концепция дополнена имплантацией новых институтов развития, а также дополнительных пространственных инструментов регулирования (свободный порт, «дальневосточный гектар», аккумуляция корпоративных программных ресурсов).

В основе этих институциональных новаций лежат хорошо известные методы регионального развития, которые часто приносили успех (Франция, КНР, Республика Корея, Тайвань, Сингапур, Таиланд, Малайзия). Но успех отнюдь не гарантирован и достигался не всегда. Для Дальнего Востока в разные периоды использовались элементы этой концепции (особые экономические зоны, полюса роста, зоны ускоренного роста, плановые кластеры). Различие заключается в системности адаптируемых механизмов и в их сопровождении институтами развития.

Для долговременной эффективности институциональных новаций они должны сопровождаться реальными позитивными результатами, которые обеспечиваются как необходимыми (выделение территории, обеспечение инфраструктурой, предоставление на этой территории налоговых и административных льгот), так и достаточными условиями (возможность эффективного предпринимательства на этих территориях, стабильность либерализации как политики, долговременность жизненного цикла экономических агентов).

Еще одной проблемой является распространение эффектов на окружающие ТОРы территории, которые могут достигать состояния эндогенного развития за счет запуска агломерационных

эффектов. Но это произойдет только в том случае, если эффекты межрегиональной и межотраслевой кооперации окажутся сильнее эффектов специализации и конкуренции.

«Территории опережающего (по сравнению с окружающей периферией) развития» и на Дальнем Востоке, и в Байкальском регионе уже давно сформировались – это территории повышенной концентрации экономической активности. Необходимо усилить уже получаемый эффект и подключить новые зоны концентрации. Главное условие для этого – конкретно определить конкурентное преимущество таких зон. Это не одинаковый и даже не льготный по сравнению с Восточной Азией административный и налоговый режимы. Эти режимы могут и должны быть фоном для развития бизнеса вообще на территории хотя бы Дальнего Востока. Но и при их наличии успех могут принести только конкретные экономические преимущества.

Длительная история развития Дальнего Востока, в ходе которой сменилось несколько стратегий, сформировались новые экономические структуры и социальные общности, не дает оснований рассматривать этот регион как некий экстремальный с точки зрения социальных и экономических условий анклав. Это регион со сложившейся промышленной и общеэкономической специализацией, неоднократно показавший способность к адаптации в условиях сильных финансово-экономических и институциональных шоков.

С этой точки зрения поворот на восток не является чрезвычайной кампанией по спасению или коренному переделыванию основ хозяйственной жизни в регионе. Не является он и чрезвычайной мерой выхода на новые рынки. Россия и Дальний Восток давно присутствуют на этих рынках. Речь идет о создании базы для системного долговременного усиления потенциальных возможностей и страны, и региона в использовании конкурентных преимуществ, предоставляемых естественными, историческими, технологическими, гуманитарными фундаментальными факторами развития.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

В подготовке доклада принимали участие сотрудники Института экономических исследований ДВО РАН. В докладе использованы результаты многолетних исследований института по теоретическим, методологическим вопросам пространственной экономики и оптимального пространственного распределения ресурсов труда и капитала, проблемам прогнозирования и системного пространственного макроэкономического анализа, проблемам развития и размещения, эффективного управления отраслей и секторов экономической деятельности, межрегиональных и внешнеэкономических взаимодействий, социального и демографического развития.

Отдельные разделы доклада подготовили: *Антонова Н.Е.*, д-р экон. наук (5.1); *Бардаль А.Б.*, канд. экон. наук (5.4); *Власюк Л.И.*, канд. экон. наук (9.1; 9.3; 9.4); *Волков Л.В.*, канд. экон. наук (5.1); *Грицко М.А.*, канд. экон. наук (4.2); *Горюнов А.П.*, канд. экон. наук (9.1; 9.2); *Гудкова Е.В.*, канд. экон. наук (7.3); *Демина О.В.*, канд. экон. наук (5.3; 6.7); *Демина Я.В.*, канд. экон. наук (6.1; 6.2; 6.3; 6.4); *Джурка (Захарченко) Н.Г.*, канд. экон. наук (9.1); *Демьяненко А.Н.*, д-р геогр. наук (1.1; 8.1); *Домнич Е.Л.*, канд. экон. наук (5.5; 7.1; 7.3); *Дятлова Л.А.*, канд. геогр. наук (8.1); *Изотов Д.А.*, канд. экон. наук (2.3; 7.2; 8.3); *Исаев А.Г.*, канд. экон. наук (1.4; 2.2; 8.5); *Колбина Е.О.*, канд. экон. наук (4.3); *Леонов С.Н.*, д-р экон. наук (8.4); *Ломакина Н.В.*, д-р экон. наук (5.2); *Мазитова М.Г.* (2.2; 6.6); *Минакир П.А.*, д-р экон. наук, академик РАН (Введение; 1.1; 1.2; 1.3; 1.4; 2.1; 3.1; 3.2; 3.3; 6.5; 7.2; 7.3; 8.2; 9.1; 9.2; 9.3; 9.4; Заключение); *Мотрич Е.Л.*, д-р экон. наук (4.1); *Найден С.Н.*, д-р экон. наук (4.1; 4.2; 4.3); *Прокапало О.М.*, д-р экон. наук (2.1; 2.2); *Рензин О.М.*, канд. экон. наук (6.5); *Суслов Д.В.*, канд. экон. наук (6.6); *Сухомиров Г.И.*, канд. сельскохоз. наук (5.1).

Организационно-редакторское сопровождение: *Самохина Л.А.*

Картографические работы: *Хижняк В.Д.*

Оригинал-макет и корректура: *Самохина Л.А.*, *Червонцева В.В.*

1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

1.1. Пространственная парадигма экономического развития

В 1990-е гг. в мировой науке произошло переосмысление и развитие основных постулатов пространственных экономических и экономико-географических исследований, а также интенсивное формирование региональных исследовательских платформ в смежных дисциплинах. Пространство опять стало одним из наиболее популярных объектов исследования не только в экономике, но и для целого ряда других отраслей знания. Постоянно растет число публикаций, в которых в той или иной мере затрагиваются проблемы пространственной организации экономики и общества, все чаще раздаются призывы к формированию пространственной науки, основанной на междисциплинарных исследованиях экономики, социальной сферы, экологии, системы институтов и пр. Это напоминает реинкарнацию движения за «региональную науку» в середине прошлого века. Тогда синтез не удался. Но это не означает, что сама по себе проблема снята с повестки дня.

В России как раз в 1990-е гг. наблюдался «откат» от пространственного аспекта научных исследований, прежде всего, в области экономики. Увлечение неolibеральной бихевиористикой имело следствием восприятие региональных исследований, в частности региональной политики, чуть ли не как покушение на свободу экономического выбора. Но ситуация заметно изменилась в начале нулевых годов. И за последние 10–12 лет интенсивность и масштабы региональных разработок (в основном прикладного характера) в России значительно увеличились, так же как и стремление к междисциплинарности пространственного эксперимента.

Бум в пространственных исследованиях не только за рубежом, но и в России был, конечно, спровоцирован политическим заказом, тем, что государственная региональная политика превратилась не

просто в неотъемлемую часть экономической политики вообще, но в приоритетную часть этой общей политики. И связано это было с усилением воздействия пространственной динамики на результаты традиционных макро- и микроэкономических решений, параметров социальной и политической жизни.

В 1990-х гг. любая активистская региональная экономическая политика трактовалась как институциональная дискриминация рыночных агентов. Этот довод воспринимался тем охотнее, чем хуже была финансово-ресурсная ситуация, чем жестче были бюджетные ограничения. Ясно, что отрицание региональности экономической политики теоретически равнозначно отрицанию неоднородности экономического и социального пространства вообще. Игнорирование неоднородности пространства спровоцировало усиление прежде социальной неоднородности в результате «разбегания» локальных пространственных систем.

Конечно, экономическая политика в пространственном аспекте с теоретической точки зрения направлена не на дифференциацию вообще, которая объективно «вшита» в пространственную организацию экономической деятельности, а, следовательно, инвариантна по отношению к экономической политике. Предметом региональной экономической политики является «сверхнормативная» неоднородность, которая после достижения уровнем социального и экономического неравенства определенного критического порога действительно превращается в угрозу стабильности, как политического строя, так и целостности экономического пространства. Именно такой «выброс неоднородности» или сверхнормативная дифференциация условий социального развития, которая была спровоцирована переключением критериев пространственного распределения с минимизации пространственных различий на максимизацию пространственной ренты от факторов производства, был характерен в России в 1990-х гг.

С точки зрения экономической теории это было ожидаемо и неизбежно, но для идеологии социального равенства и для практической политики это стало едва ли не шоком. Те самые пространственные диспропорции, которые в 1990-х гг. рассматривались как естественный, и даже желательный результат перехода к рыночным механизмам распределения экономических ресурсов, к началу 2000-х гг. стали восприниматься экспертным сообществом и лицами, принимающими решения, как угроза единству страны в политическом, социальном, экономическом аспектах. Все чаще и исполнительные, и законодательные ветви власти стали выражать озабоченность продолжающимся расслоением уровней развития регионов.

Вторым обстоятельством, обусловившим нарастание накала «пространственной» риторики, стали провалы в области модернизации экономики. Явная неспособность неолиберальной макроэкономической парадигмы не только обеспечить практическую реализацию объявленного курса на модернизацию, который со временем стал преподноситься как новая национальная идея, но и объяснить причины неудач, породила если не иллюзии, то явно завышенные ожидания по отношению к пространственной парадигме роста. С середины нулевых годов отчетливо проявилась тенденция переноса акцентов в области политики экономической модернизации на региональный уровень. С финансовой точки зрения эти ожидания поддерживались иллюзией финансового и макроэкономического благополучия, которая была несколько поколеблена событиями 2008–2010 гг., но полностью не исчезла.

Таким образом, в повестке дня явным образом появилась задача измерения пространственных откликов экономической динамики на политические и социальные процессы, с одной стороны, и реакций макроэкономической и структурной динамики на социальные, институциональные, технологические вариации в пространстве.

Теоретической платформой пространственных исследований в рамках дальневосточной экономической школы является гипотеза о двойственной сущности пространства, то есть пространство как форма бытия общественной материи полагается единством абсолютного пространства (по Ньютону) и относительного пространства (по Лейбницу).

Пространство по Лейбницу относительно, так как является свойством, зависящим от расположения объектов и явлений, то есть пространство представляет собой «всего лишь систему отношений». Пространство по Ньютону абсолютно, так как оно есть вместительница всех объектов, то есть «состоит из совокупности точек, каждая из которых лишена структуры и является самой малейшей частью физического мира. Каждая точка вечна и неизменна; изменения в ее бытии заключаются лишь в том, что иногда она «занята» одним «куском» вещества, иногда – другим, а иногда – ничем»¹. Традиционно в географии преобладало ньютоновское понимание природы пространства (place), тогда как в экономике, со времен Тюнена, преобладало понимание природы пространства по Лейбницу (space).

Разумеется, эти два аспекта толкования сути пространства тес-

¹ Харвей Д. Научное объяснение в географии. М.: Прогресс, 1974. С. 183.

но связаны друг с другом¹. «Space» и «place» при всем их качественном различии не могут существовать друг без друга. Пространство одновременно состоит из совокупности взаимодействующих иерархически организованных элементов разной размерности и вложенных функциональных форм или подпространств.

С точки зрения размерности и иерархии элементов единого экономического пространства в докладе рассматриваются три уровня пространственных объектов: глобальное экономическое пространство, национальные экономические пространства, локальные (субнациональные) пространства (рис. 1.1)².

Рис. 1.1. Размерность элементов пространства

Особенность предмета исследования как совокупности взаимодействующих подпространств отразилась в методологии исследования, которое организовано как совокупность «вложенных» научных дисциплин, теоретические и экспериментальные результаты которых являются одновременно ограничениями и предпосылками друг для друга.

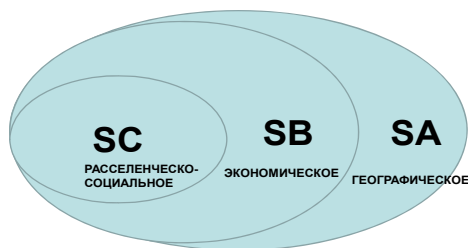

Рис. 1.2. Функциональная вложенность пространств

¹ Об эволюции различных точек зрения на природу пространства и места, см.: Agnew J.A. Space and Place / J.A. Agnew, D.N. Livingstone (eds.) The SAGE Handbook of Geographical Knowledge. 2011.

² Минакир П.А. Экономические исследования и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1.С. 12–39.

1.2. Пространственный системный синтез

Потребность в междисциплинарном синтезе, когда речь заходит о целом ряде проблем, имеющих явно выраженный пространственный характер, осознается все более отчетливо. Отчасти это обусловлено тем, что, в конечном счете, все общественные науки в действительности изучают различные аспекты одной-единственной социальной системы, существующей в пространственно-временном континууме¹. Именно это предполагает многоаспектность исследования пространственных проявлений жизнедеятельности общества, что вообще-то говоря в равной степени справедливо как в отношении пространственного развития общества в целом, так и его отдельных функционально или территориально обособленных частей. Более того, так как социальная система, является подсистемой более глобальной системы, всей экосистемы Земли, и зависит от событий, происходящих в рамках других подсистем этой глобальной системы, ее изучение предполагает пространственный анализ взаимодействий не только между различными аспектами жизнедеятельности общества, но и между обществом и окружающей средой.

За сравнительно короткое время произошло серьезное приращение массива знаний относительно прикладных аспектов функционирования и развития пространственных систем разного уровня на фоне более или менее отчетливой специализации экспертно-аналитической работы. Вполне самостоятельными и продуктивными направлениями оформились исследования по собственно региональной экономической политике, региональной демографии, пространственно ориентированной экономической социологии, институциональному и финансово-экономическому федерализму, которые вкупе с традиционно сильными фрагментами региональных исследований – экономической географией, экономикой локальных рынков, межрегиональными экономическими взаимодействиями, региональной макро- и микроэкономикой – обеспечили накопление огромного по объему материала относительно развития отдельных регионов и их взаимодействию.

В накопленной массе прикладных сведений и разработок явно различаются три массива – один (меньший по объему) относится к экономическим регионам. Второй – к регионам административным и третий – к пространственно-административным распреде-

¹ Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономикс, 2009. С. 40–44.

лениям индикаторов. Общим для всех трех групп является наличие широкого спектра индикаторов, по которому осуществляется мониторинг – макроэкономических, социальных, демографических, финансовых, гуманитарных, институциональных, экологических, технико-производственных. Ценность имеют все три массива, хотя бы уже потому, что экономика, являясь общим основанием и универсальным инструментом решения проблем функционирования и развития человеческого общества, не может претендовать на исключительность в объяснении закономерностей развития как пространства в целом, так и его элементов.

Как экономические, так и административные регионы представляют собой некие пространственные отображения сложной общественной системы, то есть описываются не только поведением и взаимодействиями экономических агентов, но и многообразными, постоянно изменяющимися условиями функционирования социальных групп, политических, экономических и общественных институтов, волатильными на длинных периодах стандартами технического, экологического и социального характера и т. п. Это определяет пограничный характер практически всех исследований и разработок, касающихся функционирования региональных элементов общественно-экономической системы.

Следовательно, изучение процессов, происходящих в пространстве, в принципе невозможно без поддержки со стороны целого семейства научных дисциплин. Это создает внутренне противоречивую ситуацию. Речь идет об угрозе потери эффекта специализации в результате размывания границ проблемной области¹. Тем не менее, действительно содержательными региональными исследованиями могут быть только исследования междисциплинарные. В данном случае вполне оправдывается тезис о том, что современный кризис экономической теории в значительной степени связан с попытками утверждения «экономического империализма», которые не имеют шансов на реализацию и ведут в теоретический и практический тупики².

Точно так же как в целом для экономической науки старое определение ее предмета («экономика – наука о том что, как и для кого производить») – перестало соответствовать реальности, так как слишком тесными и нетривиальными стали связи с охраной окру-

¹ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. Т. I. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 32.

² Полтерович В.М. Кризис экономической теории. Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». М., 1997.

жающей среды, внешней и внутренней безопасностью, характером политических институтов, развитием правовой системы и гражданского общества. Набор методов исследований, сердцевина которого эконометрика и теория игр, все очевиднее не приносит адекватного их непрерывному усложнению прироста содержательного знания без интродукции методов социологии, политологии, психологии.

Для пространственной экономики единственно содержательным является системный пространственный анализ, ориентированный на достижение общего социального равновесия за счет максимизации экономических системных эффектов при заданных экономических, социальных, экологических, технологических ограничениях и в рамках существующих и/или проектируемых институтов.

Правда, в случае пространственных исследований ситуация с общей методологической базой осложняется тем, что существующие теоретические концепции и соответствующий им инструментарий не позволяют надеяться на создание обобщенной канонической модели. И дело не в том, что экономическая теория вообще «игнорирует» пространство, как это часто утверждалось до недавнего времени. Такие утверждения на самом деле не очень соответствуют действительности. Экономическая теория с первых классических работ фактически развивала пространственное направление. Структура направлений построения пространственной экономической теории соответствовала структурной характеристике самого экономического пространства, которое необходимо иллюстрировать образом «матрешки взаимодействующих экономических пространств», образующейся взаимодействующими глобальным, национальными (субглобальными) и локальными (субнациональными) пространствами. Каждому из этих видов пространств соответствует некоторое количество теоретических моделей или гипотез, объясняющих и описывающих их функционирование.

Действительная проблема заключается в том, что создание единой канонической теории пространственного даже экономического, не говоря об общем социальном развитии, скорее всего, невозможно. Важной причиной этого является то, что существующие теории описывают некие абстрактные пространства (экономические, социальные, информационные, энергетические, ресурсные, культурные и пр.), а реальная экономическая и социальная жизнь протекает в рамках иногда несколько, а иногда и совсем иных, пространств – административных.

Имея это в виду, следует вести речь, конечно, скорее не о су-

персинтезе теоретических конструкций и создании некоей метатеории пространственного развития, а о согласовании теоретических моделей для пространств разного уровня. При этом согласование данное должно быть направлено на получение двух основных результатов: во-первых, на исследование, измерение и максимизацию экономических системных эффектов в рамках экономических пространств и, во-вторых, на достижение общего социального равновесия в рамках административных пространств.

Это – важный пункт, так как реальная политическая и управленческая практики весьма упорствуют в стремлении найти «философский камень» в теории, который позволил бы сконструировать идеальную пространственную политику, в рамках которой были бы одновременно элиминированы «выбросы» неоднородности, обеспечена вожделенная модернизация экономики, гарантированы высокие темпы роста.

Это упорство заставляет регулярно делать попытки заполнить кажущийся «теоретический вакуум» готовыми теоретическими рецептами западного образца. Очевидно, именно этим объясняется частая смена концепций пространственной организации, лежащих в основе российской региональной политики в последнее время. Конечно, использование зарубежных достижений в теоретико-методологической области полезно, так как помогает экономить время и силы, а, кроме того, гарантирует «нахождение в эпсилон-окрестности» теоретического мейнстрима. Да и сами зарубежные теории вполне адекватны задачам описания определенного типа пространств при совершенно определенных, часто весьма специфических, условиях и предположениях. Но при этом есть два обязательных условия: во-первых, следует обеспечить критичное восприятие конкретного исторического, географического и экономического контекстов, памятуя о том, что любые кросс-культурные заимствования предполагают оценку адаптационных возможностей принимающей стороны, а во-вторых, следует провести критическую селекцию отечественного опыта.

Сегодня большинство экспертов и представителей политического истеблишмента категорически отрицают возможность использования концепций, схем и механизмов пространственной организации общественного устройства и экономического регулирования, заимствованных из эпохи централизованно планируемой экономики. Но вот пространство осталось прежним, распределение ресурсов и условий приложения капитала и труда тоже прежние, не говоря уже о структуре экономики. Конечно, появились и постоянно появляются новые элементы пространственной структуры, но

вые механизмы пространственного регулирования, новые институты пространственного развития. Означает это лишь то, что Россия и в пространственном аспекте находится до сих пор, и еще долго будет находиться, в переходном периоде, когда сосуществуют новые и старые элементы и институты.

Наличие этого переходного периода, как и отсутствие теоретической основы и инструментальных средств для гарантированного воздействия на поведение пространственно локализованных экономических агентов в направлении, желательном для максимизации экономических эффектов при условии социального равновесия и соблюдения экологических ограничений, диктует необходимость восстановления аналитической основы регулирования и учета комплексного характера реально функционирующих региональных экономических и социальных систем. Практическая потребность в регулировании воздействий территориального развития на экономические и социальные процессы в стране, а также на формирование приоритетов в размещении производства и соответствующем распределении ренты, доходов и основных факторов и ресурсов воспроизводства на деле оказалась важнее чистоты «рыночной идеи» и неприязни к «советскому плановому и академическому наследию» и заставила обратиться к апробированным инструментам пространственной экономической политики.

Действительно ли в российском случае пространство является самостоятельным фактором общественного и в частности экономического развития или это в большей степени некий штамп, привнесенный из абстрактных теоретических конструкций пространственной организации? Из этого вытекают и следующие вопросы – является ли пространство позитивным или негативным фактором развития, является ли «большое пространство» обузой или, напротив, само создает дополнительные преимущества с точки зрения экономического развития и конкурентоспособности, является ли пространство ресурсом или обременением, способствует ли оно общественному прогрессу или тормозит его? В последнее время эти вопросы обмуждаются повсеместно и весьма горячо.

Но дело, конечно, не только в размерах пространства и даже не только в степени его «экстремальности». Размеры и однородность пространства – важные константы, но их влияние противоречиво. Огромное значение имеет философия и история освоения пространства. В случае России это наглядно проявляется в форме так называемого «ресурсного проклятия» или «проклятия Сибири». Огромные сырьевые богатства восточной части страны плюс желание усилить стратегические позиции СССР и дать ответ на

реальные или мнимые угрозы безопасности привели к тому, что был сделан акцент на дорогостоящем комплексном развитии территорий, неблагоприятных для жизни и экономической деятельности. Это привело, естественно, к сдвигу населения и основных фондов «в регионы с высокими затратами и низкой производительностью, что понизило эффективность пространственного распределения»¹. Неизбежное бремя высоких затрат на освоение больших пространств, заключающих в себе огромные природные богатства, эксплуатация и экспорт которых избраны стратегической линией экономического развития страны как раз и легло в основание весьма популярного с некоторых пор тезиса о наличии «сибирского проклятия», обременяющего экономическое развитие России². Это даже заставляет говорить о том, что «пока ей (России) принадлежит Сибирь, успешная модернизация России невозможна в принципе»³.

Пока не получено количественных характеристик взаимосвязи размеров пространства, эксплуатируемого той или иной национальной экономики и ее эффективности. Но некоторые сопоставления позволяют предполагать, что не только в российском случае пространство следует трактовать двояко: и как возможное обременение, и как вероятный ресурс.

Пространство может рассматриваться как обременение, так как его размеры прямо пропорциональны:

- величине капитальных затрат на его «сжатие» и инфраструктурное обустройство;
- степени дифференциации условий жизни и экономической деятельности;
- величине удельных транспортных, производственных и социальных издержек.

В качестве «ресурса» пространство является:

- источником ресурсов земли и промышленного сырья (чем больше пространство, тем выше природно-ресурсное разнообразие, а следовательно, масштаб возможного товарного изъятия) и природно-ресурсной ренты;
- источником роста уровня разнообразия в экономике и социальных системах;

¹ Белов А.В. К вопросу о пространственном размещении факторов производства // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 9–28.

² Hill F., Gaddy C. *Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington DC: Brookings Institution Press. 2003.

³ Зелев М. Пространственное развитие: Проклятье Сибири // Ведомости. 2013. 3 сентября.

– основой для роста населения и экологически безопасных вариантов размещения производства;

– увеличения емкости рынка (при прочих равных условиях).

При сравнении больших и малых, бедных и богатых стран (табл.) можно заметить, что малые страны, интегрированные в крупные региональные экономические блоки, оказываются с точки зрения «подушевого богатства» в наилучшем положении, так как имеют возможность, с одной стороны, эксплуатировать огромные экономические пространства в рамках этих блоков, а с другой стороны, фактически переключаются на «большие» и «внеблоковые» страны затраты по содержанию пространства. И в целом страны, в максимальной степени интегрированные в крупнейшие экономические блоки, имеют возможность при минимальных пространственных издержках получать максимальную прибыль от эксплуатации интегрированного пространства. Экономике, входящие в состав ведущих экономических группировок (НАФТА, ЕС, СВА) эксплуатируют 48–50% глобального экономического пространства как прямо, так и косвенно (через 53%-ю долю в экономическом глобальном обороте) и создают почти 53% мирового дохода.

Таблица

Размеры пространства и душевой доход , тыс. долл.

Большие страны (\geq 3млн км ²)			
Богатые*		Бедные**	
Канада	50,97	Россия	12,6
США	52,34	Китай	5,72
Австралия	59,36	Бразилия	11,63
		Индия	1,58
Малые страны (100–400 тыс. км ²)			
Богатые*		Бедные**	
Норвегия	98,86	Куба	5,89
Япония	47,88	Болгария	6,84
Германия	44,26	Парагвай	3,34
Великобритания	38,67	Никарагуа	1,65
Республика Корея	22,67	Румыния	8,82

Примечание. * Более 20 тыс. долл. на душу населения. ** Менее 15 тыс. долл. на душу населения.

Источники: Report for Selected Countries and Subjects. World Economic Outlook Database, April 2014. International Monetary Fund; О странах: географический справочник. URL: http://ostranah.ru/_lists/area.php; <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info>.

В наихудшем положении оказываются страны, не имеющие возможности извлекать пространственную ренту в силу своего «изолированного» в мировом экономическом пространстве положения или вынужденные нести повышенные издержки на «содержание» своего собственного географического пространства (Россия, Бразилия) и/или непропорционально большого по отношению к размерам экономического пространства населения (Индия, Китай).

1.3. Пространственные эффекты в России

Российское экономическое пространство, сильно доминируемое в своей организации особенностями географического пространства, имеет существенные особенности, определяющие его функционирование и, в конечном счете, продуктивность. Этими особенностями являются фрагментированность, поляризованная централизация, блокирование механизмов экономической и социальной пульсации. Само наличие этих особенностей и их явная инвариантность по отношению к различного рода институциональным новациям свидетельствуют о провалах региональной экономической политики, которые связаны как с непониманием закономерностей функционирования пространства как лейбницевской системы (совокупности экономических и социальных отношений), так и с пренебрежением особенностями пространства как ньютоновской системы абсолютных квантов пространства. Именно эти провалы обусловили длительный застой в модернизации пространственной формы общественного развития.

К настоящему времени экономическая деятельность в пространстве сформировалась в форме некоторого множества полюсов концентрации различной размерности и видового разнообразия (рис. 1.3). Экономические полюса или ареалы концентрированной экономической деятельности сформировались и развиваются как в пределах зоны, благоприятной для постоянной и диверсифицированной экономической жизни, совпадающей с зоной концентрированного расселения (рис. 1.4), так и в пределах экстремальных зон.

Отображение совместного распределения в пространстве населения и экономики дает картину чрезвычайной пространственной концентрации, в пределах которой формируются отчетливые полюса, препятствующие до настоящего времени проявлению центростремительных сил в пространственном развитии, а значит и препятствующие движению всей пространственной структуры к состоянию общего равновесия. Ситуация усугубляется еще и тем,

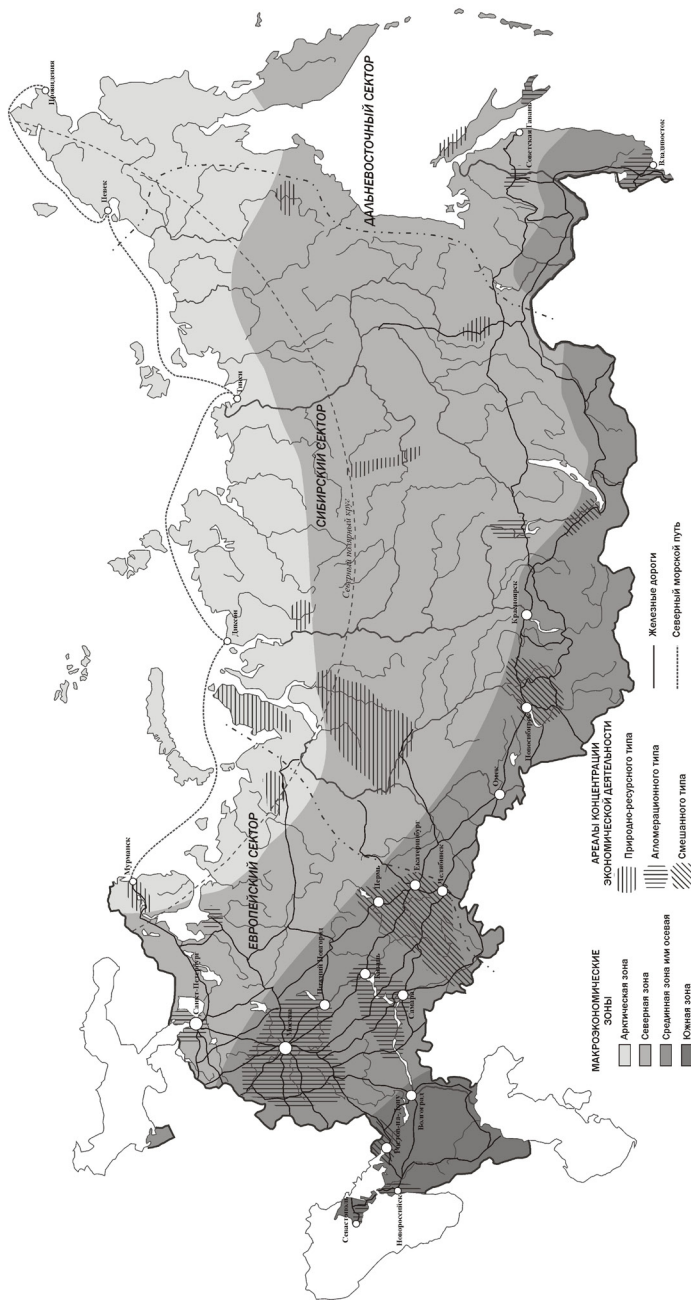

Рис. 1.3. Пространственные пояса экономической деятельности¹

¹ Карта разработана сотрудниками Института экономических исследований ДВО РАН: д-р геогр. наук Демьяненко А.Н. и Хижняком В.Д.

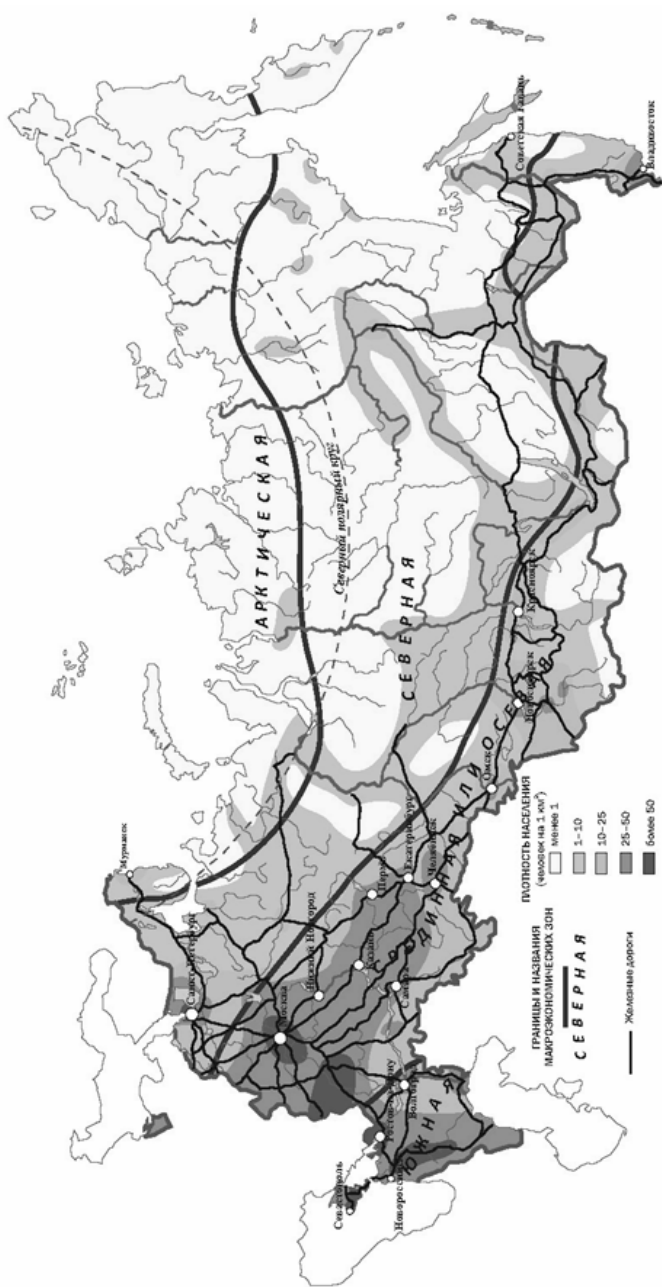

Рис. 1.4. Расселение и социальные системы¹

¹ Карта выполнена в СОПС Минэкономразвития РФ и РАН

что зона концентрации населения и, соответственно, социальных систем совпадает почти в точности с зоной наибольшего благоприятствования экономической деятельности, но степень поляризации системы расселения существенно ниже чем в случае с экономическими полюсами. Кроме того, экономические полюса распределены в пространстве очень неравномерно между зоной наибольшего благоприятствования и экстремальными зонами. Это создает основу для стабильного расширенного воспроизводства отношений неравенства.

Правда, и экономические полюса неоднородны. В пределах зоны благоприятствования они формируются и развиваются как промышленные и промышленно-аграрные агломерации кластерного типа. За ее пределами – как территориально-производственные комплексы в основном природно-ресурсного типа. Само по себе подобное разграничение является достаточным основанием для дифференциации пространственного регулирования институциональной среды экономического развития. Однако в России принцип «вертикального однообразия» действует и в сфере пространственного развития и регулирования, проявляясь в форме периодической смены подходов к пространственной организации и использованию инструментов регулирования. При этом частая смена теоретических предпочтений (формирование полюсов роста, кластеров, территорий опережающего развития и пр.) на деле оказывается всего лишь оболочкой, институциональная основа которой – восстановление комплексного социально-экономического планирования на территориях. Вместе с тем административно-территориальное планирование (которым по существу и является «комплексное территориальное планирование социально-экономического развития») и пространственное регулирование экономической и социальной активности – не одно и то же, они имеют самостоятельные ниши, но и только. Воспроизведение национального территориального планирования как комплексного планирования социально-экономического развития субъектов РФ, даже если эти планы и называются «стратегиями», способно только «заморозить» иррациональную пространственную схему экономического и социального развития и дезориентировать собственно регулирование.

Поляризация экономического пространства проявляется как прогресс гиперурбанизации – формирование городских агломераций-полюсов. Это – общемировая тенденция. За последние 20 лет 19 городских агломераций значительно увеличили свою роль, обеспечивая к настоящему времени по данным А. Трейвиша почти 40% объема промышленного производства и до 50% объ-

ема розничного товарооборота, причем постоянно увеличивается доля крупнейших агломераций, в первую очередь Московской и Петербургской¹. Учитывая размеры пространства и его высокую фрагментированность, городские агломерации играют особую роль в формировании и организации замыкающихся на них экономических ареалов, организуя и уплотняя экономическое пространство, создавая пространственные сгустки экономической деятельности, транслируя новации, ресурсы и институты в окружающее мегаполисы пространство. Однако пока городские агломерации в большей степени играют роль «черных звезд», всасывая в себя население и ресурсы, формируя в своих пределах рынки, что приводит к все более сильному искривлению пространства. Пульсации экономической деятельности – миграции факторов производства между мегаполисами и периферией под воздействием изменения предельных цен факторов – почти не происходит, потоки населения и ресурсов пока направлены от периферии к мегаполисам, а следовательно городские агломерации в весьма малой степени генерируют стимулы развития на периферии.

Тем не менее, именно периферические зоны, тяготеющие к крупным городским агломерациям, являются в условиях России реальными полюсами, обеспечивающими формирование в перспективе зон концентрированной экономической деятельности, в пределах которых может происходить интенсивный обмен деятельностью и ресурсами. Взаимодействие этих агломерационных зон в свою очередь может служить общим каркасом единого экономического пространства в России вообще, которое, конечно, никогда не будет пространством однородным.

Это также определяется принципиально разным масштабом пространства в России и, например, в Европе. Для формирования агломерационных пространственных зон принципиальное значение имеет возможность «сжатия» пространства за счет формирования, например скоростных транспортных коридоров. Но если во Франции изохроны 1–4 часовых поездок могут охватывать практически всю страну (*рис. 1.5*), то в России лишь сравнительно небольшие регионы (*рис. 1.6*). Поэтому надежды на «сжатие» пространства за счет очередных мегапроектов по строительству магистральных скоростных железных дорог выглядят довольно утопично с точки зрения реальной характеристики российского пространства.

¹ Город, район, страна и мир. Россия глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009.

Реальной возможностью является создание скоростных транспортных коридоров в пределах потенциальных агломерационных зон в поясе концентрированного расселения и экономической деятельности, имея в виду два существенных ограничения. Во-первых, создание такой транспортной инфраструктуры само по себе не гарантирует «сжатия» пространства и тем более формирования реальной агломерационной зоны на базе мегаполисов. Для этого необходимы серьезные институциональные преобразования вплоть до перехода к горизонтальным схемам регулирования в ущерб вертикальному управлению. Во-вторых, эта инфраструктура не гарантирует преодоления фрагментарности пространства, точно так же как строительство магистральных «всероссийских» по масштабу скоростных дорог может обеспечить уплотнение зоны агломерационного развития только в случае увеличения количества крупных городских агломераций.

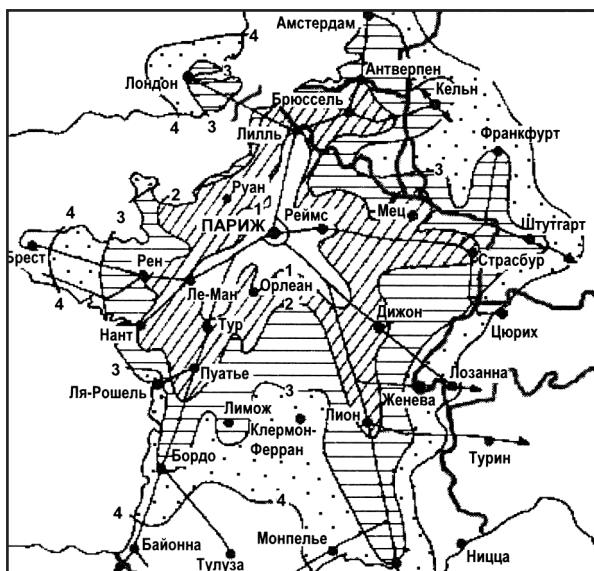

Рис. 1.5. Поездки общественным транспортом от Парижа (4-х часовые изохроны)

Источник: Трейвиш А.И. Доклад на конференции по результатам исследований в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», декабрь 2012 г., Звенигород.

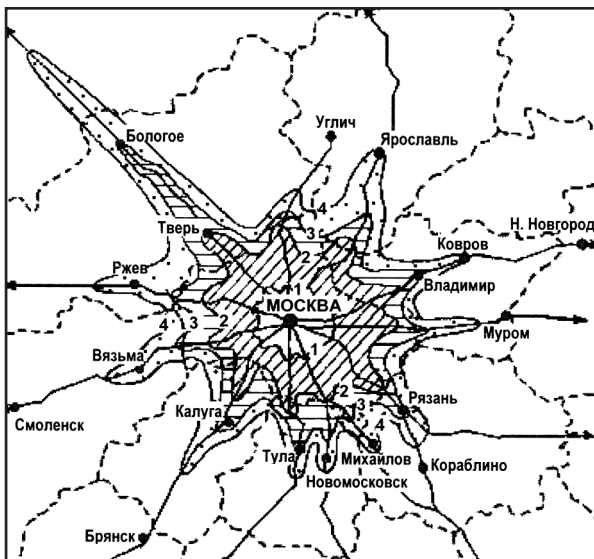

Рис. 1.6. Поездки общественным транспортом от Москвы (4-х часовые изохроны)

Источник: Трейвиш А.И. Доклад на конференции по результатам исследований в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», декабрь 2012 г., Звенигород.

Очевидно, что при данной численности населения существенного увеличения числа потенциальных и реальных полюсов экономической агломерации ожидать не приходится, во всяком случае, такое увеличение было бы равнозначно получению противоположного эффекта – еще большей поляризации фрагментов пространства, тяготеющего к городским агломерациям, то есть блокирования эффекта генерации экономической динамики и инноваций на окружающую сформированные агломерации периферию.

1.4. Технологии как фактор экономической динамики

Динамика экономических систем, то есть изменения их параметров во времени, находится в фокусе экономических измерений, что связано с непрерывным увеличением степени разнообразия социальных и политических следствий изменения значений приростов синтетических результатов функционирования экономиче-

ских систем – валового выпуска и валового дохода. В самом общем виде динамика (движение) понимается как изменение во времени, в пространстве или же как пространственно-временные изменения. До 1970-х гг. XX в. преимущественным, и пожалуй единственным, ракурсом при анализе экономической динамики являлось исследование качественных и количественных преобразований экономических систем во времени. Такой подход был объективно обусловлен тем, что экономические системы, хотя и были привязаны к определенному географическому пространству, но любые их изменения практически полностью доминировались поведением экономических агентов в пределах отраслевых рынков.

В течение последних 30–40 лет все более важным стал пространственный аспект динамического анализа в экономике. Это отражает объективный процесс интенсификации взаимодействия пространственно локализованных экономических подсистем национальных и глобальных систем. Именно эти взаимодействия все в большей степени начали влиять на модификацию обобщенных экономических параметров и социальных результатов. Таким образом, все большее значение приобретает анализ пространственно-временных параметров экономической динамики.

Синтез временного и пространственного измерения динамик в процессе исследования динамических характеристик локализованных в определенных географических границах экономической системы. Такими системами могут быть как органические или гетерогенные экономические районы, так и традиционные административно-территориальные районы, которые в течение определенного времени также модифицируются в органические или гетерогенные регионы. Традиционным для советской и российской региональной традиции, восходящей к плану ГОЭЛРО, является объединение административно-территориальных регионов в «крупные экономические районы» (в советской планово-управленческой терминологии) или в «федеральные округа» (в терминологии новейшей российской бюрократии). Следовательно, пространственно-временные изменения в экономических системах трактуются как динамика в рамках тех или иных региональных подсистем. При этом динамика трактуется как экономическое развитие, которое представляет собой экономический рост в основе которого лежат качественные преобразования основных его факторов¹.

¹ О различии понятий «экономический рост» и «экономическое развитие» см. в: Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Хабаровск: ДВО РАН. 2010.

И основным фактором, преобразование которого определяет экономическое развитие, основанное на экономическом росте, является научно-технический прогресс, формирующий как количественные и качественные изменения самих факторов производства, так и изменение пропорций их взаимодействия. Технический прогресс и вызываемые им в ходе накопления капитала сдвиги в условиях его функционирования уже в рамках классической школы экономической теории (А. Смит, К. Маркс, Дж. Милль, в меньшей степени Д. Рикардо) рассматривались как фундаментальные факторы, обеспечивающие долгосрочные положительные изменения в экономике, долгосрочный экономический рост, равнозначный экономическому развитию. Именно технический прогресс обеспечивает то, что хотя в момент времени « t » каждый элемент множества экономических параметров, совокупность которых достаточно полно описывает экономическую систему, по объему (стоимости) может быть больше, равен или меньше своего значения в момент « $t-1$ », но интегральная оценка, как объема, так и эффективности функционирования системы оказывается выше.

Структурная неоднородность технических и технологических нововведений, накапливаемых на уровне фирм и аккумулируемых в форме деформаций равновесия отдельных отраслевых рынков, приводит к циклическим колебаниям общественного производства, которые являются всеобщей формой экономической динамики в современных условиях. Теория накопления К. Маркса объясняла среднесрочные колебания экономической конъюнктуры (7–10 лет). Но в начале XX в. голландский экономист ван Гельдерн предсказал возможность существования длинных волн экономической динамики, а в 1924 г. С. Де Вольф статистически подтвердил их существование. В 1922 г. Н.Д. Кондратьев также высказал идею о существовании больших волн конъюнктуры и на основе анализа динамики ряда макроэкономических показателей (цен, доходов, товарных выпусков, объемов потребления, сбережений, внешней торговли) статистически выявил наличие циклов колебания конъюнктуры с периодом 48–55 лет.

Как известно, теория циклического развития К. Маркса в основе своей имеет предположение о скачкообразном накоплении капитала и наличии ступенчатого механизма изменения норм рентабельности применяемого капитала. Эта гипотеза имеет важный изъян – предположение о том, что массивная смена технического строения капитала происходит с частотой 8–10 лет, что не соответствует фактам, особенно в XX–XXI вв., поэтому для объяснения краткосрочных и среднесрочных циклов были предложены

различные и лучше соответствующие эмпирическим наблюдениям теоретические конструкции, которые имеют в основе те же предположения¹.

Длинный цикл по Н.Д. Кондратьеву также имеет причиной своеобразие механизма накопления капитала, предназначенного для создания «новых производительных сил». Каждая волна большого цикла имеет в своей основе определенный технологический базис. Фактически, каждый повышательный период означает развитие на новой технологической основе. Финансовым источником перевооружения при этом является формирование фондов дешевого и доступного капитала, который образуется за счет сокращения доли инвестиций в производства, функционирующие на устаревающей технологической основе².

Еще одну версию механизма формирования длинных волн в экономике предложил Й. Шумпетер, для которого главной движущей силой экономического развития являются инновации – новые (нестандартные) комбинации факторов производства, а не инвестиции. Здесь сами технические и технологические нововведения (инновации) являются внешним для экономики фактором, а весь продукт в соответствии с неоклассической концепцией распределяется между основными производственными факторами – трудом и капиталом. Предприниматель в теории Й. Шумпетера не является изобретателем (хотя такое совпадение и возможно), а является индивидом, принимающим решение о целесообразности внедрения новшеств. Но как только эти новшества имплантируются в процесс воспроизводства и приобретают характер «лавины», то есть в экономике в массовом порядке начинает производиться «нечто иное или иначе»³, состояние равновесия нарушается, начинают происходить изменения (в том числе, возможно, рост). При этом различные по техническому уровню комбинации факторов производства сосуществуют, конкурируя за ограниченные ресурсы. Рациональный выбор заключается в постепенном переходе к более продвинутым в технологическом и техническом отношении комбинациям, так как это позволяет сократить издержки и увеличить прибыль. Экономическое развитие и рост происходят не столько благодаря увеличе-

¹ Минакир П.А. К вопросу об экономической динамике // Журнал экономической теории. 2010. № 4. С. 129–139.

² Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. С. 400.

³ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 132.

нию запасов факторов производства, сколько увеличению степени разнообразия способов их применения.

Конечно, в каждый данный момент времени сосуществуют производства, основанные на различных технологиях. При прочих равных условиях вероятность перехода на более высокие технологические уровни выше для тех экономик (предприятий, отраслей), где выше доля высокотехнологичных секторов (предприятий), то есть чем качественнее ресурсы, тем больше вероятность формирования на их основе передовых технологических звеньев экономики¹.

Совокупность наиболее высокотехнологичных в каждый данный период времени секторов экономики (производств, типов продукции), определяющих технологический уровень остальных секторов и производств, генерирующих основную часть технологических инноваций и использующих, соответственно, наиболее качественные ресурсы (факторы производства), образует передовую макрогенерацию воспроизводственного процесса в тот или иной период экономической динамики. Именно подобные макрогенерации создают так называемый «технологический уклад»², о котором не имеет смысла говорить в контексте национальных или, тем более, региональных экономик. Лидирующая макрогенерация или технологический уклад – характеристика глобального воспроизводственного процесса. Именно в этом смысле смена технологических укладов, как господствующего типа применяемых и формирующих экономические параметры глобального воспроизводственного процесса технологий, является катализатором длинных волн экономической динамики.

Смена технологических укладов не означает полного вытеснения одного уклада другим. Экономический кругооборот, как правило, базируется на одновременном сосуществовании и взаимодействии различных технологических укладов. При этом наиболее передовой технологический уклад может реально доминировать лишь в ограниченном количестве национальных экономик (технологических лидерах). Именно поэтому, как отмечалось выше, не только национальные экономические системы, но и глобальная экономика всегда являются разноуровневой с точки зрения используемых технологий и качества применяемых ресурсов. Страны-лидеры получают своеобразную технологическую ренту, как разницу между стоимостью произведенного при данном уровне цены в

¹ См. об этом также в: К. Маркс. Капитал. Т. 1. Гл. 25.

² Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М.: Наука, 1990. С. 22.

передовых технологических секторах определенного продукта при среднем уровне удельных издержек в экономике данной страны и величиной этих издержек в случае, если бы технологический уровень в данной стране соответствовал бы среднему уровню издержек в странах, которые являются технологическими аутсайдерами или средними в технологическом смысле странами.

Поддержание технологического лидерства обеспечивается непрерывным процессом разработки и освоения новых технологий, что предполагает наличие определенного уровня и качества ресурсов, аккумулируемых за счет технологической ренты. Поэтому большинство новых технологий разрабатывается и осваивается в индустриально развитых странах, уже являющихся технологическими лидерами. Вместе с тем этим странам присуща своеобразная технологическая инертность¹, формирующаяся именно в результате того, что поддержание лидерства в формировании технологических укладов и поддержание их в течение длительного времени связано с большими затратами, так как переход к новому технологическому укладу сопровождается масштабными изменениями в социальной и институциональной системах, требует масштабных инфраструктурных изменений, а в конечном счете крупных инвестиций. Эти инвестиции (в формирование нового технологического уклада) обесценивают инвестиции уже вложенные в технологии эксплуатируемого уклада. Поэтому жизненный цикл каждого технологического уклада определяется не только и не столько наличием достаточного количества новых технологий, революционных по отношению к уже используемым технологиям, но и временем, в течение которого улучшение существующих технологий выгоднее экономически, чем продвижение вновь появившихся.

Основным механизмом, обеспечивающим технологический прогресс, является стремление догоняющих экономик (отраслей, производств) к переделу в свою пользу технологической ренты. Овладение новой технологией предполагает либо ее разработку, либо импортирование из стран (секторов)- лидеров.

При прочих равных условиях преодоление входных барьеров на пути в «клуб технологических лидеров» тем легче, чем больше у данной экономики потенциал собственных научно-технических и технологических разработок. Этот потенциал определяет не только возможность генерации новых лидирующих технологических ниш и продуктов, но также и способность адаптации заимствуемых тех-

¹ Дементьев В.Е. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри / Препринт. WP/2009/252. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.

нологий и секторов экономики у лидеров, то есть у стран (секторов, производств), которые характеризуются способностью самостоятельно генерировать и применять в воспроизводственном процессе принципиально новые технологии.

Завершение новой длинной волны экономической динамики в глобальной экономике предположительно датируется 2045–2055 гг., когда начнется очередная фаза роста глобальной экономике на основе новых технологических платформ. В то же время в стратегиях развития российской экономики (и экономик ее регионов) заложено по существу сохранение фрагментов старой макрорегенерации, то есть сохранение смешанного характера экономики, имея в виду экономико-технологическую структуру общественного производства. Это означает, что, если российская экономика в целом, в том числе экономика критических с точки зрения места национальной экономики в глобальной экономической системе регионов, действительно стремится к модернизации, то есть целью ее развития является синхронизация с глобальным экономико-технологическим трендом, то следует, во-первых, уже сейчас осуществить переналадку стратегий развития (если они в действительности являются информационной основой регулирования экономики), включив в них в явном виде механизмы и цели технологического развития, а во-вторых, осуществить глубокое прогнозирование экономического развития. Глубина этого прогнозирования определяется как раз временем перехода глобальной экономической системы на новую волну динамики, то есть прогноз должен осуществляться на период как минимум до 2050 г.

Но только увеличение горизонта прогнозирования недостаточно. Необходимо, чтобы прогноз экономического развития был синхронизирован с прогнозом технологическим, давая ответ на вопрос о том, какие рыночные ниши в глобальном смысле могут быть сконструированы российской экономикой. В этом смысле научно-технологический прогноз должен представлять собой оценку множества возможностей структурного и ассортиментного характера, а экономический прогноз должен дать возможность оценить конкурентоспособные комбинации на этом множестве, а также предложить институциональную систему, обеспечивающую достижение этих комбинаций.

2

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

2.1. Формирование социально-экономической системы

Создающееся и укрепляющееся в последнее время впечатление не только широких слоев публики, но и экспертного сообщества, которое объективно воздействует на органы и системы, ответственные за принятие общенациональных экономических и политических решений, относительно того, что «настоящая» история экономического и социального развития Дальнего Востока началась только сейчас, благодаря восстановлению на политическом уровне государственного патронажа над регионом, а прошлое было хаотичным нагромождением заблуждений, неудач, провалов, с последствиями которых и призваны бороться меры и инструменты новой экономической политики, направленной на реализацию провозглашенного в 2013 г. «национального приоритета на весь XXI век»¹, не соответствует действительности и способно дезориентировать практическую региональную и интеграционную политику.

Экономическая и политическая история Дальнего Востока² началась в середине XVII в., когда Россия вышла к Охотскому морю. Создание в 1647 г. Охотского острога завершило 60-летнюю историю движения через всю Северную Азию³. Но только после включения Северного Приамурья (1858 г.) и Уссурийского края (1859 г.) в состав Российской империи началась системная деятельность по экономическому освоению региона и геополитической капитализации тихоокеанского статуса России.

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 12.12.2013 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/.

² В научно-экспертном сообществе среди как географов, так и экономистов-пространственников, на этот счет существуют иные воззрения.

³ Stephan John J. The Russian Far East. A History. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 21.

С момента присоединения южной части Дальнего Востока к России экономическая колонизация самого региона и формирование восточного вектора военно-геополитических намерений страны являлись двумя сторонами одной медали: на первый план выходила то одна, то другая.

И современный «разворот на Восток» на деле отражает обострение потребности в усилении восточного геополитического и геоэкономического вектора в условиях, когда исчерпан потенциал экстенсивного наращивания экспортных доходов на европейских рынках, а новых возможностей для извлечения внешнеторговой ренты так и не появилось.

При этом усиленно культивируемое в обиденном сознании представление, что Дальний Восток – полупустынная или пустынная территория (в экономическом смысле), совершенно не соответствует действительности. За 150 лет в регионе созданы развитые экономический и социальный комплексы. Да, в 1990-е гг. регион потерял значительную часть экономического потенциала и населения. Но это произошло и в других регионах страны. Да, состояние его инфраструктуры, которая, как и экономика, была ориентирована на решение военно-политических задач, требует значительной модернизации и развития, чтобы соответствовать новым запросам, продиктованным геоэкономической политикой. Именно такая инфраструктурная модернизация происходила в регионе последние 10 лет. Но достаточна ли она для запуска генерации социального и экономического развития на данной территории? Может ли поддерживаться экономическое и социальное развитие на Дальнем Востоке без «чрезвычайных» институциональных и финансовых режимов?

За 160-летний период колонизации и развития социальной и экономической среды на Дальнем Востоке вполне обозначилась своеобразная цикличность подходов и инструментов регионального развития как в области соотношения «центр – периферия», так и в сфере «геополитика – геоэкономика». Чередовались периоды как централизованного контроля и обеспечения ресурсами, так и относительной автономизации в определении целей и задач развития, а также формирования экономических ресурсов¹.

Фактически история управления развитием Дальнего Востока распадается на два больших периода.

Первые почти 60 лет – последовательная, управляемая и фи-

¹ Минакир П.А., Прокапало О. М. Региональная экономическая динамика. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 211–246.

нансируемая государством политика наращивания военного, экономического присутствия на тихоокеанском побережье и заселения региона с целью обеспечения геополитического доминирования России на Тихом океане. Вновь присоединенные земли были в экономическом и демографическом смысле пустыни. В 1861 г. были введены специальные существенные льготы для переселенцев из Сибири и Европейской России: выделение надела в 100 десятин на семью с рассрочкой выкупа на 20 лет, освобождение от податей и рекрутской повинности на 20 лет, право на покупку земли по цене 3 руб. за десятину, свободное учреждение фабрик и заводов и введение свободной торговли на всей территории генерал-губернаторства. Результат был впечатляющий – к 1880 г. на Дальний Восток переселилось более 500 тыс. чел.¹ Тогда же (по примеру освоения Австралии Англией) началось перемещение на Дальний Восток заключенных. Чтобы преодолеть географическую и транспортную оторванность от Европейской России, в 1860 г. морским портам Приморской области предоставили право свободной торговли иностранными товарами.

С 1880-х гг. Россия вступила в индустриальную гонку, и отечественный капитал требовал новых рынков сбыта. Возникла необходимость создания мощной военно-экономической базы на Дальнем Востоке для защиты российских интересов. И с 1881 г. были введены новые льготы по переселению на Дальний Восток, в частности обязательство государства в течение пяти лет частично возмещать расходы переселенцев из казны. С 1891 г. началось строительство Уссурийской железной дороги, что увеличило внутренний потребительский и производственный спрос. К 1896 г. численность населения Приамурского генерал-губернаторства превысила 1 млн чел.² Новый импульс дало переселение в регион крестьян из Европейской России как отклик на столыпинские реформы. Вплоть до Первой мировой войны регион быстро и успешно развивался.

После окончания Гражданской войны и вплоть до 1930 г. центр не мог чем-либо помочь региону, который функционировал в режиме относительной автономизации. Все ресурсы концентрировались в наиболее эффективных на то время отраслях (лесная, рыбная, золотодобывающая, угольная)³. По-прежнему основным рынком для

¹ Крушанов А.И., Кулакова И. Ф., Морозов Б. Н., Сем Ю. А. История Дальнего Востока СССР. Кн. 5. Владивосток, 1977.

² Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2006. С. 137.

³ На новом пути: жизнь и хозяйство Дальневосточной области в 1923–1924 гг. Владивосток, 1925. С. 12.

них являлась Северо-Восточная Азия, и доходы от внешней торговли играли заметную роль в формировании фондов накопления и потребления в регионе. Попытки привлечения иностранного капитала через концессии в проекты по восстановлению экономики региона не удались: их предметом были те же эффективные отрасли, на которые ориентировались и местные ресурсы. Возникла неявная конкуренция, к которой добавились идеологические опасения центра, что привело к быстрому сворачиванию концессий.

Решающую роль сыграла, конечно, бюджетно-финансовая автономия в этот период¹, хотя дефицитность бюджета региона составляла около 30% и финансировалась из центра. К 1928 г. накопленный капитал в экономике Дальнего Востока превысил 1 млрд руб. (более 60% приходилось на промышленность и транспорт). При этом шестая часть всех ресурсов накопления обеспечивалась активным внешнеторговым сальдо. Уже к 1928 г. это позволило практически восстановить предвоенный уровень экономики (табл. 2.1), которая все еще оставалась при этом аграрной (70% валового продукта региона).

Таблица 2.1

Экономические индикаторы Дальнего Востока

Показатели	1913	1928
Валовая продукция промышленности, млн руб., цены 1926–1927 гг.	64	61
Добыча, тыс. т		
Уголь	345	1116
Нефть	–	26
Производство цемента, тыс. т	–	18
Улов рыбы, тыс.ц	1369	1180
Вывозка древесины, тыс.куб.м	2900	3450
Грузооборот транспорта, тыс.т	5204	7703

Источник: Архивные материалы Далькрайплана. Д. № 51. Л. 2. Хабаровск, 1938.

С конца 1920-х гг. начались отход от НЭПа и создание интегрированного национального комплекса. В этот новый политический зигзаг автономное функционирование Дальнего Востока, конечно, не укладывалось. Кроме того, значительно увеличившиеся масшта-

¹ Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2006. С. 146.

бы собственно дальневосточной экономики требовали существенно больших затрат ресурсов, что обуславливало более тесную увязку целей и ресурсов регионального развития с общесоюзными.

По инерции в проектировках первого пятилетнего плана для региона ставилась задача всемерного усиления его производственной специализации, что должно было обеспечить увеличение «вывоза в СССР своей продукции за покрытием нормальных потребностей»¹. Однако, во-первых, ход первой пятилетки показал, что ожидания по росту и перестройке экономики региона в рамках прежней схемы ресурсного обеспечения сильно завышены (в 1928–1932 гг. инвестиции составили более 1 млрд руб., что соответствовало всему накопленному к 1928 г. региональному капиталу, но рост промышленного производства вместо запланированных 400% достиг «только» 200%). Во-вторых, резко ухудшилась обстановка на дальневосточных границах в связи с военными приготовлениями Японии и участившимися пограничными конфликтами.

В результате уже в 1930 г. были приняты постановления ВЦИК и Политбюро ЦК ВКП (б) об экономическом развитии Дальнего Востока. Впервые была поставлена задача обеспечить более высокие темпы развития промышленности ради создания «собственной прочной материальной базы»², автономного в основных производственных и инфраструктурных элементах экономического комплекса, способного обеспечить армию и флот в тылу при масштабном военном конфликте.

С 1932 г. началось массированное перераспределение общесоюзных ресурсов в пользу Дальнего Востока, в экономику которого было инвестировано более 7 млрд руб. (в 6,8 раза больше, чем в предыдущем пятилетии). Основными объектами инвестирования стали не экспортные ресурсные отрасли, а совершенно новые (судостроение, химия, авторемонт, энергетика, нефтепереработка, топливная промышленность, цветная металлургия). Особенно быстро наращивалась транспортная инфраструктура (рост инвестиций за 1928–1932 гг. – 4700%³). В результате объем промышленного производства увеличился в 3,35 раза, а в тяжелой промышленности – в 4,3 раза. Дальний Восток превратился из аграрного в супериндустри-

¹ Материалы к перспективному плану народного хозяйства и культуры Дальневосточного края на пятилетие 1927/28–1931/32 гг. Хабаровск, 1927. С. 9.

² XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1932. С. 170.

³ Архивные материалы Далькрайплана. Д. № 51. Л. 2. Хабаровск, 1938.

стриальный регион с долей промышленности в валовом продукте более 80%¹. Для обеспечения рабочей силой осуществлялась целенаправленная политика переселения, главной составляющей которой было насильственное перемещение заключенных. По косвенным данным Ллойда, только по морю на Дальний Восток было перевезено более 1 млн чел.², столько же, сколько составляло население региона к началу XX в.

В 1938–1942 гг. предполагалось продолжить ускоренное развитие промышленного комплекса Дальнего Востока, с выделением более 19 млрд руб. капиталовложений (в 2,7 раза больше, чем во второй пятилетке). Свыше 10 млрд руб. было вложено в регион уже до начала войны. Доля региона в общесоюзных капиталовложениях увеличилась до 7,5%. Начало войны не затормозило развитие экономики. Доля в капиталовложениях даже увеличилась до 7,8%. Значительно возросла добыча золота, вольфрама, молибдена, нефти. Появилась черная металлургия. Численность населения превысила 4 млн чел.

После окончания войны ситуация в экономике Дальнего Востока стала схожей с 1920-ми гг. Ресурсы пришлось переориентировать на восстановление европейских регионов, а военная напряженность, требовавшая создания и наращивания военно-промышленного потенциала, казалось, тоже отпала после победы над Японией и создания КНР. Доля региона в централизованных капиталовложениях снизилась вдвое, хотя абсолютные их объемы оставались большими (нужно было содержать почти 500-тысячную военную группировку и промышленно-военный комплекс). Но в отличие от 1920-х гг., когда ресурсы на 70% формировались внутри региона и за счет доходов от внешней торговли, после войны сокращение возможностей получения централизованных ресурсов не компенсировалось внешнеторговыми доходами, хотя к 1958 г. объем внешнеторгового оборота Дальнего Востока увеличился по сравнению с 1938 г. в 15,5 раза³. Регион потерял особый институциональный статус, а с ним не только приоритет в выделении централизованных ресурсов накопления, но и возможность использовать внешне-

¹ Тарасова Ю.А. Некоторые итоги социалистической индустриализации Дальнего Востока за годы довоенных пятилеток // Вопросы экономики Дальнего Востока, Т. 1. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1958. С. 87.

² Данные о перевозках на судах арктического плавания в СССР. 1934–1938 гг. Материалы страховой компании Ллойд.

³ Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2006. С. 171.

торговые доходы в качестве такого ресурса. Без этих существенных факторов, которые компенсировали в 1920-х гг. «анклавность» региональной экономики, ситуация существенно ухудшилась.

Именно в этот период зародилось представление о нарастающих проблемах в экономике Дальнего Востока из-за нехватки ресурсов для «комплексного развития». С 1920-х гг. централизованное планирование основывалось на канонической концепции районирования, в соответствии с которой экономические районы трактовались как хозяйственные комбинаты, в которых «все отдельные элементы приведены во взаимную связь взаимной обусловленностью самих производственных процессов»¹. Этот подход подразумевал, что экономический район (районный комбинат) должен представлять собой совокупность пропорционально развивающихся на территории отраслей хозяйства (хотя против этого и возражал Н.Н. Колосовский²).

Конечно, нехватка в 1950-х гг. ресурсов для поддержания подобной пропорциональности и формирование экономического барьера на западной границе региона из-за растущей конкуренции со стороны Сибири, а также ограниченность возможностей для использования внешнего рынка породили ряд диспропорций. Приходилось концентрировать ресурсы в отраслях специализации, ограничивая развитие комплексизирующих производств и инфраструктуры. Впрочем, даже при наличии ресурсов узость внутреннего рынка исключала формирование «пропорционального комплекса», ориентированного на внутрирегиональное потребление, а из-за повышенных затрат такой комплекс не мог ориентироваться на общесоюзный рынок. Выход заключался в восстановлении элементов модели регионального развития 1920-х гг., когда внешний спрос определял масштабы и структуру экономики Дальнего Востока³. Такой выход как новую концепцию развития региона предложил В.С. Немчинов⁴.

С практической точки зрения речь шла не столько о торговых эффектах, сколько о привлечении инвестиций из-за границы. Соб-

¹ Телепко Л.Н. Крупные экономические районы СССР. М.: Изд-во экономической литературы, 1963. С. 130.

² Колосовский Н.Н. Вопросы экономического районирования // Экономическое районирование СССР. М.: ГИГЛ, 1959 (Вопросы географии. Вып. 47). С. 8.

³ Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2006. С. 170.

⁴ Немчинов В.С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил // Вопросы экономики. 1961. № 6. С. 3–15.

ственно торговые эффекты были частично восстановлены в форме прибрежной торговли, которая, правда, имела значение преимущественно для местной промышленности.

Концепция экспортной специализации оказалась востребованной в условиях реформирования советской экономики, в основе которого лежали принципы рыночной эффективности использования экономических, в том числе и пространственных ресурсов. Очень быстро эта концепция конвертировалась в политические решения, открыв путь для привлечения иностранных инвестиций на Дальний Восток в форме компенсационных соглашений, стимулировавших развитие лесопромышленного, рыбного, угольного, газодобывающего комплексов в регионе и несколько улучшивших сбалансированность потребительского рынка. По существу, как и в 1920-е гг., для Дальнего Востока была создана ситуация «особого» экономического района.

К середине 1960-х гг. из-за обострения геополитической обстановки на Дальнем Востоке в связи с угрозой военного конфликта с Китаем была восстановлена приоритетность в распределении централизованных капиталовложений, которые направлялись, в соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета министров СССР от 1967 г. и 1972 г., в развитие тяжелой промышленности, создание оборонных предприятий и в инфраструктуру региона. Развитие промышленного комплекса и строительство новых предприятий требовали значительного роста численности занятых, что вызвало новую волну переселения на Дальний Восток. Наряду с усилением военной группировки это существенно увеличило численность населения региона. Апогеем централизованного ресурсного «накачивания» стала программа строительства Байкало-Амурской магистрали – типичного военно-инфраструктурного проекта, который идеологически обосновывался как программа экономического освоения новых территорий.

Среднегодовые темпы роста в промышленности региона за счет усиленного инвестирования в тяжелую и оборонную отрасли стали ненадолго опережать среднесоюзные (108,8% против 108,5%). Для отраслей специализации, которые более чем наполовину формировали общепромышленный темп роста, ресурсов не хватало, как и на вспомогательные и обслуживающие производства, капиталоемкость которых увеличилась по сравнению с довоенным периодом почти вдвое¹.

¹ Минакир П.А. Экономическое развитие региона: программный подход. М.: Наука, 1983. С. 66–67.

Однако в 1980-х гг. ситуация существенно изменилась. Нехватка ресурсов развития, о которой упорно и со вкусом рассуждали эксперты и специалисты Госпланов СССР и РСФСР, на деле касалась централизованных ресурсов. Но введенный с середины 1960-х гг. режим содействия интеграционному взаимодействию экономики региона с сопредельными странами, в первую очередь с Японией и Китаем, где с конца 1970-х гг. началась экономическая реформа, стал приносить результаты. Значительно увеличились темпы роста в отраслях специализации, вспомогательном и обслуживающем комплексах (табл. 2.2). Тем не менее, в эти годы критика в адрес подходов и результатов развития экономики Дальнего Востока была наиболее интенсивной за весь послевоенный советский период, хотя тезис о разбалансированности экономики региона как основной причине неудовлетворительного ее развития был аргументирован явно недостаточно.

Таблица 2.2

Темпы роста в отраслях промышленности Дальнего Востока, %

Период	Отрасли специализации	Комплексирующие отрасли
1976–1980	106,6	132,4
1981–1985	117,8	123,1
1986–1990	113,5	134,4

Источник: Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. С. 177.

К концу 1980-х гг. экономика Дальнего Востока представляла собой довольно диверсифицированный комплекс, в составе которого отчетливо выделялись отрасли промышленной специализации, а кооперационные связи были ориентированы практически полностью на внутрисоюзный рынок. Доля экспорта в промышленности региона составляла только 3,8%, несмотря на значительные объемы вывоза сырья, который поддерживались в том числе компенсационными соглашениями. Предприятия Дальнего Востока экспортировали около 40% общесоюзных поставок за рубеж круглого леса, 7% целлюлозы, 25% рыбопродукции. Лесозаготовительная, угольная, горнодобывающая промышленность импортировали значительную часть технологического оборудования, комплектующих и сырья. Но внешние рынки не были для экономики региона серьезной альтернативой внутреннему рынку. В то же время перспективы использования внутреннего рынка в качестве драйвера регионального развития в условиях уже явно просматривающегося перехода

к рыночным принципам распределения ресурсов и формирования кооперационных связей становились все хуже. Доля интенсивных факторов прироста промышленной продукции в регионе за 1966–1985 гг. уменьшилась с 28% до 20%¹.

Последняя попытка в советскую эпоху «спасти» хозяйственный комплекс региона была предпринята после речи М.С. Горбачева во Владивостоке (1986 г.), провозгласившего «поворот на Восток», курс на интеграцию с тихоокеанскими экономиками. Главной целью декларировалось превращение Дальнего Востока в экономический и торгово-финансовый плацдарм СССР на Тихом океане, для чего предполагалось увеличить экономический и демографический потенциал региона.

Сделать это только за счет централизованных ресурсов было уже невозможно. Поэтому принятая в 1987 г. Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. предлагала ряд стимулов (создание совместных предприятий, налоговые льготы для иностранных инвесторов, выделение части таможенных доходов в пользу дальневосточных регионов). Это была последняя попытка сохранить экономический комплекс региона, используя его для решения геополитической задачи государства, и первая попытка создать модель международной кооперации на основе смешанной экономики в масштабе отдельно взятого региона, который является экономическим и институциональным анклавом.

Судить о результатах этого эксперимента невозможно, так как вместо 15 лет он продолжался только неполных пять. Этого достаточно для получения отдачи от инвестиций, но мало для того, чтобы увидеть институциональные эффекты. Ресурсов же для обеспечения существенных эффектов роста было явно недостаточно (расчетная капиталоемкость 1% прироста промышленной продукции уступала даже периоду 1976–1980 гг. – 530 млн руб. и 580 млн руб., соответственно²). В результате значительного изменения тенденций регионального развития к 1990 г. не произошло, и намечившийся спад продолжался. К 1990 г. по сравнению с 1985 г. снизилась добыча угля, ввод электромощностей составил только 30% запланированных, была сорвана добыча нефти и газа

¹ Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2006. С. 180.

² Минакир П.А. Концепция долговременного развития Дальнего Востока. Препринт научного доклада. Владивосток, 1990. С. 7.

на морском шельфе, из 117 новых объектов в строительном комплексе удалось ввести только 40, на 7% снизился объем вывоза древесины, планы по производству целлюлозы и картона были выполнены только на 80–90%. Дефицит местных бюджетов составил почти 40%.

С 1990 г. выделение централизованных ресурсов для развития было практически парализовано. Введение договорных цен на конечную продукцию при фиксированных ценах на сырье привело к переливу доходов в европейские районы страны. Перед региональным экономическим комплексом опять замаячила перспектива автономизации. Но ситуация была хуже, чем после Гражданской войны, когда стояла задача восстановить практически полностью разрушенное хозяйство. К 1990 г. в регионе был создан мощный и диверсифицированный экономический комплекс, для функционирования которого требовались колоссальные ресурсы, однако получить их можно было только в рамках централизованного перераспределения.

С началом радикальной экономической реформы региональная экономика претерпела существенные изменения. Но разрушена ли она, как это представляется массовому экспертному сознанию и обществу? Заключается ли проблема в «спасении» или в адаптации? И является ли она исключительно дальневосточной или общесистемной, стоящей перед всей национальной экономикой?

Проблем возникло много. Среди них наиболее критичными для дальневосточной социально-экономической системы стали:

- разрушение системы гарантий государственного спроса, что особенно болезненно сказалось на тяжелой и оборонной промышленности;
- кардинальное сокращение и качественное изменение военной группировки на Дальнем Востоке;
- приостановка льготных режимов, предусмотренных программой развития до 2000 г.;
- значительное сокращение размеров финансовой поддержки со стороны государства;
- отказ государства от признания Дальнего Востока приоритетным регионом с точки зрения как распределения ресурсов, так и социального статуса населения.

Потеря рынков спровоцировала быстрое сокращение промышленного производства, индекс которого в 1995 г. составил только 46% к уровню 1990 г. Изменение пропорций цен и сокращение объемов выпуска в отдельных отраслях привели к сильной модификации промышленной структуры в регионе. Мобилизация экс-

портных возможностей, включая наличие многолетних связей с азиатскими зарубежными партнерами, а также полное использование возможностей наращивания экспорта и снабжения за счет импорта, позволили в основном удержать позиции отраслей традиционной специализации (лесной и рыбной промышленности, цветной металлургии). Их удельный вес незначительно снизился (с 54,7% до 53,4%) в результате ухода с рынка неконкурентоспособных производств (целлюлозно-бумажного, рыбообработки, некоторых видов пищевой продукции).

Наиболее тяжелый удар пришелся по машиностроению, черной металлургии, легкой промышленности, производству строительных материалов, доля которых в стоимости промышленной продукции снизилась с 30,4 до 13,6%. При этом возможности замещения ставшего недоступным из-за коммерческой неконкурентоспособности продукции общенационального рынка внутрирегиональным отсутствовали либо были минимальны¹.

Иностранные инвестиции, на которые возлагались большие надежды, не оправдали ожиданий. За 1988–1993 гг. число совместных предприятий в регионе достигло 633 единиц, увеличившись в 1,9 раза², в основном за счет производств с китайским капиталом. Они создавались в расчете на спекулятивную прибыль в связи с либерализацией внешнеторговых операций в России и легкого доступа к сырьевым ресурсам в регионе. В 1993 г. только 38% этих предприятий реально функционировали или хотя бы оплатили часть уставного капитала. Надежды на появление крупных инвестиционных проектов, подобных компенсационным соглашениям в 1960–1970-х гг., не оправдались. Сказалась негативная общеэкономическая и финансовая конъюнктура в российской экономике, в которой доходы от внешней торговли являлись практически единственным привлекательным аргументом для инвестирования. Но и этот аргумент существенно ослаблялся из-за чрезвычайно громоздкой и невыгодной для инвесторов системы конвертации валюты.

Сказались и непоследовательность либерализации, стремительное распространение национального режима хозяйствования, отмена налоговых льгот, частое изменение правил регулирования, агрессивная конкуренция (правильнее сказать – выдавливание) со стороны российских предпринимателей, нередко поддерживаемых

¹ Промышленность РСФСР в 1990 г. / Роосстат. М., 1991; Российский стат. ежегодник. 1996. М.: Логос, 1996.

² Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2006. С. 368.

местными чиновниками. Объяснялось это тем, что и отечественные, и иностранные предприниматели имели общее поле деятельности для получения доходов – внешнюю торговлю природными ресурсами. Уже в 1993 г. объем внешнеторговых операций предприятий с иностранным капиталом сократился на 38%.

Не удалась и попытка скопировать китайский опыт создания особых экономических зон. Попытки формирования таких зон в Находке, в районе Владивостока («Большой Владивосток»), в Еврейской автономной области («ЕВА»), в Магаданской области, в Ванино-Совгаванском промышленно-транспортном узле Хабаровского края не принесли успеха.

Внутренние инвестиции сокращались даже быстрее, чем объем выпуска продукции. К началу финансового кризиса объем инвестиций в основной капитал составлял не более 30% от уровня 1990 г.

Потеря внутреннего рынка и действие ряда удорожающих факторов запустили механизм эндогенной адаптации экономики региона. Во-первых, усилился комплекс добывающих отраслей, во-вторых, произошла переориентация с внутреннего на внешние рынки сбыта. Только за 1992 г. объем внешнеторгового оборота увеличился вдвое по сравнению с 1991 г. Сформировалась примитивная, но действенная модель региональной экономики: увеличение инвестиций в основной капитал – прирост экспорта и валового выпуска. В 1999–2015 гг. каждый процентный пункт прироста инвестиций в основной капитал вызывал прирост объемов экспорта в размере 3,3 п. п., но только 0,35 п. п. прироста валового регионального продукта.

Промышленный комплекс региона продолжал сжиматься вплоть до финансово-экономического кризиса 1998 г., падение было самым глубоким среди всех экономических районов РФ и составило к 1997 г. около 57% от уровня 1990 г. Одновременно происходил отток населения, который начался еще с конца 1980-х гг. и резко усилился после 1992 г.

К 1995 г. очевидными стали системные проблемы, грозившие не просто ухудшением социально-экономической ситуации, но и блокировкой имеющихся возможностей по ее улучшению (дефицит энергетических ресурсов, истощение сырьевых баз отраслей специализации, чрезмерные для многих производств транспортные тарифы, прогрессирующее снижение реальных доходов населения, усиление локализации экономического оборота в границах региона).

В апреле 1996 г. была подписана новая государственная программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока

и Забайкалья на 1996–2005 годы». В ней декларировались решение транспортной и энергетической проблем в регионе, перестройка экономической структуры, интеграция в АТР и закрепление населения на основе повышения уровня жизни. Эту программу постигла та же судьба, что и программу 1987 г. Уже в 1998 г. разразился финансово-экономический кризис, который обесценил практически все, а не только дальневосточные прогнозы и намерения. А с 2000 г. политическая и экономическая ситуация в стране начала кардинально меняться, что вызвало изменения в макроэкономической, геополитической и пространственной сферах.

В 2002 г. был принят новый вариант программы 1996 г. с пролонгацией ее до 2010 г. После этого все новые версии программы развития региона появлялись с завидным постоянством (табл. 2.3). Определенную роль они сыграли, поддерживая «градус напряженности», привлекая внимание к определенным проблемам.

Таблица 2.3

Программы развития Дальнего Востока. 2002–2015 гг.

Программа	Год принятия, основной источник средств	Цель
1	2	3
ФЦП экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года	2002 Внебюджетные средства	1. Создание экономических условий для устойчивого развития с учетом геостратегических интересов и обеспечения безопасности РФ; Формирование инфраструктуры и благоприятного инвестиционного климата для развития приоритетных отраслей экономики и стимулирования международного сотрудничества; 3. Развитие социальной сферы, достижение социальных нормативов, соответствующих специфике Дальнего Востока и Забайкалья
ФЦП экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года	2007 Бюджетные средства	Формирование инфраструктуры и создание благоприятного инвестиционного климата для развития приоритетных отраслей экономики с учетом геостратегических интересов и обеспечения безопасности РФ

1	2	3
Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.	2009	Опережающее развитие региона и закрепление населения
ФЦП «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007–2015 гг.	2007 Бюджетные средства	Создание условий для устойчивого социально-экономического развития Курильских островов с обеспечением бюджетной самодостаточности и интеграции их экономической системы в экономическими системами РФ и АТР
Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» на период 2014–2025 гг.	2013 Бюджетные средства	1. Ускоренное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона; 2. Улучшение социально-демографической ситуации на территории Дальнего Востока и Байкальского региона
ФЦП «Экономическое и социальное развитие ДВ и БР на период до 2018 г.»	2013 Бюджетные средства	Развитие транспортной и энергетической инфраструктуры для обеспечения ускоренного развития Дальнего Востока и Байкальского региона и улучшение инвестиционного климата в регионе
Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» на период 2014–2025 гг.	2014 Бюджетные средства	1. Повышение уровня социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона; 2. Обеспечение потребности в трудовых ресурсах и закрепление населения на Дальнем Востоке
ФЦП «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 гг.»	2016 Бюджетные средства	Комплексное развитие экономики, инфраструктуры и социальной сферы, обеспечивающее привлекательные условия хозяйствования и жизнедеятельности населения Курильских островов

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. М., 2016; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008 / Росстат. М., 2008.

В 2000–2008 гг. многие системные проблемы региона были устранены или смягчены. Ввод новых электрогенерирующих мощностей, сетевое строительство, завершение строительной части проекта освоения углеводородов на шельфе Сахалина привели к тому, что регион перешел из числа энергодефицитных в число энергоизбыточных. Модернизация Транссибирской магистрали и начало реконструкции и развития БАМа вместе с корректировкой тарифной политики на железнодорожном транспорте, развитие морских портов значительно улучшили состояние транспортной инфраструктуры. Существенно изменилась инвестиционная ситуация, быстро развивался экспортный сектор экономики (табл. 2.4). Несмотря на спад в 2009 г., который, кстати, благодаря эффекту внешней торговли, был слабее, чем в целом по российской экономике, весь период 2000–2015 гг. был для региона сравнительно успешным.

Таблица 2.4
Сравнительные макроэкономические индикаторы в 2015 г., %, 2000=100%

Индикатор	РФ	Дальний Восток
Валовой продукт	182,5	174,6
Инвестиции в основной капитал	295,0	397,0
Экспорт	323,6	790,2
Доходы населения	322,1	348,2

Конечно, опережающего среднероссийские темпы роста дальневосточной экономики достичь не удалось. Но не может в разы увеличиться инвестиционный мультипликатор, если подавляющая часть инвестиций вкладывается в инфраструктурные проекты. Нельзя надеяться на высокий инвестиционный мультипликатор при чрезвычайно низком уровне локализации экономических эффектов в пределах региона.

За последние 15 лет Дальний Восток превратился в нефтеэкспортующий регион, благодаря началу широкомасштабного экспорта углеводородов с Сахалинского шельфа. Концентрация почти 99% регионального экспорта на традиционных и новых продуктах сырьевой специализации (топливные и лесные товары, цветные металлы, металлические руды, рыбопродукция) свидетельствует о прогрессирующем закреплении новой, по сравнению с советским периодом развития, эффективной с точки зрения коммерческих критериев размещения, специализации. Это свидетельствует также и о том, что в регионе объективно возникает рациональное раз-

деление сфер инвестирования, своеобразное частно-государственное партнерство в освоении и развитии Дальнего Востока, когда государственные средства концентрируются в инфраструктурном сегменте, а частные – в сегменте добычи и экспорта природных ресурсов. Наиболее ярко это проявляется в том, что 89% всех накопленных в регионе к 2015 г. прямых иностранных инвестиций концентрировались в Сахалинской области.

Наиболее явной и вместе с тем сложной для решения задачей продолжает оставаться инвариантность макроэкономической динамики в терминах валового регионального продукта от инвестиций при практически нейтральной эластичности по инвестициям в инфраструктуру регионального экспорта. Прирост инвестиций в долговременной перспективе практически не сказывается на темпах роста валового продукта. Пик в инвестициях в 2010–2012 гг. был связан в том числе и с инвестициями в экспортную инфраструктуру. Но это была экспортная инфраструктура не для самого Дальнего Востока. И, по большому счету, не для экспорта с Дальнего Востока, а для экспорта из Сибири (в том числе из Западной Сибири) угля, нефти, леса. И это не очень сильно влияло на состояние экономики и финансовое состояние Дальнего Востока (рис. 2.1).

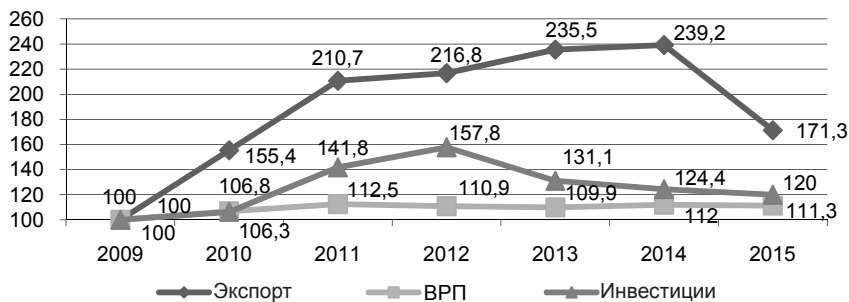

Рис. 2.1. Динамика экспорта, ВРП и инвестиций в 2009–2015 гг., %

Сравнительная динамика макроиндикаторов подтверждает важность формирования на Дальнем Востоке экономической системы, способной генерировать внутренний контур доходов как экономических агентов, так и региональных бюджетов, доходная часть которых практически не зависит или зависит в очень малой степени и исключительно косвенно от динамики регионального экспорта.

Состояние региональных бюджетов в 2008–2015 гг. характеризует принципиальную важность решения вышеопределен-

ной задачи генерирования внутривнутрирегиональных доходов. Если в 2008 г. в целом по Дальнему Востоку бюджет был профицитным (+133,2 млрд рублей), то в 2015 г. он стал дефицитным (–244,0 млрд рублей). Причина столь кардинального изменения заключается в сильной зависимости бюджетного сальдо от состояния межбюджетных трансфертов.

В 2008 г. на территории Дальнего Востока было собрано более 245 млрд рублей, из них около 212 млрд рублей осталось в регионе, кроме этого федеральный бюджет выделил Дальнему Востоку еще 292 млрд рублей, То есть располагаемый доход региональных бюджетов почти вдвое превышал аккумулированный в пределах региона доход. Источником межбюджетных трансфертов из федерального бюджета являлись дополнительные доходы федерального бюджета в форме внешнеторговой ренты, которая полностью поступала в федеральный бюджет.

В 2015 г. на территории Дальнего Востока собрали немногим более 700 млрд рублей, осталось – немногим более 470 млрд рублей, федеральный центр добавил еще около 300 млрд рублей (табл. 2.5). В итоге располагаемый доход региональных бюджетов практически совпадает с аккумулированным в пределах самого региона доходом. Это связано с тем, что нефтяная рента стала намного меньше, и у федерального центра не было больше средств.

Таблица 2.5

**Динамика доходов консолидированного бюджета
Дальнего Востока, млрд руб.**

Показатель	2008	2015
Собрано на Дальнем Востоке	245,6	703,9
Осталось на Дальнем Востоке	212,2	473,7
Получено в виде трансфертов из федерального центра	292,6	300,9
Суммарный доход бюджетов дальневосточных субъектов РФ	504,8	774,6

**2.2. Макроэкономическая динамика
Дальнего Востока в 2016 г.**

В 2016 г. субъекты РФ на Дальнем Востоке развивались на фоне прогрессирующей адаптации российского реального сектора к низким мировым ценам на углеводородное сырье при сохранении режима санкций, которые, по-видимому, будут носить долгосроч-

ный характер. Экономика России, по оценкам экспертов, вступила в фазу долгосрочной стагнации¹. В 2016 г. снижение ВВП составило 0,2% (2015 г. – 0,6%), снижение инвестиционной активности – 0,9% (2015 г. – 8,4%), падение реальных доходов населения – 5,3% (2015 г. – 4,1%), сокращение экспорта – 19,8% (2015 г. – 30,9%). К позитивным моментам следует отнести слабopоложительную динамику в промышленности – 1,3%, беспрецедентно низкую инфляцию – 5,4%.

Общая динамика основных макропоказателей Дальнего Востока сохранилась и по итогам 2016 г. положительное позиционирование по отношению к среднероссийским индикаторам подтверждает утверждение о том, что каких-либо принципиальных разрывов в области макроэкономики дальневосточных и общероссийских показателей не существует (рис. 2.2). Отставание в области динамики ВРП/ВВП и инвестиций в основной капитал объясняется действием фундаментальных особенностей структурного и институционального характера (см. раздел 2.1).

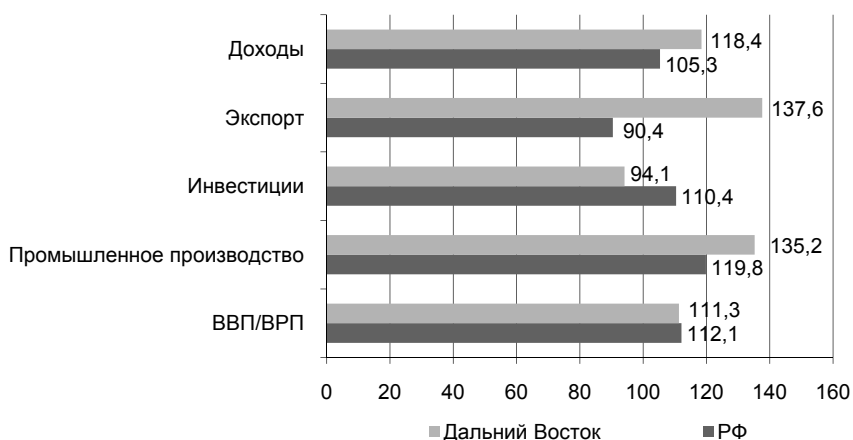

Рис. 2.2. Изменения макроэкономических показателей в 2016 г. (2009 г. = 100%), %

¹ Мау В.А. Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика России в 2016 г. // Экономический портал. 2017. 31 марта; Белоусов Д.Р. О сложившейся макроэкономической ситуации и возможной динамике экономики // IV Всероссийский бизнес-форум «Российский бизнес перед лицом глобальных вызовов: стратегии развития» / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 2016.

Особенности динамики экономики Дальнего Востока в 2016 г. определяются корректировкой основных факторов, влияющих на российскую социально-экономическую динамику, в отдельных сферах деятельности под влиянием структурных особенностей экономики (табл. 2.6).

Таблица 2.6

**Динамика основных показателей развития экономики РФ и ДФО,
% к предыдущему году**

Показатель	2014		2015		2016	
	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО
Валовой внутренний (региональный) продукт	101,3	101,9	99,4	100,7	99,8	101,5 ¹
Индекс промышленного производства ²	101,7	106,7	96,6	101,0	101,3	101,8
Инвестиции в основной капитал	98,5	93,4	91,6	96,6	99,1	97,1
Экспорт товаров	94,6	101,7	69,1	71,9	80,2	91,3
Импорт товаров	91,0	88,0	63,6	55,2	98,1	101,4
Ввод в действие жилых домов	119,4	112,5	101,4	91,0	93,5	98,0
Индекс потребительских цен	111,4	110,7	112,9	112,0	105,4	105,4
Реальные денежные доходы населения	99,5	102,8	95,9	99,0	94,7	94,2

Примечание: 1 – экспертная оценка; 2 – агрегированный индекс производства по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. М., 2016; Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / ФСГС. 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438.

Положительные темпы роста в промышленности, как и в предыдущие периоды, связаны с добычей полезных ископаемых. В 2016 г. сохранялась отрицательная динамика инвестиционной активности в дальневосточной экономике, но с незначительным замедлением темпов снижения: 2016 г. – 97,1%, (2015 г. – 96,6%). Сдерживающим фактором низкой инвестиционной активности выступает сохраняющийся высокий уровень неопределенности

потенциальных инвесторов. Для привлечения инвестиционных ресурсов в экономику Дальнего Востока на правительственном уровне принимается ряд законопроектов, направленных на нивелирование последствий экономической неуверенности¹. Но пока эти законодательные новации не привели к всплеску инвестиционной активности и существенным изменениям в объемах инвестирования.

В строительном секторе сохраняется негативная тенденция. Динамика работ по виду деятельности «Строительство» – отрицательна. Усиление негативной тенденции наблюдается в динамике вводов жилых домов. Риелторы и застройщики продолжают отмечать падение спроса на недвижимость, что привело к номинальному снижению цен на первичном рынке и падению ввода жилья на 2,0% за 2016 г. в целом (введено 2,2 млн м² общей площади, что на 45 тыс. м² меньше, чем в 2015 г.).

Во внешней торговле Дальнего Востока, как и в целом по России, в 2016 г. отмечается замедление темпов снижения: экспорт снизился на 8,7% (2015 г. – 28,1%), а импорт увеличился на 1,4% (2015 г. – падение на 44,8%) за счет конъюнктурных факторов.

Главное проявление кризисных явлений наблюдается в сфере благосостояния населения. И хотя не произошло скачка безработицы, за последние два года люди стали беднее. Реальные располагаемые денежные доходы населения по сравнению с 2015 г. снизились до 94,2% (РФ – 94,7%), сократилась реальная заработная плата до 99,7% (РФ – 100,7%). Как следствие, продолжилось снижение покупательной способности населения.

В 2016 г. сохранились тенденции замедления темпов снижения инвестиционной активности на Дальнем Востоке. Номинальный объем инвестиций в основной капитал за январь – декабрь 2016 г. составил 985,1 млрд руб. (97,1% к уровню 2015 г. против 96,6 и 93,4% к 2014 и 2013 гг. соответственно). Пока не произошло существенных изменений в объемах инвестирования в экономику, несмотря на провозглашение «новой восточной политики» и декларирования повышенного внимания к Дальнему Востоку. В период 2014–2016 гг. объем валовых инвестиций в экономику округа составил 2,6 трлн руб., или 6,3% от валовых объемов РФ против 7,7% за 2011–2013 гг. (табл. 2.7).

¹ Ключевые проекты комплексного развития ДФО (по состоянию на 6 апреля 2017 г.) / НО «Фонд развития Чукотского АО». 2017. URL: <http://www.fond87.ru/?p=627&lang=ru>.

Таблица 2.7

**Инвестиции в основной капитал по федеральным округам РФ
за период 2014–2016 гг.**

Федеральный округ	Валовой объем, млрд руб.	Доля федерального округа в общем объеме РФ, %	2016 / 2014
Центральный	11 039,4	26,0	90,4
Северо-Западный	4506,7	10,6	98,4
Южный	3671,7	8,6	68,6
Северо-Кавказский	1487,3	3,5	89,8
Приволжский	7260,9	17,1	85,4
Уральский	7613,6	17,9	104,1
Сибирский	4272,5	10,0	79,8
Дальневосточный	2681,4	6,3	93,8

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. М., 2016; Социально-экономическое положение России. 2016 г. (уточненные итоги) / ФСГС. 2016. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/utoch-osn-12-2016.pdf.

В 2016 г. темпы снижения инвестиций отмечены в Приморском и Хабаровском краях, Магаданской и Сахалинской областях, ЧАО. Наиболее заметное сокращение инвестиций было в ЧАО и Магаданской области (на 36,8 и 38,8% соответственно). На этом фоне довольно успешными в плане привлечения инвестиций выглядят Камчатский край, Республика Саха (Якутия) и Амурская область, рост в которых составил 32,8, 28,8 и 14,2% соответственно. В Камчатском крае наибольший интерес для инвестирования представляют проекты в таких видах деятельности, как транспорт и связь, добыча полезных ископаемых, управление и эксплуатация жилого фонда (жилищное строительство), рыболовство. В Якутии повышение инвестиционной активности связано с реализацией крупных проектов, и в первую очередь, со строительством газопровода «Сила Сибири». В Амурской области крупными инвестиционными проектами являются строительство Нижне-Бурейской ГЭС, объекты газоперерабатывающего комплекса, завод по глубокой переработке сои, объекты космодрома «Восточный», реконструкция участков автодорог федерального, регионального и местного значения.

По общему объему инвестиционных ресурсов по Дальнему Востоку лидерами по-прежнему являются Республика Саха (Якутия) (27,9%) и Сахалинская область (25,2%). Доля Хабаровского и Приморского краев, Амурской области – в пределах 11,7–13,0% от общего объема по региону.

В 2016 г. на снижение инвестиционной активности продолжали оказывать влияние ограниченные возможности заимствования российскими компаниями зарубежных кредитных ресурсов вследствие сохранения международных санкций, снижение потребительского спроса, вызванное падением реальных доходов населения, высокие процентные ставки по кредитам в отечественных кредитных организациях, неуверенность в эффективности условий ведения бизнеса вследствие высокой степени неопределенности и недостатками предпринимательского климата (слабая защита прав собственности, нестабильность «правил игры» и т. д.)¹.

В структуре финансирования инвестиций в основной капитал возросла роль собственных средств предприятий, которые оказались самым надежным источником финансирования. По сравнению с 2012 г. доля собственных средств в финансировании инвестиций в целом по Дальнему Востоку возросла с 29,8 до 43,5%, а по отдельным территориям (Камчатский и Хабаровский края, Сахалинская область) этот показатель был превышен.

Недостаточный объем инвестиционных ресурсов ведет к недофинансированию программ модернизации производства и, как следствие, к моральному и физическому старению основных производственных фондов, что непосредственно отражается на темпах экономического развития.

В сельском хозяйстве Дальнего Востока сохранились тенденции снижения производства, отмеченные в 2015 г. Индекс производства продукции сельского хозяйства составил 98,4% (2015 г. – 97,0%). Снижение производства отмечено на территориях, производящих более 80% сельскохозяйственной продукции округа – Республике (Саха) Якутия, Приморском и Хабаровском краях, Амурской области, а также ЕАО (*табл. 2.8*).

Сокращение производства продукции растениеводства до 98% к уровню 2015 г. связано с неблагоприятными климатическими условиями. Так, валовой сбор сои составил 1319,5 тыс. т (93,5%), картофеля – 1118,6 тыс. т (94,1%). Рост производства зерновых и зернобобовых культур (включая кукурузу) – 117,5%,

¹ Медведев А.Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5–30.

овощей – 103,2% не смог компенсировать значительное снижение продукции по другим товарным группам. В животноводческом комплексе Дальнего Востока не преодолена слабоотрицательная динамика сокращения объемов производства, отмеченная на протяжении нескольких лет (2016 г. – 98,9%, 2015 г. – 99,8%, 2014 г. – 99,0%). Снижение потребительского спроса, высокие ставки банковского кредитования, недостаток собственных финансовых ресурсов для приобретения сельскохозяйственной техники и кормов, недостаток профессиональных кадров сдерживают развитие отрасли. В результате это привело к сокращению производства молока (98,9%), яиц (99,8%).

Таблица 2.8

**Индексы производства продукции сельского хозяйства
(в хозяйствах всех категорий), % к предыдущему году**

Территория	2014	2015	2016
Российская Федерация	103,5	102,6	104,8
ДФО	119,8	97,0	98,4
Республика Саха (Якутия)	99,2	97,9	99,7
Камчатский край	110,1	93,3	103,9
Приморский край	113,0	93,8	98,8
Хабаровский край	104,8	90,2	92,7
Амурская область	167,5	102,1	97,8
Магаданская область	99,9	116,8	102,2
Сахалинская область	102,4	98,7	111,0
ЕАО	132,1	101,5	82,2
ЧАО	131,9	82,5	103,2

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. М., 2016; Социально-экономическое положение России. 2016 г. (уточненные итоги) / ФСГС. 2016.

Несмотря на принятие масштабной отраслевой госпрограммы, ситуация меняется медленно в связи с ограниченной емкостью рынка сельскохозяйственной продукции, что обуславливает фокусирование интересов внешних инвесторов на проектах, имеющих экспортные перспективы. Решение задач по обеспеченности собственными продуктами питания берут на себя, как правило, местные инвесторы.

В строительном комплексе Дальнего Востока сохраняется слабоотрицательная динамика снижения деловой активности. Объ-

ем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», в 2016 г. составил 393,4 млрд руб., или 99,8% к уровню 2015 г. Сокращение объемов производства отмечено в Хабаровском крае, Амурской, Магаданской, Сахалинской областях (табл. 2.9).

Таблица 2.9

Строительный комплекс Дальнего Востока

Территория	Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»		Ввод жилья	
	млрд руб	к 2015, %	тыс. м ²	к 2015, %
Российская Федерация	6184,4	95,7	79 800,0	93,5
ДФО	393,4	99,8	2178,2	98,0
Республика Саха (Якутия)	109,3	117,8	605,1	110,8
Камчатский край	22,8	122,0	75,0	103,8
Приморский край	66,2	108,5	485,7	97,4
Хабаровский край	47,4	96,7	388,6	86,4
Амурская область	51,1	95,9	212,2	81,2
Магаданская область	14,4	71,0	5,3	25,7
Сахалинская область	73,7	79,7	329,2	105,5
ЕАО	4,8	112,6	75,9	127,5
ЧАО	3,7	144,2	1,1	49,4

Источник: Социально-экономическое положение России. 2016 г. (уточненные итоги) / ФСГС. 2016.

Отрицательная динамика в строительном комплексе Дальнего Востока связана не только со снижением объемов строительства объектов социально-производственного назначения, но и жилого фонда. В 2016 г. введено около 2,2 млн м² жилья, что на 2% ниже уровня 2015 г. и на 11% меньше, чем в 2014 г. При этом положительная динамика жилищного строительства отмечена в Республике Саха (Якутия) (10,8%), Камчатском крае (3,8%), Сахалинской области (5,5%), ЕАО (27,5%). Одной из причин сокращения объемов ввода жилья является низкая покупательная способность населения, что вынуждает застройщиков ввиду сложности реализации квартир по программе ипотечного кредитования снижать объемы строительства. Как отмечают эксперты Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, кредитование на ипо-

течном рынке Дальнего Востока превышает стоимость необходимой к оплате средней суммы практически на 20%¹.

Наблюдалось сокращение строительства жилья за счет индивидуальных застройщиков, на долю которых приходилось 38% от общего объема вводимого жилья (2015 г. – 40%). За счет заемных средств было построено 832 тыс. м² жилья, что на 3,8% ниже уровня 2015 г. Индивидуальное строительство активно велось в Магаданской и Сахалинской областях (рост 36,7 и 32,7% соответственно), Республике Саха (Якутия) – рост 5,9%.

По итогам 2016 г. инфляция на потребительском рынке Дальнего Востока снизилась до минимальных значений за весь период наблюдения и составила 5,4% после 12% по итогам 2015 г. Основным фактором столь низкой инфляции в 2016 г. стало снижение экономической активности и, как следствие, снижение потребительского спроса: за 2015 г. реальный оборот розничной торговли на Дальнем Востоке сократился на 1,5% (в России – на 10%), а за 2016 г. еще на 2,5% (в России – на 5,2 %). Еще одним фактором столь значительного замедления инфляции явился низкий рост цен на продовольственные товары в результате процессов импортозамещения, связанных с введением Россией контрсанкций в сфере продовольствия, что способствовало росту предложения более дешевой отечественной продукции. В 2015 г. из-за девальвации рубля резко сократилась доля импортной продукции в товарных ресурсах розничной торговли, и в отношении продовольственных товаров падение данного показателя продолжилось и в 2016 г.² Также положительный эффект на снижение инфляции оказала более низкая индексация цен и тарифов на продукцию (услуги) компаний инфраструктурного сектора³.

Структура инфляции в 2016 г. претерпела значительные изменения: возросло влияние роста цен на непродовольственные товары и услуги – 107,0%, а воздействие цен на продовольственные товары, напротив, снизилось – 104,4%.

Основной вклад в инфляцию 2016 г. внес рост цен на непро-

¹ Рынок жилья в ДФО отстает от показателей всей России. Итоги мониторинга Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке // Vladnews. 2016. 3 октября.

² Голяшев А.В., Григорьев Л.М., Лобанова А.А., Павлюшина В.А. Особенности выхода из рецессии: доходы населения и инфляция // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 99–124.

³ Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 г. // Министерство экономического развития РФ. 2017. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9056bb04-390c-47f9-b47f-8e3b061bc7b8/monitor1-3.pdf?MOD=AJPERES>.

довольственные товары вследствие пролонгированного переноса курсовых издержек из-за снижения платежеспособности населения. Рост цен на недовольственные товары отмечен по всем агрегированным товарным группам, но лишь по таким категориям, как табачные изделия, ювелирные изделия и кожаная обувь этот показатель остался на уровне двухзначного значения (табл. 2.10). Самый низкий рост цен среди недовольственных товаров отмечается по таким товарным группам, как нефтепродукты (2,3%), медицинские товары (5,5%), медикаменты (5,2%), электротовары (5,7%). Одним из факторов низких темпов роста является высокая база предшествующего года: рост цен на электротовары (18,0%) и медицинские товары (17,8%) был одним из самых высоких.

Таблица 2.10

**Прирост потребительских цен по отдельным группам
недовольственных товаров в ДФО, %
к декабрю предыдущего года**

Вид платных услуг	2015	2016
Электротовары и другие бытовые приборы	18,0	5,7
Легковые автомобили	11,6	6,9
Нефтепродукты	6,5	2,3
Строительные материалы	10,7	6,3
Медицинские товары	17,8	5,5
Медикаменты	16,6	5,2
Одежда	12,9	7,9
Трикотажные изделия	13,1	8,4
Обувь кожаная, текстильная и комбинированная	13,4	10,1
Табачные изделия	25,9	19,1
Ювелирные изделия	34,9	10,9
Недовольственные товары, всего	13,7	7,0

Источник: Индекс потребительских цен на товары и услуги / ФСГС. 2017. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1902001>.

Замедление роста цен производителей в 2016 г. также явилось фактором снижения темпов роста потребительских цен (табл. 2.11). Цены производителей в промышленности выросли на 9,2% (2015 г. – 16,5%). Основными факторами роста по-прежнему являются динамика мировых цен в нефтяном секторе, конъюнктура мировых рынков и рост цен на отдельные товары российского экспорта. Рост цен производителей промышленной продукции отме-

чался по всем дальневосточным субъектам РФ. Наименьший темп роста, как и двумя годами ранее, наблюдался в ЕАО (1,4%), наибольший (15,0–18,0%) – в Магаданской и Сахалинской областях, Камчатском крае. Прирост цен на реализованную сельскохозяйственную продукцию составил 4,4%, что практически втрое меньше 2015 г. (11,8%). Практически во всех регионах округа (кроме ЕАО, Сахалинской области, Хабаровского края) отмечался рост цен. Сохранение умеренной динамики роста цен связано с действием ряда факторов: снижение покупательной способности, высокая база прошлого года, снижение мировых цен на отдельные виды товаров, укрепление курса рубля. Рост цен на строительную продукцию составил 110% (2015 г. – 102,2%). Ускорение роста цен произошло на фоне низкой базы прошлого года. Давление на цены данной группы товаров оказала девальвация рубля в конце 2015 г. и в начале 2016 г., эффект от которой перенесся на первое полугодие 2016 г.

Таблица 2.11

Индексы цен производителей, декабрь 2016 г. к декабрю 2015 г.

Территория	Цены производителей промышленной продукции	Цены на реализованную сельхозпродукцию	Цены производителей на строительную продукцию	Тарифы на грузовые перевозки
Российская Федерация	107,4	101,8	106,6	105,6
ДФО	109,2	104,4	110,0	106,7
Республика Саха (Якутия)	109,2	109,9	103,0	108,3
Камчатский край	116,4	107,5	116,2	106,1
Приморский край	107,4	104,7	103,0	96,1
Хабаровский край	103,6	96,0	113,4	107,9
Амурская область	107,3	107,3	120,6	116,4
Магаданская область	115,6	106,5	101,1	115,0
Сахалинская область	118,1	99,2	120,6	95,3
ЕАО	101,4	95,3	105,7	100,0
ЧАО	107,4	108,9	...	120,5

Источники: Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / ФСГС. 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438; Дальневосточный федеральный округ // Социально-экономическое положение федеральных округов / ФСГС. 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641.

Рост цен на платные услуги населению также замедлился и составил 4,6% (в 2015 г. – 7,4%). В отдельных сферах отмечено существенное замедление темпов роста: например, прирост цен на услуги ЖКХ сократился до 4,7% (2015 г. – 7,7%), на медицинские – до 8,3% (12,5%), на услуги железнодорожного транспорта – до 1,6% (12,7%). Услуги в сфере зарубежного туризма стали единственной крупной категорией услуг, где на фоне резкого спада в результате снижения спроса в 2015 г. отмечен существенный рост цен (табл. 2.12).

Таблица 2.12

Прирост потребительских цен на отдельные виды платных услуг населению на Дальнем Востоке, % к декабрю предыдущего года

Вид платных услуг	2015	2016
Жилищно-коммунальные услуги	7,7	4,7
Услуги пассажирского транспорта	6,3	4,5
Воздушный транспорт	5,4	3,8
Железнодорожный транспорт	12,7	1,6
Услуги в сфере внутреннего туризма	8,2	4,4
Услуги в сфере зарубежного туризма	-0,9	5,1
Услуги связи	2,8	0,8
Медицинские услуги	12,5	8,3
Услуги образования	8,5	8,7
Услуги физической культуры и спорта	9,8	7,9
Услуги, всего	7,4	4,6

Источник: Индекс потребительских цен на товары и услуги / ФСГС. 2017. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1902001>.

Промышленность Дальнего Востока как и в целом по РФ продемонстрировала положительный тренд Темп роста составил 101% в годовом исчислении при росте промышленности в целом по РФ 101,1% (рис. 2.3).

В целом по РФ прирост был обеспечен главным образом добывающей промышленностью (102,7%), в то время как обрабатывающая промышленность незначительно превысила прошлогодние объемы выпуска (100,5%), остановив наметившийся годом ранее спад. По оценкам ЦМАКП¹, наиболее устойчивый рост наблюдался в химической промышленности и производстве транспортных средств. Не-

¹ Тенденции развития промышленности. Январь 2017 / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 2017. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/PROM/2017/Trends_2016_01_30.pdf.

значительно отставали от них производство машин и оборудования, а также пищевая промышленность. Продолжается падение производства в металлургическом комплексе, производстве нефтепродуктов. Наиболее пострадавшая от кризиса отрасль – производство стройматериалов. Следует отметить, что рост наблюдался главным образом в машиностроительных отраслях промышленности, являвшихся объектами государственной поддержки: сельхозмашиностроение, гражданская авиация, ОПК. Скоординированной системы мер по улучшению общих условий для бизнеса не наблюдалось.

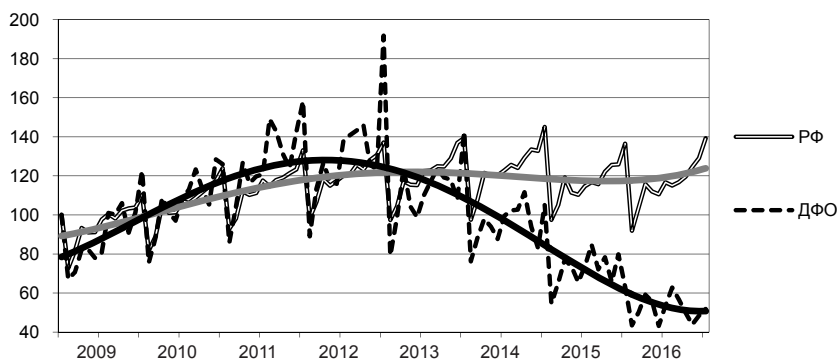

Рис. 2.3. Темпы роста обрабатывающей промышленности в РФ и ДФО (декабрь 2008 г. = 100%; тренд – полиномиальный четвертой степени)

Источник: составлено на основе: Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / ФСГС. 2017.

На Дальнем Востоке рост в промышленности был достигнут благодаря добывающей промышленности (103,8%). Лидерами по темпам роста выступили Камчатский край (110%) и Сахалинская область (106,6%), где рост обеспечивался сектором добычи полезных ископаемых (147,3 и 106,9% соответственно). Положительный рост промышленного производства также отмечен в Хабаровском крае (102,4%), Республике Саха (Якутия) (101,6%) и Магаданской области (101,6%). Четыре дальневосточных субъекта РФ показали сокращение объемов промышленного производства: Приморский край (95,9%), ЧАО (93,8%), Амурская область (91,7%). В ЕАО, несмотря на почти двукратный рост объемов добычи полезных ископаемых (186%), общее снижение промышленного производства составило 7,7% (рис. 2.4).

Рис. 2.4. Территориальная структура объема отгруженных товаров по территориям Дальнего Востока в 2016 г.

Источник: Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в 2016 г. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, ЕАО и ЧАО. Хабаровск, 2017.

Добыча полезных ископаемых. Объем отгруженной продукции на Дальнем Востоке составил 1,5 трлн руб. На долю лидеров по добыче – Республику Саха (Якутия) и Сахалинскую область – приходилось 40,9 и 37,6% соответственно. Наиболее высокие темпы роста зафиксированы в ЕАО и Камчатском крае, однако общий удельный вес этих двух территорий в 2016 г. в добывающей промышленности Дальнего Востока составил всего 1,3%. Рост также наблюдался в Сахалинской области (106,6%), Республике Саха (Якутия) (102%) и Магаданской области (101,7%). Наибольший спад выпуска наблюдался в Амурской области (87,3%). Сокращение добычи полезных ископаемых также зафиксировано в Приморском (92%) и Хабаровском (95,3%) краях, а также в ЧАО (92,2%).

В секторе добычи топливно-энергетических ресурсов производство угля выросло на 7,1%, нефти – на 7,1%, природного газа – на 3,3%. В Магаданской области рост добычи топливно-энергетических ресурсов составил 11,2%, в Республике Саха (Якутия) – 8,5%, в Сахалинской области – 7%. Наибольшие темпы роста добычи нетопливных минерально-сырьевых ресурсов показали Еврейская автономная область (186%) и Камчатский край (161,7%). Положительная динамика наблюдалась также в Магаданской области (101,6%). Произошло сокращение добычи в Амурской области – на 13,3%, Сахалинской области – на 10,6%, ЧАО – на 7,9%, Хабаровском крае – на 4,9%, Приморском крае – на 2,3%.

Обрабатывающая промышленность. Спад в обрабатывающей промышленности Дальнего Востока предыдущих лет сменился стагнацией. В масштабах всего округа объем производства остался на уровне предшествующего года. Если в 2015 г. рост выпуска наблюдался только в Амурской области, то в отчетном году он был зафиксирован уже в Хабаровском крае (105,9%), Магаданской (108,7%) и Сахалинской (101,7%) областях. Сильный спад зафиксирован в Амурской области (71,8% от уровня 2015 г.) и ЕАО (73,7%).

В результате продолжающегося роста выпуска Хабаровский край укрепил лидерские позиции в территориальной структуре выпуска обрабатывающей промышленности (35%). Доля Приморского края продолжает сокращаться (30,7%) в результате продолжающегося падения производства (98,5% от уровня 2015 г.). На третьей позиции укрепился Камчатский край с 12,1%.

Инвестиции в основной капитал в 2016 г. сократились в целом по округу на 2,9%. Существенное падение инвестиций наблюдалось в регионах с наиболее высоким удельным весом обрабатывающей промышленности – Приморском (на 17,2%) и Хабаровском (6,2%) краях.

Лесопромышленный комплекс. Объем производства обработанных лесоматериалов на Дальнем Востоке в 2016 г. в целом практически остался на уровне предыдущего года (100,4%). В структуре выпуска в лидерах остаются Приморский (46,8%) и Хабаровский края (44,3%). Последний усилил свои позиции в результате роста собственных объемов производства и сокращения выпуска лесоматериалов в Приморском крае (*табл. 2.13*). Помимо Хабаровского края увеличение выпуска наблюдалось еще в Камчатском крае и Амурской области, однако в совокупности эти два региона занимают менее 1% в территориальной структуре выпуска обработанных лесоматериалов. Существенное сокращение объема выпуска произошло в ЕАО, которая годом ранее демонстрировала наиболее высокие на Дальнем Востоке темпы роста по данному показателю. Лидерами по темпам роста производства необработанной древесины являлись Хабаровский и Камчатский края. Следует отметить, что в целом по округу динамика производства лесопромышленного комплекса существенно замедлилась по сравнению с предыдущим годом.

Рыбохозяйственный комплекс. Высокими темпами продолжается падение объемов вылова рыбы на Дальнем Востоке. В 2016 г. сокращение составило 32,4% (2015 г. – 27,9%). В то же время продолжился рост объемов рыбопереработки – 105,4%. Производство всех видов рыбных консервов сократилось на 11,2%, производство рыбных консервов в масле упало на 43,6%. Основные рыбоперерабаты-

вающие территории – Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Сахалинская область. В Камчатском крае вылов рыбы сократился на 18,1%, однако объемы рыбопереработки незначительно возросли – 100,6%. В Приморском крае произошло увеличение вылова рыбы – 243%, при росте объемов рыбопереработки на 6,5%. В Хабаровском крае падение объемов вылова было значительным: объем улова составил 59% от уровня 2015 г.; переработка рыбы, напротив, увеличилась на 14%. Наиболее существенное падение улова наблюдалось в Сахалинской области – на 55,4%, при сохранении объемов рыбопереработки практически на прежнем уровне – 100,4%.

Таблица 2.13

Динамика лесной и деревообрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке

Территория	Древесина необработанная, 2016 г. в % к 2015 г.	Обработка древесины, млн руб.	Обработка древесины, % к 2015 г.
Республика Саха (Якутия)	80,8	563,6	89,9
Камчатский край	108,1	36,5	111,5
Приморский край	100,8	9941,5	99,6
Хабаровский край	103,6	9410,2	108,8
Амурская область	100,5	147,3	113,0
Магаданская область	100,0	50,0	94,5
Сахалинская область	83,5	430,4	95,8
ЕАО	90,1	649,9	72,8

Источник: Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в 2016 г. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, ЕАО и ЧАО. Хабаровск, 2017.

Несмотря на то, что на Дальнем Востоке сосредоточено порядка 80% российских водно-биологических ресурсов, в регионе перерабатывается всего лишь порядка 10% улова¹. Нерешенные системные инфраструктурные и институциональные проблемы рыбохозяйственной отрасли, отсутствие береговых мощностей по хранению и переработке рыбы и морских биоресурсов препятствуют увеличению объемов переработки улова как на Дальнем Востоке, так и в целом по стране. В результате в настоящее время эти функции выполняются мощностями предприятий Китая и Республики Корея.

¹ Трутнев: управление рыбной отраслью на Дальнем Востоке нужно менять // Восток-Медиа. 2016. 5 августа.

Прочие отрасли промышленности. В пищевой промышленности в 2016 г. произошел значительный рост производства мяса животных – 133,6%, производства сливочного масла – 103,8%; производство цельномолочной продукции – 100,3%. По всем остальным производствам пищевых продуктов удалось избежать значительного спада. Выпуск колбасных изделий сократился всего на 0,7%, мяса птицы – на 1,8%, растительного масла и кондитерских изделий – на 3%, хлеба и хлебобулочных изделий – на 3,7%, пива – на 4,7%. До недавнего времени на Дальнем Востоке была развита мукомольная промышленность. Еще в 2008 г. производство муки составляло 73,3 тыс. т. Однако дальневосточные мукомолы не выдержали конкуренции с алтайскими производителями, и производство муки резко сократилось¹.

В нефтеперерабатывающей промышленности Дальнего Востока на 3% сократился объем нефти, поступившей на переработку. В главном нефтеперерабатывающем регионе – Хабаровском крае – снижение поступившей на переработку нефти составило 2,8%. При этом выпуск автомобильного бензина увеличился на 18,4%, при сокращении производства дизельного топлива на 4,4%. В Приморском крае сдвигаются сроки начала строительства нефтеперерабатывающего комплекса «Восточной нефтехимической компании» (ВНХК). На этот раз причиной стали разногласия между «Газпромом» и «Роснефтью» по поводу подключения будущего комплекса к магистральному газопроводу². Предполагается, что ВНХК станет якорным резидентом новой ТОР в Партизанском районе Приморского края.

В металлургической промышленности стремительно продолжает сокращаться удельный вес Хабаровского края (с 60% в 2015 г. до 54,3% в 2016 г.) в результате сокращения объемов выпуска на 32%. Единственный металлургический завод на Дальнем Востоке «Амурметалл» в г. Комсомольске-на-Амуре обанкротился и в 2016 г. снизил выпуск стали на 65,5%. Мощности предприятия, составляющие более 2 млн т стали в год, загружены всего на 14%. В 2016 г. «Амурметалл» произвел 185,5 тыс. т стали, свыше половины которой ушло на экспорт. С IV квартала 2016 г. экспортные поставки были прекращены, их предполагается перенаправить на внутренний рынок³.

¹ Сухомиров Г.И., Глаз Н.В. Современное состояние сельского хозяйства и пищевой промышленности Дальнего Востока России // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 4. С. 31–43.

² Подобедова Л. Сечин обвинил «Газпром» в срыве сроков запуска НПЗ «Роснефти» в Приморье // РБК. 2016. 8 сентября.

³ Единственный в ДФО металлургический завод Комсомольска-на-Амуре вдвое сократил выпуск стали // DvHаб.ru. 2017. 22 февраля.

Продолжается кризис и в промышленности строительных материалов. Производство цемента сократилось на 3,1%, сборных железобетонных конструкций и деталей – на 9,7%. В настоящее время на Дальнем Востоке имеется два крупных цементных завода, входящих в холдинг «Востокцемент»: Спасский цементный завод (Приморский край) и Теплоозерский цементный завод (Еврейская автономная область). В Приморском крае производство цемента выросло на 4,1%. В Еврейской автономной области, напротив, сократилось на 43,1%. Мощность завода в Теплоозерске – 800 тыс. т цемента в год. Однако в 2016 г. на предприятии произведено менее 200 тыс. т – меньше, чем на всех прочих заводах холдинга «Востокцемент». В Амурской области, в ТОР «Приамурская» в п. Березовка (недалеко от Благовещенска) построен цементный завод – резидент ТОР. Перспективная мощность – 500 тыс. т продукции в год.

Машиностроение Дальнего Востока представлено предприятиями Приморского, Хабаровского краев, а также Амурской области. Наибольший удельный вес в производстве машин и оборудования в 2016 г. занимал Хабаровский край, несмотря на сокращение выпуска на 16,4%. В Приморском крае снижение выпуска машин и оборудования составило 1%. В Амурской области производство машин и оборудования сократилось на 30%, производство транспортных средств – на 29%, производство электронного оборудования – на 61%. Рост производства транспортных средств с наибольшими темпами наблюдался в Хабаровском крае – 138,6%. В Приморском крае этот показатель незначительно превысил объемы 2015 г. – 101,3%. В Приморском крае также переживает спад производство электрооборудования – на 27,4%. На Комсомольском-на-Амуре авиационном заводе продолжается масштабная модернизация в рамках подготовки к серийному выпуску истребителя пятого поколения Т-50. Структурную реорганизацию, начатую «Объединенной судостроительной корпорацией», проходит Амурский судостроительный завод.

2.3. Дальний Восток в контексте развития российской экономики

Россия является страной с высокой долей природной ренты в экономике¹. В период удорожания экспорта сырьевых товаров в России наблюдалось расширение внутреннего спроса за счет роста

¹ Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D. Diversified development: making the most of natural resources in Eurasia. Europe and Central Asia Studies. Washington, DC; World Bank Group. 2014.

реальной заработной платы, социальных расходов, государственных закупок и роста импорта; сберегаемые сверхдоходы бюджета были использованы на погашение государственного долга и накопление бюджетных нефтяных фондов; за счет средств федерального бюджета, увеличившегося благодаря росту доходов от экспортной пошлины на сырую нефть, стали осуществляться капиталовложения в крупнейшие инфраструктурные проекты имиджевого характера. Рентный характер российской экономики наглядно проявляется при сопоставлении доходов государственного бюджета России и цен на сырую нефть на мировом рынке¹. Колебания нефтяного и ненефтяного экспорта России происходят синхронно, оставляя практически неизменными исходные пропорции между ними, по причине того, что источником капитала для ненефтяного производства прямым или косвенным образом являются доходы от поставки на внешние рынки нефти и газа.

Подобного рода особенности развития стран с высокой природной рентой в экономике рассматриваются в рамках моделей, описывающих проявление «голландской болезни», «ресурсного проклятия» и «эффекта жадности». Помимо России, экономика более 50 стран мира зависит от экспорта минеральных ресурсов². Наличие богатых природных ресурсов, которые можно экспортировать, означает, что стране не нужно экспортировать другие товары и услуги для того, чтобы оплачивать импорт. Это также означает, что правительству не нужно взимать налоги для того, чтобы финансировать свои расходы. Следовательно, правительство имеет больше свободы действий в расходовании средств, полученных от природной ренты, по своему усмотрению. Правительство может использовать ренту во благо, чтобы проводить долгосрочную экономическую политику, не опасаясь того, что избиратели отправят его в отставку, но оно также может вести себя как «рантье», поскольку необходимость в подотчетности невелика³. В большом количестве эмпирических и теоретических исследований⁴ было обнаружено, что высокая при-

¹ Нетрудно догадаться, что корреляция между двумя показателями составляет почти 100,0%.

² Gelb A. Economic Diversification in Resource Rich Countries. Center for Global Development. High-level seminar on Natural resources, finance, and development: Confronting Old and new Challenges organized by the Central Bank of Algeria and the IMF Institute in Algiers on 4–5 November 2010.

³ Там же.

⁴ Van Eeghen M.W., Gill I.S., Izvorski I.V., De Rosa D. Diversified development: making the most of natural resources in Eurasia. Europe and Central Asia Studies. Washington, DC; World Bank Group. 2014.

родная рента при прочих равных условиях вызывает две тенденции в экономике. Во-первых, существенное увеличение доли торговли, поскольку рентный экспорт позволяет активно развивать импортные поставки, что приводит к дедиверсификации экономики. Во-вторых, благодаря увеличению бюджетных расходов, доля государственного сектора в экономике значительно увеличивается, снижая роль индивидуальных предпринимателей и частного капитала. В таком случае остается непонятной причина того обстоятельства, что экономики ряда других стран, имеющих сопоставимые с Россией и даже большие доли в экспорте сырьевых товаров сократились в результате снижения цен гораздо меньше, чем российская экономика. Ответ заключается в различии качества институтов.

Для того, чтобы проследить, как связано качество институтов с природной рентой и среднемудушевым доходом, возможно сопоставить следующие показатели: индекс экономической свободы (ИЭС), природную ренту в ВВП и среднемудушевой ВВП. Чем выше значение ИЭС, тем меньше риск для экономической деятельности. Страны с низким ИЭС (меньше 50) характеризуются запредельными рисками для ведения экономической деятельности, особенно для привлечения прямых иностранных инвестиций. В итоге, можно увидеть, что чем выше доля природной ренты в экономике, тем ниже ИЭС. Соответственно, чем ниже риски для ведения экономической деятельности, что указывает на качество институтов, тем выше среднемудушевой доход, несмотря на долю природной ренты в экономике (*рис. 2.5*).

К 2014 г. доля природной ренты составила порядка 15,0% от ВДС России, что сопоставимо с Чили и Тринидадом¹. Другим важным показателем является среднемудушевой ВВП: несмотря на его сокращение, после снижения цен на нефть в 2014 г., Россия входит в число стран с высоким средним доходом. Однако, качество институтов у России оставляет желать лучшего: по ИЭС у российской экономики очень низкий рейтинг², пограничный с ре-

¹ Arezki R., Nabli M.K. Natural Resources, Volatility, and Inclusive Growth: Perspectives from the Middle East and North Africa. IMF Working Paper No.12/111. April 2012; Corden W.M. Dutch Disease in Australia: Policy Options for a Three Speed Economy // The Australian Economic Review. 2012. Vol. 45. No. 3. Pp. 290–304.

² Декомпозиция ИЭС (51,9) для России по состоянию на 2014 г. была следующей: защита прав собственности (25,0); свобода от коррупции (22,1); свобода государственных финансов (85,6); государственные расходы (61,5); свобода бизнеса (70,0); свобода труда (55,8); монетарная свобода (69,4); свобода торговли (74,6); свобода инвестирования (25,0); финансовая свобода (30,0).

прессивным и соответствующий преимущественному отсутствию экономических свобод, что близко к целому ряду слаборазвитых стран.

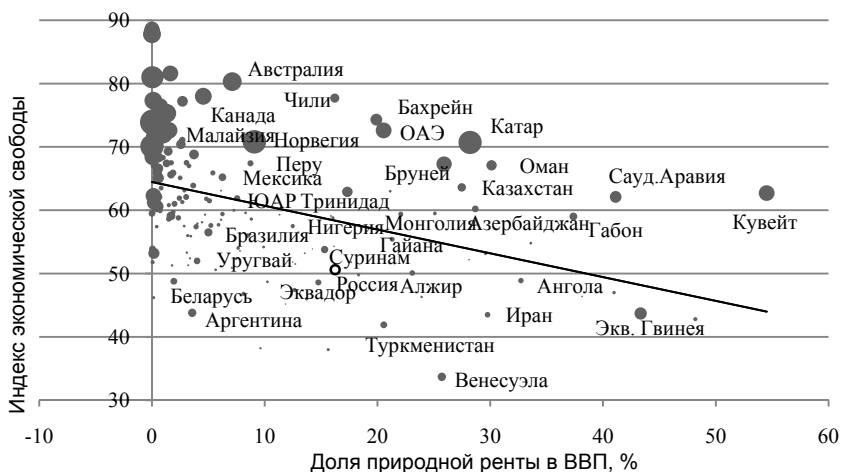

Рис. 2.5. Доля природной ренты в экономике и индекс экономической свободы

Примечание: представлены данные по 170 странам по состоянию на 2014 г. Размер точки соответствует размеру среднедушевого ВВП

Источник: данные Мирового банка и Heritage Foundation.

В ряде исследований¹ указывается на чрезмерное регулирование российского рынка товаров и услуг, что препятствует конкуренции, инновациям и росту производительности. Значительные ресурсы задействованы в отраслях с низкой производительностью труда. Недостаточное развитие малых и средних предприятий является одним из признаков наличия формальных и неформальных барьеров для предпринимательства и сдерживают развитие частного сектора в России. Сектор государственных предприятий в российской экономике играет ключевую роль, а государство наращивает уровень своего участия в крупнейших компаниях, которые занимают доминирующее положение на рынке в своей области действия, при этом возможность участия частных (в том числе иностранных) инвесторов жестко контролируется. Все это, в условиях их гаран-

¹ До текущей корректировки цен на нефть, в 2000-е гг. и вплоть до 2014 г. доля природной ренты в экономике России составляла в среднем 30,0%.

тированной государственной поддержки, дестимулирует предприятия повышать производительность, снижать издержки и внедрять инновации. Вместе со свидетельствами монополизации на рынке, это подчеркивает неблагоприятные последствия увеличения государственной собственности для конкуренции в ключевых секторах российской экономики.

Для развития экономики важно не только то, что страна производит и экспортирует, а то, как именно она производит и распределяет, и в какой институциональной среде она это осуществляет. Зависимость от ресурсов определяется не их обилием, а чрезмерной зависимостью от них. Поэтому, несмотря на то, что диверсификация экономических активов не способна полностью нивелировать сокращение национальной экономики в период неблагоприятной конъюнктуры экспорта сырьевых товаров, она позволяет в значительной мере смягчить ее последствия¹, обеспечивая оптимальный баланс между природными богатствами, экономическими институтами, физическим и человеческим капиталом. Поэтому, в результате нефтяного шока конца 2014 г. именно экономики стран с неустойчивыми институтами сократились больше всех. В случае отсутствия качественных институтов, попытки осуществления диверсификации экономики и проведения политики импортозамещения на основе природной ренты также обречены на провал.

За последнее десятилетие руководство страны стало уделять повышенное внимание Дальнему Востоку вначале на фоне высоких цен на сырую нефть, а в последующем – при поиске новой ренты. Действительно, на первый взгляд экономика Дальнего Востока, несмотря на ряд серьезных проблем, имеет возможности для развития на основе имеющихся богатых природных ресурсов и близости с динамично развивающимися странами АТР. Перспектива развития дальневосточного региона стала видеться в создании возможностей и условий для использования его потенциала.

С точки зрения федерального центра использование потенциала регионального развития далеко от удовлетворительного. Убедительных доказательств этого тезиса не существует, но мотивы для такой оценки усматриваются в сокращении численности населения², которое не смогло быть оставлено ни одной из программ,

¹ Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Основные выводы и рекомендации. Январь 2014; OECD Economic Surveys: Russian Federation 2009, OECD Publishing, Paris.

² Bjørnland H.C., Thorsrud L.A. Boom or Gloom? Examining the Dutch Disease in Two-speed Economies // The Economic Journal. 2016. Vol. 126. No. 598. Pp. 2219–2256.

которая была реализована в регионе за последние два десятилетия. Отрицательную миграцию не останавливают и высокие среднедушевые бюджетные расходы территорий Дальнего Востока, которые в среднем в два раза превышают среднее значение по стране.

Еще одним обстоятельством, свидетельствующим о проблемах с использованием собственного потенциала, является то, что среднедушевой доход жителей региона ниже относительно той высокой природной ренты, которая создается экономикой, что отражается расположением Дальнего Востока «под линией тренда» (рис. 2.6).

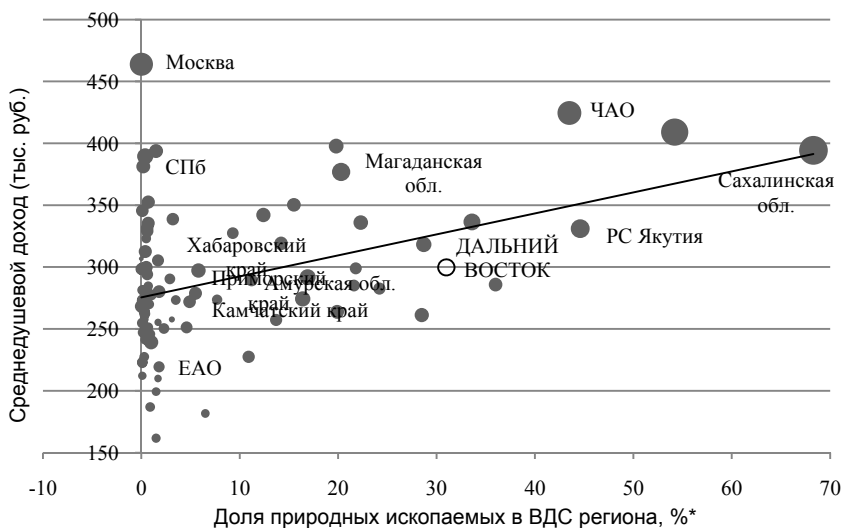

Рис. 2.6. Доля природных ископаемых в ВДС и среднедушевой доход по регионам РФ

Примечание: * – с учетом рыболовства по следующим регионам: Камчатский край, Сахалинская область, Приморский край, Хабаровский край и Мурманская область. Представлена статистика соответствующих показателей за 2014 г. Среднедушевой доход скорректирован на величину фиксированного набора потребительских товаров и услуг относительно среднероссийской стоимости. По причине отсутствия статистических данных, среднедушевой доход Республики Крым и Севастополя отражен за 2015 г. На диаграмме рассеивания размер точек пропорционален величине среднедушевого ВРП каждого региона России.

Источник: рассчитано по данным Госкомстата РФ.

3

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3.1. Общие положения

В самом общем виде концепция понимается как основная идея развития региона, содержащая «в себе» цель этого развития. В развернутом виде концепция есть некоторое представление, описание (vision) того, что собой представляет регион в задаваемом будущем. Разумеется, это представление является некоторой идеальной конструкцией, соответствующей представлениям автора(ов) концепции относительно желательного облика региональной системы.

Конечно, сама идея развития, системное представление будущего состояния региона не являются «вечной константой», основанной на раз и навсегда заданной системе приоритетов. Концепция действует в течение определенного временного интервала, в рамках которого сохраняются относительно неизменными существенные предпосылки и условия, определяющие характер целеполагания, а также параметры системы ограничений, очерчивающих область возможного развития в структурном, качественном и количественном смысле.

В случае макрорегиона, каковым является Дальний Восток, следует учитывать объективные и субъективные ограничения как регионального, так и внешнего по отношению к региону характера.

К основным объективным ограничениям в рамках системы принятых решений относятся ограничения природного, географического, климатического характера. Нельзя изменить географические координаты региона, точно так же как нельзя изменить его ландшафт, распределение земельных и водных ресурсов в пространстве, трассы удобных для устройства путей сообщения, режим солнечной радиации, характер и количество (известное и оцениваемое) сырьевых ресурсов и пр.

Важным субъективным ограничением регионального развития является устоявшийся стереотип отношения к региону, как со сто-

роны всех ветвей власти, так и со стороны агентов экономики. И от тех, и от других зависит выделение ресурсов для развития региона. Это ограничение может быть изменено, но пока такого изменения не произошло, общественный стереотип должен приниматься как ограничение, модификация которого является необходимым условием изменения оценки возможного и невозможного для данного региона.

Инерция развития, привычная структура, привычные пропорции затрат, привычный их уровень также являются существенным ограничением при принятии решений и при оценке ожиданий относительно данного региона. Привычка не является одним лишь устоявшимся заблуждением, не есть это и лишь страх чрезмерного риска. Инерция представляет собой естественный защитный механизм, который основан на положительных результатах предшествующего развития, это своеобразная «презумпция невиновности» истории. Конечно, на пороге будущего прошлое не может не представляться негативно по отношению к предстоящему этапу. Однако это прошлое обеспечивало хорошие результаты (даже если можно доказать, что они могли бы быть лучше). Именно реальность положительного опыта, достигнутых успехов сравнивается с будущими виртуальными успехами при изменении условий, которые обеспечивали успех в прошлом. Поэтому реальный выбор при принятии решения относительно смены или сохранения параметров прошлого – это выбор между надежностью и риском. В общем случае только тогда, когда вероятность сохранения уровня дохода (или другого показателя, существенного для региональной системы) при сохранении инерции оказывается ниже вероятности его сохранения или преумножения при трансформации самой системы, выбор будет сделан в пользу изменений¹.

Важным внешним ограничением является состояние национальной и мировой экономики. Состояние внешней для данного региона конъюнктуры рынков, сравнительные параметры конкурирующих производственных и потребительских систем, сравнительные цели развития конкурирующих пространственных систем и сравнительные механизмы их реализации должны рассматриваться при оценке реализуемости той или иной идеи, равно как и

¹ Долгосрочный комплексный прогноз регионального социально-экономического и технологического развития. «Тихоокеанская Россия – 2050» (методические положения) / под ред. В.И. Сергиенко, П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2009. С. 19– 20; Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2010. С. 318–139.

определением того, в какой мере эта идея или идеи соответствуют конкретной цели, поставленной перед регионом.

Идея регионального развития всегда формулируется применительно к особенностям времени и состояния региональной экономической системы, а также «внешней» для региона среды, которой является как национальная экономическая система, описываемая ключевыми параметрами, характеризующими ее состояние во времени, так и международное окружение. При этом под основными параметрами имеются в виду не только, а часто и не столько экономические параметры, которые в значительно большей степени являются ограничениями или предпосылками достижения поставленных целей, сколько качественные и количественные характеристики социального, демографического, политического, стратегического, экологического, гуманитарного характера.

Общими принципами при определении концепции или системными ограничениями являются следующие:

- как разработчики, так и «потребители» концепции исходят из принципа «положительных ожиданий», то есть предполагается, что концепция развития должна предусмотреть и обеспечить достижение более высоких стандартов и показателей, чем предыдущая, то есть должен реализовываться принцип «завтра лучше, чем вчера»;

- важное значение имеет принцип «соседского глаза» или «регионального патриотизма», то есть концепция должна предусматривать такое будущее состояние региональной системы, которое заведомо не хуже, а лучше, чем у сравнимых региональных систем;

- при разработке концепции необходимо руководствоваться принципом «конструктивной преемственности», то есть обеспечить использование при проектировании будущих состояний и механизмов развития лучшего из имеющегося опыта;

- концепция должна исходить из представления о региональной социально-экономической системе как о системе иерархической, то есть необходимо руководствоваться принципом «свобода – осознанная необходимость», достижение наилучших допустимых состояний может быть обеспечено только при условии включенности региональной системы в национальную и глобальную (прямо или опосредованно) социально-экономические иерархии.

3.2. Концептуальный цикл

Собственно история концептуальных идей колонизации и развития региона, как и история их реализации, значительно короче истории завоевания и освоения новых территорий на востоке Рос-

сийской империи. Можно утверждать, что «концептуальная история» Дальнего Востока насчитывает не более полутора веков со времени присоединения к России территорий Приамурья и Уссурийского края. Именно в течение этого времени интенсивно разрабатывались и осуществлялись концепции освоения и развития региона, наблюдалась определенная закономерность в чередовании этих концепций, что приводило к смене структуры, масштабов, интенсивности используемых общественных ресурсов, изменению институциональной среды, трансформации целевой области и матрицы задач, стоящих перед регионом и решаемых в нем.

Конечно, концепции развития региона представляют собой далеко не одни только «документальные памятники», в качестве таковых необходимо рассматривать также и те концепции (идеи), которые вслед за Г. Минцбергом следовало бы называть «спонтанными»¹, то есть сформулированными неявно и проявляющимися только в совокупности целенаправленных решений и откликов на них самой экономической системы. Например, для начальных этапов колонизации Дальнего Востока нет никакого смысла говорить о документально оформленных концепциях долгосрочного развития. Это не означает, что их не было. Но далеко не все идеи (концепции) были реализованы, а те которые все-таки были приняты к реализации, осуществлялись, нередко с существенными коррективами.

Нередко политика (политики) в отношении экономики того или иного региона формировались и формируется в процессе сиюминутных и не всегда системных реакций на возникающие и осознаваемые проблемы практического свойства. Это порождает на определенных интервалах времени поток решений, деклараций действий различных агентов экономики и управления, которые при определенном обобщении также следует рассматривать как неформализованные концептуальные варианты.

Как спонтанные, так и формально документированные концепции освоения и развития Дальнего Востока формировались, естественно, в тесной связи и как ответ на состояние экономики страны и региона.

Первая по времени «спонтанная» концепция регионального развития (концепция № 1) представляла собой некоторую сумму идей, направленных на закрепление за Россией вновь приобретенных территорий, а следовательно и на защиту этих территорий от вероятных посягательств военного и экономического характера.

¹ Минцберг Г. Пять «П» стратегии // Минцберг Г., Куинн Дж.Б., Гошал С. Стратегический процесс. СПб.: Питер, 2001.

Это предполагало, конечно, в первую очередь создание военной базы на Тихом океане, функционирование которой было невозможно без решения проблемы обеспечения надежного материального обеспечения армии и флота, дислоцированных на Дальнем Востоке. Обеспечить материальные условия функционирования военно-морской группировки, как в мирное, так и в военное время способно было лишь создание регионально локализованного экономического оборота, опирающегося на наличие местных ресурсов сырья, продовольствия и собственную систему опорных промышленных предприятий.

Отсюда вытекала задача заселения южной части региона. А заселение и наращивание экономического потенциала, точно так же как и надежное функционирование собственно военной базы представлялось немислимым без создания транспортного коридора, который связал бы Европейскую Россию и Сибирь с берегами Тихого океана. Транспортное сообщение было необходимо еще и для того, чтобы осуществить контроль над китайским рынком, что непосредственно было связано с решением задачи экономического развития с использованием местных ресурсов, материальной базы армии и флота, установление контроля над китайским рынком. При этом практически единственным источником решения этих задач являлись государственные финансовые и материальные ресурсы, а само их решение опиралось на достаточно ясные государственные планы.

Реализация этой совокупности идей породила экономический бум на Дальнем Востоке, который в некотором отношении походит на современный инвестиционный бум, так как был сконцентрирован на строительстве железных дорог (Транссиб, Китайско-Восточная) и портов (Владивосток). Различие заключалось в том, что инфраструктурное строительство сопровождалось высокими темпами земледельческой и промысловой колонизации, которая, чем дальше, тем больше принимала форму транспорта-промышленной колонизации.

К началу Русско-японской войны вполне реализовать вышеприведенную концепцию, конечно, не удалось, что в немалой степени было связано с нехваткой времени и чрезмерным распылением ресурсов за счет выделения значительной их части для укрепления на территории Маньчжурии. Незавершенность процессов военного, промышленного, сельскохозяйственного и транспортного строительства, а также программы заселения территории в значительной степени стали одной из главных составляющих неудачи в войне.

Суть второй концепции (концепции № 2) освоения Дальнего Востока заключалась в том, что российский Дальний Восток должен был стать неотъемлемой частью российского экономического пространства, для чего необходимо формирование сети транспортных коммуникаций, то есть продление Транссиба по российской территории до Владивостока. Следовательно, основная идея транспортного (инфраструктурного) строительства заключалась не в обеспечении снабжения потенциального театра военных действий и установления экономического и военного контроля над территорией северного Китая, а в создании минимально необходимых условий для запуска механизмов саморазвития экономики Дальнего Востока. Вторая принципиальная идея заключалась в том, что экономика Дальнего Востока (во всяком случае, южной части региона) должна была сменить вектор своего развития – с сельскохозяйственной на промышленно-транспортную колонизацию, что отражало ориентацию на ускоренное развитие капиталистической экономики в России, а в отношении Дальнего Востока вело к изменению концептуального подхода к освоению (колонизации) региона. Основой по-прежнему оставались государственные ресурсы, но суть концепции выражалась формулой «Экономическая колонизация» – сельскохозяйственное заселение и освоение земли, развитие мелкой промышленности, создание транспортного коридора для выхода на китайский рынок. Эта концепция действовала вплоть до начала гражданской войны (1906–1918 гг.)

Реализация этой концепции открыла рынки Сибири и Европейской России для промышленности региона и рынки северного Китая для товаропроизводителей Дальнего Востока. Экономика Дальневосточного региона приобретала экспортно-ориентированный характер с акцентом на рынки сопредельных стран. Это обусловило преимущественное развитие тех отраслей, которые были конкурентоспособны на внешнем рынке – рыболовство и морской транспорт, а также лесная, угольная и горнодобывающая отрасли промышленности. В результате уже перед первой мировой войной в структуре товарной массы соотношение между сельским хозяйством и промышленностью составило 2/3.

Революция и гражданская война породили третью концепцию (концепция № 3) освоения и развития Дальнего Востока. Ее отличительной чертой являлась ориентация регионального развития на «собственные силы», что было вынужденным решением в условиях практически полного отсутствия каких бы то ни было ресурсов развития в стране. Ничего принципиально нового для региона в концепции автономизации не было. По-прежнему хозяйственный

оборот Дальнего Востока опирался на те виды экономической деятельности, которые эксплуатировали наиболее богатые и рентабельные природные ресурсы (золото, уголь, лес, рыба, сельскохозяйственные земли, пушнина). По-прежнему в центре внимания органов автономного хозяйственного управления находилась промышленность, продолжался курс на индустриализацию региона: «Будущее Дальнего Востока в промышленности. Поэтому вся работа уже с сегодняшнего дня во всех отраслях должна служить делу промышленного развития ДВО. Из различных отраслей промышленности внимание в первую очередь лесу, рыбе, золоту»¹.

Предполагалось в кратчайшие сроки восстановить уровень добычи основных видов природных ресурсов и по возможности увеличить его с тем, чтобы использовать доходы от ресурсного сектора экономики для интенсивного хозяйственного развития региона. Все созданное в регионе должно было концентрироваться в центрах хозяйственного роста – лесной, рыбной, золотодобывающей, угольной промышленности.

Однако это все-таки экономически была новая концепция. Во-первых, прекратился сколько-нибудь существенный приток средств из центра. Во-вторых, развитие Дальнего Востока в рамках единой стратегии освоения пространств Северной Азии было заменено по существу автономным хозяйственным оборотом в пределах Дальнего Востока с расширением за счет сопредельных территорий Азии. При этом политические и военные приоритеты фактически не изменились – Дальний Восток по-прежнему рассматривался как важная в военно-политическом отношении часть советской империи.

К 1928 г. хозяйство Дальнего Востока было в значительной степени восстановлено, а СССР вступил в новую фазу экономического строительства, общенациональная экономическая концепция формулировалась как создание автономного индустриального комплекса, способного поддерживать передовой уровень военно-экономического потенциала. Экономической стратегией реализации данной концепции являлось преимущественное развитие тяжелой, в том числе военной промышленности и инфраструктуры, в первую очередь путей сообщения и энергетики на основе централизованных ресурсов.

Для Дальнего Востока это означало переход от третьей к четвертой концепции (концепция № 4) развития, сутью которой в ресурсном отношении являлось восстановление модели государ-

¹ На новом пути: Жизнь и хозяйство Дальневосточной области в 1923–1924 году. Владивосток, 1925. С. 12.

ственного патронажа над регионом. Ресурсы развития практически полностью были привязаны к централизованным источникам, экономический барьер на западном направлении исчез, благодаря субсидиям из государственного бюджета, которые компенсировали транспортный тариф, повышенную заработную плату, повышенные затраты на тепловую и электрическую энергию. За сравнительно короткий период, уже к началу 1940-х гг. экономика региона трансформировалась в экономику индустриального типа с сильным добывающим сектором и сильной оборонной промышленностью. Регион был встроен во внутрисоюзные цепочки разделения труда, выполняя функции поставщика на внутрисоюзный рынок сырьевых ресурсов, одновременно обеспечивая поддержание потенциала функционирования Тихоокеанского флота и Дальневосточного военного округа (фронта). Продукция поставлялась почти исключительно на внутренний рынок, свобода внешней торговли исчезла и была заменена декретируемыми государственным планом поставками сырья и военной техники по централизованным каналам. Следовательно, данный этап характеризовался наличием жесткого барьера на восточных границах региона при полной интегрированности его с внутрисоюзным рынком. Критерий эффективности производства и использования ресурсов был заменен на критерий внеэкономической целесообразности размещения производств. Регион начал функционировать по модели «военной крепости», обеспечивая военно-экономическое присутствие СССР на Тихом океане и поставляя дефицитные природные ресурсы для народного хозяйства СССР.

В структурном смысле это означало формирование двух, относительно автономных по отношению друг к другу секторов экономики региона, ориентированных на решение экономических задач национального уровня (с одной стороны, региональный ВПК, а с другой стороны, добыча и первичная переработка биологических ресурсов суши и моря, цветных и благородных металлов). Эта концепция формировала структуру и интенсивности развития экономики в целом и отдельных ее секторов на Дальнем Востоке в течение 1930–1940-х гг.

После окончания Второй мировой войны централизованные ресурсы страны были сосредоточены в европейских районах СССР. А степень полезности развития Дальнего Востока оказалась заметно ниже по сравнению с предшествующим 20-летием. Поэтому с точки зрения цели и задач развития Дальнего Востока этот регион «вернулся» в эпоху «целевой автономии», самостоятельно формулируя задачи развития экономики, которые в основном сводились

к поддержанию масштабов и сохранению структурных пропорций созданного военно-экономического регионального комплекса.

«Целевая автономия» при сохранении централизованного ресурсного обеспечения и гарантированности рынков сбыта характеризовали своеобразную пятую концепцию (концепция № 5), которая господствовала в первое послевоенное десятилетие. К концу этого периода стало ясно, что эта концепция не сможет обеспечить необходимой динамики развития региональной экономики. Была предложена идея (В. Немчинов) частичного восстановления ориентации экономики региона на рынки стран АТР в части неконкурентоспособных на внутреннем рынке по экономическим критериям продуктов. В рамках этой идеи в середине 1960-х гг. началось привлечение японского капитала для разработки сырьевых ресурсов Дальнего Востока в форме компенсационных соглашений, и была развернута приграничная торговля. Однако основ базовой модели функционирования региона это не затрагивало, так как и компенсационные соглашения и приграничная торговля осуществлялись в рамках единого народнохозяйственного плана, а ресурсы от этих видов деятельности попадали в регион все равно через центр. Конечно, в рамках этой концепции появилась возможность задействования альтернативных централизованным ресурсам. Это стало отправной точкой заметной модификации всех последующих концепций.

Уже с 1967 г. в связи с восстановлением военно-политической угрозы (на этот раз со стороны Китая) интенсивность накачки в регион централизованных ресурсов из центра в оборонную промышленность и добывающий сектор экономики опять усилилась. То есть в течение следующих 20 лет (вплоть до 1987 г.) была восстановлена «классическая» концепция развития – «государственные цели – государственные ресурсы». Хронологически можно считать это относительно новой (шестой) концепцией (концепция № 6) регионального развития, которая отличалась от концепции 1930–1940 гг. тем, что дополнительно к наращиванию потенциала оборонных отраслей промышленности акцент делался на поддержании комплексности регионального хозяйства как части национальной экономики посредством развития вспомогательных и комплексизирующих отраслей, социальной сферы.

С середины 1980-х гг. стала очевидной невозможность гарантировать государственный патронаж в полном объеме и в прежних формах, общественные ресурсы были истощены. Начались поиски вариантов рационального сокращения государственных обязательств при условии сохранения параметров целевой области и

поддержания основных социальных и политических приоритетов. Эти поиски затронули и Дальний Восток. Падение нефтяных цен и доходов бюджета поставило во главу угла задачу выхода на новые рынки и нахождения новых, в том числе пространственных, источников экономического роста. Бурно развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) представлялся одним из эффективных вариантов решения этой задачи. И в 1986 г. была провозглашена новая (седьмая) концепция (концепция № 7) развития Дальнего Востока.

Основной идеей этой новой концепции являлась попытка возврата в новых условиях к тем принципам, на которых базировалось развитие региона в период 1922–1930 гг. На этом пути предстояло преодолеть историческую, этническую, культурную, экономическую чужеродность России и ее Дальнего Востока по отношению к АТР и особенно его азиатскому сегменту. Разрушение этих барьеров, ликвидация обособленности региона от общерегиональных и мировых экономических и финансовых процессов, приведение к сопоставимому виду и масштабам стандартов экономических и административных механизмов являлось важнейшим условием реального участия России (СССР) в глобальных экономических и финансовых процессах на Тихом океане.

Однако уже к началу 1991 г. стало очевидно, что поддержание уровня государственного спроса, сохранение масштабов централизованного финансирования инвестиций и структурная перестройка в направлении приоритета внешнеторговой и инвестиционной кооперации с АТР невозможны в силу ухудшающейся финансово-ресурсной ситуации в стране.

Следующее десятилетие (1991–2001 гг.) знаменовалось фактическим возвратом к третьей концепции (характерной для периода 1922–1930 гг.). Централизованное обеспечение финансовыми и материальными ресурсами из центра было практически прекращено. Каких-либо стратегических целей (задач) федерального уровня перед субъектами Дальнего Востока не ставилось. В то же время и сам регион, и федеральный центр исходили из необходимости сохранения территориальной целостности государства. В связи с прекращением государственного финансирования, отказом федерального центра от гарантий в отношении обеспечения рынка сбыта продукции региональных производителей (в том числе и в области оборонной промышленности), разрушением механизма компенсации отрицательной ренты у региональных экономических агентов на внутреннем рынке России последние переориентировались на рынки сопредельных стран, которые компенсировали потерю вну-

тренного национального рынка. Это привело к частичной деиндустриализации экономики региона.

Вынужденное замещение внутренних экономических связей внешнеэкономическим сотрудничеством прежде всего в форме внешней торговли стало продуктивной идеей развития в этот период, то есть восьмой концепцией (концепция № 8) регионального развития. Следовательно, параметрами этой концепции, как и в случае концепции № 3, являлось отсутствие государственной цели развития при приоритете внутрирегиональных и внешнеэкономических ресурсов для такого развития.

Ситуация и в России, и на Дальнем Востоке изменилась в начале 2000-х гг. После восстановления национальной экономики в результате преодоления финансово-экономического кризиса 1998 г. улучшилось положение в области государственных финансов. Одновременно начала конструироваться новая геополитическая концепция России, одним из важных элементов которой являлось воссоздание идеи кооперации со странами АТР. Конкретным экономическим проявлением этой «новой старой идеи» являлся выход на рынки этих стран посредством формирования стабильной товарной ниши, в качестве такой ниши был определен рынок топливно-энергетического сырья.

Таким образом, в первом десятилетии XXI в. опять была сформулирована национальная геополитическая цель на тихоокеанском побережье России, и для реализации этой цели в регион начали передаваться значительные централизованные (государственные и корпоративные) ресурсы. Централизованные ресурсы направляются в этот период преимущественно на две цели: развитие транспортной инфраструктуры (включая энергетический транспорт) и освоение новых сырьевых источников (в первую очередь топливно-энергетических). Поэтому с полным основанием действующую в настоящее время концепцию (концепция № 9) можно назвать концепцией транснационального ресурсного транзита, основная идея которой – развитие магистральной транспортной и энергетической инфраструктуры для обеспечения национального сырьевого экспорта.

Таким образом, каждые 10–20 лет происходила смена концепции освоения и развития Дальнего Востока, что дает основания говорить о «концептуальном цикле» как о смене концепций регионального развития, отражающем объективные пульсирующие чередования параметрической пары «цели–ресурсы». Этот цикл графически изображен на рисунке 3.1. Блоки «А» и «В» на этом рисунке отличаются тем, что развитие и функционирование эконо-

мики в блоке «А» основано исключительно на централизованных государственных ресурсах, а в блоке «В» – частично на использовании собственных ресурсов региона, но в обоих случаях регион осваивается и развивается под полным контролем государства.

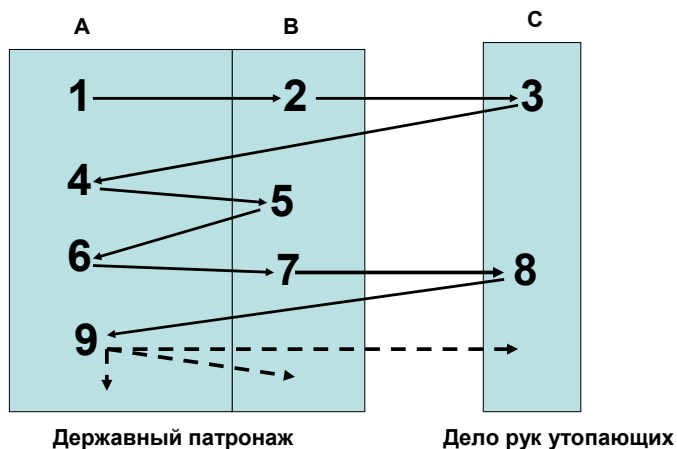

Рис. 3.1. Концептуальный цикл развития Дальнего Востока

Блок «С» отражает ситуацию «двойной автономии», когда и цели и необходимые для их достижения ресурсы генерируются в самом регионе или усилиями самого региона.

К 2012 г. Дальний Восток вступил в зону потенциального появления новой концепции развития. В соответствии с периодичностью «концептуального цикла» (10–20 лет) на период 2012/2013–2035/2040 гг. должна быть сконструирована новая концепция развития, которая теоретически должна была представлять собой некую комбинацию ранее сформированных и реализованных концепций. При этом, в период до 2050 г. возможно существование в действительности не одой, а двух точек перегиба на кривой концептуального цикла.

3.3. Перспективная концепция развития

С формальной точки зрения первоначально следует ответить на вопрос о том, в области какого из трех блоков (см. рис. 3.1) может отражаться «ресурсно-целевая область» будущей концепции (концепций). Рассмотрим аргументы в пользу каждого из трех возможных вариантов.

Возможен ли возврат к какому-либо варианту концепции, основанной на исключительной ответственности и гарантиях государства за развитие пусть даже такого важного со стратегической точки зрения региона, как Дальний Восток? Такой вариант принципиально возможен, но лишь в случае выполнения нескольких условий:

– если государство окажется в состоянии аккумулировать в бюджете и затем перераспределить в пользу экономических агентов на Дальнем Востоке инвестиционные и операционные финансовые и материальные ресурсы, гарантируя при этом равновесие на товарных рынках и нормативные параметры социальной системы;

– если окажется реальным реализовать в пространственном отношении принцип двойных институциональных стандартов, то есть сконструировать в пределах Дальнего Востока централизованный механизм выработки и реализации экономических решений и распределения экономических ресурсов, то есть сконструировать «командный анклав» в отдельно взятом мегарегионе;

– если отвергается основополагающая идея, лежащая в основе ныне действующей концепции развития региона – интеграция с внешними рынками в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так как экономика последнего функционирует исключительно в рамках рыночных механизмов.

Очевидно, что подобное сочетание условий нереально. Следовательно, вероятность размещения концепции развития в рамках блока «А» настолько мала, что ею можно пренебречь.

Какова вероятность того, что концепция (концепции) для будущих периодов позиционируются в блоке «С», то есть произойдет возврат к ситуации полной региональной автономии в экономике?

Практически это означает предположение об экономической катастрофе национального масштаба, которая может последовать в результате глобальной экономической катастрофы, в силу чего последствия системного кризиса в экономике и финансах будут иметь долговременный характер. Только в этом случае, во-первых, могут «исчезнуть» экономические интересы России в бассейне Тихого океана, а во-вторых, общеэкономическое равновесие в национальном масштабе опять модифицируется в совокупность локальных равновесий. Предположить такое развитие событий, значит предположить высокую вероятность демонтажа сложившейся системы глобального экономического равновесия, основанной на высокой степени адаптивности взаимодействующих экономических блоков.

Кроме того, даже при таком, почти апокалиптическом, развитии событий, по крайней мере, один «якорь», удерживающий спол-

зание ситуации в новую автаркию, все равно существует. Таким якорем является конструируемый в настоящее время корпоративный интерес, поддерживаемый и обеспечиваемый мощным инфраструктурным каркасом. Этот интерес заключается в удержании и расширении азиатского сегмента экспортного сырьевого рынка и получении стабильной экспортной ренты. Это является мощной гарантией того, что если не государство, то национальные корпорации отказались бы от сделанных за последние годы инвестиционных вложений в создание этого инвестиционного каркаса, а главное от ренты, генерируемой эксплуатацией этого каркаса уже сейчас и особенно в перспективе. А, следовательно, ресурсное обеспечение регионального развития неизбежно будет основано на некоторой части внерегиональных ресурсов, а целевая область новой концепции (концепций) все равно будет формироваться как минимум не только в пределах множества интересов и возможностей самого региона. То есть предположение о позиционировании будущих концепций развития в рамках блока «С» также маловероятно.

Следовательно, наиболее вероятно предположение о том, что концепция (концепции) предстоящей перспективы (№ 10–11) будет позиционирована в рамках блока «В». Скорее следует говорить все-таки о синтетической концепции будущего длинного периода (до 2050 г.), имея в виду, что она будет иметь определенные вариации или этапы реализации. В качестве таких этапов и будут выступать концепции № 10–11, причем концепция № 10 будет представлять собой концепцию создания базового контура развития региона, а концепция № 11 – концепцию завершения этого базового контура.

Содержание новой концепции развития региона непосредственно вытекает из проблемной области современного этапа регионального социально-экономического развития. Наиболее концентрированным выражением напряженности проблемной ситуации для региона является инвариантность качества региональной экономической и социальной систем и параметров их динамики относительно событий в рамках реализуемой в настоящее время концепции транснационального ресурсного транзита.

Следовательно, новая концепция регионального развития должна представлять собой идею активного формирования социальной и экономической систем, обеспечивающих видимые преобразования во времени количественных и качественных параметров функционирования экономики и социума на пространстве Дальнего Востока России. При этом следует учитывать экономико-географическую аксиому применительно к этому макрорегиону. Она заключается в том, что экономически и в отношении социальной

организации регион делится по широте на две крупные зоны: зона относительно диверсифицированного развития и зону относительно моноразвития, которые часто обозначаются как южная и северная зоны. Их различия сводятся с концептуальной точки зрения к различиям в распределении природных ресурсов и их масштабах, доступных для освоения и различиям в условиях применения факторов производства. С точки зрения теории сравнительных преимуществ в обеих частях региона может быть развернуто на сплошной основе полиотраслевое развитие, но лишь в южной части региона оно будет экономически оправданным. Это замечание существенно в том смысле, что исходное природно-ресурсное, климатическое, ландшафтное разнообразие предопределяет необходимость существования одновременно как минимум двух форм реализации концепции регионального развития.

Формирование регионального социально-экономического комплекса как активно функционирующего, то есть обладающего собственным потенциалом роста, улучшений качественных характеристик в экономике и социуме, оптимизирующим пространство, предполагает придание ему утраченных ранее признаков оптимальной автономии в духе концепции № 3 – концепции автономизации.

Очевидно, что в современном мире полного возврата к этой концепции не может быть. Взаимосвязи приобрели поистине глобальный характер. Речь идет о том, что должна быть воссоздана в новом виде идея «опоры на собственные силы». Но под ними теперь должны подразумеваться на собственные источники накопления и оборотных средств, как в 1920-е гг., такое действительно невозможно в эпоху глобальных финансовых рынков и международных рынков капитала, но собственные интересы региона как локального социума, инструментом реализации которых должны служить в регионе же локализованные новые виды экономической деятельности.

Как известно¹, в отдельно взятом регионе сосуществуют как минимум три группы интересов: национальные, отраслевые, региональные. В настоящее время следовало бы уточнить и дополнить этот перечень, рассматривая в регионе сосуществующие четыре группы интересов: интернациональные, национальные, корпоративные, региональные. Три первые группы интересов опираются на совершенно определенные множества экономических агентов и соответственно имеют совершенно определенные механизмы реа-

¹ Минакир П.А. Экономическое развитие региона: программный подход. М.: Наука, 1983.

лизации. Региональные интересы, которые по существу связаны с развитием социальной среды в регионе, фактически не имеют собственных механизмов для реализации, а источники их реализации являются производными от источников первых трех субъектов. Механизм и источники, адекватные представлениям региона о структуре и масштабах собственных интересов, появятся в том случае, если сам регион станет активным субъектом формирования экономической среды, понимая последнюю как подпространство двух экономических метапространств по отношению к самому региону – национального экономического пространства и экономического пространства Северо-Восточной Азии.

Это возможно в случае формирования концепции развития региона в период до 2050 г. как концепции новой индустриализации. Имеется в виду именно новая индустриализация, что означает два основных отличия.

Во-первых, речь идет не о реставрации индустриальной структуры 1930–1980-х гг., а о создании индустрии, основанной на современных и завтрашних (даже послезавтрашних) структурных, организационных и технологических принципах, формирующейся как сочетание высококонкурентных на национальном/глобальном рынке экономических агентов, которые ориентированы в своей деятельности не только (и не столько) на горную или земельную ренту, сколько на технологическую ренту на основе технической и технологической монополии на отдельных отраслевых рынках.

Однако формирование локальных по времени монополий на отдельных отраслевых рынках не является исключительной формой реализации концепции монопольно-ориентированных экономических агентов. В рамках «южного» фрагмента имеется в виду сочетание двух принципов: во-первых, организация собственно монопольно-ориентированных производств, опирающихся на технологические достижения отечественного и регионального научно-инновационного комплексов, а во-вторых, формирование разномасштабных (как крупных и средних, так и малых) экономических агентов, производственные процессы которых были бы интегрированы в интернациональные технологические цепочки, то есть представляли бы собой составные части единых воспроизводственных комплексов на соответствующих отраслевых рынках, реализуя идеи международного разделения труда.

Во-вторых, это означает отказ от идеализированных представлений о необходимости «максимизации добавленной стоимости» вообще в валовом региональном продукте и особенно в продукции

сырьевых добывающих отраслей, функционирующих в регионе. Увеличение доли добавленной стоимости может происходить, а может и не происходить в соответствии со спецификой того или иного производства, характеристиками сырья, которое является предметом труда в данном производстве, особенностями того или иного отраслевого рынка и механизмов ценообразования на нем. Добавленная стоимость должна являться предметом экономического и финансового расчета, а не средством политического пиара. Единственно концептуальный момент в области добывающей промышленности – перевод ее на высокий технологический уровень, чтобы исключить возможность финансовых потерь, как самих экономических агентов, так и субъектов РФ, на территории которых они функционируют.

Таким образом, новая индустриализация в пределах Дальнего Востока означает создание состоящей из двух макроструктурных фрагментов промышленно-сервисной структуры: южный фрагмент – высокотехнологичные виды деятельности по эксплуатации эффективных и конкурентоспособных на национальном/глобальном рынках сырьевых ресурсов, второй фрагмент – наукоемкие, в том числе венчурные, производства и услуги, эксплуатирующие локально-технологические монопольные эффекты также на национальном/глобальном рынках. Конечно, разделение на индустриальные фрагменты не носит абсолютного характера, то есть в пределах каждого сегмента возможны и вероятны элементы соседнего.

Важнейшим аргументом в пользу концепции новой индустриализации является также то, что в случае ее реализации экономическая структура и качество экономики в регионе будут соответствовать принципам и требованиям новой повышательной длинной волны как глобальной, так и национальной динамики.

Новая индустриализация и модернизация на ее основе экономической структуры региона является основополагающим идейным инструментом достижения главной цели регионального развития – обеспечения сопоставимых с развитыми странами Восточной Азии стандартов социальной среды, уровня и качества жизни. Использование этого инструмента не должно препятствовать или осложнять функционирование создающегося в настоящее время комплекса технико-экономических средств и объектов, конструирующих инфраструктурный каркас, обеспечивающий взаимодействие корпоративных структур Российской Федерации с Азиатско-Тихоокеанским регионом. То есть концепция новой индустриализации должна дополнять, но не разрушать основополагающие элементы концепции № 9.

В 2000–2005 гг. реализация вышеизложенной концепции предполагалась в формате решения следующих задач:

- создание комплекса высокотехнологичных производств по переработке регионального и транзитного сырья с экспортом и межрегиональным возвратом продукции переработки;

- создание промышленных кластеров высокотехнологического характера (аэрокосмического, судостроительного, биотехнологического, нефте- и газохимического, пр.);

- создание эффективного инфраструктурного каркаса;

- создание системы опорных городов и узлов промышленного каркаса;

- обеспечение социальных стандартов высокого уровня.

При этом наиболее «деликатным» вопросом полагалось обеспечение совмещения инфраструктурной функции Дальнего Востока с задачей формирования «новой индустриальной базы» в форме создания кластеров высокотехнологичных производств и сервисов в южной части региона. И решение этой задачи, как и реализация концепции новой индустриализации вообще представлялась в форме создания промышленно-сервисных дуг в южной части Дальнего Востока России (*рис. 3.2*). Предполагалось, что именно в зоне этих «дуг» возникнет обсуждавшаяся еще в конце 1980-х гг. экономическая «контактная зона» с сопредельными экономиками Северо-Восточной Азии (СВА)¹.

Однако уже к концу первого десятилетия XX в. ситуация кардинально изменилась. Идея формирования «перехватывающих приграничных дуг» реализуется в сопредельных с российским Дальним Востоком северо-восточных провинциях Китая, где действует специальная государственная программа модернизации старой промышленной базы. Фактически подобная индустриальная дуга, поддерживаемая современной и быстро развивающейся транспортной и коммуникационной инфраструктурой создана на территории северо-восточного Китая вдоль границы с Россией (*рис. 3.3*), и она осуществляет реально функции «перехвата» российского ресурсного экспорта, в первую очередь, нефти и леса.

На российской стороне границы также можно выделить сформировавшиеся «дуги», но их конфигурация, географические координаты и экономическое содержание кардинально отличаются от вышеописанной идеи. Эти «дуги», одна из которых (южная) почти в точности соответствует концептуальной дуге, изображенной на

¹ Минакир П.А. Тихоокеанская Россия в АТР и СВА: вызовы и возможности // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 5–20.

рисунке 3.2, отражают распределение в пространстве инвестиций, которые в период 2005–2011 гг. вкладывались из различных источников в развитие магистральной энергетической и транспортной инфраструктуры (южная дуга) и наращивание запасов и добычи минерально-сырьевых, в том числе топливно-энергетических ресурсов (северная дуга). То есть вместо «перехватывающей дуги» фактически сформировалась система из взаимодействующих «передающей» и «питающей» дуг.

Рис. 3.2. Промышленно-сервисные дуги

Можно говорить о том, что действующая в настоящее время концепция № 9 реализуется, или даже уже реализована, именно в формальном контексте «дуг», но главное содержательное отличие состоит в том, что южная дуга имеет не преобразовательную, а транзитную функцию. Поскольку «перехватывающая» дуга уже фактически смещена за пределы России (см. *рис. 3.3*), южный фрагмент новой промышленно-сервисной структуры должен в рамках концепции № 10 представлять собой некую дугообразную или даже приближенную к треугольнику пространственную фигуру (см. *рис. 3.3*) в пределах которой как раз и будут размещаться наукоемкие, в том числе венчурные, производства и услуги, ориентированные на создание и эксплуатацию технологических монополий на соответствующих отраслевых рынках.

Рис. 3.3. Модифицированная концепция промышленно-сервисных дуг

То есть пространственное отображение концепции № 10 – система из двух дуг (или дуга-треугольник), в которой северная дуга является географическим местом концентрации производств и услуг по эксплуатации рентоформирующих природных ресурсов, а северная дуга (треугольник) – географическое место концентрации высокотехнологичных монопольно емких перерабатывающих производств и услуг.

Конечно, все еще существует возможность совмещения в пределах южного фрагмента промышленной структуры высокотехнологичных маломасштабных монопольно ориентированных производств и производств по преобразованию части экспортных потоков в продукцию и услуги, экспортируемые в Северо-Восточную Азию, что предполагает значительно более масштабные и тонко ориентированные институциональные модернизации.

В общем случае реализация вышеизложенной концепции требует выбора определенного способа или последовательности действий по достижению цели перспективного развития, имея в виду, что концепция развития, как отмечалось выше, представляет собой общую идею целенаправленного развития. Эта последовательность действий или стратегия развития целиком определяется внешними и внутренними условиями, которые могут сложиться в перспективном периоде в самом регионе и в связи с этим регионом. Совокупность таких условий образует сценарий или сценарии перспективного периода.

4

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд¹

Демографические процессы

Важной и характерной чертой Дальнего Востока является наиболее поздний период его заселения по сравнению с другими территориями России. Сдерживающими факторами заселения являлись отдаленность территории и сложность ее освоения. Тем не менее, к началу 1991 г. в пределах российского Дальнего Востока сформировался довольно значительный населенческий потенциал благодаря экстенсивному характеру его освоения, предусматривающему привлечение в регион миграционных потоков. Помимо миграционных потоков в формировании населенческого потенциала значительную роль играл и естественный прирост численности населения, который был выше среднесоюзных показателей благодаря более молодой структуре населения. В результате численность населения Дальнего Востока за период 1926–1991 гг. увеличилась в 5,1 раза (в РФ – 60,2%); доля в населении России – с 1,7 до 5,4% (табл. 4.1, рис. 4.1). Важно отметить, что ни один из экономических районов страны (СССР) в советские годы не имел столь высоких темпов роста населения.

Максимальная численность населения в регионе отмечена на 1 января 1991 г. – 8056,6 тыс. чел. В кратчайший период, последовавший за катастрофическим распадом СССР, произошел перелом демографического развития – своеобразный феномен, обусловленный особенностями российского курса реформ и произошедшими в связи с этим политическими, экономическими и социальными

¹ Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153.

переменами. Дальний Восток потерял свою привлекательность, и миграционные потоки из фактора количественного увеличения численности населения превратились в фактор его уменьшения. Для региона характерной стала нисходящая демографическая динамика. Риск в демографическом развитии Дальнего Востока возник еще в 1989 г., с момента возникновения устойчивого отрицательного миграционного сальдо. Начиная с 1993 г. «маятник» динамики численности населения раскачался наиболее сильно: численность населения в регионе стала уменьшаться не только из-за миграционного оттока, но и естественной убыли.

Таблица 4.1

Численность населения Дальнего Востока за 1926–2017 гг.*

Территория	1926	1991	2017	1991 / 1926, раз	2017 / 1991, %
Российская Федерация, млн чел.	92 735	148 542,7	146 838,9	1,6	98,9
Дальний Восток	1572/100,0	8056,6/100,0	6184,5/100,0	5,1	76,8
Республика Саха (Якутия)	287/18,3	1108,6/13,8	962,8/15,6	3,9	86,8
Камчатский край	19/1,2	472,8/5,9	314,7/5,1	24,9	66,6
Приморский край	637/40,5	2299,6/28,5	1924,6/31,1	3,6	83,7
Хабаровский край	147/9,4	1619,7/20,1	1334,2/21,6	11,0	82,4
Амурская область	414/26,3	1073,7/13,3	801,8/13,0	2,6	74,7
Магаданская область	7/0,4	384,5/4,8	145,5/2,3	54,9	37,8
Сахалинская область	12/0,8	717,5/8,9	487,0/7,9	59,8	67,9
ЕАО	36/2,3	231,0/2,8	164,2/2,6	6,4	71,1
ЧАО	13/0,8	149,2/1,9	49,7/0,8	11,5	33,3

Примечание. * В числителе – численность, тыс. чел.; в знаменателе – удельный вес, %.

Источники: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. М.: Статистика, 1975; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации / Госкомстат России. 1992; Население субъектов Российской Федерации. 2017. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

К началу 2017 г. на Дальнем Востоке проживало 6,2 млн чел. – 76,8% жителей относительно 1991 г. За период 1991–2016 г. регион потерял 1869,0 тыс. чел. – 23,2% собственного населения (по существу, более чем каждого пятого жителя). Доля региона в общей численности населения России стремительно сокращается: в 2016 г. этот показатель составил 4,2% (в 1991 г. – 5,4%). По рангу показателя численности и плотности (1 чел./км²) населения Дальний Восток продолжает занимать последнее место и остается в лидерах по сокращению населения среди федеральных округов России. После Всероссийской переписи 2010 г. убыль населения продолжалась только в Дальневосточном и Приволжском федеральных округах. На демографической карте страны регион продолжает быть аутсайдером.

Демографическая ситуация стала складываться под воздействием кризиса экономики и снижения уровня жизни населения, трансформации социально-экономической системы, видоизменений приоритетов в ценностных ориентациях населения. Дальний Восток оказался на пути стабильного уменьшения численности населения. Если в советские годы северные территории Дальнего Востока отличались максимальными темпами прироста населения, то в период перестройки они заняли первые позиции по уменьшению численности своего населения (см. *табл. 4.1*).

Сложившийся в регионе населенческий потенциал следует рассматривать как базу, существенное увеличение (уменьшение) которой в перспективном периоде зависит от естественного воспроизводства и миграции. Каков баланс этих факторов, сыгравших свою роль в изменении динамики населения Дальнего Востока (*табл. 4.2*)?

Таблица 4.2

**Компоненты изменения численности населения,
1991–2016 гг., тыс. чел.**

Компонента	1991– 2000	2001– 2010	2011– 2015	2016	1991– 2016
Прирост (+), убыль (–), всего	–1232,0	–548,0	–89,0	0,0	–1869,0
естественное движение	–60,0	–148,5	+30,8	5,4	–172,1
миграция	–1172,0	–399,5	–120,0	–5,4	–1696,9

Источники: Демографические процессы на Дальнем Востоке России в 1991–2014 годах / МИА «Россия сегодня». 2015. 19 января; Численность населения РФ по полу и возрасту. 2009–2015 / ФСГС. 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094; Естественный прирост населения субъектов РФ. 2017. URL: <http://ru.wikipedia.org/wik>.

В общей потере населения (1869,0 тыс. чел.) естественная убыль составила 172,1 тыс. чел. (9,2%), миграционный отток – 1696,9 тыс. чел. (90,8%). Коэффициент естественного прироста населения (отношение естественного прироста населения к средней численности населения за определенный промежуток времени) на Дальнем Востоке опустился до 0,88‰ в 2016 г. против 5,1‰ в 1991 г.

Естественный прирост (убыль) населения зависит от трех факторов: рождаемости, смертности и возрастной структуры населения (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Коэффициенты естественного воспроизводства населения Дальнего Востока, ‰

Год	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность
1991	5,1	13,7	8,6
1999	-3,1	9,0	12,1
2000	-3,4	9,3	12,7
2011	-0,3	13,2	13,5
2012	0,9	14,0	13,1
2014	1,50	14,11	12,61
2015	1,31	13,97	12,66
2016	0,88	13,40	12,52

Источники: Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат России. 1994; Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2001. С. 122; Демографический ежегодник России. 2002–2015 / ФСГС. 2017.

Если в 1991 г. (год максимальной численности населения) общий коэффициент рождаемости на Дальнем Востоке составлял 13,7‰, то к 1999 г. он снизился до 9,0‰. Затем, начиная с 2000 г., наметилась тенденция роста рождаемости, благодаря более многочисленной когорте женщин, рожденных в благополучные с точки зрения демографических процессов 1980-е гг. и вступивших в репродуктивный возраст¹.

¹ По приближенным оценкам Б.Ц. Урланиса и В.А. Борисова, коэффициенты менее 16‰ считаются низкими, 16–24‰ – средними, 25–29‰ – выше средних, 30–39‰ – высокими, 40‰ и более – очень высокими. Более точным измерителем уровня рождаемости является суммарный коэффициент, который характеризует среднее число рождений у одной женщины за всю ее жизнь. При этом суммарные коэффициенты выше 4,0 считаются высокими, меньше 2,15 – низкими (Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 209).

Динамика суммарного коэффициента рождаемости на Дальнем Востоке выглядит следующим образом: 1991 г. – 1,843; 1993 г. – 1,440; 2012 г. – 1,780; 2013 г. – 1,814; 2014 г. – 1,869; 2015 г. – 1,893; 2016 г. – 1,858 (в России соответственно: 1,552; 1,385; 1,691; 1,707; 2014 г. – 1,750; 2015 г. – 1,777; 2016 г. – 1,762)¹. Сравнение российского и регионального суммарных коэффициентов рождаемости показывает, что по уровню рождаемости Дальний Восток в 1991 г. опережал российский уровень на 18,8%, в 2016 г. это опережение опустилось до 5,4%. Таким образом, динамика значений суммарного коэффициента рождаемости показывает, что Дальний Восток по воспроизводству населения приближается к общероссийским показателям.

Следовательно, исходя из анализа коэффициентов рождаемости, Дальневосточный регион находится на низкой ступени воспроизводства населения. Тем не менее, в условиях превышения рождаемости над смертностью с 2012 г. на Дальнем Востоке впервые за постсоветское время наблюдался естественный прирост населения. В настоящее время регион находится в числе четырех из девяти федеральных округов с положительным значением естественного прироста. При этом по уровню естественного воспроизводства населения (0,88‰) регион находится на третьем месте, уступая СКФО (8,14‰), УрФО (1,86‰) и опережая СФО (0,82‰)². В 2016 г. на Дальнем Востоке произошло снижение коэффициента рождаемости (14,11‰ в 2014 г. и 13,40‰ в 2016 г.), в России соответственно 13,27‰ и 12,90‰. Даже в условиях уменьшения коэффициента смертности коэффициент естественного прироста сократился (с 1,50‰ в 2014 г. до 0,88‰ в 2016 г.) (см. *табл. 4.3*).

Естественный прирост населения в целом по Дальнему Востоку в 2016 г. оставался положительным и составил 5431 чел., при этом он формировался за счет пяти дальневосточных субъектов РФ, хотя его значения оказались ниже показателя 2015 г.: Республика Саха (Якутия) – 7372 чел. (8226 чел. в 2015 г.), Хабаровский край – 466 чел. (1163 чел.), Камчатский край – 413 чел. (524 чел.), Чукотский автономный округ – 170 чел. (2015 г. – 198 чел.). Только на Сахалине показатель естественного прироста за 2016 г. – 554 чел. – превзошел уровень 2015 г. – 177 чел. Магаданская об-

¹ Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат России. 1994; Демографический ежегодник России. 2002–2015 / ФСГС. 2017; Суммарный коэффициент рождаемости в 2016 г. / ФСГС. 2017. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=2415002>.

² Естественный прирост населения субъектов Российской Федерации. 2017.

ласть от минимального положительного значения естественного прироста – 7 чел. в 2015 г. – вошла в список субъектов РФ с отрицательным значением данного показателя – 436 чел.; в Приморском крае в 2016 г. наблюдался самый высокий рост отрицательного значения естественного движения населения – 2601 чел. против 1510 чел. в 2015 г.; в Амурской области соответственно 620 чел. и 436 чел., в ЕАО – 282 чел. и 242 чел.

Смертность на Дальнем Востоке в 2016 г. была выше, чем в 1991 г., в 1,5 раза. Такая ситуация наблюдается во всех дальневосточных субъектах РФ. Но, как отмечалось выше, превышение смертности над рождаемостью стало явным с 1993 г. и продолжалось до 2012 г., в котором наметилось сокращение смертности, что в условиях роста рождаемости способствовало формированию естественного прироста. Продолжение сокращения смертности наблюдается до сих пор, но размер его минимален: в 2016 г. относительно 2012 г. он составил 4,4% в целом по региону (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Коэффициенты смертности в дальневосточных субъектах РФ, ‰

Территория	1991	1993	2012	2014	2015	2016	2016 / 2012
Дальний Восток	8,6	11,8	13,09	12,61	12,66	12,52	95,6
Республика Саха (Якутия)	6,9	8,8	9,33	8,61	8,58	8,36	89,6
Камчатский край	6,2	9,9	11,64	11,61	11,47	9,99	85,8
Приморский край	9,8	13,0	13,73	13,45	13,54	13,60	99,1
Хабаровский край	9,3	12,4	13,65	13,34	13,46	13,11	96,0
Амурская область	8,8	12,0	14,79	13,91	13,92	13,72	92,8
Магаданская область	5,8	11,1	12,80	12,08	11,93	11,40	89,1
Сахалинская область	8,7	8,9	13,90	13,08	13,28	13,12	94,4
ЕАО	9,7	12,9	15,30	15,06	15,60	15,19	99,3
ЧАО	4,2	7,6	11,42	10,70	9,67	10,05	88,0

Источники: Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат России. 1994; Естественный прирост населения субъектов Российской Федерации. 2017.

На уровне территорий коэффициент смертности в 2016 г. относительно 2012 г. сократился: в Хабаровском крае на 4%, в Сахалинской области – на 5,6%, в Амурской области – на 7,2%. Минимальный показатель сокращения коэффициента смертности оказался в Приморье – 0,9%, Еврейской автономной области –

0,7%. Максимальными показателями сокращения коэффициента смертности отличаются северные субъекты РФ: Камчатка – 14,2%, Чукотка – 12,0%, Магаданская область – 10,9%, Республика Саха (Якутия) – 10,4%. Если в 2016 г. коэффициент смертности по региону в целом уменьшился относительно 2015 г. всего на 1,1%, то в Приморском крае и Чукотском автономном округе этот показатель вырос (соответственно на 0,4 и 3,9%).

Даже при позитивном изменении коэффициента смертности в целом по Дальнему Востоку отмечается снижение коэффициента естественного прироста, доказательством чего служит отношение умерших к числу родившихся (табл. 4.5).

Таблица 4.5

**Отношение числа умерших к числу родившихся
в дальневосточных субъектах РФ, %**

Территория	2015	2016	2016 / 2015
Российская Федерация	98,3	99,7	+1,4
Дальний Восток	90,6	93,4	+3,0
Республика Саха (Якутия)	50,0	52,2	+4,3
Камчатский край	87,4	89,9	+2,8
Приморский край	106,1	111,0	+4,4
Хабаровский край	93,9	97,4	+3,6
Амурская область	104,0	106,0	+1,9
Магаданская область	99,6	102,5	+2,8
Сахалинская область	97,3	92,0	+5,8
ЕАО	110,3	112,7	+2,1
ЧАО	71,0	74,7	+5,0

Источник: Естественный прирост населения субъектов Российской Федерации. 2017.

Приведенные данные показывают, что на Дальнем Востоке соотношение умерших к числу родившихся превышает общероссийский показатель в 2,1 раза, что свидетельствует о неблагоприятном демографическом развитии региона на фоне российских показателей. Если в Российской Федерации число родившихся в 2016 г. было меньше, чем в 2015 г., на 2,6%, то в регионе – на 4,3%. Сокращение числа умерших в этот период было примерно одинаковым в стране и в регионе – соответственно на 1,2 и 1,3%.

Безусловно, такая ситуация в определенной степени обусловлена сокращением числа женщин в репродуктивном возрасте.

Как правило, под репродуктивным возрастом понимается доля женщин в возрасте 15–49 лет. От количества женщин в репродуктивном возрасте в общей численности населения зависит общее число родившихся и, соответственно, общий коэффициент рождаемости.

За рассматриваемый период максимальное число рождений было в 1991 г. (109 996 детей), минимальное – в 1993 г. (82 150 детей, или 74,7% относительно 1991 г.). В дальнейшем наблюдался непродолжительный рост числа рождений (2012 г. – 87 370, в 2014 г. – 87 653), но уже с 2015 г. наметился спад (86 549). В 2016 г. число рожденных детей (82 829) было выше всего на 0,8% относительно 1993 г.¹

Сегодня демография дает нам новые вызовы. Есть основания предполагать, что ситуация с рождаемостью может ухудшаться в дальнейшем, поскольку позитивные (с точки зрения влияния на рождаемость) перемены в возрастной структуре населения существенно изменятся. Если численность женщин детородного возраста на Дальнем Востоке в 2010 г. составляла 1722,5 тыс. чел., в 2015 г. 1530,8 тыс. чел., то к 2030 г., по нашим расчетам, это будет малолюдное поколение, рожденное в конце прошлого века, – 1314,3 тыс. чел. (рис. 4.1).

Численность женщин репродуктивного возраста в 2050 г. относительно 2010 г. составит 53,3%. Вполне очевидно, что при уменьшении доли женщин репродуктивного возраста трудно ожидать существенного повышения рождаемости даже в условиях ориентации на увеличение детности в семье.

Сложившийся уровень рождаемости является одной из причин заметного старения населения и, как следствие, его выбытия из экономически активного возраста, что влечет за собой естественное сокращение предложения труда и требует поиска вариантов замещения. В год переписи 2002 г. на Дальнем Востоке численность населения в возрасте моложе трудоспособного составила 59,1% относительно переписи 1989 г. и превышала численность населения старше трудоспособного в 2,7 раза. В 2002 г. это превышение составило 28,1%. В 2010 г. в структуре населения лиц моложе трудоспособного возраста было 17,5%, их оказалось меньше, чем населения в возрасте старше трудоспособного на 48,2 тыс. чел.,

¹ Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат России. 1994; Демографический ежегодник России. 2002–2015 / ФСГС. 2017; Естественный прирост населения субъектов Российской Федерации. 2017.

и уже соотношение между этими возрастными группами сменилось превышением старших возрастов над лицами младше трудоспособного возраста на 4,1%. Численность населения старше трудоспособного между переписями 1989–2002 гг. увеличилась на 24,9%, его доля в структуре населения, по данным переписи 2002 г., составляла 15,4%, в 2010 г. – 18,2%. За период 2002–2010 гг. численность населения в трудоспособном возрасте сократилась на 198,0 тыс. В будущем прогнозируется дальнейший спад удельного веса трудоспособного населения до 57,6% к 2030 г. и 46,7% к 2050 г.¹ (табл. 4.6). Из-за постарения населения коэффициент смертности может приобрести тенденцию к увеличению, и ситуация с уменьшением естественного воспроизводства населения продолжится.

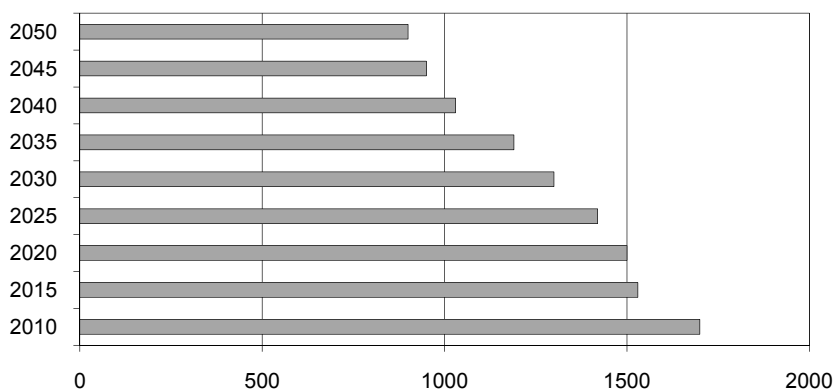

Рис. 4.1. Численность женщин на Дальнем Востоке в возрасте 15–49 лет, 2010–2050 гг., тыс. чел.

Источники: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. 2009–2015 / ФСГС. 2017; расчеты ИЭИ ДВО РАН по сценарию, где принималась гипотеза об изменении уровня рождаемости под влиянием трансформации численности и структуры женского репродуктивного контингента. В отношении смертности предполагалось постепенное ее сокращение благодаря государственной политике по развитию современной системы здравоохранения.

¹ Возрастно-половой состав и состояние в браке // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 2 / ФСГС. 2004. С. 209; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. 2009–2015 / ФСГС. 2017.

Таблица 4.6

**Динамика и структура численности населения
по возрастным группам на Дальнем Востоке**

Год	Возрастные группы на 01.01 соответствующего года					
	моложе трудоспособного		в трудоспособном		старше трудоспособного	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
2002	1321,5	19,8	4336,4	64,8	1031,4	15,4
2010	1126,9	17,5	4138,4	64,3	1175,1	18,2
2015	1154,0	18,4	3794,1	59,5	1323,2	21,1
2020	1271,5	18,7	3621,1	57,8	1472,3	23,5
2025	1047,4	17,2	3489,4	57,3	1552,9	25,5
2030	893,8	15,2	3387,0	57,6	1599,4	27,2
2035	803,0	14,1	3206,1	56,3	1685,6	29,6
2040	790,8	14,4	2,937,9	53,5	1762,8	32,1
2045	795,7	15,0	2636,4	49,7	1872,5	35,3
2050	779,4	15,3	2378,0	46,7	1935,7	38,0

Источник: Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 157.

Определенную роль в динамике рождаемости играет стабильность семейных отношений. В России за 2016 г. относительно 2015 г. на 15,1% сократилось количество официально зарегистрированных браков, на Дальнем Востоке – на 11,6%, при этом наблюдается сокращение числа разводов: в РФ их число уменьшилось на 0,5%, на Дальнем Востоке – на 1,3%. Некоторое увеличение стабильности семей еще не факт, что они будут ориентированы на многодетность, как это было традиционно до 50-х гг. XX в.¹ По состоянию на 2013 г. на Дальнем Востоке проживало 47 139 многодетных семей². В России на начало 2017 г. таких семей 1566 тыс. (в 2015 г. –

¹ В России многодетной принято считать семью с тремя и более несовершеннолетними детьми (в том числе усыновленными, а также пасынками и падчерицами) в возрасте до 16 лет, а также в возрасте до 18 лет, если они обучаются в образовательных учреждениях, реализующих общеобразовательные программы (Как спасти семью? // Аргументы и факты. 2017. 8 марта).

² Более 300 многодетных семей отказались от земель на Дальнем Востоке / Новости Mail.RU. 2013. 23 января.

1250 тыс. – рост 25,3%)¹. Возможен ли дальнейший рост числа многолетних семей даже при сохранении получения материнского капитала? В условиях сокращения численности женщин репродуктивного возраста рассчитывать на это весьма проблематично (см. *рис. 4.1*).

Неустойчивость демографического развития региона хорошо иллюстрирует потеря населения. Так, Республика Саха (Якутия) с 1991 г. и до начала 2017 г. потеряла практически каждого восьмого своего жителя, Приморский и Хабаровский края – шестого, Еврейская автономная и Амурская области – четвертого, Камчатский край и Сахалинская область – третьего, Магаданская область и Чукотский АО – почти каждого второго. Основную роль в потере населения, безусловно, сыграл миграционный отток.

Миграционные процессы

Наиболее значимым фактором формирования населения Дальнего Востока являются миграционные потоки: внутрирегиональные, межрегиональные и внешние (со странами СНГ и Балтии и дальним зарубежьем).

Внутрирегиональная миграция способствует только изменению численности населения одних дальневосточных территорий за счет других и не влияет на общую численность населения Дальнего Востока. Следует заметить, что миграционная активность населения внутри региона имеет тенденцию к увеличению (за 2011–2015 гг. рост составил 19,7%) и преимущественно направлена из сельской местности в городскую. Во внутрирегиональном миграционном потоке наибольшую активность проявляют жители Приморского и Хабаровского краев, Республики Саха (Якутия). В общем внутрирегиональном потоке в 2011 г. на эти территории приходилось 69,5% (74,1 тыс. чел.), в 2015 г. – 72,5% (92,7 тыс. чел.). Но они, тем не менее, приобретая для себя жителей других дальневосточных территорий, не имели миграционного прироста, так как теряли свое население в межрегиональном движении. Во внутрирегиональных потоках за 2011–2015 гг. проиграли (имели минусовое значение) Магаданская и Еврейская автономная области (*табл. 4.7*).

¹ Опора государства: число многолетних семей в России за шесть лет выросло на 25 процентов / ТВ-Новости. 2017. 28 марта.

Таблица 4.7

**Внутрирегиональные потоки населения
в дальневосточных субъектах РФ, тыс. чел.**

Территория	2011	2015	2015 / 2011, % (рост +, уменьшение –)
ДФО	106,8	127,8	+19,7
Республика Саха (Якутия)	18,1	23,3	+28,7
Камчатский край	2,2	3,3	+50,0
Приморский край	36,5	45,1	+23,6
Хабаровский край	19,5	24,3	+24,6
Амурская область	16,8	17,3	+3,0
Магаданская область	2,6	1,7	–34,6
Сахалинская область	8,0	10,0	+25,0
ЧАО	0,6	0,8	+33,3
ЕАО	2,5	2,0	–20,0

Источники: Регионы России. 2002–2016 / ФСГС. 2017; Численность и миграция населения РФ. 2009–2016 / ФСГС. 2017.

В межрегиональных миграционных потоках Дальний Восток постоянно проигрывает, и прежде всего из-за уровня социально-экономического развития, на который, так или иначе, ориентируется население, что является в большей степени основной формирования миграционной мотивации. Действительно, по среднему доходу дальневосточные регионы существенно отстают от целого ряда субъектов РФ¹, расположенных в западной части страны и являющихся центрами притяжения для населения с Дальнего Востока. Это является результатом серьезного «разрыва» между общим развитием экономики и доходами населения: ВРП на душу населения в регионе превосходит соответствующий среднероссийский показатель почти в два раза, а социально-экономическое неравенство обусловлено особенностями распределения доходов. Структурные особенности экономики Дальнего Востока, связанные главным образом с экспортом природных ресурсов и осуществлением крупных налоговых отчислений в федеральный бюджет, не создают предпосылок для видимого увеличения среднедушевых доходов населения региона².

¹ Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Свердловская область, Самарская область, Республика Татарстан и т. д.

² Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.

Межрегиональные взаимодействия Дальнего Востока сложились таким образом, что регион, по существу, оказался донором населения и трудовых ресурсов для других федеральных округов России. Внутрirosсийская миграция, необходимая для социально-экономического развития и улучшения демографической ситуации на Дальнем Востоке, продолжает сокращаться¹. Ни один из федеральных округов России не дает положительного сальдо в обмене населением с Дальним Востоком (табл. 4.8).

Из приведенных данных явствует, что отрицательное значение миграционного сальдо в партнерстве с российскими регионами за период 2010–2015 гг. увеличилось на 7,8%. Наибольшие масштабы миграционного оттока за пределы Дальнего Востока направлены в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. Если в 2010 г. они вобрали в себя 70,2% от совокупного отрицательного сальдо по ДФО, то в 2015 г. – 86,2%. В целом отрицательное миграционное сальдо с указанными федеральными округами увеличилось на 32,5%. Таким образом, данные федеральные округа являются наиболее предпочтительными в формировании миграционной мотивации и, по существу, превратились в основные центры притяжения для выезжающих за пределы Дальнего Востока. Стоит заметить, что у Центрального федерального округа в 2015 г. отрицательное сальдо уменьшилось на 10,5%, хотя результативность миграции в целом за период 2010–2015 гг. увеличилась в 2,3 раза. Все остальные федеральные округа, кроме названных выше, уменьшили свое отрицательное миграционное сальдо для Дальнего Востока почти наполовину (на 49,7%), поскольку число прибывших в 2015 г. увеличилось в 2,4 раза, а число выбывших из региона – в 1,5 раза. В итоге значительно повысилась результативность миграционного взаимодействия с ними, что пока не отразилось на смене отрицательного сальдо миграции на положительное для региона в целом, и на демографической карте регион продолжает быть аутсайдером (см. табл. 4.8).

¹ Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 159.

Таблица 4.8

**Миграционное взаимодействие ДФО
с федеральными округами РФ, чел.**

Федеральный округ	Прибывшие в ДФО из ФО		Выбывшие из ДФО в ФО		Миграционное сальдо		Результативность миграции	
	2010	2015	2010	2015	2010	2015	2010	2015
РФ	18 703	52 101	49 141	84 917	-30 438	-32 816	38	61
Центральный	3488	11 129	15 177	21 593	-11 689	-10 464	23	52
Северо-Западный	1487	6461	5794	14 691	-4307	-8230	26	44
Южный	2091	6721	7459	16 326	-5368	-9605	28	41
Северо-Кавказский	1064	2158	1618	2386	-554	-228	66	90
Приволжский	2839	6114	5590	7753	-2751	-1639	51	79
Уральский	1108	2934	2285	3585	-1177	-651	48	82
Сибирский	6626	16 014	11 218	16 797	-4592	-783	59	95
Крымский	...	570	...	1786	...	-1216	...	32

Источник: Численность и миграция населения РФ. 2009–2016 / ФСГС. 2017.

Изменить сложившуюся ситуацию в миграционном обмене с российскими регионами в условиях социально-экономического неравенства непросто: условия проживания здесь значительно более сложные, а установленные льготы перестали быть стимулом для закрепления населения¹. Разница в реальных доходах жителей Дальнего Востока с другими регионами, повышенная стоимость товаров и услуг обуславливают попадание в первую двадцатку самых дорогих территорий страны (*табл. 4.9*).

Поэтому современное социально-экономическое положение Дальнего Востока, ослабление внимания к опережающему повышению уровня жизни может явиться стимулятором миграционного оттока населения из столь важного по политическим и стратегическим соображениям региона.

¹ Ивлев Я.Я., Галичанин Е.Н. Дальний Восток и Забайкалье (историко-экономический обзор) / Приамурское географическое общество. Хабаровск, 1998. С. 10–12.

Таблица 4.9

**Место территорий Дальнего Востока в рейтинге РФ
по качеству жизни**

Территория	2012	2013	2014	2015	2016
Республика Саха (Якутия)	67	70	70	72	71
Камчатский край	48	54	51	32	32
Приморский край	56	53	60	55	51
Хабаровский край	39	39	41	38	36
Амурская область	70	68	68	63	67
Магаданская область	32	33	40	46	39
Сахалинская область	28	34	34	50	53
ЧАО	72	71	77	79	77
ЕАО	76	72	74	78	81

Источники: Рейтинг регионов по качеству жизни. 2014 / РИА Рейтинг. 2014. 22 декабря. URL: <http://riarating.ru/infografika/20141222/610641471.html>; Рейтинг регионов по качеству жизни. 2016 / РИА Рейтинг. 2017. 20 февраля. URL: <http://riarating.ru/regions/20170220/630056195.html>.

Продолжительность проживания в регионе также сказывается на мотивации миграционного поведения. Потенциальными мигрантами является население, прожившее на Дальнем Востоке относительно короткое время. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в дальневосточных субъектах РФ проживало с рождения менее половины жителей (48,7%), перепись 2010 г. зарегистрировала значительно меньше – 40,3%¹.

В отличие от межрегиональной миграции, Дальний Восток имеет положительное сальдо в миграционном партнерстве со странами ближнего зарубежья (странами СНГ). Правда, при этом положительное сальдо является несоизмеримо меньшим по размерам (8207 чел.) в сравнении с периодом до начала перестройки – 33,5 тыс. чел. в 1986 г.² (табл. 4.10).

¹ Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: в 14 т. Т. 10 / ФСГС. 2005. С. 358; Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Т. 8 / ФСГС. 2013. С. 369, 484–485.

² Мотрич Е.Л. Миграционные компоненты демографического развития Дальневосточного федерального округа // Демографическое развитие российского Дальнего Востока. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 3. № 1. М.: Изд-во «Эконом-Информ», 2016. С. 87.

Таблица 4.10

**Миграционное взаимодействие территорий
Дальнего Востока со странами СНГ, чел.**

Территория	Прибывшие из стран СНГ		Выбывшие в страны СНГ		Миграционное сальдо за счет стран СНГ	
	2011	2015	2011	2015	2011	2015
Дальний Восток	13 912	22 144	2158	13 937	11 754	8207
Республика Саха (Якутия)	1416	1018	734	599	682	419
Камчатский край	2440	3504	91	2475	2349	1029
Приморский край	4886	6817	642	4679	4244	2138
Хабаровский край	1612	5211	317	3574	1295	1637
Амурская область	327	1510	138	975	189	535
Магаданская область	483	1200	102	280	381	920
Сахалинская область	2396	2509	86	1175	2310	1334
ЕАО	92	219	24	141	68	78
ЧАО	260	156	24	39	236	117

Источник: Численность и миграция населения РФ. 2009–2016 / ФСГС. 2017.

Анализ миграционного партнерства со странами СНГ показывает, что в абсолютном выражении за последние пять лет (2011–2015) положительное миграционное сальдо за счет этих стран сократилось на 30,1%, что обусловлено тем, что за эти годы прибывших стало больше на 59,2%, а число выбывших – в 5,5 раза. Возрастающее положительное сальдо этого потока за 2011–2015 гг. присуще только четырем из девяти территорий региона: Хабаровскому краю, Амурской, Магаданской и Еврейской автономной областям. Но при этом в ЕАО отмечается минимальный эффект. Результативность миграции со странами СНГ, в отличие от аналогичного показателя в межрегиональной миграции, выше: с регионами России этот показатель в 2015 г. составил 61 чел. прибывших на 100 чел. выбывших (см. табл. 4.8), здесь – 159 чел. (в 2,6 раза выше). Поэтому здесь можно отметить и отрицательное значение высокого (холостого) оборота мигрантов, что может осложнять социально-экономическую обстановку в регионе.

В перспективе миграционное взаимодействие Дальнего Востока со странами СНГ может иметь тенденцию к понижению, поскольку происходит трансформация в соотношении числа выбыв-

ших к прибывшим. Например, в Хабаровском крае прибывших в 2011 г. было больше относительно числа выбывших в 5,1 раза, в 2015 г. – в 1,5 раза, в Амурской области соответственно в 2,4 и 1,5 раза, в Магаданской области – в 4,7 и 4,3 раза, в ЕАО – в 3,8 и 1,5 раза. Это, безусловно, говорит о низкой приживаемости мигрантов на территории вселения, что свидетельствует о несоответствии ожидаемого с действительностью в месте нового вселения. Но все-таки целью миграционной политики должно стать закрепление мигрантов из стран СНГ на территории Дальнего Востока, с тем чтобы последующие их поколения, выросшие в русской среде, не имели проблем с интеграцией¹. В результате Дальний Восток мог бы численно прирастать за счет мигрантов стран СНГ.

Изменились тенденции в миграционном взаимодействии со странами дальнего зарубежья: положительное миграционное saldo в 2015 г. составило всего 15,6% от уровня 2011 г. (2860 чел. в 2001 г. и 445 чел. в 2015 г.). Но здесь нужно заметить, что высокий миграционный прирост в 2011 г. был во многом обусловлен привлечением рабочей силы на строительство объектов для Саммита АТЭС-2012, по завершении которых мигранты покинули регион (*табл. 4.11*).

Результатом значительного сокращения миграционного saldo явилось и изменение результативности миграции со странами дальнего зарубежья. Если в 2011 г. прибывших было в 3,5 раза больше выбывших за пределы Дальнего Востока в дальнее зарубежье, то в 2015 г. их число составило 104 прибывших на 100 выбывших. Тем не менее, стоит констатировать, что, несмотря на значительное сокращение миграционного saldo со странами дальнего зарубежья, величина холостого оборота мигрантов остается высокой.

Положительное saldo в миграционном взаимодействии со странами дальнего зарубежья в настоящее время сохраняют Приморский и Хабаровский края и в минимальных размерах Камчатский край. Но при этом миграционное saldo в Приморском крае в 2015 г. составило 11,8% от уровня 2011 г., в Хабаровском крае – 45,5%; в Камчатском крае динамика этого показателя минимальна и практически стабильна: 39 чел. в 2011 г. и 37 чел. в 2015 г. Положительное saldo прослеживается на Сахалине и в ЧАО, но его величина практически неосвязаема.

¹ Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 602.

Таблица 4.11

**Миграционное взаимодействие территорий Дальнего Востока
со странами дальнего зарубежья, чел.**

Территория	Прибывшие из стран дальнего зарубежья		Выбывшие в страны дальнего за- рубежья		Миграцион- ное сальдо за счет стран дальнего за- рубежья	
	2011	2015	2011	2015	2011	2015
Дальний Восток	4011	12 416	1151	11 971	2860	445
Республика Саха (Якутия)	22	8	20	12	2	-4
Камчатский край	59	142	20	105	39	37
Приморский край	2777	5218	534	4950	2243	268
Хабаровский край	1000	4672	391	4395	609	277
Амурская область	22	2282	52	2413	-30	-131
Магаданская область	10	4	12	8	-2	-4
Сахалинская область	71	71	79	66	-8	5
ЕАО	43	18	40	22	3	-4
ЧАО	7	1	3	-	4	1

Источник: Численность и миграция населения РФ. 2009–2016 / ФСГС. 2017.

Анализ по всем трендам миграционных потоков (внутрирегиональным, межрегиональным и внешним) свидетельствует о нарастающем ограничении в численном приросте населения в регионе за счет миграции. Реально предположить, что обмен населением по всем трендам миграционных потоков содержит в себе определенные риски для дальнейшего демографического развития. Поэтому не случайно в последнее время много надежд возлагается на привлечение населения на Дальний Восток путем программы по переселению соотечественников и бесплатного предоставления гектара земли.

Безусловно, хотелось бы оптимистически взглянуть на перспективы демографического развития на Дальнем Востоке. Однако возникает естественный вопрос: на какую численность населения может рассчитывать Дальний Восток в ближайшей перспективе?

В принятой «Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.» (распоряжение Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р) заложена, как стратегическая цель социально-экономического развития региона, стабилизация чис-

ленности населения на уровне 6,2–6,3 млн чел. к 2020 г. и рост до 6,5 млн чел. к 2025 г.

Представляется, что в этих расчетах содержатся определенные риски, поскольку в 2016 г. миграционный отток унес за пределы Дальнего Востока 5,4 тыс. чел. (см. *табл. 2*), а в 2017 г. началось падение естественного воспроизводства населения. К примеру, даже в благополучном по естественному движению населения Хабаровском крае, за январь – февраль 2017 г. естественная убыль, по данным Территориального отделения ГФСС по Хабаровскому краю, составила 563 чел. Следовательно, признавая необходимость и целесообразность стабилизации и увеличения численности постоянного населения в регионе, следует центральное звено любой стратегии его развития ориентировать на создание экономически и социально привлекательных условий жизни и труда, на обеспечение базовых условий для восстановления естественного воспроизводства населения, сокращения миграционного оттока, то есть должна быть четкая согласованность с социально-экономическим развитием Дальнего Востока.

Основные мероприятия по закреплению населения на Дальнем Востоке должны быть нацелены на решение самых чувствительных вопросов, тех, которые связаны с созданием комфортных условий для повседневной жизни, для работы. Если признать необходимость и целесообразность формирования стабильного населения в регионе, то следует центральное звено любой концепции его развития ориентировать на создание здесь экономически и социально привлекательных условий жизни и труда.

Представляется, что достижение такой главной цели возможно, если:

- обеспечить динамичный экономический рост, реализацию крупных инфраструктурных проектов и создание новых рабочих мест в восточных регионах России, что позволит в конечном итоге повысить роль денежных доходов (реальных и номинальных) в закреплении населения;

- преодолеть фактор территориальной и экономической удаленности от Центра страны за счет компенсации всем дальневосточникам стоимости проезда к местам учебы, отдыха, лечения;

- обеспечить в регионе комфортные условия проживания, которые зависят не только от уровня доходов населения, но и от развитости отраслей социальной сферы, доступности жилья и социальных услуг. При этом качество и доступность услуг должны значительно превышать среднероссийский уровень для компенсации неблагоприятных природных, климатических и географических условий проживания населения;

– установить на федеральном уровне преференций для субъектов социальной сферы (образования, здравоохранения, культуры и спорта, социальной защиты) дальневосточных территорий для выравнивания стартовых возможностей при их участии в конкурсных отборах, проводимых федеральными органами управления в рамках национальных проектов и федеральных целевых программ¹.

4.2. Благосостояние населения Дальнего Востока: номинальные и реальные доходы

В 2016 г. Дальний Восток оставался одним из главных приоритетов в региональной политике российского государства. В течение года принимались решения, призванные привлечь массивные инвестиции в регион, способные ускорить запуск крупнейших проектов, активизировать международное сотрудничество и, в конечном итоге, повысить качество жизни населения. Именно последнее чаще всего звучит в качестве фактора привлекательности для потенциальных внутрироссийских мигрантов, желающих связать свою жизнь с дальневосточными перспективами. В то же время анализ социально-экономической ситуации показывает, что принимаемые государством меры и механизмы их реализации не дают моментальных результатов². Дальний Восток не смогли обойти стороной кризисные процессы, и макрорегион не только не демонстрировал опережающего развития, но и по ряду показателей заметно отставал³. Коснулось это и важной составля-

¹ Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Влияние социально-демографической ситуации на трудовую миграцию: дальневосточный вектор // Проблемы прогнозирования. 2009. № 5. С.134–146.

² Минакир П.А. О стратегиях роста российской экономики // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 158–167; Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Экономическая конъюнктура в ДФО в 2016 г. // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 138–173; Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. 2017. № 4. С. 5–26; Минакир П.А. Дальневосточное измерение пространственной экономики // Мир перемен. 2016. № 4. С. 140–148; Крюков В.А. Недалний Восток // ЭКО. 2017. № 4. С. 2–4; Исаев А.Г. Территории опережающего развития новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61–77.

³ Туровский Р. Зависший на переходе // Информационно-аналитическое агентство «Восток России». URL: <http://www.eastrussia.ru/material/zavissiy-na-perekhode/>; Дальний Восток нищает быстрее других регионов // Независимая газета. 9 февраля 2017.

ющей качества жизни в регионе – доходов и расходов населения¹. Сложившиеся и постоянно воспроизводимые в средствах массовой информации представления о Дальнем Востоке как регионе, где население получает очень высокую заработную плату и имеет высокие доходы, требуют адекватных оценок и соответствующих пояснений о том, каков на самом деле реальный уровень жизни в регионе, где действуют ограничения, сокращающие это номинальное преимущество.

Динамика и структура доходов населения

По официальным данным Росстата в 2016 г. номинальный размер среднедушевых доходов населения в целом по Дальнему Востоку составил 36441 руб. в месяц, практически не изменившись по сравнению с 2015 г. (прирост составил всего 0,3%), что в сочетании с ростом индекса потребительских цен (5,4% к уровню 2015 г.) спровоцировало неизбежное падение реальных доходов населения (–6,5% против –1% в 2015 г.) (табл. 4.12).

Номинальный прирост среднемесячной заработной платы дальневосточников, достигшей в 2016 г. 46113 руб. на человека, составил 6,8% к уровню 2015 г. Даже на фоне замедлившегося роста индекса потребительских цен (5,4% против 12,0% в 2015 г.) он не смог обеспечить положительной динамики реального содержания заработной платы (–0,3% к уровню 2015 г.), но удержал от глубокого падения (–7,8% в 2015 г. к уровню 2014 г.). Не улучшили ситуацию и назначенные вместо летней индексации единовременные выплаты пенсионерам (в соответствии с федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 385-ФЗ в размере 5000 руб.), которые были начислены только за январь 2017 г.² Без их учета номинальный рост среднемесячной начисленной пенсии в 2016 г. по Дальнему Востоку составил всего 2,7% относительно 2015 г., что при опережающем росте потребительской инфляции обесценило реальный размер пенсии на –2,6%.

¹ Прокапало О.М., Найден С.Н., Мотрич Е.Л., Бардаль А.Б. Российский Дальний Восток: экономические тренды / под ред. О.М. Прокапало; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. URL: <http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/151-2017-books/1162-book2017-prokapalo>.

² Голяшев А.В., Григорьев Л.М., Лобанва А.А., Павлюшина В.А. Особенности выхода из рецессии: доходы населения и инфляция // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 99–124.

Таблица 4.12

**Прирост доходов, заработной платы и пенсий в ДФО,
в % к предыдущему году**

Показатель		2012	2013	2014	2015	2016
Среднедушевые денежные доходы населения	номинальные	9,7	15,3	10,5	13,6	0,3
	реальные	4,9	6,2	2,8	-1,0	-6,5
Среднемесячная начисленная заработная плата	номинальные	14,6	11,8	8,8	5,6	6,8
	реальные	8,8	5,0	1,5	-7,8	-0,3
Среднемесячная назначенная пенсия	номинальные	10,9	9,8	8,8	11,1	2,7* (37,6**)
	реальные	4,5	3,2	-1,7	1,5	-2,6* (30,6**)
Индекс потребительских цен		5,9	6,6	10,7	12,0	5,4

Примечание. * Данные за IV кв. 2016 г. ** С учетом единовременной денежной выплаты, начисленной в декабре 2016 г. и выплаченной в январе 2017 г. в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 385-ФЗ в размере 5000 рублей.

Источники: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. М., 2017; Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. / ФСГС России. 2017. С. 365–366; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 г. / Росстат. М., 2017. С. 56–60.

Несмотря на отсутствие официальных статистических данных за 2016 г. о структуре доходов населения в разрезе территорий Дальнего Востока, можно предположить, что в прошедшем году, с высокой долей вероятности, сохранились изменения, произошедшие в период 2012–2015 гг.¹, когда под влиянием кризисных явлений в экономике неуклонно сокращался удельный вес трех основных источников формирования денежных доходов. Так доля оплаты труда снизилась с 56,1 до 48,1%, доля доходов от предпринимательской деятельности – с 11 до 9,5%, и социальные выплаты – с 18,9 до 18,1% (рис. 4.2).

Доля доходов от собственности, хотя и повысилась на 0,8 п. п. (с 2,8 до 3,6%), но в целом не оказала существенного влияния на формирование денежной массы у населения региона. Заметный прирост номинальных доходов в 2013–2014 гг. и особенно в 2015 г. был связан с попытками населения компенсировать выпада-

¹ Найден, С.Н., Мотрич Е.Л., Грицко М.А. Региональный мониторинг качества жизни населения: Хабаровский край и Дальний Восток // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 2 (192). С. 75–85.

ющие доходы и обеспечить поддержку привычного уровня жизни за счет вовлечения в оборот «отложенных» сбережений, доходов от продажи валюты и т.п. источников. Далеко не последнюю роль сыграло, возобновление «скрытых» форм заработной платы, которые по разным причинам используют и население, и работодатели¹. Тем не менее, в 2016 г. реальные денежные доходы дальневосточников опустились до уровня 4–5 летней давности, составив 96,4%, реальная начисленная заработная плата – 93,9%, реальный размер назначенных пенсий – 95,0% от уровня 2013 г.

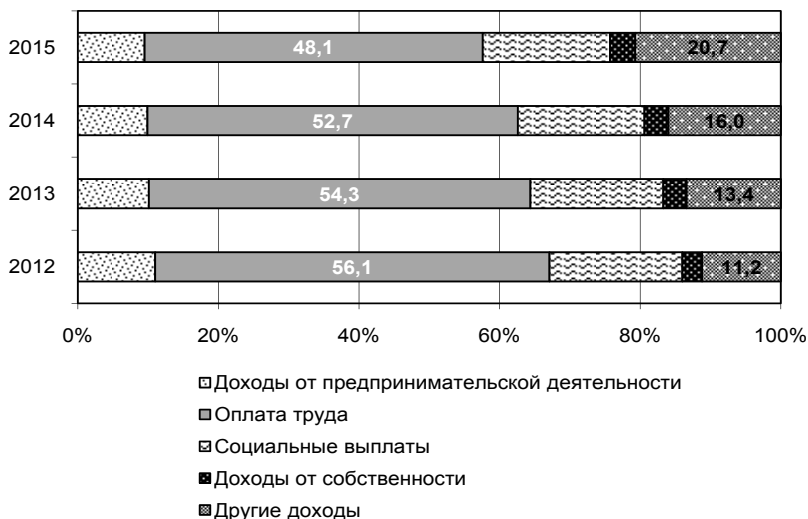

Рис. 4.2. Структура денежных доходов населения Дальнего Востока в 2012–2015 гг., %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2016 / Росстат. М., 2013–2017.

Следует отметить, что отрицательную динамику доходов населения показали все территории региона. Однако более 10% от реального размера своих доходов потеряли, в первую очередь, жители северных районов: Чукотского автономного округа (–15,4%), Магаданской области (–13,2%), Камчатского края (–10,4%); а также неизменного аутсайдера – Еврейской автономной области (–10,4%), где наиболее остро проявляются последствия кризисных

¹ Эксперты увидели риск ухода россиян в тень из-за недоверия к государству // РБК. 2016. 6 октября.

явлений на рынках труда и высок удельный вес социального патронажа государства. Чуть меньше, но все-таки существенно потеряли в реальных доходах представители Амурской области (–9,3%) (табл. 4.13). Рост реальной заработной платы показали только два субъекта РФ – Сахалинская область (1,4% к уровню 2015 г.) и Приморский край (0,3%), где номинальное приращение оплаты труда превысило рост потребительских цен на товары и услуги. Если игнорировать начисленный размер пенсии за январь 2017 г. с учетом единовременной выплаты в сумме 5000 руб., то окажется, что ее незначительный номинальный рост был поглощен потребительской инфляцией и реальные пенсии во всех дальневосточных субъектах РФ сократились по сравнению с 2015 г. на 1,7–4,2 п. п.

Таблица 4.13

Динамика доходов, заработной платы, пенсий и ИПЦ в 2016 г., %

Территория	Денежные доходы		Заработная плата		Пенсия*		Пенсия**		ИПЦ
	Н	Р	Н	Р	Н	Р	Н	Р	
РФ	101,0	94,4	107,8	100,7	102,9	97,6	144,2	136,9	105,4
ДФО	100,3	93,5	106,8	99,7	102,7	97,4	137,6	130,6	105,4
Республика Саха (Якутия)	104,3	97,0	107,1	99,4	102,4	96,6	132,5	125,0	106,0
Камчатский край	96,8	89,6	105,4	97,7	102,6	97,1	128,9	122,0	105,7
Приморский край	98,5	92,4	106,8	100,3	102,9	98,1	143,3	136,6	104,9
Хабаровский край	102,8	95,3	106,1	98,5	102,6	96,7	138,0	130,1	106,1
Амурская область	97,4	90,7	104,8	97,8	103,2	98,3	144,2	137,3	105,0
Магаданская область	93,3	86,8	105,2	98,4	102,0	98,3	127,7	123,1	103,7
Сахалинская область	102,6	96,8	107,3	101,4	102,7	98,0	133,2	127,1	104,8
ЕАО	96,9	89,6	105,9	98,5	103,1	96,6	145,5	136,4	106,7
ЧАО	92,5	84,6	108,1	99,2	101,4	95,8	123,7	116,8	105,9

Примечание: Н – номинальные, Р – реальные, ИПЦ – индекс потребительских цен. * Оценка за IV кв. 2016 г. ** С учетом единовременной денежной выплаты, произведенной в январе 2017 г. в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016г. № 385-ФЗ в размере 5000 рублей.

Источники: Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. / ФСГС России. 2017; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 г. / Росстат. М., 2017.

Среди регионов с отрицательной динамикой реальных пенсий стабильно держатся северные территории (Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Камчатский край), отличающиеся повышенной стоимостью жизни, и экономически нестабильная Еврейская автономная область с самым низким номинальным размером пенсионного обеспечения, проигрывающим инфляционной атаке. Однако на протяжении 2014–2016 гг. падают реальные пенсии и в более благополучных с экономической точки зрения южных субъектах РФ (Приморском и Хабаровском краях, Амурской области), где номинальный прирост пенсий не справляется с отражением потребительской инфляции.

Анализ структуры денежных доходов населения по всем территориям Дальнего Востока показывает, что оплата труда остается наиболее весомой ее частью. Тем не менее, в структуре доходов населения Приморского края она остается самой низкой в регионе (37,4% от общих доходов населения в 2015 г.), в отличие от ЧАО, Республики Саха (Якутия) и Камчатского края, где доходы жителей на 60–70% обеспечиваются за счет заработной платы¹ (рис. 4.3). В то время как социальные выплаты в общей массе формируемых доходов населения стабильно занимают примерно 1/5–1/6 часть. Это происходит на фоне демографических трендов и меняющейся возрастной структуры населения, когда к верхней границе трудоспособности подходят более многочисленные когорты граждан². Как следствие, продолжает увеличиваться численность пенсионеров, которая на 1 января 2017 г. достигла 1 млн 950 тыс. человек или 31,5% от общей численности населения Дальнего Востока³. Прирост только за 2016 г. составил +150 тыс. человек или 8,3% к уров-

¹ Следует заметить, что дальневосточники предъявляют вполне реальные требования к уровню желаемой заработной платы. Так, по результатам опросов населения, проведенным исследовательским холдингом Romir в начале 2017 года, оказалось, что только на Дальнем Востоке желаемые размеры доходов и зарплаты почти совпали со среднестатистическими показателям по этому региону. В остальных же округах данные по запросам и средним реальным доходам разнятся, и в некоторых регионах почти двукратно (Аналитические обзоры. URL:http://romir.ru/studies/915_1495486800/).

² Мотрич Е.Л. Демографическая ситуация на дальнем Востоке России: основные тренды и вызовы // Народонаселение. 2016. Т. 1. № 1 (71-1). С. 25–33; Мотрич, Е.Л., Найден С.Н. Демографические реалии и социальные перспективы регионов Дальнего Востока и Забайкалья // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 84–94.

³ Центральная база статистических данных. / ФСГС России. 2017. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>.

ню 2015 г. Соответственно возросла нагрузка на работающее население. Теперь на 100 пенсионеров приходится всего 162 занятых в экономике, вместо 188–190 занятых в 2012 г.

Повсеместно падающая доля доходов от предпринимательской деятельности, остается значимой в двух дальневосточных субъектах – Республике Саха (Якутия) и Еврейской автономной области (соответственно 14,5% и 14%), для которых характерно не столько наличие возможностей для развития предпринимательства, сколько, скорее всего, отсутствие других способов получения доходов, учитывая сложившийся характер расселения (наличие отдаленных поселений) и распространение низкодоходных видов экономической деятельности (сельское хозяйство, охота, рыболовство и пр.). Доходы от собственности пока остаются лишь незначительным дополнением в бюджетах населения региона, варьируя в пределах 2,75 (Еврейская автономная область) до 5,9% (Сахалинская область).

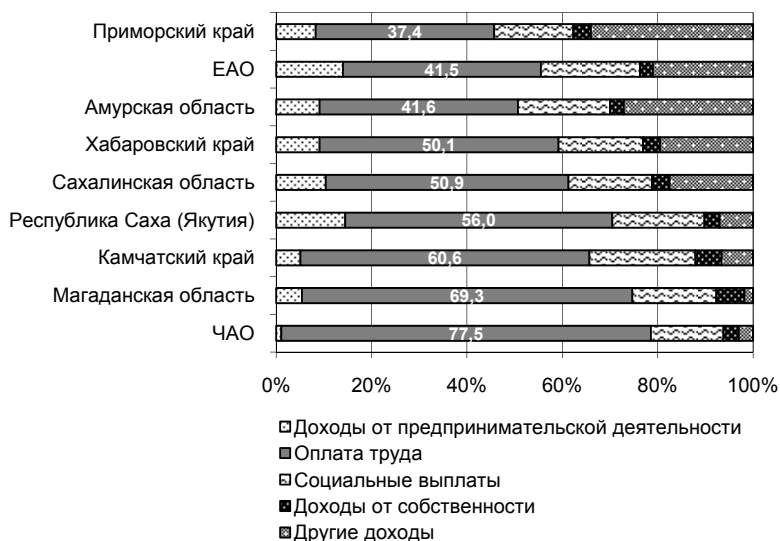

Рис. 4.3. Структура денежных доходов населения Дальнего Востока в 2015 г., %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2016 / Росстат. М., 2013–2017.

А вот категория «других доходов» значительно увеличилась за 2013–2015 гг. Так, среднестатистический доход жителей Приморского края формируется за счет непрозрачных источников теперь на

34%, в Амурской области – на 27,1%, в ЕАО – 21%, в Хабаровском крае – 19%, Сахалинской области – 17,5%. В остальных дальневосточных субъектах РФ доля ниже, но тем не менее растет. Это косвенное подтверждение тому, что жители Дальнего Востока пытаются различными способами компенсировать утрату либо отсутствие возможности официального трудоустройства, а также поддерживать привычный и достойный уровень жизни в условиях, значительной удаленности и оторванности от западных и южных регионов, где сосредоточены культурные и образовательные центры, а также экономически доступны разнообразные потребительские товары и услуги.

Покупательная способность и дифференциация доходов

Реальное содержание номинальных доходов населения определяется на основе показателя их покупательной способности, который оценивается как условное количество наборов прожиточного минимума. Соотнесение покупательной способности денежных доходов в течение сравниваемых периодов характеризует изменение реальных доходов населения.

За анализируемый период прожиточный минимум в среднем по Дальнему Востоку вырос почти в 1,5 раза, аналогично показателю в целом по РФ, соответствуя среднероссийскому тренду в 2012–2016 гг. (рис. 4.4).

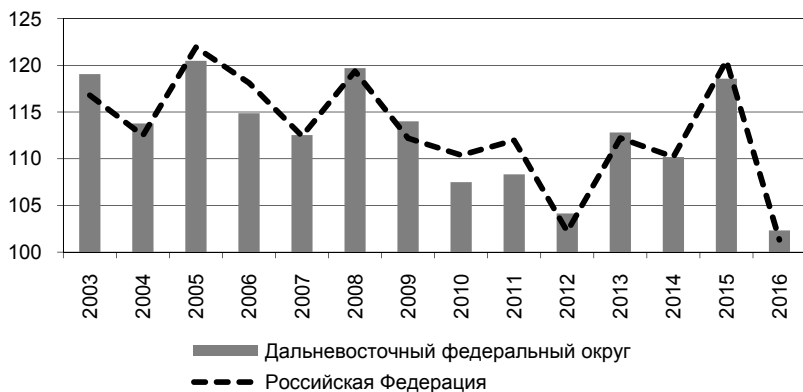

Рис. 4.4. Темпы роста среднегодовой величины прожиточного минимума в РФ и в среднем по Дальнему Востоку, %

Примечание: данные по Дальнему Востоку – экспертная оценка.

Источники: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003–2016 / Росстат. М., 2003–2017; Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. / ФСГС России. 2017. С. 365–366.

По номиналу все территории Дальнего Востока входят в первую двадцатку самых дорогих районов страны, но лидирующие позиции удерживает Камчатский край, где минимальная стоимость жизни оценивалась в 2016 г. в 19 194 руб. на человека в месяц, или почти в 2 раза выше, чем в среднем по стране (*табл. 4.14*). Немного отстают, но входят в пятерку «самых дорогих» – Чукотский АО (18 072 руб. на человека в месяц), Магаданская область (18 043 руб.) и Республика Саха (Якутия) (16 055 руб.).

Таблица 4.14

**Стоимость прожиточного минимума по территориям
Дальнего Востока и в целом по РФ (в среднем за год),
рублей в месяц на человека**

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	Отношение 2016	
						к 2015, %	к 2012, %
РФ	6510	7306	8050	9701	9828	101,3	151,0
ДФО*	9086	10 250	11 295	13 393	13 705	102,3	150,8
Республика Саха (Якутия)	10 486	11 342	12 879	15 140	16 055	106,0	153,1
Камчатский край	13 008	14 098	15 428	18 020	19 194	106,5	147,6
Приморский край	7700	9395	10 321	12 490	12 616	101,0	163,8
Хабаровский край	9234	9939	11 137	13 417	13 018	97,0	141,0
Амурская область	8217	9003	9456	10 740	11 541	107,5	140,4
Магаданская область	10 713	13 834	14 865	17 311	18 043	104,2	168,4
Сахалинская область	9986	10 820	11 794	13 672	13 885	101,6	139,0
ЕАО	7809	9315	10 185	12 476	12 626	101,2	161,7
ЧАО	11 962	13 381	14 569	16 537	18 072	109,3	151,1

Примечание. * Экспертная оценка

Источники: Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. / ФСГС России. 2017. С. 365–366; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 г. / Росстат. М., 2017; Центральная база статистических данных / ФСГС России.

Несмотря на замедление темпов роста стоимости прожиточного минимума в 2016 г. относительно 2015 г., всего +2,3% по Дальнему Востоку (в среднем по РФ +1,3%), почти 1,5 кратный демарш на предыдущем четырехлетнем периоде привел к снижению покупательной способности доходов населения (табл. 4.15). В 2016 г. жители региона в среднем могли приобрести на свои доходы 2,66 прожиточных минимума (против 2,76 в 2012 г.), что на 15% меньше, чем в среднем по стране.

Таблица 4.15

**Соотношение доходов и стоимости жизни по территориям
Дальнего Востока и в целом по РФ**

Территория	Отношение к прожиточному минимуму								
	среднемесячной начисленной заработной платы			среднемесячных начисленных пенсий			среднедушевых денежных доходов		
	2012	2015	2016	2012	2015	2016	2012	2015	2016
РФ	4,12	3,51	3,74	1,41	1,25	1,27	3,51	3,14	3,13
ДФО*	3,70	3,20	3,36	1,19	1,07	1,07	2,76	2,71	2,66
Республика Саха (Якутия)	3,79	3,58	3,64	1,20	1,10	1,06	2,67	2,50	2,46
Камчатский край	3,32	3,12	3,12	1,10	1,05	1,01	2,34	2,28	2,07
Приморский край	3,57	2,71	2,86	1,21	0,99	1,01	2,72	2,64	2,58
Хабаровский край	3,35	2,84	3,18	1,15	1,05	1,11	2,80	2,73	2,90
Амурская область	3,27	2,97	2,87	1,11	1,13	1,09	2,63	2,82	2,55
Магаданская область	4,77	3,75	3,80	1,36	1,12	1,09	3,36	2,90	2,60
Сахалинская область	4,45	4,48	4,77	1,23	1,20	1,21	3,34	3,63	3,67
ЕАО	3,23	2,47	2,53	1,13	0,94	0,96	2,33	1,96	1,88
ЧАО	5,25	4,77	4,74	1,41	1,35	1,25	3,61	3,73	3,16

Примечание. * Экспертная оценка.

Источники: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2016 / Росстат. М., 2013–2017; Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. / ФСГС России. 2017. С. 365–366; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 г. / Росстат. М., 2017. С. 56–60; Центральная база статистических данных / ФСГС России. 2017.

Среди дальневосточных территорий только в Хабаровском крае и Сахалинской области доходы населения по статистическим данным не потеряли своей покупательной способности (она составила

2,9 и 3,67 соответственно). В случае с Сахалином положительную роль сыграли опережающие темпы роста доходов населения (+2,6% относительно 2015 г., см. табл. 4.13) по сравнению с низкими темпами роста минимальной стоимости жизни (+1,2%)¹. Для Хабаровского края дополнительным фактором стало понижение собственно самого прожиточного минимума во 3 и 4 кварталах 2016 г. (по совокупности –3% к уровню 2015 г.). Причиной последнего стало, по информации пресс-службы правительства края, уменьшение стоимости продуктового набора, непродовольственных товаров, услуг и обязательных платежей². Последнее вызывает больше вопросов, чем ответов, поскольку реальное состояние рынков товаров и услуг в районах края, включая региональную столицу, свидетельствует скорее об обратном³.

В итоге, для всех территорий Дальнего Востока покупательная способность доходов населения остается ниже, чем в среднем по России.

Покупательная способность заработной платы в дальневосточных субъектах РФ, традиционно отстающая от среднероссийских показателей (за исключением трех территорий: Чукотского АО, Магаданской и Сахалинской областей, где в сфере оплаты труда сильно влияние природно-ресурсных отраслей), в 2016 г. показала пусть незначительный, но рост в среднем по Дальнему Востоку к уровню 2015 г. (+0,16), одновременно потеряв позиции к уровню 2012 г. (–0,34). Из общего тренда выпали Амурская область (2,87 в 2016 г. против 3,27 в 2015 г.), Еврейская автономная область (2,53 против 3,23), а также Камчатский край (3,12 против 3,32), где покупательная способность оплаты труда даже в условиях ее положительной, но замедленной динамики, продолжает снижаться.

¹ За официальными цифрами скрываются реальные проблемы низких доходов. Например, «в северных районах Сахалина и на Курильских островах введены новые меры поддержки граждан с низкими доходами. В условиях роста цен, правительство области приняло решение продавать малоимущим продукты по сниженным ценам. На всей территории Сахалинской области, с 1 января 2017 года бесплатные продуктовые наборы начнут получать 17 тысяч малоимущих семей (в эту категорию входят просто бедные семьи, матери-одиночки, студенческие семьи, семьи с детьми-инвалидами)» (Информационное агентство REGNUM. 1 декабря 2016 г. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2212056.html>).

² Новый размер прожиточного минимума утвержден в Хабаровском крае // Тихоокеанская звезда. 2017. 3 марта.

³ Прожиточный минимум пенсионеров стал камнем преткновения между депутатами и краевым правительством // DVHAB.RU. 2016. 25 октября.

Покупательная способность пенсий крайне неустойчива и в 2015–2016 гг. балансирует на грани минимальной стоимости жизни: в среднем по Дальнему Востоку всего 1,07 наборов прожиточного минимума, что не может быть признано достаточным для поддержания достойного уровня жизни. Следует отметить, что средний размер пенсий на Дальнем Востоке достиг уровня прожиточного минимума только на рубеже 2009–2010 гг., и едва достигнув к 2012 г. максимума в 1,19 набора прожиточного минимума, неуклонно снижается. Тем самым, сохраняется проблема низкой материальной обеспеченности наиболее незащищенной категории граждан – пенсионеров, для которых выбор способов для поддержки нормального уровня жизни за счет дополнительных приработков объективно ограничен.

Таким образом, несмотря на рост покупательной способности доходов населения отдельных территорий Дальнего Востока, по отношению к стоимости прожиточного минимума, эти показатели продолжают оставаться значительно ниже, чем в среднем по России и самое главное, значительно ниже, чем в тех регионах страны, куда в основном предпочитают мигрировать дальневосточники.

Разрыв между ростом доходов и стоимостью жизни обусловил рост уровня бедности на Дальнем Востоке. Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. выросла на 20,1 тыс. чел. и составила 962,6 тыс. чел. или 15,6% от общей численности населения. Максимальный прирост в 2016 г. был зафиксирован в Амурской области на 1,9 п. п., Магаданской области – на 1,8 п. п., в Чукотском автономном округе – на 1,7 п. п., в Камчатском крае – на 1,6 п. п., в Еврейской автономной области – на 1,4 п. п. (*рис. 4.5*).

Скорость роста доли бедного населения в 7 из 9 территорий Дальнего Востока остается выше среднероссийского уровня. Если в регионе доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума выросла за период 2012–2016 гг. на 3,7 п. п., то в целом по стране – на 2,8 п. п.

При более высоком, чем в среднем по стране удельном весе бедного населения в общей численности, степень неравенства по уровню доходов по территориям Дальнего Востока остается ниже, чем в среднем по стране, а по итогам 2016 г. в 7 территориях даже снизилась относительно уровня 2015 г. и 2012 г. (*табл. 4.16*).

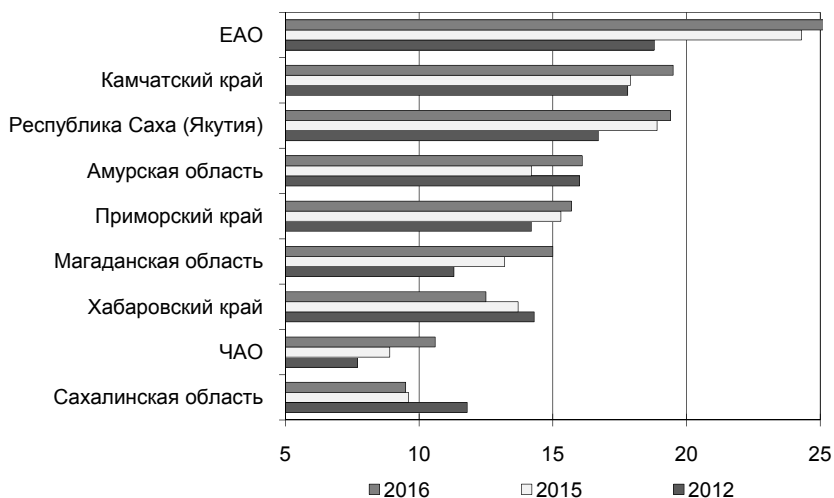

Рис.4.5. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума на Дальнем Востоке, в % от общей численности населения

Источник: Центральная база статистических данных / ФСГС. 2017.

Коэффициент Джини, характеризующий отклонение линии фактического распределения доходов от абсолютно равного распределения в 2016 г. вырос только в Хабаровском крае (с 0,379 в 2015 г. до 0,386 в 2016 г.) и на Сахалине, где сравнялся со среднероссийским показателем, достигнув 0,414. К сожалению, пропасть между богатыми и бедными в островном регионе велика и продолжает расти. «По данным Росстата, 47,1% денежных доходов региона сосредоточили в своих руках 20% островитян. Доходы сахалинских бедняков меньше доходов богачей почти в 16 раз. По официальной статистике количество бедных в регионе по сравнению с 2016 г. уменьшилось, правда, незначительно – всего на 2,1 тыс. человек. Таковых в области, где всего населения осталось менее 500 тыс. человек, насчитывается 46,1 тыс. Впрочем, по данным Сахалинстата, ежегодно Сахалин и Курилы покидает 22,5 тыс. человек. Вполне возможно, что те 2,1 тысячи островитян, на которых статисты уменьшили число бедняков, попросту покинули острова и уехали на материк в поисках лучшей доли»¹.

¹ На Сахалине среднедушевой доход растет вместе с социальной пропастью // REGNUM. 2017. 10 мая.

Таблица 4.16

**Распределение общего объема денежных доходов
по 20-процентным группам населения по территориям
Дальнего Востока и в целом по РФ в 2016 г.**

Территория	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джинни
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)		
РФ	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	15,7	0,414
Республика Саха (Якутия)	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7	13,9	0,396
Камчатский край	6,9	11,8	16,5	23,1	41,7	9,7	0,346
Приморский край	6,1	10,9	15,7	22,9	44,4	12,3	0,380
Хабаровский край	5,9	10,7	15,6	22,9	44,9	12,9	0,386
Амурская область	6,0	10,8	15,7	22,9	44,6	12,5	0,382
Магаданская область	6,3	11,1	15,9	23,0	43,7	11,6	0,372
Сахалинская область	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	15,8	0,414
ЕАО	6,8	11,7	16,4	23,0	42,1	10,0	0,350
ЧАО	5,9	10,7	15,6	22,8	45,0	13,1	0,388

Источник: Центральная база статистических данных / ФСГС России. 2017.

Для Хабаровского края ситуация с дифференциацией доходов менее остра, но незначительно. У наименее обеспеченных групп населения (первые две квинты) края сконцентрировано доходов на 1,3 п. п. больше, чем в среднем по России, а группа наиболее обеспеченных жителей края владеет, наоборот, меньшим объемом дохода (44,9% в отличие от 47,1% по РФ). Это свидетельствует о чуть более равномерном распространении доходной массы среди жителей края, что характерно также и для соседних южных территорий: Приморского края и Амурской области. В результате такого рас-

пределения доходы 10% наиболее обеспеченного населения этих территорий в 2016 г. не превысили доходы 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов) более чем в 12,9 раз, что существенно ниже, чем в среднем по стране (15,7 раз).

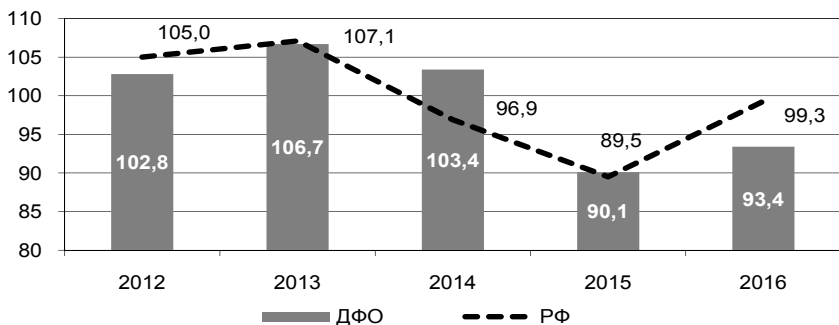
Располагаемые ресурсы и потребительские расходы домашних хозяйств

По официальным данным Росстата¹ в 2016 г. номинальный размер располагаемых ресурсов домашних хозяйства² в целом по Дальнему Востоку составил 30060,4 руб. в месяц, сократившись на 1,6% относительно уровня 2015 г. и не достигнув даже показателя 2014 г. (–0,6%). На фоне ежегодного роста индекса потребительских цен (5,4% в 2016 г. и по 11–12% в 2014 г. и 2015 г.) темп роста реального размера располагаемых ресурсов остается отрицательным два последних года (–6,6% в 2016 г. относительно 2015 г. и –9,9% в 2015 г. к 2014 г.) в отличие от среднероссийской динамики, которая в 2016 г. почти вернулась на позиции 2015 г. (*рис 4.6, а*).

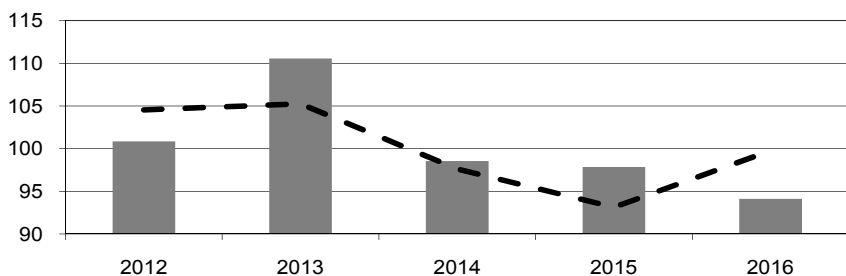
Дальневосточные домашние хозяйства в 2016 г. проиграли по темпам роста реальных денежных доходов, которые в отличие от среднероссийских параметров снижаются третий год подряд, достигнув в 2016 г. 94,1% от уровня 2015 г. (*рис. 4.6, б*). В попытках скомпенсировать «тающие» реальные доходы, дальневосточники как и остальное население страны обращаются к заемным средствам и накопленным сбережениям (*рис. 4.6, в*). Однако в отличие от среднестатистического показателя по России в 2016 г. на Дальнем Востоке размер номинальных привлечений сократился на 12,9% относительно 2015 г., в реальном же исчислении это составило всего 82,6% против 2015 г. Следует учесть, что 2015 г. оказался самым «провальным» с точки зрения привлечения домашними хозяйствами дополнительных средств на поддержание достойного уровня жизни, когда их реальный размер составил всего 46,9% от уровня 2014 г. (для сравнения по России 57% от показателя 2014 г.).

¹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства / ФСГС. 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812.

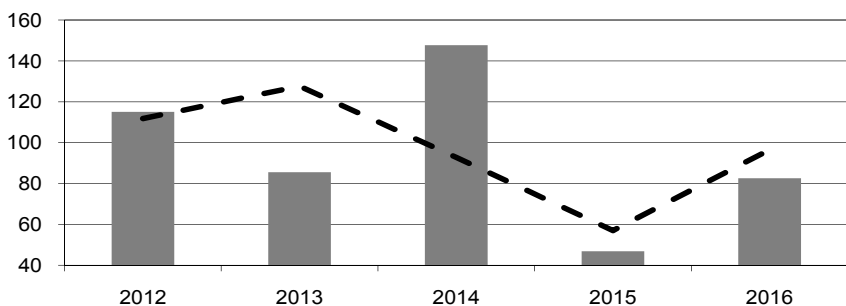
² Располагаемые ресурсы домашних хозяйств – это объем денежных и натуральных (в стоимостной оценке) средств, которыми располагали домашние хозяйства для финансирования своего потребления и создания сбережений в период обследования.

а) реальные располагаемые ресурсы

б) реальные денежные доходы

в) реальная стоимость привлеченных средств и израсходованных сбережений

Рис. 4.7. Динамика реальных располагаемых ресурсов, реальных денежных доходов и реальной стоимости привлеченных средств и израсходованных сбережений домашних хозяйств на Дальнем Востоке в 2012–2016 гг., %

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2016 / Росстат. М., 2013–2017; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства в 2012–2016 гг. / ФСГС. 2017.

Это свидетельствует об ухудшении финансово-экономической ситуации и сокращении заемных возможностей для бюджетов домашних хозяйства, что подтверждается изменениями, произошедшими в структуре располагаемых ресурсов за последние 5 лет (табл. 4.17). Так в целом по Дальнему Востоку доля валовых доходов в располагаемых ресурсах домашних хозяйств в 2016 г. составила 93,1% , увеличившись на 6,2 п. п., против 86,9% в 2012 г. Рост произошел за счет денежных доходов, доля которых достигла к 2016 г. 89,5% против 82,6% в 2015 г. Одновременно сократились натуральные поступления продуктами питания и товарами и услугами с 2,6% и 1,5% в 2012 г. до 2,3% и 1,3% соответственно в 2016 г. И как уже отмечалось выше, существенно упала доля привлеченных средств, если в 2012 г. она занимала 13,1% в располагаемых ресурсах домашних хозяйства, то в 2016 г. уже только 6,9%.

Таблица 4.17

Структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств по территориям Дальнего Востока в 2016 г.

Территория	Располагаемые ресурсы (в месяц, руб.)	Из них в процентах:				
		валовой доход	в том числе:			сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений
			денежный доход	стоимость натуральных поступлений		
			продуктов питания	товаров и услуг		
РФ	24 209,8	93,0	89,8	2,5	0,7	7,0
ДФО	30 060,4	93,1	89,5	2,3	1,3	6,9
Республика Саха (Якутия)	35 660,2	88,8	84,5	1,9	2,4	11,2
Камчатский край	40 927,7	92,3	85,9	2,1	4,3	7,7
Приморский край	26 384,7	91,7	88,7	2,5	0,5	8,3
Хабаровский край	32 052,3	95,1	92,1	2,2	0,8	4,9
Амурская область	23 923,7	97,7	92,3	4,0	1,4	2,3
Магаданская область	34 027,6	96,4	93,6	1,0	1,8	3,6
Сахалинская область	32 439,5	94,2	91,5	1,9	0,8	5,8
ЕАО	20 783,8	94,1	90,5	2,9	0,7	5,9
ЧАО	37 403,6	99,7	97,9	0,8	1,0	0,3

Примечание. *В среднем на члена домашнего хозяйства.

Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2016 гг. / ФСГС. 2017.

Среди территорий Дальнего Востока, Чукотский автономный округ традиционно сохраняет лидирующие позиции по максимальной доле дохода домашних хозяйства, формируемой в денежном эквиваленте. За счет сокращения стоимости натуральных поступлений (с 3,3% в совокупности в 2012 г. до 1,8% в 2016 г.) доля денежных доходов выросла с 96,4% в 2012 г. до 97,9% в 2016 г. В структуре располагаемых ресурсов остальных территорий резко сократилась доля привлеченных средств и израсходованных сбережений. Если в 2012 г. в Республике Саха (Якутия) эта статья составляла почти пятую часть (19,4%) от общего объема располагаемых ресурсов, то в 2016 г. уже только 11,2%. Почти в 6,7 раза сократилась доля привлеченных средств в располагаемых ресурсах домашних хозяйств Амурской области (2,3% в 2016 г. против 15,5% в 2012 г.), в Магаданской области падение составило 5 раз (3,6% против 17,8%), почти в 3 раза на Сахалине (с 17% в 2012 г. до 5,8% в 2016 г.) и на Камчатке (с 21,6% в 2012 г. до 7,7% в 2016 г.). В 2013–2014 гг. и особенно в 2015 г. население компенсировало выпадающие доходы и обеспечивало поддержку привычного уровня жизни за счет вовлечения в оборот «отложенных» сбережений, доходов от продажи валюты и т. п. источников¹. Но, видимо, возможности данного источника были весьма ограничены, а впереди неизвестное ожидание. Это свидетельствует об изменении потребительского поведения домашних хозяйств, которое после незначительного всплеска финансовой подпитки выбрало стратегию разумной экономии, что, несомненно, отразилось на их расходной политике².

Потребительские расходы домашних хозяйств

В структуре расходов на конечное потребление³ домашних хозяйств также произошло перераспределение средств между статьями. Рост цен на услуги (особенно, жилищно-коммунальные,

¹ Прокапало О.М., Найден С.Н., Мотрич Е.Л., Бардаль А.Б. Российский Дальний Восток: экономические тренды / под ред. О.М. Прокапало; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017.

² Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

³ Расходы на конечное потребление домашних хозяйств состоят из потребительских расходов, а также оценки в денежном эквиваленте стоимости натуральных поступлений продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг только для собственного потребления.

медицинские, транспортные), потребляемые в домашних хозяйствах, повлиял на увеличение доли расходов на их оплату с 25,8% в 2012 г. до 28,8% в 2016 г. (рис. 4.8).

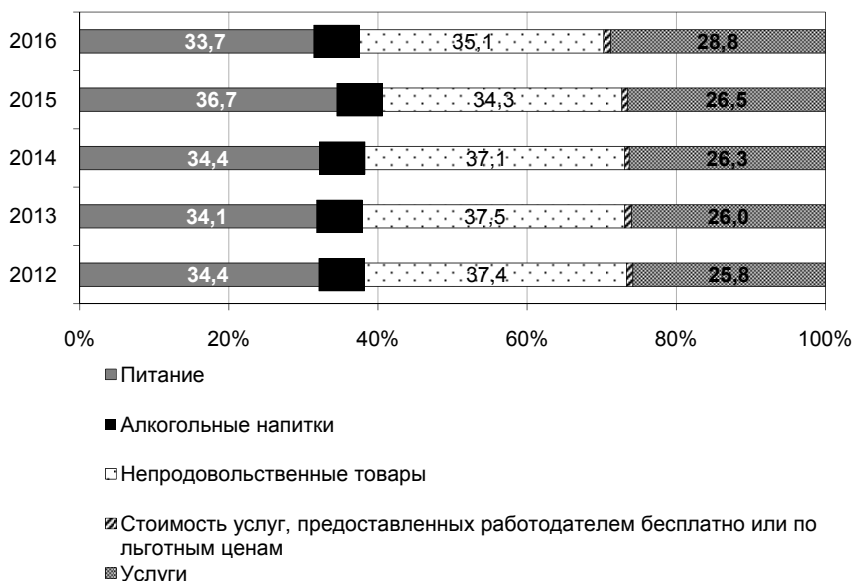

Рис. 4.8. Структура расходов на конечное потребление домашних хозяйств на Дальнем Востоке в 2012–2016 гг., %

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2016 / Росстат. М., 2013–2017; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства в 2012–2016 гг. / ФСГС. 2017.

Как следствие, домашние хозяйства экономят на наиболее доступной для этих целей статье: доля расходов на питание в 2016 г. относительно 2015 г., сократилась на 3 п. п., достигнув 33,7% – минимального значения с 2012 г. Продолжилось снижение доли расходов и на приобретение непродовольственных товаров (–2,3 п. п. за 5 лет), сохраняя при этом небольшое превышение над статьей «на питание». Но если в 2012 г. разница между этими основными статьями составляла 8,6 п. п. (34,4% и 25,8%), то к 2016 г. произошло сокращение разрыва до 4,9 п. п. (33,7% и 28,8%). После незначительного роста в более экономически благополучных 2014–2015 гг. доля расходов на алкогольные напитки вернулась к показателю 1,5%.

Анализ непосредственно потребительских расходов¹ домашних хозяйств показывает, что наиболее весомой статьёй в бюджетах домашних хозяйств Дальнего Востока остаются расходы на продукты питания и безалкогольные напитки. Их доля в потребительских расходах, хотя и снизилась в 2016 г. на 2,5 п. п. относительно уровня 2015 г., продолжает занимать почти треть всех расходов (29,3%). Рост удельных расходов на оплату услуг в 2016 г. произошёл за счёт увеличения жилищно-коммунальных платежей до 12,5% (+1,5 п. п. к уровню 2015 г. или 1,3 п. п. к уровню 2012 г.), стоимости услуг транспорта до 14,4% (+2,2 п. п. к уровню 2015 г., но -0,8 п. п. к уровню 2012 г.), расходов на оплату услуг образования до 7,1% (+0,6 п. п. к уровню 2015 г.) и незначительного увеличения расходов на досуг до 1,4% (+0,2 п. п. к уровню 2015 г.). Удельный вес расходов на здравоохранение остался неизменным 3,9% (на уровне 2015 г.), а вот доля расходов за услуги связи в 2016 г. продолжила снижение и достигла 3,6% (-0,2 п. п.) от общей массы потребительских расходов. Кризисные явления сказались на частичном отказе членов домашних хозяйств от посещений кафе и ресторанов, поэтому данная статья расходов в 2016 г. в их бюджетах сократилась на 0,6 п. п. и составила всего 3,1% от всех расходов. Та же участь постигла и группу товаров «одежда и обувь», расходы на которую в 2016 г. сократились на 0,7 п. п. по сравнению с 2015 г., впервые за 5 лет составив менее 10% (всего 9,3%), что подтверждает выбранную стратегию экономного потребительского поведения домохозяйств.

Среди регионов с высокой долей расходов на питание стабильно держатся северные территории (41,3% Магаданская область, 32,4% Чукотский АО, 31,8% Камчатский край, 31,4% Республика Саха (Якутия)), отличающиеся повышенной стоимостью продовольствия, значительная часть которого не производится на этих территориях, а доставляется из южных и центральных районов страны. В попытке выдержать стратегию на сохранение достойного уровня жизни в условиях оптимизации финансовых расходов все территории Дальнего Востока за исключением Магаданской и Амурской областей в 2016 г. сократили удельный вес расходов на питание: от максимального -6,3 п. п. на Чукотке до минимального -0,2 п. п. на Сахалине.

В структуре питания мясо и мясные продукты, оставаясь в приоритете, тем не менее в 2016 г. утратили свой удельный вес в расходах домашних хозяйств в Республике Саха (Якутия) на -3,7 п. п.,

¹ В составе потребительских расходов не учитываются расходы на покупку произведений искусства, антиквариата и ювелирных изделий, приобретенных в качестве капиталовложений, оплата материалов и работ по строительству и капитальному ремонту жилых или подсобных помещений, являющиеся инвестициями.

в Амурской области и Еврейской АО на $-2,4$ п. п., в Хабаровском крае и Сахалинской области на $-2,0$ п. п., на Чукотке на $-1,2$ п. п., на Камчатке на $-0,8$ п. п. В меньших масштабах, но все-таки произошло сокращение доли расходов на покупку рыбы и рыбопродуктов в регионах традиционной добычи и потребления этого продукта: на Сахалине на $-1,8$ п. п., на Камчатке на $-1,2$ п. п., в Приморье на -1 п. п., в Магаданской области на $-0,8$ п. п. Как следствие выросли удельные расходы на хлеб и хлебобулочные изделия, частично на сахар и кондитерские изделия, потребление которых традиционно увеличивается в кризисные периоды.

Незначительные расходы на питание вне дома, тем не менее, претерпели существенное сокращение практически повсеместно. Исключение составили лишь Камчатский и Хабаровский края, Еврейская АО, где эта статья расходов незначительно выросла ($+1,2$ п. п., $+0,7$ п. п., $+0,6$ п. п. соответственно). Снижение произошло и с долей расходов, направляемых на алкоголь $-0,2-0,7$ п. п., за исключением Камчатского края ($+1,2$ п. п. к уровню 2015 г.).

Положительная динамика наблюдается на всех территориях по статье «оплата услуг»: за 2016 г. от максимального $+3,9$ п. п. в Приморье до минимального $+0,4$ п. п. в Приамурье.

В целом по округу в структуре расходов на оплату услуг продолжают преобладать жилищно-коммунальные услуги, достигшие в 2016 г. $37,2\%$, увеличившись на $0,6$ п. п. относительно уровня 2015 г.

Лидерами же по максимальному приросту оказались удельные расходы на услуги пассажирского транспорта ($+2$ п. п. к уровню 2015 г.), занявшие $11,7\%$ в структуре всех расходов на оплату услуг. Примерно такую же долю составили расходы на услуги культуры, которые в отличие от транспортных расходов утратили $0,3$ п. п. своего веса. Потеряли удельный вес расходы на бытовые услуги ($-2,3$ п. п.) и расходы на связь ($-1,8$ п. п.), последнему в немалой степени способствовали решения, направленные на регулирование рынка сотовой и телекоммуникационной связи. Учитывая рост числа детей дошкольного и школьного возраста, вполне обоснованным оказался прирост удельных расходов на услуги системы образования ($+1,2\%$ п. п. к уровню 2015 г.). В то время, как прирост доли расходов на поддержку здоровья ($+0,9$ п. п. в совокупности по медицинским и санаторно-оздоровительным услугам) скорее свидетельствует о росте цен и расширении спектра платных услуг в медицинских учреждениях за счет сокращения масштабов бесплатного обслуживания¹.

¹ Найден С.Н., Грицко М.А. Реакция региональной социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 6–22.

Наибольший прирост удельных расходов на услуги ЖКХ в 2016 г. показали Сахалинская область (+5,3 п. п.), Магаданская область (+4,9 п. п.), Амурская область (+3,4 п. п.), Еврейская автономная область (+2,8 п. п.) (табл. 4.18).

Максимальный прирост удельных расходов на услуги пассажирского транспорта оказался в Хабаровском крае (на +5,0 п. п., поднявшись с 9,2% в 2015 г. до 14,2% в 2016 г.), где стоимость проезда, например, в городских автобусах уже выше, чем в северных регионах Дальнего Востока. Лидером по приросту удельных расходов на образование стал Приморский край (+5,0 п. п. с 6,5% до 11,5%), который стремительно наращивает рынок платных услуг в данном сегменте, включая услуги дошкольного воспитания и дополнительного образования.

Несомненно, что перераспределение удельных расходов в пользу сферы услуг, сказалось на сокращении удельных расходов на покупку непродовольственных товаров: -1,3 п. п. в Хабаровском крае, -1,2 п. п. в Магаданской области, -0,8 п. п. в Еврейской АО, -0,6 п. п. в Камчатском крае и Амурской области. В этом сегменте рост зафиксирован в Приморском крае (+4,7 п. п.), Чукотском АО (+3,3 п. п.), Сахалинской области (+1 п. п.). В первую очередь сокращение коснулось одежды, обуви, белья и тканей (-2,8 п.п. в целом по Дальнему Востоку), т. е. тех предметов, которыми за последние десятилетия каждое домашнее хозяйство, в принципе, имело возможность насытить и разнообразить свой гардероб. Созданный запас позволяет безболезненно отказаться на время от новых покупок. Тоже самое касается и теле- и радиоаппаратуры (-0,6 п. п.), число которых в отдельных домохозяйствах достигает порой количества его членов или комнат в жилье. Схожая ситуация наблюдается и с медицинскими товарами и предметами гигиены (-0,7 п. п.), приобретение которых длительное время происходило под влиянием массивной рекламы СМИ, пропагандирующих здоровый образ жизни и повышение комфорта. Однако и в этом случае, значительное количество «полезных» товаров не является предметом первоочередной необходимости, что и сказалось на изменении потребительских предпочтений. Безусловным лидером по приросту удельных расходов остается приобретение и обслуживание транспортных средств, являющихся не только средствами передвижения, но и зачастую средствами производства в сфере предпринимательства.

Таблица 4.18

**Структура расходов на оплату услуг
в домашних хозяйствах территорий Дальнего Востока,
в % от стоимости всех услуг**

Территория	Жилищно-коммунальные услуги	Бытовые услуги	Услуги учреждений культуры	Услуги системы образования	Медицинские услуги	Санаторно-оздоровительные услуги	Услуги пассажирского транспорта	Услуги связи	Прочие услуги
2015									
Дальний Восток	36,6	12,1	12,1	6,0	5,4	1,5	9,7	11,2	5,4
Республика Саха (Якутия)	32,0	5,6	4,8	5,9	4,5	1,4	19,8	10,7	15,3
Камчатский край	48,8	10,7	9,7	3,2	3,0	1,9	8,3	11,8	2,6
Приморский край	37,1	15,9	11,0	6,5	6,0	1,3	6,7	13,2	2,3
Хабаровский край	31,6	10,9	19,9	6,7	8,4	1,9	9,2	8,0	3,4
Амурская область	41,6	17,8	9,7	6,7	2,3	0,8	5,9	10,9	4,3
Магаданская область	51,5	9,7	9,5	3,2	0,9	0,1	10,7	12,0	2,4
Сахалинская область	37,3	12,1	11,0	5,5	3,3	0,8	7,4	15,1	7,5
ЕАО	39,4	11,0	6,9	7,0	5,4	2,6	10,8	12,9	4,0
ЧАО	36,5	5,7	9,4	2,9	5,1	3,8	10,0	14,5	12,1
2016									
Дальний Восток	37,2	9,8	11,8	7,2	5,5	1,8	11,7	9,4	5,6
Республика Саха (Якутия)	30,5	5,2	6,9	5,1	5,3	2,4	22,2	9,0	13,4
Камчатский край	49,7	10,1	8,6	4,4	3,0	1,6	8,8	10,9	2,9
Приморский край	37,0	12,9	10,1	11,5	5,0	1,4	5,9	9,8	6,4
Хабаровский край	32,2	9,5	20,5	5,6	8,2	1,6	14,2	6,5	1,7
Амурская область	45,0	9,9	7,6	7,4	5,3	2,8	7,2	11,7	3,1
Магаданская область	56,4	7,7	9,9	4,4	1,3	0,6	6,3	11,9	1,5
Сахалинская область	42,6	11,5	10,1	5,1	2,5	1,1	10,9	12,1	4,1
ЕАО	42,2	8,2	5,6	9,4	4,7	0,5	12,8	12,0	4,6
ЧАО	34,1	5,0	7,8	4,1	7,4	5,8	8,8	15,1	11,9

Источники: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства в 2016 г. / ФСГС. 2017; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. М., 2017.

В целом, анализ динамики и структуры доходов и расходов населения по территориям Дальнего Востока в 2016 г. позволил сформулировать следующие выводы:

- сохранилась положительная динамика роста номинальных среднедушевых доходов населения, среднемесячной заработной платы и среднемесячных назначенных пенсий населения;

- под влиянием кризисных явлений в экономике в 2016 г. даже при росте номинальной заработной платы (+6,5%) продолжает сокращаться ее доля в доходах населения, сократились номинальные размеры располагаемых ресурсов домашних хозяйств (–1,6% к уровню 2015 г.);

- прирост реальных доходных показателей оказался отрицательным как в целом по Дальнему Востоку, так и по субъектам РФ, входящим в него;

- исчерпав, предположительно, возможности своих сбережений и не надеясь на гарантированные источники дохода, дальневосточники существенно сократили привлечение заемных и «отложенных» средств в оборот своих располагаемых ресурсов (–12,9% к уровню 2015 г.);

- в структуре расходов на конечное потребление домашние хозяйства Дальнего Востока, вынужденные оплачивать растущие тарифы на жилищно-коммунальные услуги, услуги пассажирского транспорта, сократили удельные расходы на питание (–3 п. п. по сравнению с 2015 г.) и непродовольственные товары (–2,3 п. п.);

- в структуре расходов на питание произошло сокращение белковой группы (расходы на мясо и рыбу) за счет увеличения углеводов (расходы на хлеб, сахар и кондитерские изделия), что соответствует кризисному потребительскому поведению;

- в структуре расходов на непродовольственные товары четко прослеживается потребительская стратегия, ориентированная на снижение второстепенных расходов и использование созданных запасов, исключение составляют расходы на приобретение и обслуживание транспортных средств, которые в большинстве домохозяйств не являются предметами роскоши, а средства передвижения и даже производства (в сфере предпринимательства);

- на фоне демографических трендов и меняющейся возрастной структуры населения выросла численность лиц пенсионного возраста, что увеличило нагрузку на трудоспособное население и усугубило положение на рынках труда региона;

- несмотря на рост покупательной способности доходов, заработной платы и пенсий населения в отдельных дальневосточных субъектах РФ в динамике, в сравнении со стоимостью прожиточ-

ного минимума их реальное содержание продолжает оставаться значительно ниже, чем в среднем по России и самое главное, значительно ниже, чем в тех регионах страны, куда в основном предпочитают мигрировать дальневосточники;

– продолжает расти не только численность бедного населения, но и скорость роста доли бедных в 7 из 9 дальневосточных субъектах РФ, которая остается выше среднероссийского уровня;

– за внешне относительно благополучными по сравнению со среднероссийскими показателями дифференциации доходов населения на Дальнем Востоке скрывается расширение экономического и социального расслоения внутри субъектов, обусловленное особенностями пространственной дифференциации факторов производства и различной степенью последствий кризисных явлений.

В целом, можно констатировать, что расходы и потребительское поведение домашних хозяйств Дальнего Востока в 2016 г. можно охарактеризовать как инфляционное ожидание, проявляющееся в «экономии на потреблении товаров и услуг» с целью сохранения, если не привычного, то хотя бы достойного уровня жизни с учетом «адаптации к экономическим изменениям»¹. Таким образом, несмотря на многочисленные призывы и действия со стороны официальных органов, ожидаемое повышение уровня и качества жизни в дальневосточных субъектах РФ, широко освещаемое в СМИ, пока не наблюдается.

4.3. Человеческий капитал и факторы мобильности населения Дальнего Востока: образ будущего²

Население Дальнего Востока, его численность и условия, при которых будут обеспечиваться экономический рост и поддержка геополитических позиций региона, являются традиционными стратегическими проблемами развития данной территории. Достаточно долго в научных и политических кругах, а также средствах массовой информации преобладают самые пессимистические настроения относительно настоящего и будущего населенческого потенциала Дальнего Востока. Необходимо признать, что хотя данные точки зрения не лишены оснований, преподносятся они в форме

¹ Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 44 с.

² Найден С.Н., Скрипник Е.О. Человеческий капитал и факторы мобильности населения: образ новых возможностей Тихоокеанской России – 2050 // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 15–23.

очевидной безысходности, по сути, лишая смысла реализацию любых программ модернизации экономики и социальной сферы на восточной окраине страны. Вместе с тем стратегическое планирование предполагает позитивное предвидение, когда рассматриваются не только объективные ограничения и угрозы, но и пути достижения поставленных целей. Для прогнозирования основных трендов социального и демографического развития Дальнего Востока необходимо решить ряд задач, а именно: определить сложившиеся тенденции и обусловленные ими прогнозные значения отдельных демократических показателей, оценить потенциальные возможности их варьирования в будущем в результате качественных и количественных преобразований в научно-технологическом, социально-экономическом и институциональном пространстве региона. Данные задачи в числе других решались в рамках программы фундаментального исследования Дальневосточного отделения РАН «Тихоокеанская Россия – 2050», выполненного на базе методологии сценарного прогнозирования (форсайта). В результате был сформирован образ новой социально-экономической среды региона, способной не только поддержать существующую численность населения, но и обеспечить его значительный прирост¹.

В данном разделе рассматривается возможный вариант социального развития Дальнего Востока на основе воплощения научно-технического потенциала и проведения институциональных изменений в сферах образования и транспорта, реализация которых существенно повысит мобильность населения, проживающего в регионе.

Многолетний мониторинг состояния и структуры человеческого капитала Дальнего Востока в условиях специфической природно-климатической среды и слабого социально-экономического развития приводит многих исследователей к выводу о сохранении в будущем нынешних отрицательных тенденций в области демографии и миграции населения и дальнейшем снижении численности населения региона².

¹ Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011.

² Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Влияние социально-демографической ситуации на трудовую миграцию: дальневосточный вектор // Проблемы прогнозирования. 2009. № 5. С. 134–146; Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47–67; Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской /

При этом во внимание принимаются следующие факторы:

1) динамика численности и структуры женского репродуктивного населения;

2) меры государственной политики стимулирования рождаемости и поддержания материнства и детства, масштабы которой предполагаются неизменными в перспективе;

3) сохранение темпов сокращения смертности в результате фиксированной эластичности этого показателя по масштабу затрат на развитие здравоохранения и пропаганду здорового образа жизни;

4) стабилизация сальдо миграции на уровне, близком к нулю.

Ссылаясь на действие указанных факторов, исследователи приходят к выводу о том, что, численность населения Дальнего Востока к 2030 г. может снизиться до 5,9 млн чел. (соответствует численности населения в 1970 г.), к 2050 г. – до 5,2–5,4 млн чел. (уровень 1959 г.)¹. И этот прогноз можно считать еще сравнительно благоприятным. В случае менее оптимистического варианта развития снижение численности населения региона к 2050 г. прогнозируется до 4 млн чел.²

Подобные перспективы служат основанием для широко распространившихся в последнее 10–15 лет апокалипсических предсказаний, аргументированность которых весьма условна. Ссылаются, например, на выступление Петра Столыпина в Государственной думе в 1908 г., на его высказывание о необходимости срочного заселения и освоения Приамурского и Уссурийского краев: «Если мы будем спать летаргическим сном, то ..., когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию»³. Однако в данном случае исторические аналогии вряд ли можно использовать в качестве аргументов. Прежде всего потому, что сегодняшняя ситуация

Центр миграционных исследований, ИНП РАН. М.: ИТ «АлмантЪ», 2009; Скрипник Е.О. Оценка влияния условий проживания в регионах РФ на миграцию и продолжительность жизни населения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология и управление. 2008. № 6 (44). С. 271–275.

¹ Мотрич Е.Л. Социально-демографические проблемы Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 9. С. 47.

² Астафьев Я. Кто будет работать в России в 2015 году? // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 190.

³ Столыпин П.А. Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1908 года // Нам нужна великая Россия... : полное собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 123.

абсолютно не соответствует той, которая так беспокоила П. Столыпина. В 1908 г., сразу после поражения в Русско-японской войне, после потери контроля над Маньчжурией, нужно было предпринимать усилия по сохранению дальневосточных территорий в составе Российской империи, для чего требовалась переориентация политических, военных и финансово-экономических ресурсов страны на южные территории Дальнего Востока.

С современных позиций катастрофичность демографической ситуации на Дальнем Востоке, как правило, аргументируется угрозой со стороны густонаселенного Китая (1,3 млрд чел.). По плотности населения (1 чел./км²) Дальний Восток, действительно, резко контрастирует с соседними странами: в Китае этот показатель составляет 7354 чел./км², Японии – 340, Республике Корея – 480 чел./км². Однако само по себе это не является угрозой. Наша страна просто не в состоянии обеспечить плотность населения, сколько-нибудь сопоставимую с государствами Северо-Восточной Азии, и прежде всего с Китаем. Имея 141 млн чел. населения и среднюю по стране плотность 8,3 чел. / км², Россия должна переместить к северной границе Китая почти половину своего населения (62 млн чел.), чтобы добиться здесь плотности 10 чел./км². Но нужно ли соревноваться с Китаем и другими азиатскими странами в этом вопросе? Вряд ли. Сравнения северных регионов Дальнего Востока с южными густозаселенными странами вообще неуместны. Тем более что в приграничной полосе Приамурья и в Приморском крае плотность населения составляет порядка 12,7 чел./км², а на всей южной территории, включающей Приморский и Хабаровский края, Амурскую и Еврейскую автономной область, она оценивается в 3,2 чел./км², что (при всей условности подобного сравнения) вполне сопоставимо с плотностью населения таких стран как Финляндия (16), Норвегия (13), Канада (3,4), Аляска (0,42)¹.

На наш взгляд, ситуацию с динамикой населения на Дальнем Востоке при всей ее сложности нельзя считать катастрофической. Тем не менее, сколько бы человек не населяло этот регион, люди должны жить в условиях безопасности и комфорта, имея сопоставимые с соседними странами социальные условия, гуманитарные и трудовые перспективы. Численность же и состав населения региона в любом случае должны соответствовать спросу на трудовые ресурсы и отраслевой структуре экономики.

¹ Вишневецкий Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31.

Как отмечалось выше, демографический тренд, учитывающий половозрастную структуру, продолжительность жизни различных групп населения, возможности современного здравоохранения по сокращению уровня смертности и увеличению продолжительности жизни, может привести к снижению численности населения Дальнего Востока к 2050 г. до 5,2–5,4 млн чел. Однако если миграционный приток в регион сохранится в последующие 40 лет на среднем уровне, наблюдавшемся в 2000–2010 гг., это приведет к снижению после 2020 г. ежегодного миграционного оттока с Дальнего Востока до уровня 10 чел. на каждую 1000 чел. населения. В таком случае ежегодный миграционный прирост после 2020 г. составит порядка 30 тыс. чел., а суммарный прирост населения к 2050 г. – порядка 900 тыс. чел. То есть общая численность населения региона к середине XXI в. может составить в районе 6,1–6,3 млн чел., что, конечно, означает лишь ее стабилизацию на сегодняшнем уровне. Если к 2050 г. спрос на труд на Дальнем Востоке восстановится до уровня конца 1980-х гг., то в условиях высокой территориальной мобильности населения это может стать фактором генерации устойчивых потоков трудовых мигрантов на территорию региона как из России, так из сопредельных стран. В этом случае, общий миграционный прирост за период до 2050 г., включая упомянутый выше, должен будет составить примерно 1,8–2,7 млн чел. Таким образом, численность населения региона, при условии сохранения неизменным коэффициента семейности, может достигнуть 7,0–8,1 млн чел.

Возможные источники миграционного прироста

Источником миграционного прироста населения для Дальнего Востока будут являться как переселенцы из внутренних регионов России, так и иммигранты. Именно межрегиональная миграция, скорее всего, будет формировать основной прирост постоянного населения. Внешняя же миграция свой вклад в увеличение постоянного населения может внести за счет переселения этнических русских. По данным переписей населения постсоветских стран, этот потенциальный ресурс составляет более 10 млн чел.¹ Значительная их часть проживает в Украине, Белоруссии, странах Балтии, Казахстане, Узбекистане, Киргизии. В Украине, Белоруссии и странах Балтии русскоязычное население глубоко укоренилось и вряд ли готово уезжать, особенно на Дальний Восток. В Казахстане, Узбе-

¹ Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской / Центр миграционных исследований, ИМП РАН. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 23–25.

кистане и Киргизии ситуация более благоприятна для формирования миграционного потока в направлении Дальнего Востока, в том числе из-за их относительной географической близости к региону. Потенциал миграции из этих среднеазиатских стран составляет порядка 4 млн чел.

Дальний Восток может рассчитывать на реальное привлечение этнических русских при условии развития экономики региона, а, следовательно, и роста спроса на труд. При этом должна быть создана дружелюбная по отношению к потенциальным переселенцам инфраструктура миграции: упрощенная процедура получения вида на жительство и российского гражданства, выплата подъемных, предоставление льготных условий налогообложения и приобретения жилья, оказание помощи в трудоустройстве, приобщение к системе социальных льгот и гарантий и т. п. В то же время миграция с целью временного трудоустройства может быть мотивирована исключительно наличием в регионе неудовлетворенного спроса на труд.

В качестве трудовых мигрантов в среднем в год можно будет привлекать до 1,5 млн чел. из республик бывшего СССР и Китая, при этом доля последнего, скорее всего, будет преобладающей. Поставщиками трудовых мигрантов в отдаленной перспективе могут стать также Вьетнам и Индия. Учитывая высокий потенциал внешней трудовой миграции, а также приведенные выше оценки сальдо миграции в целом, можно с определенной долей уверенности говорить о возможности обеспечения равновесного состояния на рынке труда в регионе в период до 2050 г. Однако это предполагает проведение активной миграционной политики, в том числе по «селекции» трудовых мигрантов с целью пополнения за их счет постоянного населения на Дальнем Востоке.

На наш взгляд, необходимо отказаться от универсальности миграционной политики, дифференцировав ее инструменты и целевые параметры в отношении отдельных территорий России, и Дальнего Востока в частности. Следует отменить систему квот на иностранную рабочую силу, заменив ее усилением контроля за выполнением стандартов оплаты, условий труда и проживания трудовых мигрантов, упростить процедуру получения трудовой визы. При этом необходимо существенно ужесточить контроль над соблюдением трудовыми мигрантами российского трудового, административного и уголовного законодательства, активно прививать культурные и социальные стандарты поведения.

Трудовым мигрантам с подтвержденной индивидуальной миграционной историей (ее составление должно стать одной из ос-

новых задач миграционных властей), необходимой для региона квалификации целесообразно предоставление вида на жительство, а в последующем – и российского гражданства. Для этой категории приезжих нужны специальные программы адаптационного характера, в том числе помощь в приобретении соответствующего российским стандартам жилья и выделение средств на организацию бизнеса.

Целью миграционной политики должно стать закрепление трудовых мигрантов из стран СНГ на территории Дальнего Востока, с тем, чтобы последующие их поколения, выросшие в русской среде, не имели проблем с интеграцией. Поэтому преференции в получении вида на жительство следует давать мигрантам, приезжающим на длительный срок, с семьей, приобретающим жилье и организующим бизнес на территории региона. Для более быстрого встраивания этой категории мигрантов в принимающее сообщество потребуются центры адаптации и специальные образовательные программы в университетах и колледжах Дальнего Востока, которые позволят иностранцам получить высшее или среднеспециальное образование за полную оплату или на условиях целевого договора, т. е. с обязательной отработкой на территории региона в течение определенного времени после окончания обучения. После завершения ими образования Дальний Восток получит специалистов, владеющих несколькими языками, интегрированных в русскоязычную социокультурную среду.

Чтобы избежать социальной напряженности, вызванной увеличением количества иностранных мигрантов, и не допустить создания замкнутых на себе национальных группировок, придется упростить доступ мигрантов на рынки труда, жилья, медицинских услуг, школьного и профессионального образования, обеспечить юридическую поддержку и защиту их прав. Это должно снизить значение неформальных практик во взаимоотношениях мигрантов и способствовать более быстрой их интеграции.

В целом национальный состав населения Дальнего Востока к 2050 г. обогатится переселенцами из Китая и Вьетнама, что помимо прочего позволит региону вписаться в АТР и достаточно продуктивно с ним взаимодействовать.

Транспортная инфраструктура и образование как факторы мобильности населения

Пространственная мобильность населения как важный компонент формирования трудовых ресурсов требует развития транспортной инфраструктуры и связанных с ней отраслей. При этом

высокая мобильность населения должна обеспечиваться как на макро-, так и на внутрорегиональном уровнях.

Дальний Восток должен стать легко доступным для других регионов России и стран мира. Это предполагает наличие на территории региона, по крайней мере, двух транзитных авиационных центра международного значения. Один такой хаб международного уровня в настоящее время создан во Владивостоке, где к открытию саммита АТЭС (сентябрь 2012 г.) реконструировано старое здание аэропорта и построен международный терминал в аэропорту «Кневичи».

Наиболее благоприятным местом для размещения другого дальневосточного хаба является пригород Хабаровска. Располагаясь в центральной зоне Дальнего Востока, данный хаб имеет выгодную позицию относительно основных транспортных артерий. Его создание естественным образом повысит конкуренцию на рынке авиационных услуг и, как следствие этого, приведет к снижению тарифов на авиаперевозки. Использовать конкурентные преимущества хабаровского хаба, сохранив потенциал владивостокского транзитного узла, можно на основе разделения транспортных потоков. На наш взгляд, хабаровский центр должен специализироваться на выполнении функций генерального транзитера на направлениях Дальний Восток – Сибирь, Дальний Восток – европейская часть России, Дальний Восток – Европа, Дальний Восток – Китай – Республика Корея–Япония. В этом случае владивостокский транспортный узел может сосредоточиться на обслуживании направлений Дальний Восток – Япония – Республика Корея – США, Дальний Восток – Юго-Восточная Азия, Дальний Восток – Австралия и Океания. Конкурентоспособность дальневосточных транзитных центров в условиях близости международных хабов Республики Корея и Китая невозможно обеспечить без государственного регулирования ценообразования на рынке авиационного топлива. Следует также на основе государственно-частного партнерства создать единую для каждого аэропорта обслуживающую компанию, что позволит упразднить цепочки посредников, которые, не улучшая качество, лишь повышают стоимость обслуживания.

Транзитные хабы послужат толчком для развития связанных с ними железнодорожных и автомобильных скоростных линий. На их базе можно будет развивать и малую авиацию, обеспечивающую доступ ко всем базовым населенным пунктам Дальнего Востока.

Для формирования мобильного сообщества, а особенно для повышения доступности к социальным благам и услугам не менее важное значение, чем дальняя магистральная, имеет внутрорегиональная транспортная и коммуникационная сети. Систему расселения

Дальнего Востока к 2050 г. будет составлять сравнительно небольшое количество опорных городов в южной части региона, концентрирующих большую часть населения и трудовых ресурсов. Эти города должны быть соединены сетью скоростных железнодорожных и автомобильных магистралей, которые «сожмут» пространство за счет сокращения времени в пути между наиболее крупными центрами расселения до 3 ч. Автодороги будут выполнять функции дублирования и разветвления транспортных сетей для населенных пунктов и отраслевых центров, расположенных вдоль железных дорог, где скоростные поезда останавливаться не будут. В частности, речь идет о создании высокоскоростных магистралей, соединяющих Владивосток и Хабаровск, Хабаровск и Благовещенск. На эти оси может быть наложена мощная инфраструктура, которая вдохнет жизнь в малонаселенные поселения, расположенные от главных магистралей на расстоянии 30–100 км. Запуск высокоскоростных магистралей приведет к сжатию рынка труда и существенно увеличит мобильность населения. Кроме того, высокоскоростной коридор в составе Транссибирской магистрали позволит сильнее скрепить Дальний Восток с остальной российской территорией¹.

Естественная географическая изолированность населения, проживающего в труднодоступных северных районах Дальнего Востока, может быть преодолена путем организации авиасообщений с дальностью полетов до 500 км. Для этого потребуется развитие локальных аэропортов в отдаленных поселениях и создание региональных авиакомпаний, владеющих соответствующим парком самолетов, которые не требуют значительных затрат на строительство взлетно-посадочных полос. Таким образом, число периферийных поселений, находящихся вне постоянных транспортных и коммуникационных сетей, может быть сведено до минимума.

Сбалансированное развитие крупных городов – Хабаровска и Владивостока, опорных центров системы расселения, невозможно без оптимизации транспортных сообщений в пределах самих мегаполисов, включая пригороды, где в перспективе будет проживать немалая часть населения городов². Формирова-

¹ Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010. С. 247–248.

² Найден С.Н., Колбина Е.О. Города Дальнего Востока: социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 4. С. 23–35; Найден С.Н., Мотрич Е.Л. Формирование постоянного населения в опорных городах Приморского края и южной зоны Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 4 (69). С. 8–16.

ние компактных деловых и административных центров и вынос «спальных» районов в экологически чистые пригороды потребует развития транспортной сети, в том числе строительства новых автодорог и запуска скоростных пригородных поездов. Это необходимо для поддержания высокого уровня мобильности жителей, обеспечения доступа к рынкам труда и социальным благам больших городов.

Мобильность населения заключается не только в его пространственной подвижности, которая обеспечивается развитием транспортной сети, но и в расширении доступа к основным социальным благам, что позволяет населению не чувствовать свою «оторванность», быстро реагировать на изменения внешней среды и приспособляться к новым социально-экономическим условиям. Поэтому важнейшим элементом системы, обеспечивающей такую мобильность, являются телекоммуникации, которые гарантируют удаленный доступ ко всем информационным ресурсам мира, а также обеспечивают возможность дистанционного получения базовых социальных услуг (здравоохранение, образование, государственные услуги), включая доступ к любому рынку труда в форме удаленной занятости¹. Создание социальной сети «Дальний Восток», интегрирующей все основные публичные функции, ее программное сопровождение и технологическая поддержка приведут в перспективе к формированию развитой сферы экономической деятельности.

По нашему мнению, на Дальнем Востоке к 2050 г. структура экономики в значительной степени будет опираться на принципы и элементы экономики знания. Поэтому важнейшим условием функционирования и развития социальной системы, поддержания социального равновесия в регионе должна стать способность продуцировать гибкие адаптивные механизмы социально-экономического развития, среди которых немаловажное значение имеют мотивации к трансформации социальных и экономико-технологических структур в соответствии с изменяющимися условиями. В связи с изменением национальной структуры населения в определенной мере востребованной окажется толерантность как в самом дальневосточном обществе, так и в сфере межкультурных и транснациональных коммуникаций и взаимодействий. Все

¹ Белоусова А.В., Горюнов А.П. Информационные системы в региональном развитии // Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 474–511.

это можно обеспечить за счет адекватного такой задаче развития системы образования¹.

Ядром модернизированной системы образования на Дальнем Востоке будут федеральные исследовательские и инновационные университеты, которые, с одной стороны, сами станут элементом формирующейся экономики знаний, а с другой, будут служить инструментом социальных, экономических и технологических изменений, осуществляемых через насыщение социальной среды носителями качественно новых идей, знаний, умений и мотиваций. Федеральные университеты должны дополняться государственными региональными университетами, ориентированными на предоставление образовательных услуг в традиционных областях науки и профессиональной подготовки. Эти университеты, так же как и федеральные, большое внимание будут уделять научно-исследовательской деятельности, а также подготовке педагогических кадров. Их опорой станет кадровый потенциал научно-исследовательских институтов Дальневосточного отделения РАН, а также профессорско-преподавательские и научные кадры ведущих университетов стран АТР и США, приглашаемые в рамках научно-образовательного обмена. Привлечение из других стран ведущих ученых-преподавателей – неотъемлемое условие кардинальной перестройки системы подготовки высокопрофессиональных специалистов, ориентированной на формирование среды, восприимчивой к новым знаниям, новаторству, экспериментированию, риску, что необходимо в условиях усиливающейся конкуренции в экономике.

В крупных городах региона представляется целесообразным создание специализированных университетов, в которых помимо общей подготовки особый упор следует сделать на получение прикладных знаний в тех областях, в которых специализируется тот или иной город или район. Диверсификация прикладного образования может выглядеть следующим образом: биотехнологии, добыча и переработка океанических биоресурсов, морской транспорт и грузоперевозки – Владивосток, Находка, Уссурийск; дорожное строительство, железнодорожный и автомобильный транспорт, логистика, связь и коммуникации, лесное хозяйство и лесопереработка, информационные технологии, финансы и аудит – Хабаровск; транспортное машиностроение, добыча и переработка ми-

¹ Изотов Д.А., Минакир П.А. Наука, образование и инновационная среда // Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 535–571.

нерально-сырьевых ресурсов – Комсомольск-на-Амуре, Магадан; сельское хозяйство, пищевая промышленность, производство строительных материалов, телекоммуникации – Благовещенск, Свободный; металлургия и металлообработка, производство стали и проката, животноводство – Биробиджан; добыча морских ресурсов и рыбопереработка, ремонт и обслуживание судов и холодильного оборудования – Петропавловск-Камчатский; газодобыча и газопереработка – Южно-Сахалинск.

С учетом обширности территории Дальнего Востока и рассредоточенности населения в регионе востребованными могут стать учебные заведения с нетрадиционными формами организации учебного процесса, широко использующие информационные технологии (дистанционные или открытые университеты). Наличие таких университетов повысит доступность высшего образования для жителей в любой точке региона. Они могут быть созданы на базе уже существующих открытых университетов нашей страны и зарубежья.

Университетская система должна быть дополнена широкой сетью профессиональных колледжей – муниципальных, общественно-гуманитарных и технических. Их основная задача – подготовка специалистов для промышленных предприятий и сферы обслуживания. При этом муниципальные колледжи должны гарантировать выпускникам трудоустройство в данной местности, а общественно-гуманитарные – предлагать академические программы, позволяющие выпускнику после окончания колледжа пойти на 3-й курс соответствующего университета-партнера. В муниципальных колледжах можно также организовать обучение иностранцев русскому языку, что позволит мигрантам органично ассимилировать в российскую общественно-культурную среду и эффективно встроиться в дальневосточный рынок труда.

Выстроив постепенно и отладив подобную систему образования, к 2050 г. мы получим реальную возможность расширить концепцию университетов путем их трансформации в исследовательские центры. К примеру, под эгидой Дальневосточного отделения РАН региональные научно-образовательные комплексы южной зоны Дальнего Востока можно объединить в научно-образовательный пул – Дальневосточный исследовательский университет. Тем самым будет решена задача по превращению стандартных для России образовательных учреждений в систему генерирования и продвижения новых знаний в ответ на меняющиеся запросы экономики России, интегрированной в экономику стран АТР и США.

В результате оптимизации региональных образовательных структур к 2050 г.:

- уровень развития человеческого капитала по основным параметрам станет сопоставимым с достигнутым в странах АТР;

- крупные программы социально-экономического развития Дальнего Востока будут обеспечены квалифицированными кадрами, в том числе в научной, технической и технологической сферах;

- достижения фундаментальных наук при кооперировании с вузами даст толчок развитию инновационных направлений (по некоторым из них Россия может опережать даже наиболее продвинутые страны АТР);

- будет повышена финансовая обеспеченность высших учебных заведений региона за счет экспорта образовательных услуг, ориентированных на студентов и аспирантов из стран АТР и республик постсоветского пространства.

Таким образом, к 2050 г. на Дальнем Востоке можно сформировать интегрированную в Азиатско-Тихоокеанский регион и Северо-Восточную Азию социальную систему, включая рынок труда, а сам регион способен превратиться в один из компонентов субглобальной социально-экономической системы с высоким уровнем развития человеческого потенциала.

5

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

5.1. Биоресурсный сектор дальневосточной экономики

Базовая основа биоресурсного сектора – возобновляемые биологические природные ресурсы, которые либо непосредственно используются для производства продукции (например, лесные ресурсы, водно-биологические ресурсы), либо на их основе производится продукция (например, земельные ресурсы).

С точки зрения реализации сырьевых функций биоресурсы Дальнего Востока, хотя и не являются уникальными, как, например, некоторые виды минерально-сырьевых ресурсов, тем не менее по запасам водно-биологических (ВБР) и лесных ресурсов Дальний Восток лидирует в национальной экономике, особенно по ВБР, составляющим более половины общероссийских запасов. Кроме сырьевых функций, значимыми являются выполняемые биоресурсами несырьевые функции – ландшафто-стабилизирующие (водо-, почво-, атмосферо-, биотоохранные) и хозяйственно-экологические (экологозащитные и биообеспечивающие)¹. Использование биоресурсов до настоящего времени на Дальнем Востоке осуществляется в рамках парадигмы экстенсивного природопользования. По каждому ресурсу добывается только наиболее доступная в данный конкретный момент времени и наиболее высококачественная его часть, требующая наименьших усилий по добыче и становящаяся товаром при минимальной обработке².

Используемые водные биологические ресурсы сосредоточены

¹ Шейнгауз А.С., Сапожников А.П. Классификация функций лесных ресурсов // Лесоведение. 1983. № 4. С. 3–8.

² Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005.

в национальной исключительной экономической зоне (ИЭЗ), в которой более чем на 90% осуществляется добыча ВБР (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Характеристика водных биологических ресурсов Дальнего Востока

Показатель	Характеристика показателя
Потенциал ВБР	Национальная исключительная экономическая зона РФ – 3 млн т Мировой океан – 100 млн т
Видовая структура добычи	7–10 видов рыбы (преимущественно минтай, тихоокеанские лососи и сельдь, дальневосточные камбалы и терпуги)
Потенциал производства марикультуры	1 млн т продукции в год, реализуется на 1% в основном в Приморском крае (трепанг, мидии, гребешок). Начато выращивание марикультуры в Сахалинской области и Хабаровском крае
Воспроизводство ресурсной базы, выпуск молоди рыбоводными заводами	Сахалинская область – 42 завода мощностью 956,5 млн шт. лососевых (80% общероссийского воспроизводства лососевых) Хабаровский край – 7 заводов мощностью 89 млн шт.

Источники: Рыбопромышленный комплекс / Инвестиционный портал Сахалинской области. URL: <http://investinsakhalin.ru/ru/about/economy/fishing.php>; Минвостокразвития России подготовлены решения по устранению барьеров для развития аквакультуры / Министерство РФ по развитию Дальнего Востока. 2016. 14 декабря. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/2616/>.

На протяжении последних 15 лет сохраняется одна и та же видовая структура добычи на Дальневосточном бассейне. Добыча ВБР достигла ресурсного потенциала ИЭЗ (в 2016 г. объем вылова составил 3,1 млн т), что является естественным ограничением дальнейшего развития рыбохозяйственного комплекса при ориентации только на ресурсы ИЭЗ. Ресурсы Мирового океана не могут рассматриваться как резерв, так как объемы вылова в Мировом океане вплотную приблизились к отметке его ресурсного потенциала.

Марикультура как альтернативный сырьевой источник пока развита слабо, на нее в основном ориентирован Приморский край, где в 2016 г. начато проведение открытых аукционов по распределению между инвесторами участков под марикультуру. Было выставлено более 10,8 тыс. га для выращивания морепродуктов в акватории

Японского моря, что позволило увеличить площади под проекты в области марикультуры в крае на 50%, до 33,6 тыс. га¹. Для восполнения ресурсной базы ведется работа по воспроизводству лососевых рыб, главным образом в Сахалинской области.

Дальний Восток имеет значительные лесные ресурсы, на его долю приходится 42,7% лесопокрытой площади Российской Федерации и 24,8% общероссийских запасов древесины. Лесопокрытая площадь на Дальнем Востоке увеличилась за 10 лет на 5%, запас древесины остался на прежнем уровне, так же как и расчетная лесосека (ежегодный допустимый объем изъятия древесины) (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Характеристика лесных ресурсов Дальнего Востока

Показатель	Характеристика показателя
Лесопокрытая площадь	295,2 млн га
Запас древесины	20,5 млрд м ³ , из которых более 80% хвойные породы (в основном лиственница)
Расчетная лесосека	91 млн м ³ (2015 г.)
Воспроизводство ресурсной базы	Осуществляется в основном путем содействия естественному возобновлению лесов

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007–2016 / ФСГС. 2017.

Использование расчетной лесосеки сократилось за 10 лет с 20 до 15%. К основным многолесным территориям относятся Республика Саха (Якутия), Хабаровский и Приморский края, Амурская область, на них приходится 87% запаса древесины и 94% расчетной лесосеки. С точки зрения доступности ресурсов использование расчетной лесосеки различается по регионам. На Якутию приходится 40% расчетной лесосеки Дальнего Востока, которая из-за малой доступности территории используется в среднем меньше чем на 5%. В Хабаровском и Приморском краях с их близостью к портам и наличием развитой инфраструктуры использование допустимого объема изъятия древесины наибольшее по округу (в Приморском крае использование расчетной лесосеки составляет 51%, в Хабаровском крае – 27%), причем осуществляется оно в основном в уже

¹ В Приморье обещают увеличить площадь акваторий под марикультуру в полтора раза / Федеральное агентство по рыболовству. 2016. 6 сентября.

освоенных ранее районах, что ведет к истощению доступных ресурсов.

Природные ресурсы, используемые сельским хозяйством, – это в основном земельные ресурсы. Сельскохозяйственные угодья на Дальнем Востоке составляют 8 млн га, и этот показатель практически не изменился за 10 лет. Почти 35% в них занимает пашня, площадь которой увеличилась за десять лет на 12% и достигла в 2015 г. 2,8 млн га¹. За предыдущие 15 лет площадь пашни сократилась на 30%. Нынешний рост площади пашни объясняется активизацией сельскохозяйственного бизнеса в регионе в сфере растениеводства.

Экстенсивный характер использования возобновимых биоресурсов приводит к тому, что их исчерпание наступает раньше, чем ресурсы успевают восстановиться². При сохранении такой направленности места добычи ресурсов вытесняются на север региона (в лиственничные леса вдоль БАМа), дальше в Мировой океан, что повышает затраты и снижает качество биологических ресурсов.

В результате чрезмерного освоения всех биологических ресурсов в легкодоступных угодьях не только трансформировался их видовой состав, но все они качественно деградировали. При этом ресурсы подвержены трансформации по-разному в разных отраслях:

- в рыбохозяйственном комплексе произошло сокращение прибрежных стад рыб, снижение их размерных характеристик, ухудшение их породной структуры;

- в лесном комплексе при сохранении преобладающей роли хвойных лесов увеличилась доля лиственных лесов, уменьшилась доля спелых лесов, произошло снижение средней полноты и товарности древостоев;

- в сельском хозяйстве произошло снижение плодородия земель из-за чрезмерной химизации до 1990-х гг., а затем резкого сокращения внесения удобрений, мелиоративных работ, деградации почв.

В результате происходит не только сокращение объема ресурса, но и изменение его пространственной структуры, деконцентрация,

¹ Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации / Росреестр. 2015. URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/>.

² Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005.

что создает так называемое «условное исчерпание»¹ ресурсов и тесно связано с вопросом доступности ресурсов в отраслях биоресурсного сектора.

Можно сделать вывод, что исходя из современного состояния ресурсов, применяемых способов их добычи/использования, биоресурсы в настоящее время становятся фактором, ограничивающим дальнейшее экстенсивное развитие биоресурсного сектора, что требует перехода к новым способам и технологиям добычи и переработки ресурсов.

Роль биоресурсного сектора в экономике региона

По двум сопоставимым по значению показателям – доле валовой добавленной стоимости и доле занятых в численности занятых в экономике региона – сектор снизил за десять лет свои позиции (рис. 5.1). Причем по первому показателю это снижение было существенным (в 1,3 раза), что обусловлено более низкими темпами роста абсолютного показателя ВДС биоресурсного сектора по сравнению с аналогичным показателем по экономике в целом за счет других отраслей (рис. 5.2).

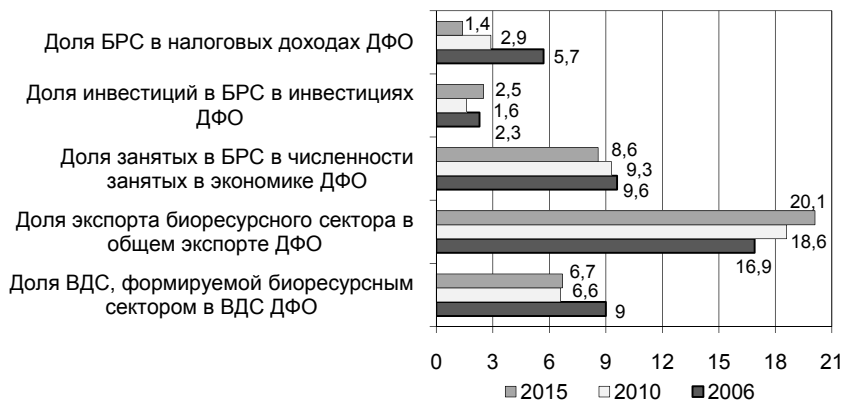

Рис. 5.1. Показатели, формируемые биоресурсным сектором в экономике Дальнего Востока, %

Важность биоресурсного сектора в обеспечении занятости населения Дальнего Востока определяется тем, что он всегда обе-

¹ Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005.

спечивал занятость жителей отдаленных прибрежных и лесных поселков, а также сельских территорий. Прекращение природопользования ведет к потере созданной инфраструктуры, к оставлению территории, т. е. «к потере освоенческих усилий и затрат, следовательно, к нарушению тех приоритетов, которые всегда признавались главными при освоении новых ареалов, в первую очередь на ДВР»¹.

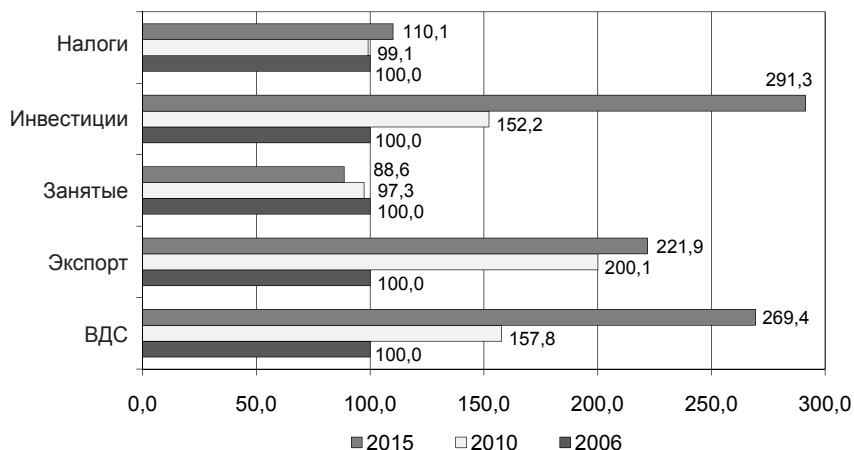

Рис. 5.2. Динамика основных экономических показателей биоресурсного сектора Дальнего Востока (2006 г. =100 %)

Примечание. Приведены статистические данные среднегодовой численности занятых по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство», здесь не учтены занятые в деревообработке и рыбопереработке, что увеличит численность занятых, по нашим оценкам, еще на 15–20%.

Источники: рассчитано по: Структура ВРП по видам экономической деятельности, 2006–2015 / ФСГС. 2017; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007–2016 / ФСГС. 2017; Данные по формам статистической налоговой отчетности / Федеральная налоговая служба. 2006–2016. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

¹ Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. С. 298

Инвестиционная деятельность в биоресурсном секторе активизировалась после 2010 г. в основном за счет новых инвестиционных проектов в лесном комплексе. Тем не менее доля инвестиций в экономике Дальнего Востока остается небольшой, поскольку инвестиционная активность в других отраслях региона намного выше.

Биоресурсный сектор неоднороден в силу разного состояния ресурсов, разного масштаба и роли производимого в его отраслях продукта.

Рыбохозяйственный комплекс является специализированным товарным производством, ориентированным одновременно на два рынка: на межрегиональный обмен с центральными регионами России и на экспортный рынок. Соотношение между этими двумя рынками примерно одинаковое. Основную долю экспорта (более 90%) составляет продукция первого передела в виде мороженой рыбы, хотя отмечается некоторое увеличение экспорта продукции высокой степени переработки (готовых консервированных ракообразных, моллюсков), их доля в общем объеме экспорта незначительна. Сохранение данной ситуации приведет к дальнейшему закреплению специализации комплекса на поставках на мировой рынок продукции низкого передела¹.

Лесной комплекс Дальнего Востока имеет характер товарного экспортного производства, где подавляющая часть создаваемой продукции поставляется на экспорт, поскольку отсутствует внутренний потребитель, а также «закрыто» экономическое пространство для межрегионального обмена более конкурентоспособной лесопромышленной продукцией из Сибири. В экспорте продолжает лидировать необработанная древесина, хотя ее доля за 10 лет существенно снизилась – с 95 до 66%, и ее место заняли пиломатериалы.

Сельское хозяйство Дальнего Востока специализировано преимущественно на внутрорегиональное потребление с экспортным производством по отдельному виду продукции – товарной сое, спрос на которую вырос у китайских потребителей за последние три года в 7 раз².

Среди этих трех составляющих биоресурсного сектора Дальнего Востока наибольший вклад в него по показателям ВДС, налогов, экспорта в 2015 г. внес рыбохозяйственный комплекс (рис. 5.3).

¹ Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011.

² Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php>.

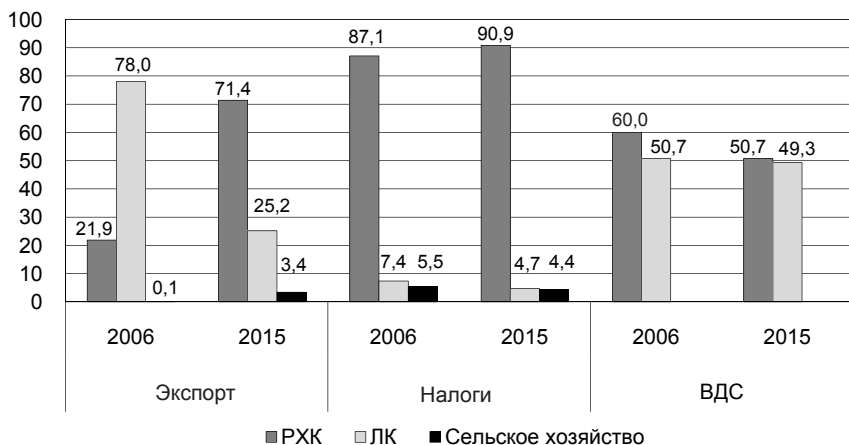

Рис. 5.3. Вклад рыбохозяйственного и лесного комплексов, а также сельского хозяйства в биоресурсный комплекс Дальнего Востока по показателям ВДС, налогов и экспорта, % (БРС = 100%)

Примечание: показатель ВДС в госстатистике дается совместно по сельскому и лесному хозяйству, в последнем учитываются лесозаготовки.

Источники: рассчитано по: Данные по формам статистической налоговой отчетности / Федеральная налоговая служба. 2006–2016; Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017; Структура ВРП по видам экономической деятельности, 2006–2015 / ФСГС. 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm..

Позиции лесного комплекса в экспорте БРС резко сократились за 10 лет – если в 2006 г. он лидировал по показателю экспорта в биоресурсном секторе, занимая почти 80%, то в 2015 г. его доля упала в 3 раза. Это падение произошло за счет снижения в 2 раза абсолютных объемов экспорта необработанной древесины, которое не под силу было компенсировать за счет продукции деревопереработки. Кризисная ситуация отразилась на собираемости налогов в лесном комплексе (рис. 5.4).

РХК стабильно сохраняет свой статус отрасли народнохозяйственной специализации, обеспечивая более 60% суммарного объема добычи ВБР России. Основной вклад в показатели РХК обеспечивают Камчатский, Приморский края и Сахалинская область. Доля Хабаровского края выросла за 10 лет с 7 до 11%.

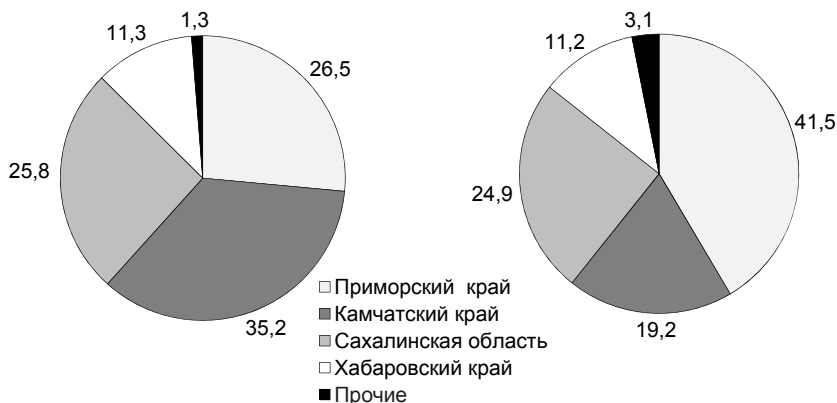

Рис. 5.4. Территориальная структура добычи и экспорта ВБР в 2015, %

Источники: рассчитано по: база данных ИЭИ ДВО РАН; Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: март 2017).

За прошедшие 10 лет прирост объемов добычи РХК региона составил 40% – с 2 до 2,8 млн т. Общий положительный тренд в РХК Дальнего Востока формирует тенденция роста объемов добычи водных биологических ресурсов в основных «рыбных» территориях, хотя и не очень устойчивая, провальным был 2011 г. из-за природно-климатических условий (табл. 5.3).

В последние годы наметилась тенденция сокращения доли экспорта в объемах добычи ВБР, что, по-видимому, обусловлено увеличением поставок рыбы на внутренний рынок в рамках импортозамещения (табл. 5.4).

В структуре распределения экспортных поставок ВБР по странам наблюдается определенная стабильность: сохраняется высокая доля экспорта в КНР, Республику Корея, Японию, на которые приходится 95% поставок. Доля Китая в физических объемах экспорта выросла за 2013–2016 гг. с 59 до 63%, в основном он импортирует мороженую рыбу. Республика Корея снизила свою долю за этот период с 36 до 31,9%. Япония занимает незначительную долю, которая варьируется в пределах 3,5–4,5%. Республика Корея и Япония импортируют в основном валютоемкие объекты промысла (крабов, моллюсков, свежую и охлажденную рыбу, икру, морских ежей)¹.

¹ Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017.

Мороженая рыба после переработки на китайских предприятиях в значительных объемах поставляется на экспорт, что обуславливает заинтересованность Китая в сохранении сырьевой направленности дальневосточного экспорта рыбопродукции.

Таблица 5.3

**Динамика индексов физических объемов добычи ВБР
по основным добывающим территориям Дальнего Востока,
% к предыдущему году**

Территория	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 / 2006
Дальний Восток	100	130,7	75,4	147,7	96,7	96,7	102,6	155,7
Приморский край	100	117,2	84,8	132,3	96,9	98,6	92,2	131,1
Камчатский край	100	152,2	62,9	178,6	83,4	102,5	109,6	173,8
Сахалинская область	100	121,5	85,8	153,2	109,1	106	86,1	169,3
Хабаровский край	100	145,4	65,8	173,3	101	119	110,3	261,5

Источники: Волков Л.В. Ключевые факторы развития рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока в современных условиях // Регионалистика. 2015. № 5–6. С. 60–69; Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2015 году и задачи на 2016 год / Федеральное агентство по рыболовству. 2016; Итоги работы рыбохозяйственного комплекса Камчатского края. 2009–2016 / Правительство Камчатского края. 2017. URL: <http://www.kamgov.ru/minfish/itogi-raboty-rybohozajstvennogo-kompleksa-kamcatskogo-kraa-v-2010-godu>; Рыбопромышленный комплекс / Инвестиционный портал Сахалинской области. URL: <http://investinsakhalin.ru/ru/about/economy/fishing.php>.

Таблица 5.4

**Динамика индексов физических объемов экспорта
водных биологических ресурсов, % к предыдущему году**

Территория	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 / 2006
ДФО	100	151,9	113,6	100,3	101,6	85,6	104,8	157,8
Приморский край	100	171,8	114,7	103,6	114,6	92,1	95,8	206,2
Камчатский край	100	133,9	96,2	107,4	89,2	75,5	112,6	105
Сахалинская область	100	131,5	125,2	94,8	94,9	96,6	111,8	160,2
Хабаровский край	100	146,5	127,9	104,6	91,8	80,1	120,5	173,6

Источник: рассчитано по: Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017.

Лесной комплекс демонстрирует спад по основным показателям (см. *рис. 5.3*). Основные производственно-экономические показатели лесного комплекса Дальнего Востока (производство необработанной древесины и пиломатериалов, а также стоимостного объема экспорта) формируются Хабаровским и Приморским краями. Стабильные позиции в производстве пиломатериалов удерживает Республика Саха (Якутия) (*рис. 5.5*).

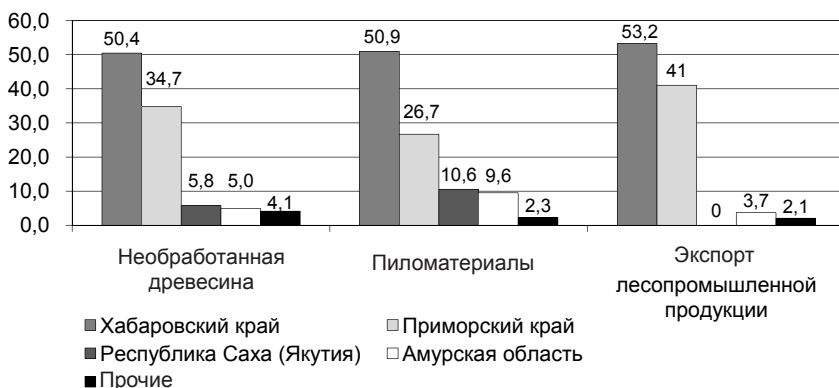

Рис. 5.5. Территориальная структура производства и экспорта лесопромышленной продукции в 2015, %

Источники: рассчитано по: Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007–2016 / ФСГС. 2017; база данных ИЭИ ДВО РАН.

Ситуация в лесном комплексе начала ухудшаться с 2008 г. и усугубилась в 2009 г. в результате влияния мирового финансово-экономического кризиса и за 2010–2015 гг. оставалась стабильно неустойчивой (*табл. 5.5*).

За десять лет производство необработанной древесины упало на Дальнем Востоке на 20% – с 15,5 до 12,1 млн м³, в том числе по основным производителям – Хабаровскому и Приморскому краям – на 30 и 10% соответственно. Необходимость замещения необработанной древесины дала стимул для увеличения производства пиломатериалов – за 10 лет на 30%, в том числе у основных производителей – в Хабаровском и Приморском краях – на 30 и 50%. Но даже такой значительный рост не позволил заместить выбывающий с рынка основной продукт – необработанную древесину.

Таблица 5.5

**Динамика индексов физических объемов производства
необработанной древесины, % к предыдущему году**

Территория	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 / 2006
ДФО	100	78,1	102,5	97,6	91,7	107,2	101,7	78,1
Хабаровский край	100	73,2	103,3	101,6	84,1	109,4	105,2	74,4
Приморский край	100	88,9	100	95	100	110,5	100	93,3
Республика Саха (Якутия)	100	128,6	100	88,9	112,5	88,9	87,5	100
Амурская область	100	57,1	100	75	83,3	100	120	42,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007–2016 / ФСГС. 2017.

На рынке СВА после 2009 г. произошло существенное сокращение объемов экспорта необработанной древесины и падение экспортных цен на нее и пиломатериалы, что привело к потере валютной выручки на 30% за 10 лет (рис. 5.6).

Результаты сельского хозяйства Дальнего Востока не отличаются стабильностью (табл. 5.6), хотя производство сельскохозяйственной продукция выросло в стоимостном выражении за 10 лет в 3 раза – с 54,2 до 162,9 млрд руб.

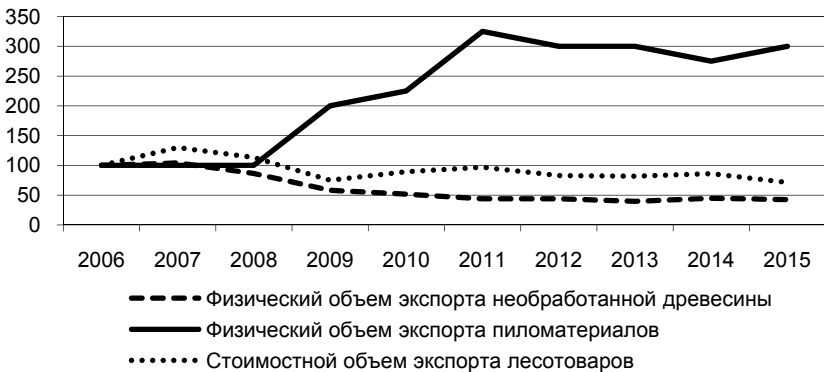

Рис. 5.6. Динамика физического и стоимостного объема экспорта продукции лесного комплекса Дальнего Востока, % к 2006 г.

Источники: рассчитано по: Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dytu.customs.ru/index.php> (дата обращения: март 2017); Антонова Н.Е. Лесная политика: региональные проявления. Хабаровск, 2010. 224 с.

Таблица 5.6

**Индексы производства продукции сельского хозяйства
Дальнего Востока по отраслям, % к предыдущему году**

Показатель	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Продукция сельского хозяйства	103,3	101,8	107,6	97,4	89,8	119,8	97,0
Продукция растениеводства	102,7	104,0	111,6	95,5	82,6	138,5	95,2
Продукция животноводства	104,2	99,3	102,5	100,0	98,7	99,0	99,8

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007–2016 / ФСГС. 2017.

Основной вклад в производство сельскохозяйственной продукции вносят Амурская область и Приморский край, в два раза меньше – Хабаровский край и Республика Саха (Якутия) (рис. 5.7).

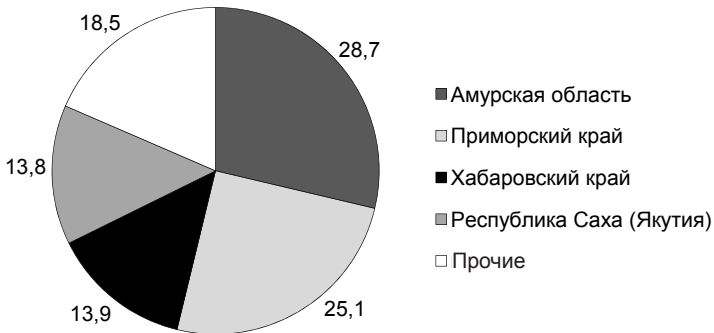

Рис. 5.7. Территориальная структура сельхозпродукции на Дальнем Востоке в 2015 г., %

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007–2016 / ФСГС. 2017.

По основным сельскохозяйственным территориям Дальнего Востока индексы сельхозпродукции также не отличаются стабильностью, хотя в целом за 10 лет произошел существенный рост (табл. 5.7).

Таблица 5.7

**Индексы продукции сельского хозяйства в основных
сельхозпроизводящих территориях Дальнего Востока
в сопоставимых ценах, % к предыдущему году**

Территория	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 / 2006
Республика Саха (Якутия)	95,2	97,3	95,3	98,0	98,5	99,2	97,9	170,7
Приморский край	104,2	103,9	110,6	99,2	98,1	113,0	93,8	343,5
Хабаровский край	100,9	99,3	102,1	101,8	94,6	104,8	90,2	286,2
Амурская область	114,3	103,0	122,1	93,3	71,1	167,5	102,1	467,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007–2016 / ФСГС. 2017.

Наилучшие показатели были в Амурской области, что связано с развитием отрасли растениеводства. Как указывалось выше, соя в последние годы стала наиболее востребованной культурой, особенно быстро растут ее площади в Амурской области и Приморском крае, что связано с ростом как внутреннего, так и внешнего спроса на соевые бобы.

Последнее десятилетие характеризуется интенсивной институциональной деятельностью, которая происходит дифференцированно в зависимости от целей и условий в каждой отрасли.

Развитие рыбохозяйственного комплекса определялось рядом базовых нормативно-правовых документов¹, на основе которых в практику управления РХК были имплементированы институциональные инструменты. Каждый инструмент имеет определенную направленность на решение одной или сразу нескольких задач (*табл. 5.8*).

¹ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федеральный закон от 20 декабря 2004 № 166-ФЗ; Об аквакультуре (рыбоводстве): федеральный закон от 02 июля 2013 № 148-ФЗ; О подготовке и заключении договора о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов: постановление Правительства РФ от 15 августа 2008 № 612; Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года, 2009; Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: утверждена постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 № 717. Региональные программы развития РХК (Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Сахалинская область).

Таблица 5.8

**Институциональные инструменты,
регулирующие развитие рыбохозяйственного комплекса
Дальнего Востока**

Институциональные инструменты	Решаемые задачи
Закрепление долей квот на вылов на 10-летний период	Обеспечение стабильности условий деятельности экономических агентов
Возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным на цели модернизации комплексов промышленного рыбоводства и приобретения племенного материала рыб	Воспроизводство биоресурсной базы отрасли
Налоговые льготы по НДС, налогу на прибыль, ЕСХН, сборы за пользование объектами ВБР, водному налогу	Снижение затратной части, повышение рентабельности производства продукции
Субсидии на возмещение части затрат на уплату аванса по договорам лизинга на приобретение и строительство судов и процентов по инвестиционным кредитам	Обновление производственно-технологического аппарата отрасли
Инвестиционные квоты, дающие право на дополнительный вылов ВБР при условии направления инвестиций на строительство различных типов рыбопромысловых судов (15% квот) и рыбоперерабатывающих производств (5%)	Стимулирование инвестиций в судостроение и рыбопереработку

Источник: составлено по перечисленным в сноске документам.

Что касается последнего инструмента – внедрения инвестиционных квот, то он вступает в действие с 2017 г. и рассчитан только на крупные предприятия, которые способны на большие инвестиции. Таким путем в РХК стимулируются процессы концентрации производства и капитала.

В лесном комплексе (*табл. 5.9*) к институциональным новациям в исследуемом периоде нужно отнести, в первую очередь, реформу лесного хозяйства, связанную с принятием нового Лесного кодекса РФ. Реформа повлекла множество управленческих изменений, для лесопользователей основным явилось изменение правил наделения сырьевой базой. Помимо реформы лесного хозяйства в этот период

кардинальные изменения затронули систему таможенного регулирования лесопромышленной продукции¹.

Сельское хозяйство Дальнего Востока на постоянной основе базируется на системе государственной поддержки, правовая основа которой изложена в целом пакете нормативно-правовых актов². Применяемые инструменты поддержки можно разделить на две части (*табл. 5.10*).

В последние три года активно формируется региональный набор институциональных инструментов в рамках «новой модели» развития Дальнего Востока. С точки зрения привлекательности для экономических агентов, работающих в биоресурсном секторе, к таким инструментам относятся, прежде всего, территории опережающего социально-экономического развития (ТОРы), зона Свободного порта Владивосток и институциональный инструмент международного сотрудничества в сельском хозяйстве – Российско-китайский фонд агропромышленного развития на Дальнем Востоке (РКФАР).

Российско-китайский фонд агропромышленного развития на Дальнем Востоке создан в рамках Соглашения между Фондом развития Дальнего Востока и Управляющей компанией Азиатско-Тихоокеанского продовольственного фонда³.

¹ О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 23 декабря 2006 № 795 в отношении отдельных видов лесоматериалов необработанных: постановление Правительства РФ от 5 февраля 2007 № 75; О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов: постановление Правительства РФ от 30.06.2007 № 419; О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов хвойных пород, вывозимых за пределы территории РФ и территории государств – участников соглашений о Таможенном союзе: постановление Правительства РФ от 30 июля 2012 № 779.

² О развитии сельского хозяйства: федеральный закон от 29 декабря 2006 № 264; Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы: утверждена постановлением Правительства РФ от 14 июля 2007 № 446; Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: утверждена постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 № 717. Аналогичные региональные программы, принятые во всех дальневосточных субъектах РФ на 2008–2012 гг., затем на 2013–2020 гг.

³ Россия и Китай договорились о создании Российско-китайского фонда агропромышленного развития на Дальнем Востоке / Минвостокразвития РФ. 2015. 17 декабря. URL: https://minvr.ru/press-center/news/1867/?sphrase_id=14766.

Таблица 5.9

**Институциональные инструменты, регулирующие развитие
лесного комплекса Дальнего Востока**

Институциональные инструменты	Решаемые задачи
Повышение экспортных пошлин на необработанную древесину	Снижение конкурентоспособности необработанной древесины на внешнем рынке с целью перехода на выпуск переработанной продукции
Внедрение механизма приоритетных инвестиционных проектов (стоимость проекта должна быть не менее 300 млн руб.): снижение на 50% ставки платы за лесные ресурсы и предоставление лесных участков в пользование без аукциона	Стимулирование инвестиций в развитие переработки древесины путем снижения текущих затрат на сырье
Субсидирование процентных ставок по кредитам, взятым на инвестиционное развитие (на техническое перевооружение, на создание межсезонных запасов древесины, сырья и топлива; создание новых высокотехнологичных производств)	Снижение текущих и капитальных затрат
Субсидии для лесопромышленных предприятий ДФО* на компенсацию: лизинговых платежей при покупке оборудования, части процентной ставки по кредитам на реализацию проектов, затрат на перевозку древесины и готовой продукции внутри территории ДФО	Создание производственно-технологического аппарата отрасли, снижение затратной части при производстве и транспортировке продукции, повышение ее рентабельности

Примечание. * Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским лесоперерабатывающим предприятиям Дальневосточного федерального округа, участвующим в реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, на возмещение части затрат, осуществленных в 2013–2016 гг. на реализацию таких проектов: постановление Правительства РФ от 5 декабря 2014 № 1319.

Первоначальный капитал фонда составит 13 млрд руб., из которых вложения Фонда развития Дальнего Востока – 1,3 млрд руб., инвестиции Управляющей компании Азиатско-Тихоокеанского продовольственного фонда – 11,7 млрд руб. с возможной докапитализацией до 700 млрд руб. По условиям РКФАР землю для ведения сельского хозяйства получают только российские предприниматели, обязательно использование современных аграрных технологий,

кадры на 80% должны быть российские и лишь на 20% – иностранные. Финансирование проектов обеспечивается на 10% российской стороной, 90% – китайскими партнерами. Китайская сторона создает условия для поставки сельскохозяйственных товаров на рынок КНР.

Таблица 5.10

**Институциональные инструменты,
регулирующие развитие сельского хозяйства Дальнего Востока**

Институциональные инструменты	Решаемые задачи
1. Прямое субсидирование за счет средств федерального бюджета с софинансированием из бюджетов субъектов Федерации по направлениям:	
– Развитие селекции и семеноводства сельскохозяйственных культур, племенного дела в животноводстве и птицеводстве, стимулирование развития скотоводства	Воспроизводство и поддержание ресурсной базы
– Компенсация части затрат на приобретение сельскохозяйственными товаропроизводителями основных видов материально-технических ресурсов, включая новую технику, минеральные удобрения и средства защиты растений, энергоресурсы, на отдельные мероприятия, в том числе на страхование посевов сельскохозяйственных культур	Обновление производственно-технологического аппарата отрасли, снижение текущих затрат
– Уплата процентов по кредитам, полученным сельскохозяйственными и другими товаропроизводителями АПК в коммерческих банках	Снижение текущих затрат, повышение рентабельности производства
– Возмещение затрат, связанных с восстановлением плодородия земель сельскохозяйственного назначения на территориях ДФО, пострадавших от наводнения 2013 г.	Воспроизводство ресурсной базы
2. Прямые финансовые вложения на осуществление мероприятий капитального характера, в том числе на мелиорацию земель сельскохозяйственного назначения, развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка, социальное развитие сельских территорий	Обеспечение стабильности условий деятельности экономических агентов

Реализуемые инвестиционные проекты свидетельствуют о том, что развитие рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока в перспективе ориентируется на устойчивое увеличение физического объема добычи водных биологических ресурсов и соответству-

ющего наращивания производства традиционной рыбопродукции.

В лесном комплексе отраслевые инструменты технологической перестройки в виде механизма приоритетных проектов оказались достаточно действенными для начала реализации инвестиционных проектов в деревопереработке, но недостаточно стимулирующими для их завершения. На Дальнем Востоке были реализованы 9 из 15 заявленных приоритетных инвестиционных проектов.

5.2. Инвестиционные проекты в минеральном секторе

Сформированная на федеральном уровне «новая модель» развития Дальнего Востока и принятые в соответствии с этим институциональные решения создали ситуацию обязательности вполне определенных (этими решениями) действий на региональном уровне управления. Созданные институты и механизмы «запущены», и в экономических системах регионов начинают формироваться реальные результаты решений, принятых на федеральном уровне. Актуальной становится задача «уловить» и измерить все эффекты (положительные и отрицательные) от реализации федеральных институциональных решений и инструментов «новой модели» развития Дальнего Востока для экономики конкретных регионов (на примере ресурсных проектов).

Основная научная проблема находится на стыке нескольких теоретических, методологических и методических исследовательских направлений, в частности, проблем оценки: эффективности государственной политики; роли природных ресурсов в экономическом развитии; системных эффектов ресурсных проектов и их локализации на региональном уровне; «институциональных экстерналий» и их интернализации для различных уровней государственного управления.

К существенным мерам, направленным на рост привлекательности инвестиционных проектов, относят механизмы и инструменты, принятые в «новой модели» развития Дальнего Востока, о формировании которой было объявлено в конце 2013 г. В рамках предложенных подходов целевая задача развития региона отличалась от предшествующих формулировок и была задана по-иному: «Дальний Восток должен стать конкурентоспособным регионом с диверсифицированной экономикой, в структуре которой преобладают высокотехнологичные производства с высокой добавленной стоимостью». По сути, было обозначено желание ухода от сырьевой экономики, которую на Дальнем Востоке практически весь период освоения региона формировали отрасли его национальной специ-

ализации, и прежде всего минерально-сырьевой комплекс (МСК). В формирующихся новых условиях актуальным становится вопрос о сохранении конкурентоспособности и роли этого сектора экономики в региональном развитии.

В области добычи полезных ископаемых на Дальнем Востоке в 2016 г. сохранялась положительная динамика: индекс производства относительно 2015 г. составил 103,8%. При этом он был выше аналогичного показателя по РФ в целом (102,5%). Индекс производства в добыче полезных ископаемых на Дальнем Востоке был также выше этого показателя и по промышленности в целом – как по общерегиональному (101,0%), так и по среднероссийскому (101,1%). Конечно, эта динамика не была однородной по субъектам РФ: на отдельных территориях (Приморский и Хабаровский края, Амурская область, Чукотский автономный округ) произошло снижение индекса производства в «Добыче полезных ископаемых». Рост производства отмечался в Республике Саха (Якутия), в Магаданской и Сахалинской областях и весьма существенный (правда, при значительно меньших масштабах горнодобывающего комплекса как такового) – в Камчатском крае (147,3%) и Еврейской автономной области (186,0%)¹.

Различной была динамика производства в 2016 г. и для подотраслей минерально-сырьевого комплекса. Так, если добыча золота в целом сохраняет небольшую позитивную динамику, то в добыче платины, например, произошли существенные снижения объемов. При этом такая ситуация, по оценке Союза золотопромышленников, была вполне ожидаема: позитивная динамика золотодобычи в отдельных субъектах РФ (Хабаровский и Камчатский края, Магаданская область) определяется вводом новых и развитием действующих мощностей, а также результатами политики оптимизации производства и затрат компаниями, основа которой была заложена девальвацией рубля. Существенное снижение добычи платины в основном связано с плановым сокращением и обновлением производственных мощностей².

Территориальная структура отрасли в разрезе субъектов РФ в рассматриваемый период осталась практически неизменной: по-прежнему примерно половина стоимости продукции минерального сектора Дальнего Востока обеспечивается добычей алмазов

¹ Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. URL: www.gks.ru/bgd/B02_83/Main.htm.

² Кашуба С.Г., Иванов В.Н., Дудкин Н.В. Итоги производства золота, серебра, платины и палладия в Российской Федерации по итогам 9 месяцев 2016 года // Золото и технологии. 2016. № 4. С. 6–10.

и драгоценных металлов в Якутии, остальная часть формируется добычей драгоценных металлов в Чукотском автономном округе, Магаданской и Амурской областях, в Хабаровском крае.

Добыча полезных ископаемых формирует практически весь объем промышленного производства в Магаданской области и Чукотском автономном округе (ЧАО), почти половину – в Якутии. Существенно выросла в рассматриваемом периоде доля горнодобычи в промышленности Амурской области, прежде всего за счет инвестиционной активности и реализации проектов крупной компанией «Петропавловск». Возрастает вклад отраслей по добыче полезных ископаемых и в структуре диверсифицированной промышленности Хабаровского края. Уровень заработной платы в минеральном секторе превышает среднюю по экономике в рассматриваемых субъектах РФ на 30–80%. Роль и значение минерального сектора для экономики Дальневосточного региона не изменились в рассматриваемый период, по-прежнему оставаясь существенными.

Отрасли по добыче полезных ископаемых и в кризисный период продолжали демонстрировать свою инвестиционную привлекательность. Результатом этих процессов стало появление отдельных структурных изменений в развитии МСК Дальнего Востока в 2010–2016 гг. Видимо, можно говорить о восстановлении отрасли по добыче олова в структуре МСК Дальнего Востока. Хабаровский край стал единственным российским регионом, где ведется добыча олова, объемы которой существенно выросли – с 130,0 т в 2009 г. до 577,5 т в 2015 г. Такие результаты достигнуты не только благодаря инвестиционной политике компании «Русские Фонды» по освоению Правоурмийского месторождения олова (Верхнебуреинский район), но и активным действиям Правительства Хабаровского края. По инициативе регионального министерства природных ресурсов Правительством РФ была введена нулевая ставка НДС при добыче кондиционных руд олова в Дальневосточном федеральном округе на 5 лет (2013–2017 гг.). В перспективе в Хабаровском крае ожидается строительство новой обогатительной фабрики на Правоурмийском оловорудном месторождении (Верхнебуреинский район) мощностью 400 тыс. т руды в год и хвостохранилища объемом 4500 тыс. м³. Идет подготовка к освоению Соболиного оловорудного месторождения (Солнечный район). Реализация этих проектов обеспечит увеличение объема добычи олова в Хабаровском крае до 3 тыс. т в год (рост в 23 раза в сравнении с 2009 г.).

Еще одним проектом, меняющим структуру минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока, может стать освоение Малмыжского золото-меднопорфирового месторождения в Хаба-

ровском крае. Предварительно оцененные запасы меди на этом месторождении приближаются к 6 млн. т, а прогнозные оценены более чем в 16 млн. т, что на порядок превышает оценки уже имеющих в Хабаровском крае запасов меди. Кроме того, на месторождении уже утверждены запасы золота в объеме более 270 т. Инвестор проекта компания «Амур Минералс» высоко оценивает перспективы геологического изучения Малмыжского месторождения (вплоть до формирования месторождения мирового масштаба, сравнимого с монгольским ОюТолгой), а также хорошо развитую логистику и инфраструктуру месторождения. Реализация этого проекта даст возможность сформировать еще одну отрасль национальной специализации на Дальнем Востоке – добычу и переработку меди.

Хорошо известным, значимым и давно ожидаемым проектом, реализуемым в рассматриваемый период, является строительство и запуск Кимкано-Сутарского ГОКа в Еврейской автономной области. Производственная мощность первой очереди составляет 10 млн т руды и 3,15 млн т железорудного концентрата с 65% содержания железа. На первом этапе намечается вывоз продукции в Китай. На комбинате планируется создать более 1,5 тысяч рабочих мест. Ввод в действие этого проекта внесет изменения не только в продуктовую структуру минерального сектора экономики Дальнего Востока, но и изменит его пространственную структуру – Еврейская автономная область приобретет специализацию добывающей территории. В связи с запланированным выходом на проектную мощность Кимкано-Сутарского ГОКа в экономике ЕАО, по оценке правительства области, ожидаются существенные количественные и структурные изменения:

- рост ВРП на 23,8% в сопоставимых ценах к уровню 2014 г.;
- структурные сдвиги в экономике области в сторону промышленного производства за счет роста доли вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в ВРП до 13,7% (против 0,8% в 2013–2014 гг.);
- изменение структуры промышленного производства – рост доли добывающей промышленности до 50% от всего объема отгруженных товаров собственного производства;
- существенный рост экспортных поставок из ЕАО: ожидаемые показатели экспорта к 2017 г. увеличатся в 4–5 раз к уровню 2015 г.

Следует, однако, учесть и возможные проблемы и риски, связанные с реализацией проекта строительства Кимкано-Сутарского ГОКа: формирование сырьевой моноспециализации промышленности ЕАО; зависимость роста социально-экономических показате-

телей и бюджетной обеспеченности ЕАО от деятельности одного крупного предприятия сырьевой специализации и др.

Еще одним субъектом РФ на Дальнем Востоке, имеющим шансы стать территорией с горнодобывающей специализацией, является Камчатский край. Активную работу по формированию золотодобывающей отрасли и освоению месторождений драгоценных металлов ведет группа компаний (ГК) «Золото Камчатки», созданная в 2002 г. Группа владеет девятью лицензиями на право пользования недрами золоторудных объектов с общей ресурсной базой более 500 тонн. Стратегия компании предполагает комплексное освоение с выполнением геологоразведочных работ, строительством горнодобывающих и перерабатывающих предприятий и созданием объектов транспортной и энергетической инфраструктуры. Инвестиции в 2010–2015 гг. составили более 400 млн долл., по планам компании до 2020 г. ожидаемые инвестиции составят более 270 млн долл. Количество сотрудников составляет более 1200 человек¹. Проекты компании поддерживаются не только администрацией Камчатского края, но и Фондом развития Дальнего Востока в рамках новых институциональных и финансовых механизмов развития региона.

Для последних лет характерен целый ряд институциональных изменений, которые не могли не отразиться на перспективах и конкурентных возможностях МСК Дальнего Востока. К таким важным изменениям следует отнести, во-первых, совершенствование на федеральном уровне правил доступа к недрам (их можно условно обозначить как «отраслевые» изменения) и, во-вторых, формирование ключевых механизмов новой модели развития Дальнего Востока (или «специальных региональных режимов»).

Что касается первой группы изменений (отраслевых), то в последние годы на национальном уровне принят ряд мер, улучшающих инвестиционный климат в горно-геологической отрасли. К наиболее существенным из них по оценкам экспертов компании «Эрнст энд Янг»² относятся следующие:

– введение заявочного принципа получения лицензий на геологоразведочные работы на ранних стадиях вместо действовавшего ранее аукционного;

¹ Патлач А.И. ГК «Золото Камчатки». Крупнейший производитель золота в Камчатском крае. Материалы 11-го Российского горнопромышленного форума «МАЙНЕКС Россия 2015» (Москва, 7–8 октября 2015 г.). URL: www.minexrussia.com.

² Хрусталева Е. Обзор золотодобывающей отрасли России за 2013–2014 годы // Золото и технологии. 2015. № 2. С. 20–24.

- совершенствование действующего законодательства, направленного на снижение административных барьеров, повышение оперативности и качества принимаемых государственными органами решений при предоставлении предприятиям горно-геологической отрасли различных разрешений и согласовании вопросов;
- разработка новых кодексов подсчета запасов и ресурсов, в большей степени адаптированных к системе аналогичных международных кодексов;
- разработка кодексов стоимостной оценки объектов недропользования в целях раскрытия такой информации для бирж и иных источников финансирования;
- упрощение процедур получения согласований на проекты горных предприятий.

Что касается формирования ключевых механизмов «новой модели» развития Дальнего Востока (или «специальных региональных режимов»), то в качестве важнейших инструментов привлечения инвестиций было предложено создание на Дальнем Востоке территорий опережающего развития (ТОР)¹, в рамках которых устанавливается особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности. Этот режим включает: приоритетное подключение к объектам инфраструктуры, созданной на бюджетные деньги; установление льготных ставок арендной платы за пользование землей; особое налогообложение резидентов; сокращение числа проверок и снижения административной нагрузки; применение процедур свободной таможенной зоны; льготный размер страховых взносов на фонд заработной платы; ускоренные процедуры получения разрешения на строительство.

В настоящее время на Дальнем Востоке создано 16 территорий опережающего социально-экономического развития, среди которых и ТОР «Беринговский» на Чукотке с добывающей специализацией: разведка, добыча и экспорт коксующегося угля (до 1 млн т). «Якорный» инвестор – австралийская компания Tigers Realm Coal Ltd (TRC) (которая с 2012 г. уже работает на Чукотке). В реестр резидентов дальневосточных ТОР включено уже порядка сотни инвесторов, реализующих на этих территориях проекты в различных отраслях экономики. Анализ отраслевой принадлежности резидентов ТОР² показал, что одна треть инвесторов реализуют проекты в

¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 23.12.2014 № 473-ФЗ.

² Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Новые механизмы государственного стимулирования инвестиционной активности и их результаты в ресурсном секторе Дальнего Востока // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 23–32.

природно-ресурсном секторе Дальнего Востока, при этом наибольшие объемы инвестиций заявлены в добыче и переработке полезных ископаемых.

В качестве механизмов, стимулирующих реализацию крупных инвестиционных проектов, в том числе и по освоению минеральных ресурсов Дальнего Востока, предусмотрен¹ особый налоговый режим, ряд налоговых льгот и новаций:

– снижение налога на прибыль: в федеральной части обнуление ставки на период 10 лет с момента получения прибыли, в региональной части – не более 10% в первые пять лет и не менее 10% в следующие пять лет. При этом для субъектов РФ предусмотрена возможность максимального снижения этих ставок;

– введение понижающего коэффициента для налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на 10 лет: от 0 в первые два года до 0,8 в последние два года десятилетних налоговых каникул (с шагом 0,2 каждые 2 года).

При этом вводится новая категория налогоплательщиков, которые смогут воспользоваться такими льготами – «участник регионального инвестиционного проекта». Получение такого статуса требует соблюдения определенных условий: регистрация на территории субъекта РФ, в котором реализуется инвестиционный проект; отсутствие обособленных подразделений на иных территориях; определенная организационно-правовая форма и т. д.

Если учесть, что практически вся эффективная минерально-сырьевая база в регионе распределена между недропользователями (табл. 5.11), в основном между крупными компаниями², то шансы появления новых игроков и возможность их регистрации как особой категории налогоплательщиков – «участников регионального инвестиционного проекта» – весьма невелики. Видимо, следует оценивать эту стимулирующую меру в новой модели развития Дальнего Востока ограниченной для воздействия на минерально-сырьевой сектор.

¹ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 267-ФЗ.

² И такова ситуация не только на Дальнем Востоке, но и в других регионах, например, в Забайкальском крае. Подробно в работе: И.П. Глазырина, С.М. Лавлинский, И.С. Калгина. Государственно-частное партнерство в минерально-сырьевом комплексе Забайкальского края: проблемы и перспективы // География и природные ресурсы. 2014. № 4. С. 99–105.

Таблица 5.11

**Доля ключевых видов полезных ископаемых,
находящихся в распределенном фонде,
по территориям Дальнего Востока на 01.01.2014 г.
(в % от величины балансовых запасов и прогнозных ресурсов,
включенных в государственный баланс)**

Территория	Доля в балансовых запасах	Доля в прогнозных ресурсах
Золото рудное		
Республика Саха (Якутия)	82,4	53,6
Камчатский край	100,0	49,4
Хабаровский край	96,9	21,4
Амурская область	98,0	100,0
Магаданская область	85,1	100,0
Чукотский АО	98,5	100,0
Серебро		
Республика Саха (Якутия)	90,9	20,5
Хабаровский край	90,3	–
Магаданская область	89,2	44,5
Чукотский АО	98,9	70,0
Платина		
Республика Саха (Якутия)	33,3	100,0
Камчатский край	100,0	–
Хабаровский край	99,8	–
Железная руда		
Республика Саха (Якутия)	85,5	45,1
Амурская область	100,0	100,0
Еврейская АО	100,0	0
Никель и кобальт		
Камчатский край	100,0	100,0

Источник: рассчитано с использованием материалов Департамента по недропользованию по Дальневосточному федеральному округу (Дальнедра). URL: <http://www.dalnedra.ru/index.php?c=mineralno-syrevaya-baza>.

Естественно, что инвестиционным сообществом в минерально-сырьевой сфере ставятся вопросы об уточнении критериев соответствия новой категории налогоплательщиков и о включении в эту категорию «инвесторов, которые приступили к реализации своих

проектов в период, непосредственно предшествующий вступлению Закона в силу (1 января 2014 года)»¹.

Тем не менее, появляется информация о включении компаний по добыче полезных ископаемых в Реестр участников региональных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе. Так в марте 2015 г. ОАО «СиГМА» в Камчатском крае включено в такой реестр с проектом освоения Озерновского золоторудного месторождения².

Еще одним важным механизмом реализации «новой модели» развития региона является государственная поддержка инвестиционных проектов, практическая реализация которых способна дать значимый для Дальнего Востока эффект. К настоящему времени эта процедура не только нормативно проработана, но уже получены и первые ее результаты. Правительством РФ утверждена методика отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона, при этом с момента принятия нормативного документа (декабрь 2014 г.) и до настоящего времени уже внесен ряд корректировок³.

В данной «Методике...» объектами оценки, отбора и дальнейшей государственной поддержки в различных формах являются инвестиционные проекты, планируемые к реализации:

- с привлечением средств из федерального бюджета;
- за счет финансирования из средств «Фонда развития Дальнего Востока и Байкальского региона»;
- для включения их в государственную программу РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона».

Ключевыми требованиями при отборе инвестпроектов, реализуемых с привлечением средств из федерального бюджета, являются:

- соответствие целям стратегических документов, определяющих направления социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона;

¹ Влияние прямых иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие Дальнего Востока. Исследование ЦЭФИР по заказу Корпорации КинроссГолд. Москва, 2013. С. 45.

² Приказ министерства экономического развития, предпринимательства и торговли Камчатского края от 19.03.2015 г. № 154-П. URL: <http://www.geosimagold.com/blog/investitsii/>.

³ Об утверждении методики отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона: постановление Правительства РФ от 16.10.2014 г. № 1055.

- уровень частных инвестиций не менее 1 млрд руб.;
- необходимость государственной поддержки в форме бюджетных инвестиций для создания или модернизации объектов инфраструктуры.

Количественными критериями отбора инвестпроектов обозначены:

а) отношение объема частных инвестиций к объему бюджетных средств (удельный вес критерия 15%);

б) отношение объема осуществленных частных инвестиций к объему планируемых частных инвестиций (удельный вес критерия 15%);

в) отношение объема поступлений в бюджеты (в течение 10 лет после проведения отбора) к объему их расходов на реализацию инвестпроекта (удельный вес критерия 35%);

г) добавленная стоимость, которая будет создана за второй год после выхода инвестиционного проекта на проектную мощность (удельный вес критерия 35%).

Согласование проранжированного в соответствии с критериями списка инвестпроектов проводит подкомиссия по вопросам реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке, работающая в рамках Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока. При оценке проектов могут быть применены дополнительные поправочные коэффициенты, отражающие приоритетность отрасли и территории. Перечень отобранных инвестиционных проектов утверждается распоряжением Правительства РФ.

В 2015–2016 гг. в соответствии с этими целевыми задачами и критериями проведено уже несколько этапов отбора инвестпроектов для прямой государственной поддержки в виде субсидий на создание и реконструкцию инфраструктуры в рамках реализации инвестиционных проектов¹. В ходе отбора было рассмотрено более полусотни проектов в различных отраслях и к настоящему времени для господдержки отобрано 13 инвестпроектов, при этом 8 из них – в добыче полезных ископаемых. Основная часть проектов, реализация которых поддержана прямыми субсидиями из федерального бюджета для решения инфраструктурных проблем, по-прежнему ориентируется на добычу сырьевых ресурсов. При этом в 2015 г. на эти цели направлено чуть более 80% государственных субсидий,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2015 г. № 484-р; распоряжение Правительства РФ от 13.07.2015 г. № 1339-р; распоряжение Правительства РФ от 27.08.2016 г. № 1806-р.

в целом же предполагаемая поддержка ожидается на уровне 91,2% всех бюджетных средств, предназначенных на эти цели (30,3 из 33,2 млрд руб.). То есть де-факто ресурсные проекты по-прежнему признаны соответствующими стратегическим целям развития региона и создающими в регионе максимальный социально-экономический эффект (табл. 5.12).

Таблица 5.12

Характеристики инвестпроектов и объемов прямой государственной поддержки на создание и реконструкцию инфраструктуры в рамках их реализации на Дальнем Востоке

Наименование инвестпроекта, сроки реализации, субъект РФ	Цель проекта, мощность	Объект инфраструктуры, на создание (реконструкцию) которого предоставляется субсидия	Предельный общий объем субсидии, предоставляемой инвестору, млн руб.
1	2	3	4
Строительство горно-обогательного комплекса «Инаглинский», 2011–2017 гг., Республика Саха (Якутия)	Добыча коксующегося угля и производство высококачественного коксующегося концентрата	Подстанция 110 кВ «Инаглинский угольный комплекс» с заходами линии электропередачи 110 кВ	560,0
Комплексный инвестиционный проект развития угледобычи и углеобогащения АО «Ургалуголь», 2011–2021 гг., Хабаровский край	Увеличение добычи угля (в т.ч. экспортного качества), производство обогащенного угля (концентрата)	Автомобильные мосты через р. Чегдомын и р. Ургал; железнодорожные пути обогащательной фабрики «Чегдомын»; линия электропередачи 110 кВ	1548,9
Горно-металлургический комбинат (ГМК) по добыче и переработке руды Озерновского золоторудного месторождения, 2009–2017 гг., Камчатский край	Комплексная разведка Озерновского рудного поля и разветвление ГМК мощностью до 10 т золота в год	Подъездная автодорога к Озерновскому месторождению, участок Лызык-Озерновское	758,4

1	2	3	4
Строительство Таежного горно-обогатительного комбината (1-й этап), 2014–2017 гг., Республика Саха (Якутия)	Создание ГОКа на месторождении Таежное для добычи и переработки железной руды (3 млн т в год)	Железнодорожная станция «Таежная»; энергетический комплекс Таежного ГОКа	1620,0
Развитие золотодобычи в Селемджинском районе, 2011–2019 гг., Амурская область	Разработка золоторудных месторождений Селемджинского района	Линия электропередачи 220 кВ «Февральская – Рудная» с подстанцией 220 кВ «Рудная»	5490,9
Строительство горнодобывающего и перерабатывающего предприятия на базе Наталкинского золоторудного месторождения, 2009–2018 гг., Магаданская область	Развитие золотодобычи в Тенькинском районе (Наталкинское месторождение, 8,6 млн т руды в год)	Линия электропередачи 220 кВ «Усть – Омчуг – Омчак Новая» с распределительным пунктом 220 кВ и подстанцией 220 кВ «Омчак Новая»	9947,0
Алмазодобывающее предприятие на базе Верхне-Мунского рудного поля, 2015–2020 гг., Республика Саха (Якутия)	Разработка нового месторождения алмазов Верхне-Мунское	Временный технологический проезд до Верхне-Мунского месторождения (от г. Удачный, 150 км)	8525,8
Строительство и эксплуатация горно-обогатительного комбината «Тарын» на месторождении «Дражное», 2016–2018 гг., Республика Саха (Якутия)	Освоение месторождения «Дражное» открытым способом со строительством ГОКа (мощность 700 тыс. т руды, производство золота 2130 кг в год)	Автодорога (уч. Нелькан – уч. Дrajный, 103,5 км); линия электропередачи 35 кВ (10 км) с подстанцией 35/6 кВ	978,0

1	2	3	4
Организация производства строганных и профилированных пиломатериалов в пос. Березовый Солнечного района, 2012–2020 гг., Хабаровский край	Создание комплексного лесопильно-деревообрабатывающего предприятия с годовым объемом лесозаготовок 973 тыс. м ³ и переработки пиловочного сырья 750 тыс. м ³	Участки лесозвозных и подъездных автомобильных дорог; цех генерации электроэнергии лесопильно-деревообрабатывающего предприятия	847,0
Итого по ресурсным проектам			30276,0

Источники: распоряжение Правительства РФ от 23.03.2015 г. № 484-р; распоряжение Правительства РФ от 13.07.2015 г. № 1339-р.

Следует отметить, что выбранные для господдержки инвестиционные проекты, на мой взгляд, мало чем отличаются от «оставшихся за бортом» минерально-сырьевых проектов – ни степенью переработки сырья, ни внедрением высоких технологий и получением новых продуктов из минерального сырья Дальнего Востока. Таких, собственно, в предварительном списке и не было.

Тем не менее, именно проекты в минеральной сфере оказались наиболее конкурентоспособными, готовыми к реализации и в наибольшей степени отвечающими целям развития региона, обозначенным в стратегических документах. И это, собственно, не нарушает сложившиеся тенденции. В последние годы преимущественно минерально-сырьевой комплекс обеспечивает инвестиционную активность в регионах сырьевой специализации (*табл. 5.13*) и связанный с этим рост экономики.

Анализ показывает, что новая целевая задача развития Дальнего Востока – уход от сырьевой экономики – не обеспечивается предложенными механизмами ее реализации. По крайней мере, в части применения инструмента прямых государственных субсидий из федерального бюджета для решения инфраструктурных проблем при реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке. Результаты применения в 2015–2016 гг. этого инструмента показали, что ресурсные проекты (и прежде всего минерально-сырьевые) остаются конкурентоспособными – и не только для частных инвесторов, но и для государства. Такая ситуация – следствие применения выбран-

ных критериев и индикаторов оценки. Ориентация на не измеряемый критерий «соответствие целям стратегических документов...» и вполне количественно измеримый показатель «отношение объема частных инвестиций к объему бюджетных средств» еще долго будет обеспечивать «победу» капиталоемким минерально-сырьевым проектам в борьбе за государственные средства.

Таблица 5.13

**Доля инвестиций в добычу полезных ископаемых
в структуре инвестиций в основной капитал
по территориям Дальнего Востока, %**

Территория	2009	2010	2011	2012	2013
Республика Саха (Якутия)	22,9	39,9	36,1	33,4	46,1
Камчатский край	8,9	3,3	4,7	13,8	7,7
Приморский край	0,8	0,7	0,5	1,0	1,5
Хабаровский край	4,8	4,2	4,7	6,7	10,7
Амурская область	12,6	11,6	16,2	16,6	10,1
Магаданская область	27,0	24,0	30,9	43,0	51,0
Сахалинская область	63,4	67,4	69,6	57,6	67,3
Еврейская АО	11,8	9,1	11,0	7,5	17,5
Чукотский АО	64,7	38,9	36,3	61,1	56,4

Источник: рассчитано с использованием «Строительная и инвестиционная деятельность предприятий и организаций регионов Дальневосточного федерального округа (2009–2013 гг.)» / Сахалинстат. Южно-Сахалинск, 2014.

5.3. Топливо-энергетический комплекс

В отраслевой структуре ТЭК Дальнего Востока преобладают добывающие отрасли. По итогам 2015 г. суммарный объем добычи нефти, природного газа и угля составил 95 млн т у. т.¹, объем нефтепереработки, производства электрической и тепловой энергии – 44 млн т у. т. (в 2,1 раза меньше). Объем производства первичных энергоресурсов на Дальнем Востоке к 2015 г. увеличился в 3,8 раза по сравнению с аналогичным показателем 2000 г., при этом масштаб внутреннего потребления практически не изменился и сохраняется на уровне около 35 млн тут. Рост добычи энергоресурсов был обусловлен динамикой внешнего спроса, так как на экспорт отправляется свыше 50% добытых первичных энергоресурсов на

¹ Тонн условного топлива.

Дальнем Востоке¹. Объем экспорта первичных энергоресурсов за указанный период увеличился в 8 раз и превышает 48 млн тунт.

На Дальнем Востоке можно выделить два основных центра добычи нефти и природного газа: Сахалинская область и Республика Саха (Якутия). В 2015 г. объем добычи природного газа составил 31,7 млрд м³, нефти и газового конденсата – 26,5 млн т². Крупнейшими производителями углеводородов на Дальнем Востоке являются консорциумы «Сахалин-1» и «Сахалин-2», обеспечивающие свыше 50% добычи нефти и свыше 83% добычи природного газа в макрорегионе. По мнению экспертов, добыча нефти в макрорегионе практически достигла пика, что обусловлено выходом на проектную мощность основных разрабатываемых месторождений, прежде всего Талаканского. В свою очередь, перспективы развития добычи природного газа связаны со строительством магистрального газопровода «Сила Сибири», первоочередной ресурсной базой для которого предполагается Чаядинское месторождение, в настоящее время не разрабатываемое³.

Переработку нефти на Дальнем Востоке осуществляют два крупных НПЗ – Комсомольский НПЗ (НК «Роснефть») и Хабаровский НПЗ (НК «Альянс»), а также два мини-НПЗ компаний «Петросах» и «Трансбункер». Общая мощность дальневосточных заводов в 2015 г. составила 12,8 млн т. Поскольку сахалинские проекты ориентированы на экспорт нефти в рамках соглашений о разделе продукции, сырье для нефтепереработки в макрорегион поставляется из Уральского и Сибирского федеральных округов. Лишь незначительные объемы нефти с сухопутных месторождений Сахалина поступают на Комсомольский НПЗ (до 2 млн т в год).

На Дальнем Востоке функционирует единственный в РФ завод по сжижению газа («Сахалин-2»). В 2015 г. было произведено 9,6 млн т СПГ⁴. В связи с нерешенностью проблем сбыта свыше

¹ По данным официальной таможенной статистики; по экспертным оценкам доля экспорта составляет 65%.

² Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС. 2017.

³ Эдер Л.В., Филимонова И.В., Моисеев С.А. Нефтегазовый комплекс Восточной Сибири и Дальнего Востока: тенденции, проблемы, современное состояние // Бурение и нефть. 2015. № 12. С. 3–12.

⁴ Статистическая информация о внешней торговле за декабрь 2015 г. / Дальневосточное таможенное управление Федеральная таможенная служба. 2017. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18551:-2015-&catid=63:stat-vnesh-torg-cat&Itemid=282.

10 млрд м³ природного газа закачивается обратно в пласт¹. Газ, который не задействуется в производстве СПГ и не закачивается обратно в пласт, по системе трубопроводов направляется на рынки Сахалинской области, Хабаровского и Приморского краев. Основными потребителями газа являются электростанции (67%).

Добыча угля ведется во всех дальневосточных субъектах РФ (за исключением ЕАО). Объем добычи в 2015 г. составил 38,4 млн т. К основным производителям можно отнести пять организаций, на долю которых приходится порядка 66% суммарной добычи угля в макрорегионе: ОАО ХК «Якутуголь», ОАО «Ургалуголь», ОАО «Приморский уголь», ООО «Эльгауголь», АО «Амуруголь». Объем переработки угля на Дальнем Востоке в 2015 г. составил 12,6 млн т². Уголь, добываемый на Дальнем Востоке, используется в основном дальневосточными потребителями, до 75% от объемов потребления приходится на электростанции.

На Дальнем Востоке функционирует около 4,8 тыс. электростанций и более 1000 предприятий, осуществляющих теплоснабжение. Производство электроэнергии в 2015 г. в регионе составило около 51,1 млрд кВт·ч, тепловой энергии – 60,3 млн Гкал. Средний коэффициент использования установленной электрической мощности электростанций Дальнего Востока составляет 43%, тепловой мощности ТЭЦ – 35%³. Особенности электроэнергетики Дальнего Востока являются отсутствие связей с Единой энергосистемой России, наличие технологически изолированных энергосистем и районов децентрализованного энергоснабжения. Основными потребителями электроэнергии являются промышленность, население и железнодорожный транспорт, тепловой энергии – население.

К числу наиболее важных проектов, определяющих возможности и ограничения по экспорту энергоресурсов, относятся: шельфовые проекты о. Сахалин, нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (1-я и 2-я очереди), экспорт электроэнергии в Китай, Эльгинский угольный комплекс, заводы по производству СПГ (г. Владивосток, Дальневосточный СПГ (о. Сахалин)), газопровод «Якутия – Хабаровск – Владивосток» («Сила Сибири»), нефтехим

¹ Эдер Л.В., Филимонова И.В., Моисеев С.А. Нефтегазовый комплекс Восточной Сибири и Дальнего Востока: тенденции, проблемы, современное состояние // Бурение и нефть. 2015. № 12. С. 3–12.

² Таразанов И.Г. Итоги работы угольной промышленности России за январь – декабрь 2015 года // Уголь. 2016. № 3. С. 58–72.

³ Основные показатели / ПАО «РАО Энергетические системы Востока», 2016. URL: <http://www.rao-esv.ru/shareholders-and-investors/main-indicators/>.

мический комплекс в Приморском крае, Амурский газоперерабатывающий завод. В отдаленной перспективе рассматривается создание электротехнического объединения «Азиатское суперкольцо», одним из первых элементов которого может стать объединение энергосистем о. Сахалин и Японии¹.

Большая часть из указанных проектов уже вышла на проектные мощности. Текущие обязательства по экспорту российских энергоресурсов обеспечены соответствующей инфраструктурой, а дальнейшее наращивание поставок потребует ее расширения. Так, текущая пропускная способность нефтепровода ВСТО используется на пределе (по итогам 2014 г. загрузка составила 96,8%). К 2020 г. планируется увеличение мощности ВСТО-1 до 80 млн т, ВСТО-2 – до 50 млн т, нефтепровода «Сковородино – Мохэ» – до 30 млн т². Уголь на экспорт транспортируется по железной дороге, при этом резерв ее пропускной способности уже исчерпан; одним из наиболее загруженных участков является направление от Кузбасса к дальневосточным портам. Существующая мощность дальневосточных портов по перевалке угля составляет порядка 50 млн т. Для обеспечения увеличения экспортных поставок в страны АТР требуются создание новых и реконструкция действующих угольных терминалов в восточных портах, согласованные с расширением сети железных дорог Восточного полигона. Все указанные мероприятия предусмотрены «Долгосрочной программой развития угольной промышленности России на период до 2030 г.»³.

¹ Подробнее см. в Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011; Демина О.В. Поворот на Восток: риски и возможности увеличения экспорта российских энергоресурсов в Китай // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 47–55; Демина О.В., Новицкий А.А. Энергетические рынки стран АТЭС: возможности для России // Пространственная экономика 2012. № 3. С. 55–78; Стратегия развития топливно-энергетического потенциала Дальневосточного экономического района до 2020 г. Владивосток: Дальнаука, 2001; Electric Power Grid Interconnections in Northeast Asia / Asia Pacific Energy Research Centre. 2015. URL: http://aperc.ieej.or.jp/file/2015/11/27/FinalReport-APERCElectric_Power_Grid_Interconnection_in_NEA.pdf.

² Об утверждении схемы территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (в части трубопроводного транспорта): распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2015 № 816-р.

³ Демина О.В. Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 4. С. 21–30.

Экспортные возможности по поставкам природного газа из России в АТР сейчас ограничены мощностью завода СПГ и отсутствием газопроводов. В настоящее время в стадии строительства находятся следующие проекты: газопровод «Сила Сибири» и Амурский газоперерабатывающий завод. Общая протяженность газопровода составит около 3 тыс. км, а проектная мощность – 61 млрд м³ газа в год. Строительство газопровода начато в сентябре 2014 г., по состоянию на 1 января 2017 г. проложено 700 км, планируемый срок завершения строительства – 2019–2020 гг. Так как природный газ месторождений Республики Саха (Якутия) характеризуется многокомпонентным составом, то для выделения ценных компонентов газа строится Амурский ГПЗ. Проектная мощность завода по переработке составит 42 млрд м³ природного газа в год, ввод в эксплуатацию запланирован на 2021 г.¹

Несмотря на реализацию рассмотренных проектов, не ожидается существенного изменения доли российских энергоресурсов на рынках стран АТР. Проведенный анализ подтверждает выводы, полученные авторами ранее: российские энергоресурсы еще только «входят» на энергетические рынки стран АТР, сталкиваясь со сложившейся структурой конкурентных взаимодействий. При этом для рынков углеводородов стран АТР характерна высокая степень монополизации². Масштабное увеличение поставок российского газа в АТР представляется маловероятным в силу сжатия емкости рынка³. Китай, крупнейший потребитель угля в рассматриваемом регионе, сокращает спрос, в результате чего наблюдается усиление конкуренции со стороны местных (китайских) производителей угля и поставщиков из Индонезии и Австралии, имеющих преференции, поэтому расширение товарной ниши для российского угля также маловероятно⁴.

Указанные тенденции на рынках первичных энергоресурсов подтверждают тезис о том, что усилению конкурентных позиций

¹ Амурский газоперерабатывающий завод / ПАО «Газпром» URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/amur-gpp/>.

² Демина О.В. Сотрудничество России и стран АТР в энергетической сфере // *Пространственная экономика* 2012. № 2. С. 136–138; Демина О.В., Новицкий А.А. Энергетические рынки стран АТЭС: возможности для России // *Пространственная экономика* 2012. № 3. С. 55–78.

³ *Энергетический бюллетень. Трудности на пути восточного газового вектора* / Аналитический центр при Правительстве РФ. 2016. № 34. Март.

⁴ Демина О.В. Поворот на Восток: риски и возможности увеличения экспорта российских энергоресурсов в Китай // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 6. С. 47–55.

для России могут способствовать вывод на рынки стран АТР продуктов более высокой степени переработки и создание новых товарных ниш на основе технологического лидерства¹. Кроме того, существующие каналы поставок российских энергоресурсов на рынки стран АТР задействованы практически на пределе, а строительство новой энергетической инфраструктуры требует высоких затрат и в то же время создает дополнительные риски для российской стороны из-за значительной рыночной власти покупателя.

Ожидания прироста региональных макропоказателей, индуцированных проектами по созданию транзитной инфраструктуры, могут быть завышены в силу того, что все крупные предприятия ТЭК не являются региональными резидентами, что приводит к перераспределению финансовых результатов от их деятельности за пределы Дальнего Востока. Существующая система налогообложения также направлена на концентрацию природной и экспортной ренты на уровне федерального бюджета. Таким образом, возможности развития макрорегиона за счет физического наращивания объемов экспорта энергоресурсов практически исчерпаны. Данный тезис получил количественное подтверждение. Были выполнены оценки последствий для экономической системы Дальнего Востока изменений объемов производства и экспорта энергоресурсов. Для расчетов была использована разработанная в ИЭИ ДВО РАН модель экономических взаимодействий Дальнего Востока с включением детализированного блока ТЭК. Были оценены эффекты переориентации поставок энергоресурсов с внутреннего на внешний рынок и в обратном направлении, а также последствия изменения мировых цен на энергоресурсы². В случае ограничений по экспорту энергоресурсов приоритетное удовлетворение спроса на уголь за счет собственных ресурсов приведет к приросту ВРП, а в случае нефти – наоборот. Региональные макропоказатели более чувствительны к изменениям цен нефти, газа и нефтепродуктов, чем к изменениям цен электроэнергии и угля. Полученный результат объясняется долей экспорта в структуре производства энергоресурсов. При снижении цен на все энергоносители до 15% и росте цен до 10% наблюдается незначительный отклик ВРП. Максимальный рост ВРП достигается при увеличении цен на газ на 25%, на нефте-

¹ Демина О.В., Новицкий А.А. Энергетические рынки стран АТЭС: возможности для России // *Пространственная экономика* 2012. № 3. С. 55–78.

² Захарченко Н.Г., Демина О.В. Моделирование экономических взаимодействий в системе «энергетика – экономика»: опыт Дальнего Востока // *Пространственная экономика* 2015. № 1. С. 62–92.

продукты – на 20%, на нефть – на 200%. При определении чувствительности региональных макропоказателей на изменение внешних цен энергоносителей значимыми являются ограничения по обязательному обеспечению энергоресурсами внутреннего спроса, степень загруженности существующих мощностей и степень влияния внешних цен на стоимость энергоресурсов, потребляемых внутри макрорегиона.

5.4. Влияние на транспортный комплекс Дальнего Востока проекта «Нового Шелкового пути»

Новый китайский проект «Один пояс - Один путь», к реализации которого в 2015 г. присоединилась Россия, при определенных условиях может нанести ущерб функционированию и развитию транспортного комплекса российского Дальнего Востока. Это может произойти, если вновь создаваемые в рамках Экономического пояса Шелкового пути маршруты перевозок (через страны Центральной и Средней Азии и т. д.) становятся предпочтительной альтернативой транзиту КНР – Европа с использованием «дальневосточного плеча». Само по себе дальневосточное плечо является конкурирующим проектом с шелковым путем в случае наличия стабильного (и значимого по объему) транзитного потока КНР – Европа с использованием дальневосточной транспортной инфраструктуры (Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, автомобильных дорог, морских портов). Его исключение из магистрального маршрута приведет к ущербу, связанному с потерей грузопотока транспортной системой Дальнего Востока.

В настоящее время перевозки из КНР в сторону Европы фактически обходят дальневосточную транспортную сеть. Перевозки контейнерными поездами по направлению КНР – Европа – КНР осуществляются по Транссибирской магистрали по следующим основным маршрутам:

- Чэнду – Лодзь (КНР – Казахстан – РФ – Беларусь – Польша);
- Чжэнчжоу – Гамбург (КНР – Казахстан – РФ – Беларусь – Польша – Германия);
- Чунцин – Дуйсбург (КНР – Казахстан – РФ – Беларусь – Польша – Германия);
- Ухань – Лодзь (КНР – Казахстан – РФ – Беларусь – Польша);
- Иу – Мадрид (КНР – Казахстан – РФ – Беларусь – Польша – Германия – Франция – Испания).

Во всех указанных маршрутах по России поезд идет от станции Илецк-1 (Оренбургская область) до станции Красное (Московская

область), оставляя незадействованной транспортную инфраструктуру Дальнего Востока. За январь – сентябрь 2015 г. таким образом в направлении КНР – Европа было перевезено 17,8 тыс. ДФЭ¹, что на 74,5% превышает объем перевозок 2014 г.²

Транспортный комплекс Дальнего Востока выполняет другие задачи, обеспечивая экспортно-импортные перевозки грузов между РФ и КНР, а также транзит грузов КНР в страны АТР³. Например, контейнеры из северо-восточных провинций КНР через морские порты Тихоокеанского побережья России (Восточный и др.) направляются в Японию, Республику Корея. Поэтому создаваемые в рамках инициативы «Один пояс и один путь» транспортные коридоры между КНР и Европой через страны Центральной и Средней Азии, по сути, не конкурируют с транспортной системой российского Дальнего Востока, а составляют конкуренцию транспортному комплексу западных районов страны.

Сотрудничество между северо-восточными провинциями КНР и регионами Дальнего Востока постепенно расширяется⁴, и развитие трансграничной транспортной инфраструктуры вызвано необходимостью обслуживания растущих экономических взаимодействий (*рис. 5.8*).

С увеличением экономических взаимодействий между странами развивается и сотрудничество в области транспорта. Проходят апробацию различные его формы, отрабатываются новые маршруты перевозок, создаются недостающие элементы транспортной инфраструктуры. При этом значительного роста масштабов перевозок не происходит, наблюдается неравномерная динамика объемов перевозимых грузов между нашими странами в границах Дальнего Востока. В качестве иллюстрации можно рассмотреть перевозки железнодорожным транспортом (*табл. 5.14*).

¹ Контейнеры в 20-футовом эквиваленте.

² Рассчитано по: Координационный совет по Транссибирским перевозкам. URL: <http://icctt.com/gtlp>.

³ Отдельным вопросом является трубопроводный транспорт (о нем см.: Демина О.В. Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. 2015. № 4. Т. 2. С. 21–30; Демина О.В., Огнев А.Ю. Развитие энергетического сотрудничества России и Китая: декларации и практика // Энергетика России в XXI веке. Инновационное развитие и управление. Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2015. С. 141–147.

⁴ Глазырина И. П., Симонов Е. А. «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? // ЭКО. 2015. № 7. С.52–72.

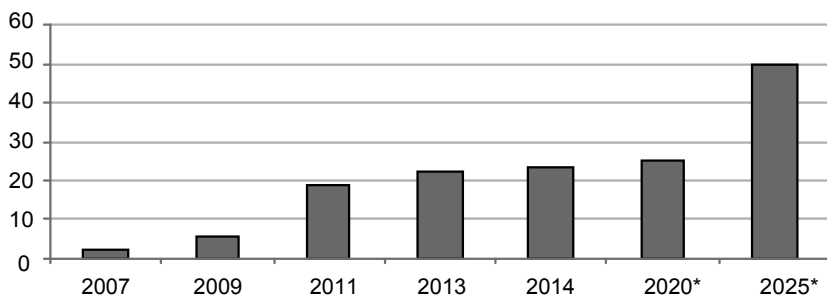

Рис. 5.8. Динамика товарооборота между провинцией Хэйлунцзян и Россией в 2007–2025 гг., млрд долл.

Источник: Кравченко Л.А. Шанхайская организация сотрудничества: Новый Шелковый путь в контексте национальных интересов России // Современные парадигмы научных воззрений. Сб. научных статей по итогам международной научно-практической конференции. СПб.: Центр системного анализа, 2016. С. 120–126.

Таблица 5.14

Динамика перевозок через железнодорожные пограничные пункты пропуска на территории Дальнего Востока в 1990–2015 гг., млн т

Показатель	1990	2005	2008	2011	2014	2015
Гродеково – Суйфэньхэ						
Экспорт	0,6	7,3	8,1	6,0	7,1	7,6
Импорт	0,3	0,6	0,3	0,4	0,3	0,2
Махалино – Хуньчунь						
Экспорт	–	–	–	–	0,6	1,1
Импорт	–	–	–	–	н/з	н/з

Примечание: «–» – перевозки не осуществлялись; «н/з» – незначимая величина (менее 0,01).

Источник: данные филиала ОАО «РЖД» – «ДВЖД» (Лаврентьев А.В. Развитие железнодорожных сообщений между российским Дальним Востоком и КНР (1986–2000 гг.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2010. № 8. С. 100–108.).

Наибольший объем грузов был перевезен в 2015 г. через пограничный пункт пропуска Гродеково – Суйфэньхэ в Приморском крае. В структуре экспортных грузов значительную долю занима-

ли лесные – 55,6%, руда – 36,9% и удобрения – 2,4%; в импорте преобладали строительные грузы – 46,0%, черные металлы – 5,2%, машины и оборудование – 3,4%, продовольственные товары – 3,3%¹.

Среди положительных событий взаимодействия транспортных комплексов КНР и РФ последнего времени можно назвать возобновление работы железнодорожного перехода Махалино – Хуньчунь в Приморском крае. Он не работал в течение девяти лет и возобновил свою деятельность в 2013 г. По итогам 2015 г. через Махалино было перевезено 1,145 млн т грузов, в том числе 882 тыс. т угля и 249 тыс. т железной руды². В настоящее время данный пункт пропуска является одним из лучших на Дальнем Востоке по техническому оснащению.

Возобновление работы железнодорожного пункта пропуска через государственную границу Махалино сделало возможным увеличение объемов транзитных перевозок из КНР через РФ в страны АТР. Они осуществляются в рамках международного транспортного коридора «Приморье-2»: КНР – РФ – Япония/ Республика Корея (г. Хуньчунь – Краскино/Махалино³ – порты Посыет/Зарубино/Славянка – порты стран АТР) (рис. 5.9).

Транспортный коридор до открытия железнодорожного пункта пропуска функционировал с использованием автомобильного транспорта⁴. Предпринимателями из КНР, Японии, Республики Корея проводилась отработка технологии транспортировки. Так, в 2010 г. японской фирмой была осуществлена тестовая перевозка двух контейнеров по маршруту Хуньчунь – Зарубино – Ниигата. В 2011 г. перевезены 10 контейнеров из г. Хуньчунь в корейский порт Пусан и еще одна партия контейнеров – в Японию.

¹ ДВЖД в 2015 г. отмечает рост грузооборота со странами АТР через сухопутные погранпереходы на 22% / Официальный сайт Полномочного представителя Президента РФ в ДФО. 2016. 12 января.

² Рост грузооборота со странами АТР через сухопутные погранпереходы // РЖД-Партнер. 2016. 12 января.

³ Краскино – автомобильный, Махалино – железнодорожный пункт пропуска.

⁴ Лаврентьев А.В. Развитие российско-китайских автомобильных сообщений: исторический опыт и современные тенденции // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 4 (27). С. 22–27; Каменева В.В., Сигитова М.А. К вопросу о повышении эффективности использования основных фондов автотранспортного предприятия // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2012. № 3. С. 211–218.

Рис. 5.9. Международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2»

После возобновления работы железнодорожного пункта пропуска Махалино началась отработка процесса перевозки с использованием железной дороги. В 2013 г. первый демонстрационный поезд с 30 вагонами российского угля был отправлен до г. Хуньчунь. В мае 2015 г. состоялось открытие регулярного транзитного контейнерного маршрута из КНР через территорию России в Республику Корея (Хуньчунь – Махалино – порт Зарубино – порт Пусан).

Для развития данного коридора необходимы увеличение перевалочных мощностей российских портов (прежде всего в настоящее время речь идет о Зарубино) и реконструкция участков железных дорог и автодорожной сети на подъездах к портам. Модернизация порта Зарубино (официальное название Морской порт в бухте Троицы) предполагается в рамках проекта «Большой порт Зарубино», который включает строительство контейнерного, зернового, глиноземного, пассажирского терминалов и терминала для накатных грузов. Помимо увеличения портовых мощностей, порту требуется развитие инфраструктуры: автомобильных и железных дорог, водоснабжения, энергообеспечения. Планируется, что порт будет ориентирован на транзит грузов между северо-восточными и южными провинциями КНР (рис. 5.10) (около 60% грузооборота в перспективе) и на экспорт продукции КНР в страны АТР и Северную Америку (около 30% грузооборота).

Рис. 5.10. Перевозки между северо-восточными провинциями и портами юга КНР с использованием транспортной системы Дальнего Востока России

Параллельно с МТК «Приморье-2» работает коридор «Приморье-1»: КНР – РФ – Япония/Республика Корея (Харбин – Гродеково – порты Владивосток/Находка/Восточный – порты стран АТР). В 2014 г. прошел первый транзитный контейнерный поезд из КНР (г. Суйфэньхэ) в Гродеково (Приморский край) и далее на порт Восточный (с доставкой в страны АТР). В 2015 г. с января началась транспортировка контейнеров в порт Восточный, с августа – перевозка контейнеров из северо-восточных провинций Китая через порт Славянка.

Для развития перевозок между КНР и РФ предпринимаются усилия обеих сторон. В частности, российской стороной предоставляются выгодные условия тарифообразования при перевозках по железной дороге определенных категорий грузов в направлении пунктов пропуска через государственную границу в пределах Дальнего Востока. Так, в 2014–2015 гг. использовался коэффициент 0,7 к тарифу на одиночные отправки контейнерных грузов при перевозках железнодорожным транспортом в сторону пограничного перехода Гродеково – Суйфэньхэ. Это в определенной степени

стимулировало транзитные контейнерные перевозки из северных провинций Китая через порт Восточный¹.

Со стороны КНР и РФ предпринимаются меры по упрощению прохождения таможенных процедур, которые являются одним из наиболее сложных звеньев международной перевозки, отнимая значительные время и усилия при подготовке необходимых документов. С 2014 г. на двух автомобильных пунктах пропуска через государственную границу между КНР и РФ в Приморском крае (Пограничный и Полтавка) на основе взаимной договоренности таможенных служб для отдельных товаров действует проект «Взаимное признание результатов таможенного контроля». В 2015 г. в проект были включены еще три пункта пропуска, планируется дальнейшее их увеличение, а также расширение наименований перевозимых по упрощенной таможенной процедуре товаров².

Однако на фоне положительной динамики транспортной инфраструктуры Дальнего Востока имеется ряд совместных с КНР проектов, реализующихся крайне низкими темпами либо вовсе «замороженных»³. Имеется в виду в первую очередь строительство мостовых переходов: железнодорожного в Еврейской автономной области (Нижнеленинское – Тунцзян) и автомобильного в Амурской области (Благовещенск – Хэйхэ).

Оба этих проекта уже не одно десятилетие «кочуют» по официальным документам различного уровня, формально получив одобрение со стороны как КНР, так и РФ, однако их реализация в полном объеме до настоящего времени не начата. Работы по строительству моста в ЕАО общей протяженностью около 2,2 км проводятся только КНР. В 2015 г. со стороны КНР завершены мостовые конструкции, объект подготовлен к укладке рельсов (протяженность «китайской» части моста – 1,9 км, установлено 17 опор). Российская сторона пока проводит лишь подготовительные работы и непосредственно к строительству не приступила (протяженность «русской» части мостового перехода составляет 0,3 км, предполагается установить четыре опоры).

Относительно мостового перехода на территории Амурской области в 2015 г. в очередной раз была официально подтвержде-

¹ Транзитные контейнерные перевозки по Транссибу в сообщении с КНР растут опережающими темпами // Gudok.ru. 2015. 11 ноября.

² РФ и Китай договорились о расширении режима упрощенного таможенного контроля // РЖД-Партнер. 2015. 13 августа.

³ Бардаль А.Б., Заостровских Е.А. Дальний Восток – 2050: транспортная инфраструктура международного сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 3–13.

на достигнутая договоренность о его строительстве¹. Также заключено соглашение о строительстве между Благовещенском и Хэйхэ первой в мире трансграничной канатной дороги через реку Амур².

Резюмируя, можно отметить, что активная политика КНР в части продвижения инициативы создания Экономического пояса Шелкового пути, безусловно, затрагивает интересы Дальнего Востока России, в том числе функционирование транспортного комплекса. Однако, в отличие от западных регионов нашей страны, воздействие на транспорт Дальнего Востока может носить потенциально положительный характер. Негативные последствия реализации Экономического пояса Шелкового пути для западных регионов, в настоящее время участвующих в перевозках по направлению КНР – Европа, проявляются в возрастающей конкуренции со стороны новых альтернативных маршрутов (через страны Центральной Азии и др.). Для транспортного комплекса Дальнего Востока, имеющего перспективу в выполнении транзитных функций при перевозках КНР – АТР, а также между северо-восточными и южными провинциями КНР, как представляется, вопрос подобным образом не стоит. Напротив, под эгидой официально поддерживаемого Госсоветом КНР проекта власти приграничных провинций КНР стараются в настоящее время активизировать трансграничные взаимодействия, в том числе транспортные связи с сопредельными регионами РФ.

Инициатива КНР «Один пояс и один путь» не представляет собой традиционный набор проектов, запланированных к осуществлению в определенные сроки. Это очень гибкая концепция, и существуют возможности изменений в благоприятном для России направлении. Однако произойти это может лишь при условии, что будут предприняты реальные действия по повышению конкурентоспособности транспортных услуг нашей страны.

¹ О подписании Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о совместном строительстве моста через реку Амур (Хэйлунцзян) в районе городов Благовещенск – Хэйхэ от 26 июня 1995 года: распоряжение Правительства РФ от 29.08.2015 г. № 1682-р.

² О заключении соглашения между правительствами России и Китая о строительстве и эксплуатации трансграничной канатной дороги через реку Амур: распоряжение Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 1623-р.

5.5. Машиностроительные анклавы Дальнего Востока

С позиций экономической теории, структурная динамика машиностроительного комплекса страны и региона есть отражение диалектических противоречий между частным и единичным разделением труда.

Частное разделение труда предполагает разделение труда внутри отдельных отраслей на подотрасли промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг. В основе этого процесса лежит принцип назначения производимого продукта, общности перерабатываемого сырья, идентичности технологических процессов. Степень развития частного разделения труда характеризуется количеством обособляемых отраслей.

Единичное разделение представляет обособление труда по фазам производственного процесса: производствам, цехам, участкам, поточным линиям, рабочим местам. Основой единичного разделения труда являются совершенствование орудий труда, внедрение автоматизации и механизации, новых форм организации производства, изменение производственных отношений. Интенсивность процесса единичного разделения труда существенно влияет на структуру предприятия, на соотношение основного и вспомогательного производства, на развитие специализации, концентрации и кооперирования труда¹.

Российское машиностроение, вошедшее в кризис 2008–2009 гг. и вышедшее из него, – это, по сути, две разные отрасли, как экономически, так и технологически. Отраслевой комплекс утрачивает научно-технологический потенциал, переходя на обслуживание иностранных технологических цепочек, будучи не способным сформировать свои собственные. В длительной перспективе развитие машиностроения России определятся, как минимум, четырьмя фундаментальными противоречиями:

- между строительством технологичных сборочных производств и разрушением производства наукоемких компонентов;
- между задачами текущей модернизации, обуславливающей закупку импортного оборудования и грядущего импортозамещения;
- между встраиванием в мировую систему разделения труда и падением наукоемкости выпуска;
- между деградацией научно-технологического потенциала

¹ Атаров Н.З. Региональный аспект межотраслевых производств. М.: Наука, 1980. 176 с.

оборонных производств и растущей технологической и экономической зависимостью от заграницы¹.

В современной России сложились условия для формирования «региональных экономических анклавов»² – технологически и институционально изолированных секторов российской экономики, где воспроизводятся местные финансово-промышленные группы, поддерживаемые региональными властями. Методология исследования основывается на детализации отраслевой статистики с последующей рекомбинацией индикаторов в укрупненные отраслевые блоки, наиболее адекватно отражающие структуру регионального машиностроительного комплекса и привлечением данных первичной отчетности предприятий. Целью исследования является количественное описание машиностроительных анклавов Дальнего Востока, производственный цикл которых регулярно воспроизводится в рамках экономики региона.

Формально российское машиностроение подразделяется, прежде всего, на производство машин и оборудования (МО, подраздел ДК), электрооборудования, электронного и оптического оборудования (ЭЭОО, подраздел DL), а также транспортных средств и оборудования (ТСО, подраздел DM). Данные Росстата позволяют проследить помесечные изменения индекса производства указанных двузначных подразделов в экономике Дальнего Востока.

Здесь видны лишь наиболее общие тенденции последнего десятилетия. При небольшом увеличении выпуска в целом по промышленности (совокупное приращение за период с января 2004 г. по август 2015 г. составило 54,2%), выпуск в обрабатывающей промышленности снижается (почти на 40% за аналогичный период). Наибольшее падение отмечается в машиностроении. Производство ТСО, включающее традиционные отрасли специализации Дальнего Востока – авиа- и судостроение, к августу 2015 г. упало до 30% от уровня января 2004 г. Ритмично увеличивающиеся каждый год

¹ Дальневосточная специфика указанных макропроцессов рассмотрена в: Домнич Е.Л. Проблемы экономического анализа дальневосточного машиностроения // Вестник Омского университета. Серия: «Экономика». 2014. № 2. С. 105 – 113; Домнич Е.Л. Экономическое положение отраслей машиностроения Дальневосточного федерального округа в 2008–2009 гг. // Пространственная экономика. 2011. № 2. С. 146–168.

² Фролов И.Э. Возможности и проблемы модернизации российского высокотехнологического комплекса // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3. С. 31–55; Фролов И.Э. Инновации как процесс движения капитала и ключевой фактор модернизации экономики России // Финансы и кредит. 2013. № 7. С. 18–30.

декабрьские индексы свидетельствуют о наличии на предприятиях некоего портфеля заказов, однако уменьшение амплитуды декабрьских выбросов в 2013 и 2014 гг. изменило наклон тренда развития отрасли на отрицательный, что свидетельствует об исчерпании производственно-сбытового потенциала транспортного машиностроения в регионе при заданной структуре и организации отрасли. Исчерпание производственно-сбытовых возможностей характерно также для производства МО. Увеличение индекса производства в отрасли до 1000% и более во второй половине 2000-х было связано с контрактами по монтажу импортируемого технологического оборудования для обслуживания нефтегазовых проектов на шельфе о. Сахалин. Последние же пять лет индекс производства в отрасли медленно сокращается по мере отмирания отдельных производств, поэтому совокупное увеличение уровня производства в отрасли за 10 лет увеличилось лишь в 3 раза. В то же время производство ЭЭОО на Дальнем Востоке практически перестало существовать уже к началу 2005 г. По состоянию на август 2015 г. индекс производства в отрасли составил 1,7% от уровня января 2004 г.

Дальневосточное машиностроение, пережившее «порезформенный» и «восстановительный» периоды, носит точечный характер; изыскание же объективных возможностей их превращения в «точки роста» не подкрепляется адекватной информационной поддержкой¹. С позиций экономической теории, важнейшей задачей экономического анализа дальневосточного машиностроения на современном этапе является идентификация и сравнительный анализ тенденций частного и единичного разделения труда.

Полноценный анализ технологических цепочек в машиностроении региона затруднен преобладанием сборочных производств, получающих дорогостоящие наукоемкие комплектующие извне. Современное дальневосточное машиностроение – это, прежде всего, завоз деталей и комплектующих, реализация и маркетинг, а не поэтапное производство, опытно-конструкторские разработки и высокие технологии. Основной объем отгружаемой продукции приходится на сборочные производства, что и обуславливает несоответствие тенденций изменения индекса производства и объема отгруженной продукции. Следует различать традиционные для Дальнего Востока сборочные производства морских судов и самолетов, ориентированные на удовлетворение внутреннего инве-

¹ Домнич Е.Л. Проблемы экономического анализа дальневосточного машиностроения // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2014. № 2. С. 105–113.

стиционного спроса, и получившие развитие в восстановительный период сборочные производства бытовой техники и электроники, а также легковых автомобилей и комбайнов на базе импортируемых деталей и комплектующих, ориентированные на спрос конечный, в том числе за пределами региона.

В первом случае процесс сборки технологически сложных транспортных средств предусматривает поддержание и непрерывное совершенствование местного научно-технологического задела. Во втором – используемые технологии унифицированы, предельно упрощены и не предполагают новаторских улучшений. Официальная статистика отгрузки машиностроительной продукции в регионе свидетельствует об отсутствии стабильного портфеля заказов на предприятия первого типа, тогда как второй сегмент дальневосточного машиностроения осуществляет выпуск продукции достаточно ритмично (табл. 5.15). Первый, наиболее технологичный сегмент регионального машиностроения завязан практически исключительно на оборонные заказы, а второй работает на удовлетворение потребительского спроса. Приведенная статистика с содержательной точки зрения не внушает доверия, поскольку явно недооценивает производство боевых самолетов и вертолетов на предприятиях-флагманах дальневосточного машиностроения.

Таблица 5.15

Продукция машиностроения собственного производства, отгруженная предприятиями Дальнего Востока в 2010–2015 гг., шт.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015*
1	2	3	4	5	6	7
Автомобили грузовые (включая шасси)	0	36	15	0	0	0
Автомобили легковые (новые)	13 648	25 127	35 953	59 968	67 529	24 999
Аппаратура для записи и воспроизведения изображений	153	0	0	0	0	0
Аппаратура приемная телевизионная, в том числе видеомониторы и видеопроекторы	13560	19435	16544	4958	1298	957
Комбайны зерноуборочные	100	37	15	4	83	115
Компьютеры персональные настольные	0	3836	7795	70 623	101 273	83 068

1	2	3	4	5	6	7
Краны козловые и полукозловые электрические	16	21	22	15	1	2
Краны мостовые электрические	48	41	6	7	13	4
Краны мостовые электрические общего назначения	25	17	4	7	10	4
Краны мостовые электрические однобалочные: опорные и подвесные	19	24	1	0	3	0
Машины для уборки зерновых, масличных, бобовых и крупяных культур, не включенных в другие группировки	0	37	20	4	83	115
Машины и приспособления для уборки зерновых культур	0	0	5	0	0	0
Машины и устройства электрические специализированные, не включенные в другие группировки	0	0	515	484	284	164
Машины стиральные полностью автоматические емкостью более 6 кг сухого белья, но не более 10 кг	1091	3913	6176	3709	4528	2134
Машины стиральные полностью автоматические емкостью не более 6 кг сухого белья	16 621	18 950	14 891	6841	8496	5897
Насосы воздушные или вакуумные; компрессоры воздушные или газовые прочие	12	7	4	7	3	4
Насосы центробежные для перекачки жидкостей; прочие насосы; подъемники жидкостей прочие	5	6	0	244	233	145
Настольные, прикроватные, напольные и подобные им электрические светильники для жилых помещений	0	1	0	0	0	0

1	2	3	4	5	6	7
Приемники телевизионные цветного изображения с жидкокристаллическим экраном, плазменной панелью	5941	10204	14030	4716	1257	957
Приемники телевизионные цветного изображения с электронно-лучевой трубкой	7619	9230	2514	242	41	0
Самолеты и прочие летательные аппараты	3	5	6	0	1	0
Суда прогулочные и спортивные	7	0	0	0	0	0

Примечание. * Январь – апрель 2015 г.

Источник: составлено по ЕМИСС.

Известно, например, что только в 2013 г. ОАО «КНААЗ» (Комсомольск-на-Амуре) поставило ВВС России 12 многоцелевых истребителей Су-35, и до 2015 планировались поставки более 60 самолетов моделей Су-30М2, СУ-35 и Т-501. На крупнейшем в стране производстве боевых вертолетов ОАО «ПРОГРЕСС» (Арсеньев) в 2011 г. Минобороны разместило заказ на производство 140 вертолетов Ка-522.

Спросовые ограничения проявляют себя наиболее явно, если сравнивать только предприятия, выпускающие гражданскую продукцию. Стабильные позиции, с тенденцией к расширению выпуска, в машиностроении Дальнего Востока удерживают предприятия, производящие легковые автомобили, персональные компьютеры и стиральные машины. Если из совокупного выпуска этих предприятий вычесть стоимость промежуточной продукции, весьма дорогостоящей, их вклад формирование добавленной стоимости региона окажется невелик. Напротив, предприятия, производящие строительные краны, насосы и осуществляющие ремонт и техобслуживание промысловых судов, не в состоянии поддерживать ритмичный ежегодный выпуск готовой продукции, а новые контракты, как ми-

¹ Кедров И. Истребители добавили стоимости // Национальная оборона. 2015. № 9. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/defense/2013/1230/134612262/detail.shtml>.

² Авиационный завод «Прогресс» – новое производство вертолетов Ка-52 / Ка-62 URL: <http://www.sciencedebate2008.com/the-ka-52-alligator/>.

нимум, не регулярны. При этом производство оружия и боеприпасов (код ОКВЭД 29.6), как отрасль, полностью завязанная на оборонный заказ, не находит статистического отражения в принципе.

Значимую роль в искажении наблюдаемой структуры машиностроения региона играет традиционно высокий на Дальнем Востоке удельный вес машиноремонта. Недостаточный уровень развития машиностроения региона и сложности завоза машин и оборудования на Дальний Восток уже в советский период обусловили развитие машиноремонта для обеспечения более полного удовлетворения потребности региона в машиностроительной продукции. Удельный вес машиноремонта в валовом выпуске доходил в советский период до 30%, в то время как в среднем по стране – около 8%¹. На современном этапе проблематика выбора рационального баланса между внутренним производством средств производства и их ввозом усугубляется отсутствием адекватного статучета.

На современном этапе машиностроение региона включает шесть укрупненных отраслей: авиастроение и авиаремонт, автомобилестроение, вагоностроение и вагоноремонт, гражданское машиностроение (кроме ТСО), гражданский машиноремонт (кроме ТСО), а также судостроение и судоремонт. Выделение этих отраслей обусловлено общностью технологических процессов, спецификой рынков сырья и сбыта, т. е. составляющими, определяющими отрасль как таковую. Существуют также предпосылки, основанные на соображениях оборонно-стратегического характера, для возрождения в регионе предприятий отрасли «производство оружия и боеприпасов», в лучшее время осуществлявших модернизацию и ремонт бронетехники. В посткризисный период в гражданском машиностроении Дальнего Востока произошел перенос центра тяжести с авиастроения на автомобиле- и судостроение.

В 2010–2014 гг. выручка от реализации в машиностроении Дальнего Востока увеличилась в 4,8 раза, с 29,1 до 138,8 млрд руб. При этом удельный вес автомобилестроения в машиностроительном комплексе региона вырос с 30,3 до 53,3%. Таким образом, в настоящий момент каждый второй рубль дальневосточное маши-

¹ Гудкова Е.В. Машиностроение Дальнего Востока // Россия и Япония: потенциал регионального сотрудничества. Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2000. С. 221–230; Гудкова Е.В. Машиностроительный комплекс // Дальний Восток России: экономический потенциал. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 163–173; Гудкова Е.В. Трансформация машиностроения Дальнего Востока // Экономическая политика на Российском Дальнем Востоке: Материалы научно-практической конференции. Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 1999. С. 242–245.

ностроение зарабатывает за счет одного единственного экспортно ориентированного предприятия сборочного типа.

Автосборочное производство компании «Соллерс – Дальний Восток» было запущено во Владивостоке в декабре 2009 г. В 2010 г. на заводе было собрано 13,7 тыс. автомобилей. В декабре 2010 г. суточная мощность завода составляла 80 автомашин, а на конец 2011 г. – 135 машин¹. В 2014 г. предприятие выпустило уже 67,6 тыс. автомобилей (бренды Toyota Land Cruiser Prado, Mazda и SsangYong). Это почти на 1 тыс. ед. меньше, чем было произведено в 2013 г. (68,5 тыс. ед.)². Несмотря на снижение выпуска, выручка предприятия увеличилась в 1,2 раза, что наглядно иллюстрирует тезис о противоречиях между натуральными и стоимостными индикаторами развития машиностроения региона.

При этом в автомобилестроении региона занято менее 1,5% работников машиностроения Дальнего Востока. Средняя численность работников автозавода в январе-августе 2015 г. составила 808 чел., тогда как, например, в производстве приборов и инструментов для измерений, контроля, испытаний, навигации и управления, занимающем несоизмеримо меньший удельный вес в выручке, занято 2284 человека. В гражданском машиноремонте на Дальнем Востоке занято больше (5784 чел.), чем в гражданском машиностроении (4580 чел.), что отражает повышенную значимость машиноремонта в регионе. Наибольшее число работников занято в отраслях авиастроения и авиаремонта (19,5 тыс. чел.), а также судостроения и судоремонта (18,3 тыс. чел.). Вместе, это около 70% занятых в машиностроении и около 30% занятых в обрабатывающей промышленности Дальнего Востока. По сравнению с 2007 г. число занятых в этих двух традиционных отраслях специализации региона к 2015 г. сократилось на 17%.

Авиастроение и авиаремонт на Дальнем Востоке представлены пятью предприятиями: ОАО «КНААЗ» (Комсомольск-на-Амуре), ОАО «ААК ПРОГРЕСС» (Арсеньев), ОАО «12 АРЗ» (Хабаровск), ОАО «322 АРЗ» (Воздвиженка), ОАО и ЗАО «МАЗ 73 ГА» (Магадан). Основная продукция дальневосточных авиастроительных предприятий – боевые самолеты Су-27 СКМ, Су-27 СМ, Су-30 МК2, Су-33, Су-35, Т-50, ударные вертолеты Ка-50, Ка-52, Ка-60 и противокорабельные ракеты ЗМ-80Е – определяет специализацию

¹ Гусев А. Завод Sollers на Дальнем Востоке отмечает удвоение производства // Auto.ru. 2011. 22 декабря.

² «Соллерс – Дальний Восток» снизил объемы производства в 2014 г. на 1,37% // PrimaMedia. 2015. 22 января.

региона в масштабах страны. ОАО «КНААПО» совместно с «ОКБ Сухого» принимает участие в реализации программы создания самолета пятого поколения – перспективного авиационного комплекса фронтовой авиации (Т-50). Освоение производства «Суперджет-100» и Т-50 повлекло техническое перевооружение предприятия. Два авиастроительных предприятия являются крупнейшими получателями «длинных» кредитов. В 2005–2013 гг. среднегодовой объем долгосрочных обязательств ОАО «КНААЗ» и ОАО «ААК ПРОГРЕСС» увеличился с 2,5 до 9,5 млрд руб.

Среди авиаремонтных предприятий региона выделяется ОАО «322 АРЗ». Предприятие производит ремонт самолетов Су-24М, Су-24МР, Су-25, Су-27, а также переоборудование самолета Су-27С в вариант С-27СК. Имеется возможность ремонта отдельных агрегатов, блоков и систем по заявкам заказчиков. Усилиями ОАО «12 АРЗ», которое специализируется на обслуживании вертолетов, ежегодно производится ремонт нескольких единиц авиатехники. В то же время предприятия гражданского авиаремонта в регионе испытывают значительные трудности технико-экономического развития и обновления парка оборудования в связи с недостатком платежеспособного спроса. Фактически, единственным стабильно функционирующим дальневосточным предприятием в данном сегменте является ЗАО «МАЗ 73 ГА», специализирующееся на ремонте и переоборудовании вертолетов Ми-8¹.

Второй по величине оборотов укрупненной отраслью дальневосточного машиностроения, согласно официальной статистике (Рис. 3), является судостроение и судоремонт. В 2010–2014 гг. выручка от реализации предприятий выросла почти в 4 раза, с 10,2 до 39,2 млрд руб. На Дальнем Востоке работает, по разным оценкам, 30–40 предприятий судостроения и судоремонта, которые выпускают только 6–8% промышленной продукции судостроения и судоремонта страны². Соотношение оборонного заказа и гражданской продукции в структуре контрактов судостроительных предприятий не столь смещено в сторону первого, как это имеет место на авиастроительных предприятиях Дальнего Востока.

Судостроение региона на сегодняшний день представлено, в основном, двумя предприятиями: ОАО «АСЗ» (Комсомольск-на-Амуре) и ОАО «СЗОР» (Благовещенск). В том числе ОАО «АСЗ» является крупнейшим на Дальнем Востоке многопрофильным су-

¹ Материалы официального сайта ЗАО «МАЗ 73 ГА» / URL: <http://maz73.n4.biz/>.

² Новосельцев Е.М., Холоша М.В. О перспективах коммерческого судостроения на Дальнем Востоке России // Судостроение. 2009. № 5. С. 44–48.

достоверным предприятием, располагающим достаточной производственной базой для военного кораблестроения, гражданского судостроения, судового машиностроения, металлургии (отливки, штамповки, поковки), изготовления крупных металлоконструкций и оборудования для нефтедобычи. Серьезным вызовом для долгосрочного технико-экономического развития предприятия стал отказ от выпуска АПЛ – технологически емкой продукции, на которой специализировался завод со дня основания¹. В ближайшие годы основная часть выручки предприятия будет формироваться за счет оборонного заказа на строительство корветов проекта 20380.

Производственная деятельность ОАО «СЗОР» в меньшей степени зависит от государственных закупок; портфель заказов предприятия формируется, в значительной мере, за счет продукции промежуточного спроса. Так, в 2011 г. заводом построено 8 и сдано в эксплуатацию 7 модернизированных малых рыболовных сейнеров проекта 1338 для рыбаков Приморья, Камчатки и Сахалина. Кроме того, заключен госконтракт на строительство двух водолазных катеров «проект 14157 – водолазный катер» и малого гидрографического судна проекта 19910 для нужд Министерства обороны РФ².

В сфере судоремонта на Дальнем Востоке занято несколько десятков предприятий, расположенных, главным образом, в Камчатском и Приморском краях и замкнутых на обслуживание своего территориального рынка судов. Положительная динамика основных показателей наблюдается лишь у двух крупнейших предприятий региона, способных осуществлять широкий диапазон специализированных операций – ОАО «ДВЗ ЗВЕЗДА» (Большой Камень) и ОАО «ДАЛЬЗАВОД» (Владивосток). Портфель заказов ОАО «ДВЗ ЗВЕЗДА» формируется за счет контрактов с Министерством обороны РФ (ремонт АПЛ), МИД Японии и Канады и корпорацией «Росатом» (утилизация АПЛ), а также ряда коммерческих заказов. ОАО «ДАЛЬЗАВОД», располагая уникальным оборудованием, научно-производственными лабораториями и развитой транспортной инфраструктурой, способен выполнять судоремонтные работы любой сложности, а также выполнять заказы в смежных отраслях машиностроения и металлообработки³ (*рис. 5.11*).

¹ Кузнецова К. Амурский судостроительный завод перестанет строить АПЛ / URL: <http://www.arms-expo.ru/049057054050124050053053049050.html>.

² Материалы официального сайта ОАО «Судостроительный завод имени Октябрьской Революции» / URL: <http://nelma.amur.ru/index.htm>.

³ Материалы официального сайта ОАО «Дальзавод» / URL: <http://dalzavod.vl.ru/index.php?lang=rus>.

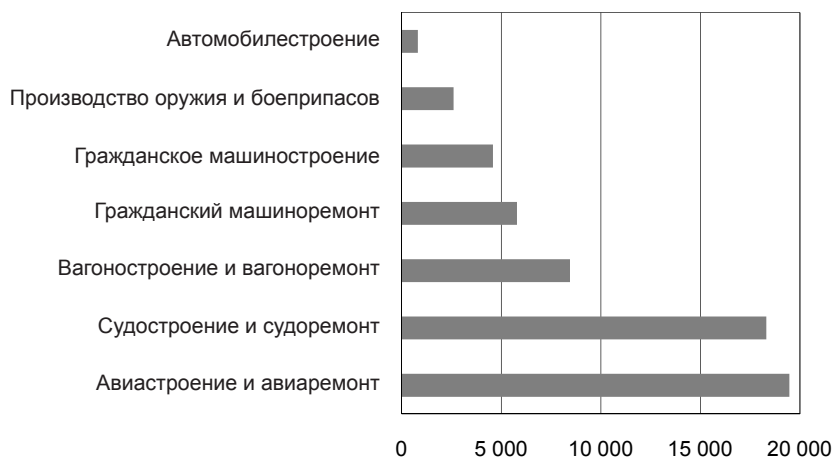

Рис. 5.11. Средняя численность работников в крупнейших отраслях машиностроения Дальнего Востока в январе – августе 2015 г., тыс. чел.

Источник: рассчитано по ЕМИСС.

Прочие крупные отрасли машиностроения региона по своим масштабам значительно уступают отраслям, производящим и осуществляющим обслуживание транспортных средств. Из них, фактически, только вагоностроение и вагоноремонт, представленное единственным предприятием, обнаруживает заметную тенденцию к росту. В 2010–2014 гг. выручка от реализации Свободненского вагоноремонтного завода увеличилась с 0,3 до 10 млрд руб. Предприятие смогло реализовать программу технологической модернизации благодаря выкупу государственной доли частным акционером. В свою очередь, интерес негосударственного инвестора к приобретению активов предприятия обусловлен уникальной рыночной позицией последнего. Это единственное предприятие от Байкала до Тихого океана, которое осуществляет капитальный ремонт грузовых вагонов и модернизацию полувагонов с продлением срока полезного использования.

В сравнении с предприятиями, производящими ТСО, предприятия гражданского машиностроения и гражданского машиноремонта имеют существенно меньшую размерность и вынуждены работать, прежде всего, на внутреннем рынке, напрямую конкурируя с зарубежными производителями. Малая размерность в сочетании с относительно меньшей рентабельностью в современной рос-

сийской экономике означает меньшую институциональную защищенность процесса технологической модернизации предприятий. Закономерно, что за 2010–2014 гг. оборот дальневосточных предприятий гражданского машиностроения незначительно увеличился с 5 до 7,9 млрд руб., а предприятий гражданского машиноремонта даже снизился с 4,9 до 4,2 млрд руб.

Расчеты показывают, что укрупненные отрасли машиностроения Дальнего Востока значительно различаются с точки зрения финансовых результатов деятельности (табл. 5.16). В целом машиностроение региона балансирует на грани окупаемости, средняя рентабельность продаж за 2010–2014 гг. не превышала 5%. Наибольшую норму прибыли извлекают предприятия гражданского машиноремонта, деятельность которых не связана со значительными постоянными затратами, характерных для предприятий, осуществляющих выпуск товарной продукции. За пять лет 2010–2014 гг. рентабельность продаж организаций, осуществляющих ремонт техники (главным образом, импортированной) увеличилась почти в 2 раза, составив 10,7% на конец периода. В то же время рентабельность производства продукции гражданского машиностроения, напротив, снизилась до 1%-го уровня. На предприятиях тяжелого машиностроения Дальнего Востока, производящего ТСО, рентабельность продаж также довольно низка, зачастую принимая отрицательные значения, что препятствует технологическому перевооружению отраслей на базе инвестиций из диверсифицированных источников.

Высокая доля просроченной суммарной задолженности по обязательствам в выручке отражает глубину финансово-экономических проблем технологической модернизации в отраслях машиностроения региона. В 2010 – 2014 г. проблемный индикатор увеличился с 8 до 13% в гражданском машиностроении и снизился с 35% до 11% в судостроении и судоремонте. Такая динамика имеет очевидное содержательное объяснение. Если судостроительные предприятия Дальнего Востока в последние пять лет стали объектом последовательной государственной политики и крупных капитальных вложений, то в отношении предприятий гражданского машиностроения такой политики не проводится.

Экономические шоки, влекущие неподъемную для предприятия задолженность в большинстве случаев, имеют три источника происхождения: со стороны контрагентов-субподрядчиков в рамках технологических цепочек, со стороны контрагентов-арендаторов и арендодателей и со стороны кредиторов – поставщиков финансовых ресурсов. Целый ряд дальневосточных предприятий, деся-

тилетиями осуществлявших выпуск стратегически важной машиностроительной продукции, в последние пять лет прекратил свое существование под бременем больших долгов.

Таблица 5.16

Финансово-экономические показатели деятельности укрупненных отраслей машиностроения Дальнего Востока в 2010–2014 гг., %

Отрасль машиностроения	Рентабельность продаж, %					Доля просроченной суммарной задолженности по обязательствам в выручке от реализации, %				
	2010	2011	2012	2013	2014	2010	2011	2012	2013	2014
Экономическая группировка отраслей										
Гражданское машиностроение	3,3	5,4	8,8	1,1	1,0	8,0	9,2	13,7	12,9	13,3
Гражданский машиноремонт	5,8	6,4	8,0	10,2	10,7	0,7	7,1	6,8	9,4	5,2
Авиастроение и авиаремонт	–	5,5	4,1	-0,5	3,7	–	0,2	0,2	0,1	0,4
Судостроение и судоремонт	–	–	8,1	4,7	5,7	34,6	29,9	14,6	10,1	10,7
Автомобилестроение	6,6	8,0	2,8	2,7	-2,0	–	–	–	–	–
Вагоностроение и вагоноремонт	17,8	60,1	3,8	8,9	4,6	54,8	431,3	1,6	0,9	1,5
Группировка отраслей по ОКВЭД										
Производство МО	4,9	4,8	11,8	7,4	4,9	8,2	11,9	14,8	21,8	11,7
Производство ЭЭОО	3,3	6,9	4,2	0,4	1,3	1,5	4,4	6,7	6,1	11,1
Производство ТСО	-0,7	3,2	4,6	2,7	1,8	9,4	11,0	6,7	4,6	3,3
Машиностроение, всего	0,3	3,6	5,0	2,7	1,9	8,6	10,6	7,2	5,4	4,1

Источник: рассчитано по ЕМИСС.

К их числу относятся, в том числе, предприятия, рыночные позиции которых на соответствующих отраслевых рынках сопоставимы с позициями крупнейших предприятий региона, произво-

дящих ТСО. В настоящее время прекратили свое действия такие уникальные в масштабах Дальнего Востока и Сибири предприятия, как «АМУРКАБЕЛЬ», «ХАБСУДМАШ», «ДАЛЬРЕММАШ», эксклюзивно производившие кабельную продукцию, специальные лебедки и подъемники, а также оборудование для рыбопереработки. Фактически, единственным их отличием, помимо отраслевой принадлежности, от сравнительно успешных предприятий, производящих ТСО, была преимущественная ориентация на промежуточный спрос со стороны частных структур и организаций. В случае каждого из предприятий правомерно говорить о вымирании на Дальнем Востоке отдельной отрасли машиностроения, характеризующейся значительной экономической, технологической и оборонной значимостью.

Принципиально, что отраслевые финансово-экономические показатели очевидным образом дифференцированы в формате предложенной экономической группировки отраслей. В то же время, разделение дальневосточного машиностроения на производство МО, ЭЭОО и ТСО не позволяет сделать содержательных выводов о ситуации в отраслях. Так например, относительно высокие рентабельность продаж и удельный вес просроченной задолженности в выручке в производстве МО в течение пяти лет не раскрывают того факта, что высокая норма прибыли создавалась, преимущественно, машиноремонтными предприятиями, а долги аккумулировались у непосредственных производителей средств производства. За низкой рентабельностью продаж в производстве ТСО не видно различий рыночных стратегий предприятий, производящих автомобили, самолеты и ремонтирующих подвижной состав. Между тем автосборочное предприятие закономерно делает ставку на увеличение оборотов и завоевание рыночных ниш за пределами региона, авиастроительные предприятия отрабатывают оборонные заказы, выпуская дорогостоящую штучную продукцию, а предприятие, ремонтирующее вагоны, извлекает ренту из монопольного положения на узкоотраслевом рынке Дальнего Востока.

6

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ СО СТРАНАМИ АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

6.1. Международная экономическая интеграция в АТР: вызовы для России

Начало активного движения России в направлении международной интеграции следует датировать 15 ноября 1991 г, когда был издан Указ Президента РФ № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности», давший право любым предприятиям осуществлять внешнеэкономическую деятельность. А в 1992 г., когда Россия выбрала «шоковую терапию» для перехода к рыночной экономике, страны Евросоюза подписали Маастрихтское соглашение, определившее путь к общему рынку, США, Канада и Мексика – соглашение о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), а государства-члены Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – соглашение о создании зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА).

В начале 1990-х гг. Россия сконцентрировала внимание на участии в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, где в декабре 1991 г. было образовано Содружество Независимых Государств (СНГ). С начала XXI в. интеграция стала развиваться в более узком кругу участников. Так, в 2001–2014 гг. функционировало Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), а с 2014 г. создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

Ситуация с вхождением в интеграционные объединения в АТР складывается тяжело. Как отмечали и отмечают эксперты: «Внимание к АТР обусловлено прежде всего тем, что в этом регионе происходит реализация геополитических интересов трех ядерных держав –

США, России, КНР, трех мощных экономических держав – США, Японии, КНР, двух самых населенных стран мира – Китая и Индии. Россия в этой части мира не имеет ни соответствующей экономической мощи, ни населения, способного ее быстро нарастить»¹.

Вступив в 1998 г. в АТЭС, Россия столкнулась с необходимостью учитывать уже имеющиеся международные договоренности, которых придерживались прочие участники. Речь в первую очередь идет о нормах и правилах ВТО, членом которой Россия в тот момент не являлась. В то же время главенствующую роль в АТЭС того периода играли США, пролоббировавшие соглашения о либерализации рынка телекоммуникаций и информационных технологий (вступило в силу в 1998 г.) и о либерализации рынка финансовых услуг (вступило в силу в 1999 г.). Россия тогда не была готова ни к выполнению данных соглашений, ни к достижению целей Богорской декларации 1994 г. (свободное перемещение товаров, услуг и капитала в рамках АТЭС к 2010 г. для развитых членов и к 2020 г. для развивающихся).

К настоящему времени самым заметным результатом участия в АТЭС является Соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) между Вьетнамом и ЕАЭС (вступило в силу 5 октября 2016 г.)². По данным ВТО, это единственное соглашение между РФ и страной АТР (*табл. 6.1*).

Но и данное соглашение носит осторожный характер и не связано с серьезными рисками ни для экономики России, ни для других стран ЕАЭС, равно как и с существенными выигрышами.

На протяжении периода 1996–2016 гг.³ Россия наращивала объемы товарооборота с партнерами по АТР⁴. Так, в 2016 г. совокупный объем экспорта российских товаров в страны региона составил 66,0 млрд долл., увеличившись по сравнению с 1996 г. (16,5 млрд долл.) в 4 раза⁵. При этом доля стран АТР в совокупном

¹ Гельбрас В. Азиатско-Тихоокеанский регион и проблемы интеграции России в мировую экономику // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 12. С. 56–63.

² Viet Nam – Eurasian Economic Union Free Trade Agreement / Asia Regional Integration Center. 2017. URL: <https://aric.adb.org/fta/viet-nam-customs-union-of-russia-belarus-and-kazakhstan-free-trade-agreement>.

³ Данные международной статистики по двусторонним товаропотокам между Россией и странами АТР до 1996 г. отсутствуют.

⁴ Рассматриваются 24 страны АТР: члены АТЭС (кроме Тайваня), Камбоджа, Лаос, Мьянма, КНДР и Монголия.

⁵ Рассчитано по: UN Comtrade Database. 2017. URL: <http://comtrade.un.org>.

российском экспорте товаров увеличилась незначительно: с 18,6% в 1996 г. до 23,1% в 2016 г. (рис. 6.1). Динамика доли стран АТР в российском экспорте также не была стабильной, хоть и не повторяет динамику стоимостных объемов экспорта.

Таблица 6.1

Количество соглашений о зонах свободной торговли

Страна	Внутри АТР	Все-го	Страна	Внутри АТР	Все-го
Австралия	11	12	Малайзия	9	14
Бруней	7	8	Мексика	4	15
Камбоджа	5	6	Мьянма	5	7
Канада	4	11	Новая Зеландия	10	11
Чили	12	27	Папуа – Новая Гвинея	1	5
Китай	9	15	Перу	8	18
Гонконг	3	4	Филиппины	6	9
Тайвань	2	6	Россия	1	11
Индонезия	6	8	Сингапур	14	22
Япония	12	15	Таиланд	9	11
Республика Корея	11	19	США	6	14
Лаос	7	9	Вьетнам	8	10

Примечание: по состоянию на апрель 2017 г.

Источник: составлено по: Regional Trade Agreements Database / WTO. 2017. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/rta_participation_map_e.htm.

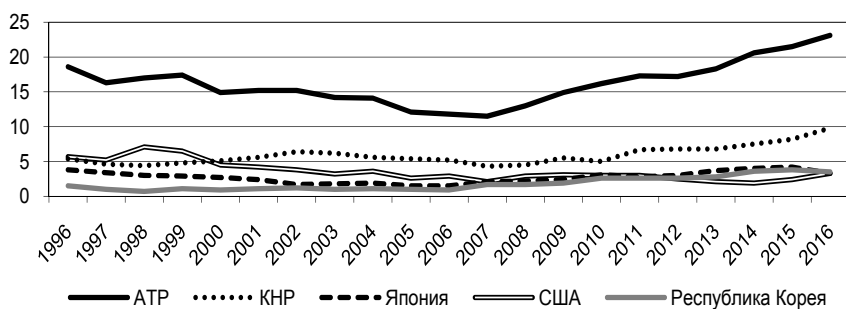

Рис. 6.1. Доля стран АТР в совокупном объеме товарного экспорта России в 1996–2016 гг., %

Источник: рассчитано по: UN Comtrade Database. 2017. URL: <http://comtrade.un.org>.

Основная группа стран-партнеров России по АТР оставалась неизменной на протяжении всего исследуемого периода, хотя рейтинг государств в рамках группы менялся. В группу входят Китай, США, Япония и Республика Корея. В 1996 г. на данную четверку стран приходилось 16,4% совокупного товарного экспорта России и 88,2% его стоимостных объемов в страны АТР, в 2016 г. – 19,9 и 86,1% соответственно. Главным направлением российского экспорта товаров в 1996–1999 гг. были США, в 2000 г. – Китай.

Импорт товаров из стран-партнеров по АТР в 2016 г. (71,8 млрд долл.) увеличился в 10 раз по сравнению с 1996 г. (7,2 млрд долл.). Динамика стоимостных объемов российского импорта из государств региона практически полностью совпадает с динамикой российского экспорта в эти страны. Положительный тренд был прерван три раза в течение рассматриваемого периода.

В отличие от экспорта доля стран АТР в общем объеме российского импорта товаров росла стремительно (*рис. 6.2*): с 11,8% в 1996 г. (минимальное значение за исследуемый период) до 39,4% в 2016 г. (максимальное значение).

Основная группа стран-партнеров по импорту полностью совпадает с партнерами по экспорту: Китай, США, Япония и Республика Корея. В 1996 г. на данную четверку стран приходилось 9,4% совокупного товарного импорта России и 80,1% его стоимостных объемов из стран АТР, в 2016 г. – 33,4 и 84,8% соответственно.

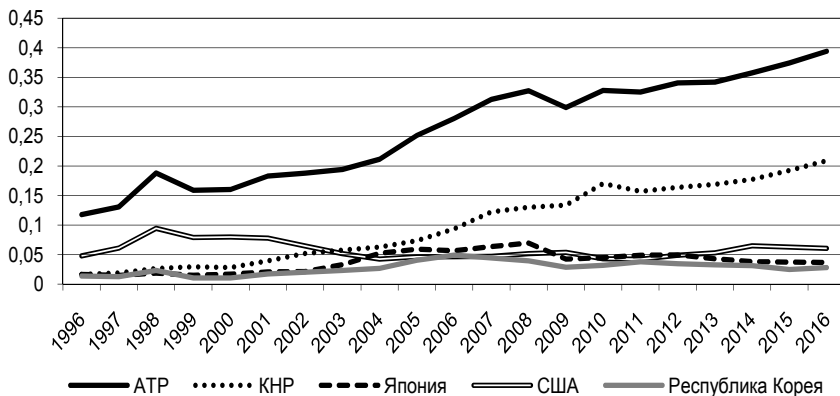

Рис. 6.2. Доля стран АТР в совокупном объеме товарного импорта России в 1996–2016 гг.

Источник: рассчитано по: UN Comtrade Database. 2017.

Но для стран АТР в целом Россия не является ключевым торговым партнером: в среднем за период 1996–2016 гг. ее доля в экспорте государств региона составила 0,7%, в импорте – 1,0%¹.

Привлекательность России для инвесторов из стран АТР за исследуемый период снизилась: в 1995 г. на партнеров по региону приходилось 32,5% общего объема поступивших прямых иностранных инвестиций (крупнейшим инвестором являлись США, занимавшие первое место среди всех стран), в 2016 г. – 15,3% (крупнейшим региональным инвестором стал Сингапур)².

При этом в процессе «кооперационной игры» уже второе десятилетие подряд для России и для Дальнего Востока сохраняется ряд вызовов (интеграционно-геостратегический, ресурсный, инфраструктурный, мотивационный и конкурентный)³ и игнорируется потенциал многосторонних институтов СВА и АТР. Например, не учитывается потенциал Расширенной Туманганской инициативы (РТИ). Большинство федеральных и региональных властей по-прежнему негативно относятся к данной инициативе⁴ и предпочитают двусторонние соглашения с партнерами по региону.

Кроме членства в АТЭС и ЗСТ между Вьетнамом и ЕАЭС, Россия не принимает активного участия в процессах экономической интеграции в регионе. Хотя в АТР есть множество многосторонних соглашений, неучастие в которых в будущем может изолировать Россию. За 25 лет Россия не изменила своей роли в регионе: она по-прежнему остается всего лишь внешнеторговым и инвестиционным партнером для государств АТР. Ключевое значение торговля с Россией имеет только для Монголии, в то же время для России в последние годы основным партнером стал Китай, и доля АТР в товарообороте РФ существенно выросла. Инвестиционная зависимость России от партнеров по региону, напротив, снизилась: основными донорами прямых иностранных инвестиций в ее экономику стали территории с льготным

¹ Рассчитано по: UN Comtrade Database. 2017. URL: <http://comtrade.un.org>.

² Сопоставимость данных 1995 и 2016 гг. находится под вопросом в связи с изменением методики расчета объемов поступивших прямых иностранных инвестиций.

³ Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихо-океанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208

⁴ Гулидов Р.В. Проект «Туманган»: вымысел и реальность // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 90–108.

налоговым режимом (Багамы, Бермуды, Кипр и Британские Виргинские острова) и страны Европы (Швейцария, Франция, Голландия, Австрия).

6.2. Торговое и инвестиционное сотрудничество России и стран Восточной Азии

Страны Восточной Азии¹ активно привлекают капитал из других регионов. Так, приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику региона достиг 273,3 млрд долл. в 2014 г., увеличившись в 3,4 раза по сравнению с 2001 г.² При этом основными инвесторами в экономику стран АСЕАН в 2014 г. являлись ЕС (19,2%), сами члены АСЕАН (17,0%), Япония (12,1%), США (11,3%) и Гонконг (7,5%)³. Для стран «Большой тройки» основными инвесторами выступили Гонконг, Япония, США, Нидерланды и Британские Виргинские острова⁴.

Привлечение ПИИ в регион связано с функционированием международных производственных сетей. Изначально сборочные предприятия создавались на территории Китая, но монотонный рост зарплат в КНР вынуждает ТНК переносить производство в страны АСЕАН, где рабочая сила дешевле. Наибольшая добавленная стоимость при этом создается в секторе электрического и электронного оборудования, далее следуют текстильная промышленность и производство одежды и изделий из кожи, третью позицию занимает химическая промышленность⁵. Важную роль также играет производство транспортных средств и углеводородов, однако добавленная стоимость, аккумулируемая странами Юго-Восточной Азии в данном случае, существенно меньше, чем в случае перечисленных выше секторов.

¹ Под Восточной Азией в данной работе подразумеваются страны АСЕАН+3: десять стран АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам), а также «Большая тройка» (Япония, Китай и Республика Корея).

² Мазитова М.Г., Демина Я.В. Международные производственные сети: роль стран Восточной Азии // *Пространственная экономика*. 2017. № 1. С. 71–98.

³ Foreign Direct Investment Database / ASEAN Stats. URL: <http://aseanstats.asean.org/>.

⁴ Мазитова М.Г., Демина Я.В. Международные производственные сети: роль стран Восточной Азии // *Пространственная экономика*. 2017. № 1. С. 71–98.

⁵ ASEAN Investment Report 2013–2014: FDI Development and Regional Value Chains. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2014. 234 p.

Роль России в регионе пока незначительна: ни для одной из стран Восточной Азии она не является основным торговым или инвестиционным партнером. Так, в среднем за период 2005–2014 гг. ее доля превышала 1% только в совокупном товарном экспорте Вьетнама, Республики Корея, Японии и Китая, в импорте – Вьетнама, Таиланда, Филиппин, Республики Корея, Японии и Китая (рис. 6.3). Среди всех изучаемых стран наиболее тесно с Россией связана «Большая тройка».

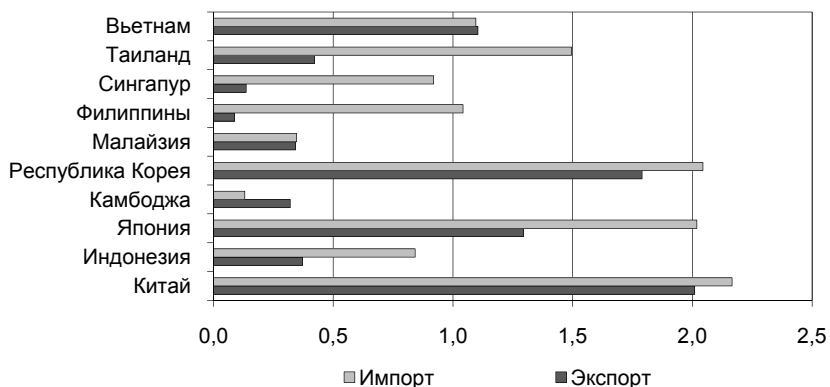

Рис. 6.3. Доля России в товарном экспорте и импорте стран Восточной Азии в среднем за 2005–2014 гг., %

Примечание: данные по Лаосу, Мьянме и Брунею отсутствуют.

Источник: рассчитано автором по: Statistics Database / UNCTAD. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en.

Роль России во внешней торговле Китая, Камбоджи и Вьетнама текстилем, одеждой и изделиями из кожи весьма скромна (рис. 6.4).

В среднем за 2005–2014 гг. доля нашей страны в товарообороте по трем выделяемым группам товаров превышала 1% только для Китая (3,3%), варьируясь от 2,3% в 2009 г. до 5,4% в 2007 г. Средние значения для Камбоджи и Вьетнама составили 0,3% и 0,5% соответственно. Россия занимает значимую позицию только в качестве потребителя одежды, произведенной в КНР (третье место в экспорте Китая по данной товарной группе). Первое место в географии внешней торговли текстилем, одеждой и изделиями из кожи трех рассматриваемых государств занимают США¹.

¹ International Trade Centre Statistics Database. 2017. URL: <http://www.intracen.org/>.

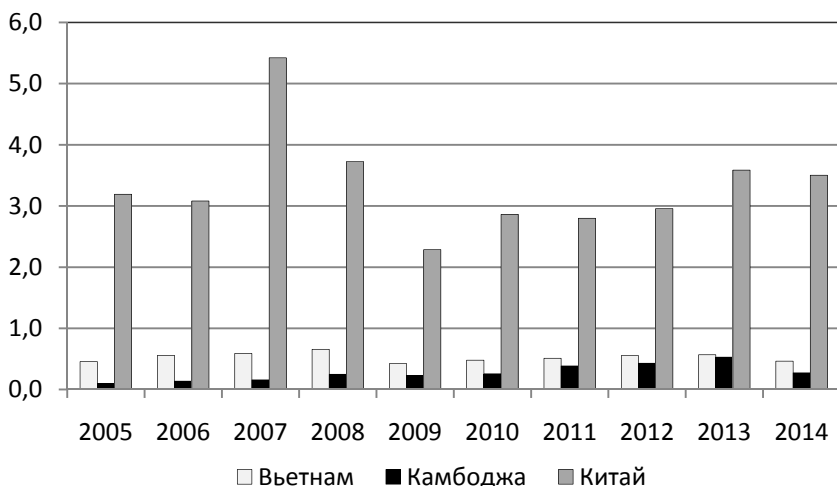

Рис. 6.4. Доля России в товарообороте Китая, Камбоджи и Вьетнама по трем товарным группам (текстиль, одежда и изделия из кожи) в 2005–2014 гг., %

Источник: рассчитано автором по: UN Comtrade Database.

Низкая степень вовлеченности России в региональные торговые и производственные сети объясняется ее скромной ролью в инвестиционных потоках, привлекаемых странами Восточной Азии (табл. 6.2). Так, ПИИ в объеме более 1 млрд долл. в год были вложены только в экономики Сингапура и Вьетнама.

Доля России в объеме поступивших в государства Восточной Азии ПИИ в среднем за 2010–2014 гг. составила более 1% только для Вьетнама (12,6%), Японии (3,7%), Таиланда (2,3%) и Сингапура (2,1%)¹. Для России указанные страны играют еще менее значительную роль в качестве реципиентов капитала: удельный вес ни одной из них не превышает 1% от общего объема ПИИ, размещаемых РФ за рубежом. Доля Сингапура и Вьетнама составила по 0,3% в среднем за 2010–2014 гг., Таиланда – 0,1%². Основные

¹ Рассчитано автором по: IMF Coordinated Direct Investment Survey, UNCTAD Bilateral Foreign Direct Investment Statistics Database; UNCTAD Foreign Direct Investment Statistics Database. Доля России в объеме привлеченных Вьетнамом ПИИ, по данным национальной статистической службы этой страны, составляет только 1%.

² Рассчитано автором по данным IMF Coordinated Direct Investment Survey.

направления для российских инвестиций – это Кипр, Британские Виргинские острова и Нидерланды¹.

Таблица 6.2

**Экспорт ПИИ из России в страны Восточной Азии
в 2010–2014 гг., млн долл.**

Страна	2010	2011	2012	2013	2014
Сингапур	3	3	1 252	2 332	2 495
Вьетнам	1 022	1 079	412	558	2 240
Таиланд	66	116	163	275	421
Китай	108	123	234	181	184
Республика Корея	17	13	33	26	33
Япония	23	23	21	20	28
Индонезия	0	0	0	–3	6
Малайзия	4	9	5	5	–1
Лаос	3	0	0	0	0
Мьянма	0	0	0	0	0
Бруней	0	0	0	0	0
Камбоджа	0	0	0	0	0
Филиппины	0	0	0	0	0

Источник: составлено по: Coordinated Direct Investment Survey / IMF. 2017. URL: <http://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5&slId=1424361335820>.

Инвестиционное сотрудничество России с тройкой стран-лидеров Восточной Азии по объему товарооборота в трех товарных группах (текстиль, одежда и изделия из кожи) пока представлено скромно и совершенно в иных областях. Так, основной сферой двухстороннего инвестиционного сотрудничества России и Вьетнама является нефтегазовая отрасль. В число российских нефте- и газодобывающих компаний, инвестировавших средства в проекты во Вьетнаме, входят ОАО «Газпром», ОАО «Роснефть» и ОАО «Зарубежнефть»². Помимо нефтегазового сектора Россия реализует во Вьетнаме более 90 проектов с инвестициями на сумму

¹ Coordinated Direct Investment Survey / IMF. 2017. URL: <http://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5&slId=1424361335820>.

² Основные итоги инвестиционного сотрудничества Вьетнама и России в 2013 г. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/vn/vn_ru_relations/vn_rus_projects/.

2 млрд долл.¹ Сотрудничество осуществляется по следующим направлениям:

- строительство энергетических мощностей²;
- металлургия;
- резинотехническая промышленность;
- машиностроение;
- туризм;
- производство соли;
- мобильная связь;
- коммерческая недвижимость;
- сборочное производство;
- производство продуктов питания;
- банковская³ и страховая деятельность;
- транспорт;
- складское обслуживание и пр.⁴

Вьетнам осуществляет на территории РФ 16 проектов на общую сумму 2,07 млрд долл. в таких областях, как добыча нефти и газа, банковская сфера и торговля⁵. Основная доля вьетнамских вложений приходится на 2 совместных проекта в области добычи нефти и газа – ООО «Газпромвьет» и ООО «СК «Русвьетпетро». В настоящее время в России помимо совместных проектов нефте- и газодобычи реализован лишь один крупный проект, финансируемый за счет вьетнамских инвестиций, – строительство культурно-

¹ Досье: торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Вьетнамом. URL: <http://tass.ru/info/736259>.

² При содействии Государственной корпорации «Росатом» реализуется проект сооружения первой во Вьетнаме АЭС «Ниньтхуан-1», предполагающий комплексное развитие вьетнамской атомной отрасли, включая разработку нормативно-правовой базы и подготовку кадров (см.: Всеобъемлющее стратегическое партнерство с Вьетнамом. URL: <http://www.mid.ru/strategicesкое-partnerstvo-s-v-etnamom>).

³ Например, Вьетнамско-Российский совместный банк (ВРБ), участниками которого в равных долях являются государственный Банк инвестиций и развития Вьетнама (BIDV) и ОАО Банк ВТБ (см.: Всеобъемлющее стратегическое партнерство с Вьетнамом. URL: <http://www.mid.ru/strategicesкое-partnerstvo-s-v-etnamom>).

⁴ Досье: торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Вьетнамом. URL: <http://tass.ru/info/736259>; Хейфец Б.А. Инвестиционное сотрудничество России и Вьетнама: новый этап // Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации». 2011. № 3. С. 4–17.

⁵ Досье: торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Вьетнамом. URL: <http://tass.ru/info/736259>.

делового центра «Ханой – Москва» (общий объем инвестиций – 240 млн долл.). Проект реализован на основе двухстороннего соглашения между администрациями городов Москва и Ханой, застройщик проекта – акционерная инвестиционная компания «Инцентра»¹.

Три рассматриваемых отрасли Камбоджи (как и страна в целом) также не являются приоритетной сферой приложения российского капитала. В настоящее время в стадии реализации находятся крупные проекты в следующих сферах: телекоммуникации («Вымпелком»); туризм (курортная зона г. Сиануквиль, «Koh Puos Investment Group»); фармацевтическая промышленность («Полисан»)². Основные страны-инвесторы в производстве текстиля и одежды данного государства – Тайвань (28%), Китай (21%) и Гонконг (17%)³.

Основными отраслями российско-китайского двухстороннего инвестиционного сотрудничества являются энергетика, освоение месторождений полезных ископаемых, переработка древесины, строительство, торговля, промышленное производство, сельское хозяйство и инфраструктура (табл. 6.3).

На конец 2015 г. объем накопленных прямых российских инвестиций в Китае составил 946,9 млн долл., объем накопленных прямых китайских инвестиций в России – 8940,0 млн долл.⁴ Крупнейшие инвесторы в текстильную, швейную и кожевенную промышленность Китая – Гонконг, США, ЕС, Япония, Республика Корея и Тайвань⁵. Российские инвесторы также вкладывают средства в данные отрасли, однако их объем не раскрывается, а часть средств поступает не напрямую, а через оффшоры и другие территории с льготным налоговым режимом (Кипр, Британские Виргинские острова и Гонконг).

¹ Основные итоги инвестиционного сотрудничества Вьетнама и России в 2013 г. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/vn/vn_ru_relations/vn_rus_projects/.

² Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Королевством Камбоджа. URL: <http://studydoc.ru/doc/4115386/torgovo-e-konomicheskoe-sotrudnichestvo-mezhdu-rossijskoj-fed...>

³ Bui Van Tot. Textile and Apparel Industry Report: Opportunities for Breakthrough. Hanoi: FPT Securities, 2014. 47 p.

⁴ Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>.

⁵ Bui Van Tot. Textile and Apparel Industry Report: Opportunities for Breakthrough. Hanoi: FPT Securities, 2014. 47 p.

Таблица 6.3

Примеры российско-китайского инвестиционного сотрудничества

Отрасль	Пример
Энергетика	Поставки электроэнергии из Амурской области в Китай, в частности, за счет ввода в строй межгосударственной ЛЭП 500 кВт «Амурская – Хэйхэ»; проект по сжижению природного газа «Ямал-СПГ», инвесторами которого являются Китайская национальная нефтегазовая корпорация и Фонд Шелкового пути
Освоение месторождений полезных ископаемых	Освоение Березовского железорудного и Нойон-Тологойского полиметаллического месторождений
Переработка древесины	Завод по производству МДФ-плит в Томской области (AVIC Forestry); приобретение 42% акций RFP Group Российско-китайским инвестиционным фондом.
Строительство	Строительство «Башни Федерация» в Москве с привлечением China State Construction Engineering Corporation (CSCEC) и компании YUANDA
Торговля	Российско-Китайский инвестиционный фонд, соинвестором которого является Китайская инвестиционная корпорация, приобрел 23,1% акций крупнейшей в России сети детских супермаркетов «Детский мир»
Промышленное производство	Совместный промышленный район «Канцзи» в г. Уссурийск; завод по производству материалов для солнечной энергетики в г. Чанчжоу; завод по производству бутадиен-нитрильных каучуков в Шанхае.
Сельское хозяйство	Проект комплексного освоения сельхозугодий в ЕАО с участием 22 предприятий из провинции Хэйлунцзян
Инфраструктура	Строительство железнодорожного моста через р. Амур на участке Нижнеленинское–Тунцзян (26 февраля 2014 г. состоялась торжественная церемония начала строительства); сооружение высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва – Казань»

Источники: составлено по: Александрова М.В. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: вчера, сегодня, завтра // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 105–117; Чжан Г. Стратегические факторы экономического роста Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 43–52; Основные итоги инвестиционного сотрудничества России и Китая. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/; Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>.

Китай является крупнейшим в мире экспортером текстиля (35,6%), одежды (38,6%) и изделий из кожи (39,8%). В свою очередь, Россия в 2014 г. по объему импорта текстиля заняла 14 место в мире (1,2%), одежды – 6 место (1,6%), изделий из кожи – 7 место (2,8%)¹.

Лидерство КНР в рассматриваемых товарных группах обусловлено переносом в Китай соответствующих производств из США, ЕС, Японии, Гонконга, Республики Корея. Иностраннных инвесторов в первую очередь привлекла дешевая рабочая сила, а также наличие местного сырья и – в перспективе – крупного рынка сбыта. В настоящее время стоимость китайской рабочей силы не столь низка, как в странах Южной и Юго-Восточной Азии, куда постепенно переносятся упомянутые производства. Так, в 2014 г. в Бангладеш почасовая ставка в швейной промышленности составляла 0,22 долл. (минимальное значение среди азиатских стран), в Камбодже – 0,33, во Вьетнаме – 0,38, в Индонезии – 0,44. В то же время в Китае – 1,08 (восточное побережье), а в России – 1,97 долл.² Нашей стране не стоит рассчитывать на текущий заниженный курс рубля, вследствие которого отечественная продукция стала более конкурентоспособной по цене; вслед за ведущими индустриальными странами ей необходимо расширять свое присутствие в АТР. Кроме того, встраивание в подобные сети осуществить гораздо проще и быстрее, чем в случае электронной или автомобильной промышленности.

6.3. Эволюция интеграционных форматов в АТР

В мире в целом и в АТР в частности происходит интенсивная смена форматов многостороннего экономического сотрудничества.

Во-первых, для блоков было свойственно расширение состава участников (в основном за счет привлечения стран, отличающихся более низким уровнем социально-экономического развития, чем первоначальные государства-члены). Так, АСЕАН в момент своего создания (8 августа 1967 г.) состояла всего из пяти стран (Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда). В 1984 г. в состав объединения вошел Бруней. Вьетнам стал членом АСЕАН в 1995 г., Лаос и Мьянма – в 1997 г., Камбоджа – в 1999 г.³ Послед-

¹ International Trade Centre Statistics Database. 2017. URL: <http://www.intracen.org/>.

² International Labor Organization Statistics Database. 2017. URL: <http://www.ilo.org/ilostat/>.

³ About ASEAN. 2017. URL: <http://asean.org/asean/about-asean/overview/>.

ние четыре участника (АСЕАН-4) являются наименее развитыми членами объединения.

Канадско-американское соглашение о свободной торговле (CUSFTA) существовало с 1988 г. С подписанием двусторонних соглашений между США и Мексикой, а также между Мексикой и Канадой образовалась НАФТА¹, Мексика является наименее развитым участником блока.

Форум АТЭС, образованный в 1989 г., сначала объединял 12 стран². В 1991 г. произошло первое расширение за счет присоединения Тайваня, Гонконга и Китая, в 1993 г. – второе (Мексика и Папуа – Новая Гвинея), в 1994 г. – третье (Чили) и в 1998 г. – последнее (Перу, Россия и Вьетнам), после которого был введен десятилетний мораторий на присоединение новых членов³.

Расширение блоков происходило не только в 1990-е гг., но и продолжается сейчас. Оно характеризуется не просто увеличением количества участников, но и стремлением объединений к «глобальности», т. е. к созданию мегарегиональных торговых соглашений⁴.

Во-вторых, объединения стали стремиться к более «глубокой» степени интеграции (переход от зон свободной торговли к таможенному союзу или общему рынку, валютно-финансовой интеграции) и к более широкому охвату вопросов, подпадающих под действие соглашений (не только отмена таможенных пошлин, но и устранение нетарифных барьеров, соглашения по услугам, инвестициям, защите окружающей среды, вопросам безопасности, интеллектуальной собственности, трансграничного перемещения рабочей силы и др.).

В 2003 г. было принято решение об углублении экономической интеграции в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии по-

¹ НАФТА является комплексным соглашением о зоне свободной торговли, состоящим из трех самостоятельных соглашений между США и Канадой (CUSFTA), между США и Мексикой, а также между Мексикой и Канадой. Два последних соглашения действуют с 1 января 1994 г. в рамках НАФТА (Костюнина Г.М. Североамериканская интеграция: 20 лет спустя // Вестник МГИМО университета. 2015. № 2 (41). С. 231–241).

² Япония, Индонезия, Республика Корея, Филиппины, Таиланд, Австралия, США, Бруней, Новая Зеландия, Сингапур, Малайзия и Канада.

³ Member Economies / Asia-Pacific Economic Cooperation. 2017. URL: <http://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Member-Economies>.

⁴ Изотов Д.А. Эффекты присоединения России к торговым форматам АТР // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. № 4. С. 83–95; Саламатов В. Мегарегиональные торговые соглашения // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 9. С. 17–27.

средством создания сообщества АСЕАН как трех сообществ – экономического, политического и социально-культурного. В 2007 г. был подписан Устав АСЕАН, в котором реализация трех вышеупомянутых сообществ зафиксирована в качестве основной цели. Основные документы по формированию сообщества АСЕАН также включают Дорожную карту по формированию Сообщества АСЕАН на 2009–2015 гг. и Стратегические рамки Инициативы по интеграции в АСЕАН на 2009–2015 гг.¹

В рамках формирования экономического сообщества запланировано достижение четырех свобод: свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы². При этом таможенные пошлины на товары должны быть полностью ликвидированы к 2018 г. (для стран Идокитая), нетарифные барьеры – к 2010 г. для пяти стран АСЕАН (Сингапур, Малайзия, Индонезия, Бруней, Таиланд), к 2012 г. – для Филиппин и к 2018 г. – для АСЕАН-4. Также планируется провести либерализацию торговли услугами и содействовать формированию инвестиционной зоны АСЕАН путем устранения ограничений на перемещение капитала. Свобода перемещения рабочей силы предусматривается для лиц квалифицированного труда. Политическое сообщество создается с целью укрепления безопасности, демократии и мира в регионе, поддержки верховенства законов и прав человека. Социально-культурное сообщество направлено на укрепление солидарности и единства народов АСЕАН, формирование социально ориентированных государств, способных успешно решать социально-экономические проблемы населения стран-участниц³. Создание общего рынка планировалось к 1 января 2016 г., и хотя официально руководители стран-участниц АСЕАН объявили о выполнении намеченных планов, на практике свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы блоку пока несвойственно⁴.

АТЭС пока не является сформировавшейся интеграционной группировкой, но с 2006 г. между его участниками ведутся переговоры о создании Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ). В 2014 г. на саммите в Пекине было принято ре-

¹ Уольцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 8. С. 67–75.

² Roadmap for an ASEAN Community 2009–2015. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2009. 128 p.

³ Там же.

⁴ Демина Я.В. Эффекты торговой интеграции в странах АСЕАН // *Пространственная экономика*. 2015. № 3. С. 120–141.

шение о проведении совместного стратегического исследования о возможности создания АТЗСТ, охватывающей все участвующие экономики форума. Идея активно продвигается Китаем.

Переговоры о создании трехсторонней ЗСТ между странами «Большой тройки» (Китай, Республика Корея и Япония) начались в 2013 г., но пока не увенчались успехом. Трехстороннее сотрудничество берет начало в 1999 г., во время саммита АСЕАН+3 на Филиппинах. Последующие трехсторонние встречи также проходили в рамках саммитов АСЕАН+3 и носили неформальный статус. В 2008 г. в Японии состоялся первый саммит вне контекста АСЕАН+3. Лидеры государств подписали «План действий по развитию трехстороннего сотрудничества» и договорились, что отныне такие встречи будут проводиться ежегодно. Второй Трехсторонний саммит прошел в 2009 г. в Пекине. Следующий шаг по институционализации трехсторонних отношений был сделан на встрече в 2010 г., когда Президент Республики Корея предложил создать постоянный секретариат, который был официально открыт в 2011 г. в Сеуле. В 2012 г. в Пекине прошел очередной саммит, где три страны согласились начать официальные консультации по созданию ЗСТ. Кроме того, стороны подписали соглашение о регулировании и защите взаимных инвестиций (вступило в силу в 2014 г.). К настоящему времени проведено десять раундов переговоров по трехсторонней ЗСТ (последний по времени состоялся в Сеуле в июне 2016 г.), на которых обсуждались ключевые вопросы, в том числе упрощение таможенных процедур, санитарные нормы, права интеллектуальной собственности и электронная коммерция¹.

За последние 25 лет на пространстве АТР и мира в целом происходило непрерывное развитие форматов и правил «интеграционной игры». Трансформации подверглись не только существовавшие объединения, но и вновь создаваемые блоки. Интеграция стала развиваться и «вширь», охватывая все больше стран и объединяя континенты, и «вглубь», охватывая все больше вопросов и все сильнее «склеивая» участвующие страны. Из всех перечисленных выше объединений два блока отличаются наибольшей «глубиной» взаимодействия и влиянием на региональном и глобальном уровнях – НАФТА и АСЕАН.

¹ Лукин А.Л. Россия и формирующееся экономическое сообщество Северо-Восточной Азии: роль Республики Корея // Ойкумена. 2016. № 3. С. 136–143.

6.4. Эффекты интеграции

Уже первое соглашение о ЗСТ с Вьетнамом потенциально выгодно России. По оценкам¹, в результате отмены таможенных барьеров экономия на пошлинах для экспортеров ЕАЭС может составить около 40 млн долл. в первый год функционирования соглашения, а по истечении всех переходных периодов – около 60 млн долл. Вьетнамские компании благодаря отмене таможенных пошлин могут рассчитывать на экономию до 5–10 млн долл. в год. Предполагается, что объемы взаимной торговли увеличатся с 4 млрд долл. до 10 млрд долл. к 2020 г. Кроме того, по полученным оценкам², в случае обнуления импортных пошлин в двусторонней торговле между Вьетнамом и Россией в среднем объем поставок из РФ во Вьетнам может увеличиться на 2,9%, а из Вьетнама в Россию – на 11%.

Если расширить круг партнеров, то либерализация внешней торговли России с членами АТЭС, а также с участниками ТТП и ВРЭП принесет существенные торговые эффекты и эффекты благосостояния. Так, в случае взаимного обнуления полной импортной пошлины России со странами, входящими в ТТП, ВРЭП и АТЭС, эффект создания превысит эффект отклонения торговли, что указывает на возможную результативность заключения ЗСТ. Максимальный эффект при этом будет получен от либерализации внешней торговли со странами АТЭС, наименьший – с государствами ТТП. Ввиду разного масштаба экономик для ТТП, ВРЭП и АТЭС либерализация торговли с Россией приведет к незначительному увеличению объемов их совокупного экспорта и импорта. Вследствие обнуления импортных пошлин Россия и рассматриваемые блоки получают следующие эффекты благосостояния: Россия с АТЭС – 3,43 млрд долл., с ТТП – 2,82 млрд долл., с ВРЭП – 1,83 млрд долл.; АТЭС с Россией – 0,49 млрд долл., ВРЭП – 0,48 млрд долл., ТТП – 0,12 млрд долл.⁴

¹ Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М.: Ин-т экономики РАН, 2016.

² Изотов Д.А. Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для экономики России // Известия ИГЭА. 2013. № 6 (92). С. 108–115.

³ ВРЭП пока находится на стадии переговоров и включает 16 государств (10 членов АСЕАН, Японию, КНР, Республику Корея, Индию, Австралию и Новую Зеландию).

⁴ Изотов Д.А. Эффекты присоединения России к торговым мегаформатам АТР // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. № 4. С. 83–95.

В отличие от России участники НАФТА и АСЕАН имеют многолетний практический опыт либерализации внешней торговли внутри данных блоков. Соглашение НАФТА вступило в силу с 1 января 1994 г., АФТА – с 1 января 1993 г. За 25 лет (1991–2015 гг.) совокупный товарный экспорт стран-членов НАФТА вырос с 591,6 млрд долл. до 2,3 трлн долл. (рост в 3,9 раза) (рассчитано по:¹). За тот же период (1991–2015 гг.) экспорт товаров внутри объединения вырос в 4,9 раза (рассчитано по:²) с 233,5 млрд долл. до 1,2 трлн долл. Рост товарного экспорта внутри блока был более интенсивным по сравнению с потоками в страны «внешнего мира».

Взаимозависимость стран, подписавших соглашение АФТА, существенно ниже, чем у членов НАФТА. Так, в среднем за 1991–2015 гг. доля экспорта товаров внутри блока АСЕАН составила 23,4%, импорта – 20,4%. Несмотря на то, что доля торговли внутри блока у АСЕАН пока ниже, чем у членов НАФТА, внешнеторговые потоки росли в рамках АФТА более быстрыми темпами, чем в случае НАФТА. Так, максимальные темпы прироста экспорта товаров внутри объединения в среднем за 1991–2015 гг. наблюдались у наименее развитых участников АСЕАН – Лаоса (40,1%), Мьянмы (26,4%) и Камбоджи (24,5%); импорта – у Камбоджи (29,1%), Лаоса (26,2%) и Вьетнама (17,5%). В целом по блоку значение показателя для внутреннего экспорта составило 11,1%, импорта – 9,9% (рассчитано по:³).

Если рассматривать внешнеторговый оборот товарами в целом, то максимальные темпы его прироста для АСЕАН в целом составили 9,1 и 8,7% (рассчитано по:⁴).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что подписание НАФТА и АФТА положительно отразилось на динамике внешнеторговых потоков внутри соответствующих объединений.

Расчеты с использованием эконометрических моделей показали, что наибольшее влияние на экономический рост членов НАФТА оказывает динамика мирового ВВП: при его росте на 1% ВВП каждой участницы блока увеличивается на 1,14% в модели с экспортом и на 0,99% в модели с импортом. Такая зависимость от внешнего мира объясняется высокой ориентированностью крупнейшей экономики объединения – США – на третьи страны.

¹ Statistics Database / UNCTAD. 2017. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en.

² UN Comtrade Database. 2017. URL: <http://comtrade.un.org>.

³ Там же.

⁴ Statistics Database / UNCTAD. 2017. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en.

В случае АСЕАН наибольшее влияние на экономический рост членов блока оказывает динамика ИЧР: при росте величины данного показателя на 1% ВВП каждого государства-участника объединения увеличивается на 1,40% в модели с экспортом и на 1,42% в модели с импортом. Динамика ИЧР отражает изменения в уровне развития соответствующей страны, следовательно, чем выше государство-участник АСЕАН продвигалось в рейтинге ИЧР в течение периода 1992–2015 гг., тем выше были темпы его экономического роста. Влияние темпов роста мирового ВВП на динамику ВВП стран-членов АФТА слабее (увеличение на 0,57 и 0,52% соответственно), однако существенно превосходит эффект от изменений экспорта и импорта (0,03 и 0,05%).

Анализ 24 экономик АТР показал, что сам факт наличия соглашений о ЗСТ (в нашем случае НАФТА и АФТА) не влияет на экономический рост исследуемых стран (коэффициенты перед фиктивной переменной ФТА незначимы в обоих случаях). Как и у членов АСЕАН, наибольшее влияние на экономический рост рассматриваемых экономик оказывает динамика ИЧР: при росте величины данного показателя на 1% ВВП каждого исследуемого государства увеличивается на 2,04% в модели с экспортом и на 2,02% в модели с импортом. Влияние темпов роста мирового ВВП также слабее (увеличение на 0,37 и 0,35% соответственно) и также существенно превосходит эффект от изменений экспорта и импорта (0,04 и 0,05%).

6.5. Восточный вектор государственно политики

В некотором смысле Россия на своих тихоокеанских рубежах оказалась в том же положении, что и 150 лет назад, когда движение на восток, присоединение новых земель по Амуру и Усури представлялись как новые возможности экономического развития всей страны. Европейский рынок по-прежнему был основным, но возможности экстенсивного наращивания экспортных доходов оказались исчерпаны при очевидной неготовности России использовать структурную и технологическую модернизацию для интенсификации изъятия внешнеторговой ренты. Сырье оставалось единственной структурной нишей для извлечения этой ренты. Продолжение курса на экстенсивное развитие за счет внешнего фактора объективно потребовало поиска новой пространственной ниши. Таким новым экономическим пространством для России стала представляться Восточная Азия, в том числе Китай.

Распространено недоказанное утверждение о том, что на этом

направлении гораздо легче добиться успеха, так как азиатские страны не настроены по отношению к России враждебно и не навязывают ей собственные правила игры, маскируя их рассуждениями о своем бесспорном ценностном лидерстве. Однако во внимание не принимаются препятствия, специфичные именно для Восточной Азии. Среди них – синдром «плохой истории». Ведь декларация 1987 г. о повороте советской экономики на Восток так и осталась декларацией, и после 1991 г. «поворот» был свернут в угоду евроцентристской модели реформы и торговли. Нынешний «поворот» активизировался лишь после обострения политических отношений с Европой, поэтому азиатские партнеры не уверены в его необратимости.

Но самое главное заключается в том, что для азиатских стран основа взаимодействия – экономическое присутствие России в Азии, и наличия торговых связей по очень ограниченной номенклатуре здесь недостаточно. Речь идет о наращивании не только инвестиционного, технологического, гуманитарного, но и институционального сотрудничества.

В азиатских экономиках сохраняется высокий уровень нетарифных барьеров, что препятствует либерализации рынков, особенно вхождению на рынок новых крупных игроков с неэнергетическими товарами. Преодолеть эти барьеры можно только в рамках создания единого институционального пространства. Одни лишь точечные эксперименты на Дальнем Востоке с институциональными режимами не помогут.

Выход в новое экономическое пространство на старой структурной (сырьевой) основе был возможен лишь при масштабном строительстве магистральных инфраструктурных коридоров для экспорта. Эти коридоры могли проходить только через Дальний Восток. И именно этот регион должен был быть представлен восточноазиатскому и в целом тихоокеанскому сообществу в качестве пространственного «посла» России. А посол должен говорить на языке страны пребывания, он должен быть узнаваем, быть «своим». И Дальний Восток, с этой точки зрения, должен стать не просто развитым в смысле прежнего госплановского представления (комплексность, самодостаточность, статистическая динамичность), но в плане формирования комфортной инфраструктуры, обеспечивающей внутри- и межрегиональную мобильность, комфортабельные и сопоставимые с восточно-азиатским уровни развития медицины, образования, культурной среды, коммунальной и социальной инфраструктуры (жилье, благоустройство, экология), благоприятной бизнес-среды.

Формирование магистральной экспортпроводящей инфраструктуры на территории Дальнего Востока (дорожной, трубопроводной, электросетевой) является очень важным проектом национального значения, который поддерживает вынужденный на ближайшее время курс национальной экономики на наращивание экстенсивных внешних связей.

И определенные успехи на этом направлении, конечно, есть. За 2008–2015 гг. доля рынков АТР в российском внешнеторговом обороте увеличилась на 10 п. п. (рис. 6.5).

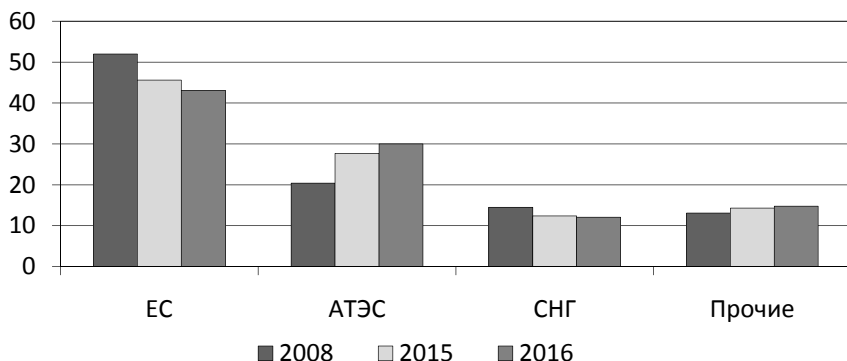

Рис. 6.5. Географическая структура внешней торговли РФ

Но для широкомасштабной интеграции необходима интеграция на рынках факторов производства, создание общей институциональной платформы, подключение всей экономики РФ к позиционированию страны в АТР и СВА в качестве мощной экономической силы. Одного только развития экономики Дальнего Востока для этого будет недостаточно.

6.6. Дальний Восток: интеграция с СВА

Внешняя торговля товарами и услугами после 1991 г. стала основным драйвером для экономики Дальнего Востока. Рост внешнеторгового оборота и особенно экспорта был инвариантен по отношению к таким фундаментальным показателям как внутренний спрос и инвестиции.

Ситуация изменилась после 2014 г. Падение цен на нефть, низкий курс рубля относительно доллара и евро, зарубежные санкции, рецессия в экономике страны привели к резкому спаду внешне-торговой активности в регионе. В 2014 г. влияние этих факторов

было кратковременным и внешнеторговый оборот Дальнего Востока снизился на 2,7% до уровня в 39 млрд долл. Но в 2015 г. объем внешней торговли региона уменьшился на 33% до 26,1 млрд долл. и в 2016 г. – уменьшился еще на 6,5% до 24,4 млрд. долл.¹ Показатели 2016 г. стали самыми низкими за последние 7 лет. (рис. 6.6).

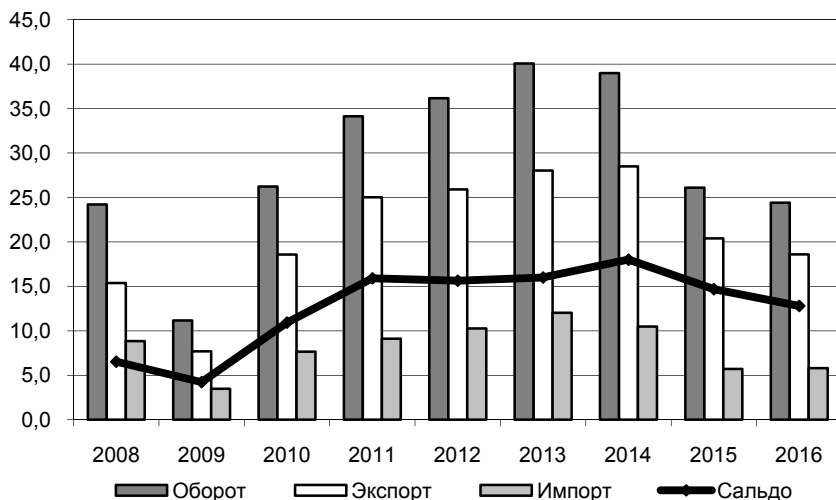

Рис. 6.6. Динамика внешней торговли Дальнего Востока, млрд долл.

Источник: здесь и далее в разделе 6.6., если не указано иное, составлено по: Материалы официального сайта Дальневосточного таможенного управления ФТС РФ. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=304&Itemid=316.

Основной полигон для торгового сотрудничества Дальнего Востока – Северо-Восточная Азия – очень консервативен по структуре. За несколько прошедших лет позиции отдельных стран практически не изменились (табл. 6.7).

Таблица 6.7

Динамика торговли российского Дальнего Востока со странами СВА, %

Страна	2010	2015
КНР	26,6	24,5
Республика Корея	23,8	24,4
Япония	26,4	27,8

Но торговля есть не самая главная часть общеэкономической проблемы. Наиболее важной компонентой является движение капитала, технологий, рабочей силы.

Практически все иностранные инвестиции (более 90%) сосредоточены в Сахалинской области (проект по добыче нефти и газа на шельфе). Сравнение показателей привлечения ПИИ на Дальний Восток в целом и на Сахалин выявляет одну очень неприятную проблему для интеграции России (Дальнего Востока) в АТР – проблему доверия иностранных инвесторов к декларируемым проектам развития России и Дальнего Востока. За последние годы было декларировано некоторое количество проектов в автомобильной и нефтехимической промышленности, инфраструктуре. Но реально только сахалинский проект продолжает привлекать инвестиции.

В принципе, состояние и динамика внешней торговли на Дальнем Востоке ничем не отличаются от того, что происходит в целом в российской экономике. Тенденции такие же. Только в целом по России кризис во внешней торговле начался в 2014 г., а на Дальнем Востоке – в 2015 г. (рис. 6.8).

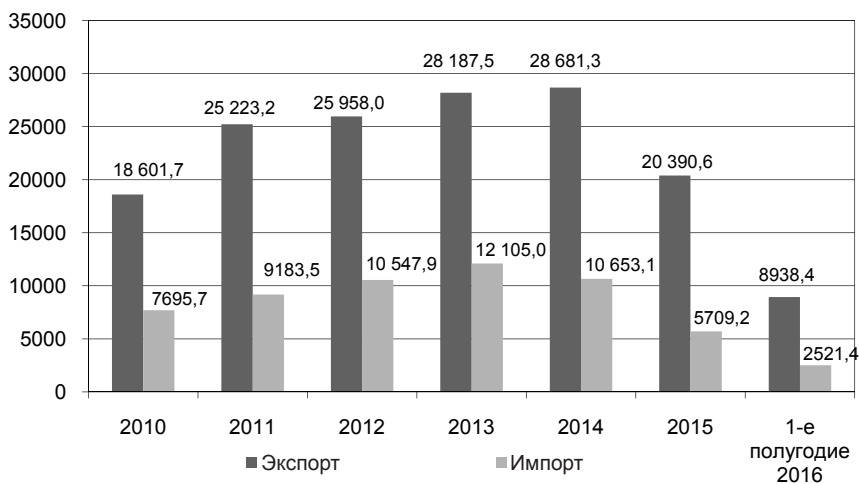

Рис. 6.8. Динамика внешней торговли Дальнего Востока, млн долл.

Это объясняется различием товарной структуры экспорта. Для Дальнего Востока основной статьей является экспорт углеводородов и угля (63,8% – в 2010 г., 61,5% – в 2015 г.), тогда как в целом по России в структуре экспорта углеводороды занимают около 40%. И конечно, когда в 2015 г. произошло резкое падение цен на нефть и

газ, началось снижение объемов дальневосточного экспорта в стоимостном выражении.

Что же касается проблемы интеграции Дальнего Востока в АТР, то таковая «проблема», по нашему мнению, является надуманной. Достаточно посмотреть на карту, и все становится ясно: российский Дальний Восток может быть интегрирован только в АТР¹, никакой другой альтернативы просто нет. Почти 80% всей торговли Дальнего Востока – это торговля с Северо-Восточной Азией и странами АСЕАН. Другими словами, интеграция уже благополучно свершилась.

А вот торговые отношения Дальнего Востока со странами СНГ практически прекратились. Связано это, очевидно, с тем, что экономические, финансовые и политические риски внешней торговли слишком велики и в условиях высоких транспортных тарифов не компенсируются возможными доходами. И для кризиса 2015 г. есть еще одна очень важная причина: большая часть всей торговли Дальнего Востока со странами СНГ приходилась на украинские фирмы. Финансовые риски, связанные с экономическими связями с Украиной, могут себе позволить очень крупные транснациональные корпорации (Сбербанк, ВТБ, Роснефть, Газпром)². А для сравнительно небольших по размеру компаний на Дальнем Востоке такие связи – слишком большой риск, который не страхуется государством.

Снижение объемов внешнеторгового оборота произошло в основном за счет уменьшения объемов экспорта (на 8,7% до 18,6 млрд долл.), что было связано с резким падением цен на нефть, которая к этому времени заняла доминирующее положение в дальневосточном экспорте (*рис. 6.9*).

Показатели экспорта региона в 2016 г. в целом отражают общероссийские тенденции³. Снижение цен на нефть и газ было основным фактором, повлиявшим на уменьшение стоимости экспорта Дальнего Востока, так как продукция ТЭК является основной экспортной позицией региона. В 2016 г. повторилась ситуация предыдущего года – при увеличении физического объема (на 8,6%) было

¹ И как свидетельствует исторический опыт, именно так оно и было. Другой вопрос, насколько успешно шли интеграционные процессы.

² Но, как свидетельствуют события последнего времени, и у них есть проблемы.

³ Быркова Е. Внешняя торговля России в 2016 году: цифры и факты // Информационно-аналитическое сетевое издание «ПРОВЭД». 2017. 14 февраля. URL: <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/analytics/research/40407-vneshnyaya-topgovlya-possii-v-2016-godu-tsifry-i-fakty.html>.

зафиксировано резкое уменьшение стоимостного объема экспорта топливно-энергетических товаров (на 27,2%).

В противовес этому, для других важных для дальневосточного экспорта товарных позиций было характерно увеличение физических и стоимостных объемов: на 5,7% и 4,5% соответственно по рыбной продукции, на 4,7% и 6,8% – по древесине и целлюлозно-бумажным изделиям, на 11,4% и 78,8% по машинотехнической продукции. Стоимостной объем экспорта металлов и изделий из них значительно уменьшился в 2016 г. (на 15,5%) при увеличении (на 15,8%) физических объемов продукции.

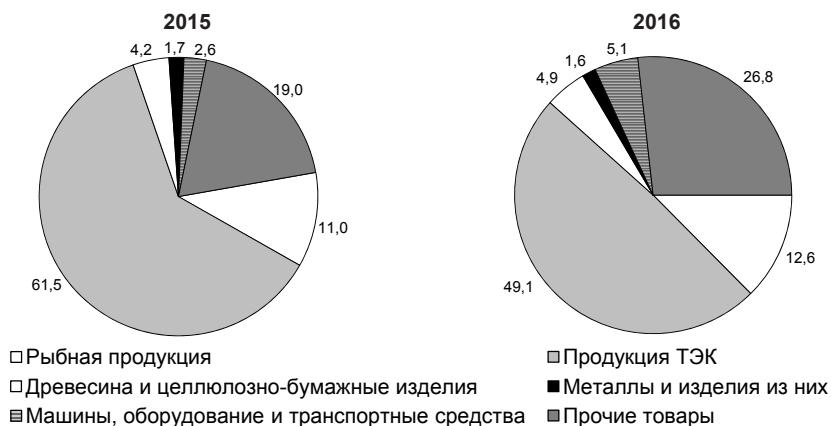

Рис 6.9. Товарная структура экспорта Дальнего Востока, %

Основные доли в импорте Дальнего Востока традиционно составили продукция машиностроения, пищевкусовые товары, металлы и изделия из них, химические товары. Хотя уровень внутреннего спроса в регионе относительно невелик, продолжающееся снижение внутреннего спроса угнетает импорт. Физические и стоимостные объемы импорта текстиля, текстильных изделий и обуви уменьшились в 2016 г. на 23,0% и 15,8% соответственно, химических товаров – на 14,9% и 13,4%, металлов и изделий из них - на 14,0% и 14,5%, пищевкусовых товаров – на 1,8% и 0,2%. Однако, на фоне уменьшения физического объема (на 3,9%), по продукции машиностроения наблюдалось увеличение стоимостного объема (на 13,8%). Этим и объясняется небольшое увеличение общего объема импорта региона, поскольку данная продукция является его основной статьей (рис. 6.10).

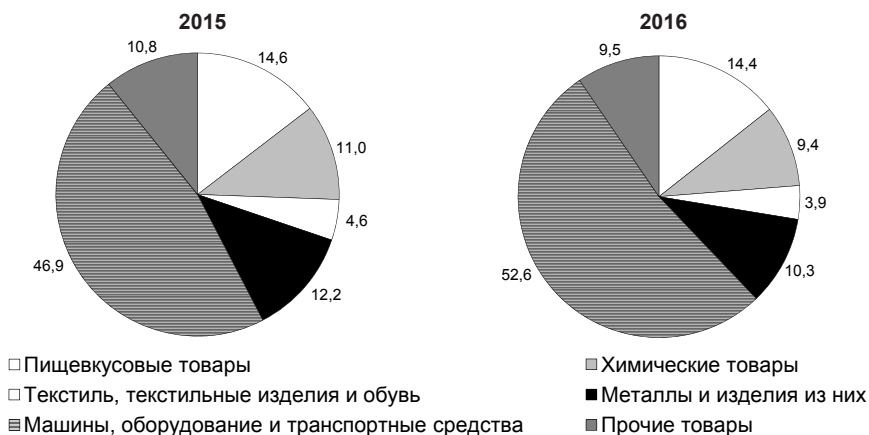

Рис. 6.10. Товарная структура импорта Дальнего Востока, %

Территориальная структура внешней торговли Дальнего Востока остается стабильной в течение последних 10–15 лет. Лидирующая позиция во внешнеторговом обороте региона сохраняется за Сахалинской областью, за ней следуют Приморский край, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край (*табл. 6.11*). Динамика внешнеторговых показателей данных субъектов была обусловлена сложившейся товарной структурой их экспорта и импорта.

Таблица 6.11

**Территориальная структура внешней торговли
Дальнего Востока, %**

Территория	2015			2016		
	экспорт	импорт	всего	экспорт	импорт	всего
ДФО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сахалинская область	56,8	19,1	48,6	48,3	29,5	43,9
Приморский край	13,3	62,9	24,1	11,7	55,1	22,0
Республика Саха (Якутия)	18,3	3,2	15,0	24,0	1,7	18,7
Хабаровский край	5,6	8,1	6,1	8,3	7,2	8,0
Камчатский край	2,7	1,1	2,4	3,1	1,5	2,7
Амурская область	2,0	2,9	2,2	1,8	2,9	2,1
Магаданская область	0,7	0,8	0,7	2,1	0,8	1,8
ЧАО	0,5	1,2	0,6	0,5	0,9	0,6
ЕАО	0,2	0,7	0,3	0,2	0,5	0,3

Стабильна и географическая структура внешней торговли Дальнего Востока. Несмотря на смену позиций отдельных стран, большую часть внешнеторгового оборота региона традиционно составляют внешняя торговля со странами СВА-3 (КНР, Республика Корея, Япония). Совокупная доля этих стран во внешнеторговом обороте Дальнего Востока составляет 69–70%, в том числе по экспорту – 70–80% , по импорту – 55–65% . (табл. 6.12).

Таблица 6.12

Динамика торговли Дальнего Востока с отдельными странами и объединениями, %

Страна / блок	2014			2015			2016		
	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт	оборот
Все страны	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
СВА	82,3	73,3	79,6	80,9	72,6	78,7	72,5	57,8	69,0
КНР	19,4	46,8	27,7	19,0	45,0	26,0	20,7	39,4	25,1
Республика Корея	30,1	12,1	24,7	32,0	10,6	26,2	26,2	11,0	22,6
Япония	32,6	14,4	27,1	29,7	16,9	26,3	25,7	7,3	21,3
АСЕАН	0,8	1,9	1,1	1,0	2,1	1,3	1,6	2,9	1,9
НАФТА	0,7	7,6	2,8	1,1	7,2	2,7	0,4	13,6	3,5
США	0,6	5,9	2,2	0,8	5,9	2,2	0,3	12,6	3,2
ЕС28	9,8	10,4	10,0	9,7	10,6	10,0	13,2	11,7	12,8
Страны СНГ	0,1	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	1,3	1,3	1,3
Прочие	6,3	6,3	6,3	7,2	7,4	7,2	10,9	12,8	11,5

В большей степени от рынков стран СВА-3 зависит экспорт региона. В 2016 г. экспортные поставки уменьшились во все основные страны-партнеры Дальнего Востока: в Японию – на 26,7%, в Республику Корея – на 17,9%, в КНР – на 0,8%. Изменения в стоимостных объемах экспорта связаны со сложившейся структурой распределения поставок продукции основных товарных позиций в эти страны.

Продукция всех основных товарных позиций дальневосточного экспорта по большей части распределяется между странами СВА-3. Так в 2016 г. в эти страны было поставлено 94,8% от всего экспорта продукции ТЭК (43,5% – Япония; 37,5 – Республика Корея; 13,8% – КНР), 97,7% от экспорта рыбпродукции (43,2% – Республика Корея; 42,9 – КНР; 11,7% – Япония), 82,8% от экс-

порта продукции машиностроения (43,2% – КНР; 28,7 – Япония; 10,8% – Республика Корея), 98,3% от экспорта древесины (81,6% – КНР; 12,3 – Япония; 4,5% – в Республика Корея).

Импортные поставки на Дальний Восток традиционно по большей части осуществляются из стран СВА-3 и США. Небольшое увеличение объема импорта региона связано с увеличением объема импорта машинотехнической продукции, по всем остальным статьям импорта наблюдалась отрицательная динамика. В силу сложившейся географической структуры различные запреты на ввоз продукции не повлияли на динамику импорта региона, основными причинами уменьшения объема импорта были низкий курс рубля по отношению к основным валютам и, как следствие, снижение внутреннего спроса. Динамика импорта по отдельным странам существенно отличалась: в 2016 г. наблюдалось уменьшение объемов импорта из КНР (на 8,8%) и Японии (на 4,8%) и увеличение – из Республики Корея (на 47,6%) и США (на 18,6%).

В отличие от экспорта, импортные поставки на Дальний Восток по большей части осуществляются из КНР. В среднем за последние пять лет доля страны в импорте региона составила 44%. Несмотря на уменьшение стоимостных объемов, в 2016 г. из КНР была поставлена большая часть продукции основных товарных позиций импорта региона: машинотехнической продукции – 27,6% от всех поставок, продовольственной продукции – 42,6%, металлов и изделий из них – 43,9%, химических товаров – 60,2%, текстиля, текстильных изделий и обуви – 88,7%.

В перспективе формирование объемов и структуры внешней торговли региона будет зависеть от структуры и динамики внешнего спроса со стороны этих стран при улучшении общей конъюнктуры рынков, а также от экономической ситуации в основных отраслях, обеспечивающих экспортные поставки, а также стабилизации и расширения спроса на импортируемую продукцию.

Значимость стран АТР в качестве инвесторов в экономику российского Дальнего Востока существенно снизилась в течение исследуемого периода. Так, в 1995 г. на государства региона (Китай, США, Японию и Республику Корея) приходилось 73,1% совокупного объема поступивших в экономику Дальнего Востока иностранных инвестиций, в 2002 г. – уже 31,7%¹. В 2013 г.

¹ Рассчитано по: Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии: региональные аспекты / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 208 с.

их доля составила 41,8%¹ совокупного объема привлеченных прямых иностранных инвестиций, но в последующие годы спад продолжился.

Главным образом это связано с проектами «Сахалин-1» и «Сахалин-2». На Сахалинскую область приходится 89,3%² всех накопленных в экономике Дальнего Востока прямых иностранных инвестиций (по состоянию на 1 января 2017 г.). Оператором проекта «Сахалин-1» является «Эксон Нефтегаз Лимитед», дочерняя компания ExxonMobil (США), зарегистрированная на Багамских островах³. Оператор проекта «Сахалин-2» – компания «Сахалин Энерджи», контрольный пакет (50% плюс 1 акция) которой с апреля 2007 г. принадлежит ПАО «Газпром». Основной иностранный инвестор – голландско-британская нефтегазовая компания Royal Dutch Shell (27,5% минус 1 акция)⁴. Таким образом, статистически географическая структура привлеченных на Дальний Восток прямых иностранных инвестиций существенно изменилась: Багамские острова и Нидерланды сместили с лидирующих позиций страны АТР. Однако с экономической точки зрения США и Япония остались в числе ключевых доноров капитала.

6.7. Энергетический экспорт в США

Первоначально планы наращивания российского энергетического экспорта в восточном направлении были обусловлены стремлением использовать для ускорения экономического роста преимущества географического положения России, связанные с соседством с быстро растущими азиатскими экономиками. Кроме того, изменение приоритетов во внешнеэкономической политике сопровождалось соответствующим изменением внутренней политики и усилением внимания к развитию Сибири и Дальнего Востока. Предполагалось, что в стране недостаточно собственных средств для развития указанных регионов, а усиление сотрудничества со странами АТР привлечет необходимые инвестиции и позволит увеличить экспорт российских товаров. Усиление напряжен-

¹ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003–2016 / ФСТС. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm.

² Там же.

³ О проекте «Сахалин-1». 2017. URL: <http://www.sakhalin-1.com/ru-ru/company/about-us/about-sakhalin-1-project/about>.

⁴ Сахалин Энерджи. 2017. URL: <http://www.sakhalinenergy.ru/ru/company/overview.wbp>.

ности в отношениях с традиционными торгово-экономическими партнерами (страны Европы и США) только стимулировало развитие сотрудничества со странами АТР, но уже скорее по политическим мотивам.

В нынешней ситуации энергетический экспорт в восточном направлении рассматривается как возможность смягчить действие западных санкций на российскую экономику, занять экономическую и политическую нишу в АТР, сбалансировать внешнеэкономическую политику, ранее ориентировавшуюся на европейские страны¹. При этом в качестве основного элемента рассматривается усиление связей, прежде всего, с Китаем. Именно Китай выступает основным торговым партнером и является крупнейшим инвестором в регионе. В свою очередь, интересы Китая в России, прежде всего, связаны с наличием значительных природных ресурсов в восточных регионах РФ.

«Восточный вектор» энергетической политики² почти на десятилетие опередил «поворот на Восток». Традиционным направлением экспортных поставок для российских энергоресурсов являются страны Европы. С начала 2000-х гг. приоритетным направлением национальной энергетической стратегии становится активизация энергетического сотрудничества со странами АТР, в том числе Китаем.

На протяжении длительного периода времени энергетические рынки Китая оцениваются как наиболее перспективные как с точки зрения емкости, так и потенциала их развития. Во-первых, Китай является крупнейшим потребителем энергоресурсов в мире, обеспечивая 23% мирового спроса на первичные энергоресурсы. Во-вторых, собственное производство не обеспечивает в полной мере потребности экономики в первичных энергоресурсах, за счет импорта удовлетворяется 17% спроса на них³. В-третьих, в последние

¹ Демьяненко А.Н. О стратегических инициативах по развитию Дальнего Востока России в контексте исторического опыта // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 3. С. 6–13; Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И.А. Макаров. М.: Международные отношения, 2016.

² «Восточный вектор» энергетической политики – развитие объектов энергетической инфраструктуры, строительство новых добывающих и перерабатывающих производств в восточных регионах России, в частности, на Дальнем Востоке.

³ BP Statistical Review of World Energy / BP. 2016. June. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>.

пятнадцать лет Китай – это самая динамично развивающаяся экономика мира. В-четвертых, двукратное отставание среднедушевого объема потребления энергоресурсов и электроэнергии в Китае от уровня развитых стран свидетельствует о существенных возможностях расширения спроса¹.

Учитывая потенциал экспорта российских энергоресурсов, особый интерес представляют два сектора энергетики Китая: электро- и теплоэнергетика, которые являются основными потребителями первичных энергоресурсов (22% от суммарного потребления в стране)². Именно в данных секторах наиболее ярко проявляется межтопливная конкуренция. Структура установленной мощности генерирующих объектов, эффективность применяемых технологий в электроэнергетике и теплоэнергетике, состав топливной корзины электростанций и котельных определяют долгосрочные тренды потребления первичных энергоресурсов в Китае. Тем самым оказывая влияние на потенциальные ниши для российских экспортеров.

Экспертным сообществом широко обсуждаются возможности масштабного выхода России на энергетические рынки Китая, в связи с этим приводятся различные оценки объемов экспортных поставок³. Варианты наращивания экспорта российских энергоресурсов в восточном направлении, прежде всего в Китай, задаются в норма-

¹ Key World Energy Statistics / OECD, IEA. 2016. 80 p. URL: <http://www.iaea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2016.pdf>.

² China: Balances for 2013 / OECD, IEA. 2016. URL: <http://www.iaea.org/statistics/statisticssearch/report/?country=CHINA&product=balances&year=2013>.

³ Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011; Конторович А.Э., Эдер Л.В., Филимонова И.В., Немов В.Ю., Проворная И.В. Нефтяная промышленность Дальнего Востока: современное состояние и перспективы развития // Бурение и нефть. 2013. № 7–8; Коржубаев А.Г., Филимонова И.В., Эдер Л.В. Перспективы и условия сотрудничества России и стран Тихоокеанского кольца и Восточной Евразии в энергетической сфере // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 29–43; Кулагин В.А., Макаров А.А., Митрова Т.А. Перспективы ТЭК России на евразийских энергетических рынках. URL: <http://isem.irk.ru/AEC-2012/papers/S1-1%20ru.pdf>; Пляскина Н.И., Харитонов В.Н., Вижина И.А. Контракт «Сила Сибири» и сценарии развития нефтегазохимических кластеров Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) (Часть 2) // Бурение и нефть. 2015. № 3.

тивных документах¹. При этом ожидаемые экономические выигрыши при достижении прогнозируемых объемов экспорта российских энергоресурсов в Китай являются завышенными, так как недооцениваются ограничения и риски для российских компаний в случае реализации экспортно-ориентированных энергетических проектов.

Указанное утверждение иллюстрируется на примере анализа возможностей и ограничений изменения объемов экспорта российских энергоресурсов (угля и электроэнергии) в Китай.

Энергосистема Китая состоит из 6 региональных энергосистем (Северная, Северо-Восточная, Восточная, Центральная, Северо-Западная и Южная) и энергосистемы провинции Тибет, которые имеют слабые межсистемные связи (*рис. 6.11*).

Энергоснабжение в Китае характеризуется значительными региональными отличиями: с одной стороны – энергоизбыточные центральные и западные провинции, с другой стороны – энергодефицитные восточные прибрежные провинции². С середины 1980-х гг. быстрорастущая экономика Китая оказалась не в состоянии обеспечить спрос на электроэнергию. Именно дефицит электроэнергии в приграничной провинции Хэйлунцзян (Китай) наряду с наличием избыточных генерирующих мощностей в ОЭС Востока (Россия) обусловили возникновение экспорта российской электроэнергии в Китай.

¹ Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР (утверждена приказом Министерства промышленности и энергетики РФ № 340 от 3 сентября 2007 г.); Энергетическая стратегия России на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ № 1715-р от 13 ноября 2009 г.); Генеральная схема развития нефтяной отрасли на период до 2020 года (утверждена приказом Министерства энергетики РФ № 212 от 6 июня 2011 г.); Генеральная схема развития газовой отрасли на период до 2030 года (утверждена приказом Министерства энергетики РФ № 213 от 6 июня 2011 г.); План развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 год (утвержден приказом Министерства энергетики РФ № 79 от 1 марта 2012 г.); Комплексная программа развития электроэнергетики Дальневосточного федерального округа на период до 2025 года (утверждена приказом Министра энергетики РФ № 257 от 16 мая 2012 г.); Программа развития угольной промышленности РФ на период до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ № 1099-р от 21 июня 2014 г.).

² Тимофеев О.А. Реформа электроэнергетики и электросетевой отрасли Китая // Вестник Амурского государственного университета. 2013. № 63. С. 60–64; АПЕС Energy Overview. 2015. URL: <http://aperc.ieej.or.jp/file/2016/5/31/APEC+Energy+Overview+2015.pdf>.

Рис. 6.11. Энергетическая система Китая

1 – Северо-Западная (Northwest China power grid), 2 – Северная (North China power grid), 3 – Северо-Восточная (Northeast China power grid), 4 – Центральная (Central China power grid), 5 – Восточная (East China power grid), 6 – Южная (China Southern power grid), 7 – Тибетская (Tibet power grid). Стрелками указаны направления перетоков электроэнергии между энергосистемами

Источник: Демина О.В., Минакир П.А. Дифференциация цен на электроэнергию: роль пространства и институтов // *Пространственная экономика*. 2016. № 1. С. 30–59.

В 2013–2015 гг. ежегодный объем экспортных поставок в среднем составил 3,4 млрд кВтч, или 10% от объема производства электроэнергии в ОЭС Востока³. В то же время импорт российской электроэнергии обеспечивает всего 4% спроса, существующего в

³ О компании / Акционерное общество «Восточная энергетическая компания», 2016. URL: http://www.eastern-ec.ru/about_company/; Основные показатели / ПАО «ПАО Энергетические системы Востока», 2016. URL: <http://www.rao-esv.ru/shareholders-and-investors/main-indicators/>.

экономике провинции Хэйлунцзян¹. В соответствии с долгосрочным контрактом, заключенным в 2012 г. между группой «Интер РАО» и Государственной электросетевой корпорацией Китая, приграничный экспорт электроэнергии сохранится на протяжении как минимум 25 лет.

Поскольку спрос на электроэнергию является производным от спроса на товары и услуги в экономике, то замедление темпов развития экономики Китая сопровождалось падением спроса на электроэнергию. Если в 2002–2011 гг. среднегодовой темп прироста ВВП Китая составлял 10,4%, то в 2012–2014 гг. он сократился до 7%². В результате среднегодовой темп прироста потребления электроэнергии в Китае уменьшился с 12,4% в 2002–2011 гг. до 3,8% в 2014 г.³

Тем не менее, несмотря на замедление темпов роста экономики Китая, прогнозируется сохранение положительных ежегодных темпов прироста спроса на электроэнергию (порядка 2,5%) вплоть до 2040 г.⁴ Это позволяет предположить, что в долгосрочной перспективе Китай сохранит свой статус крупного потребителя, что позволяет надеяться на увеличение объемов поставок российской электроэнергии.

Конкурентными преимуществами российских экспортно-ориентированных электростанций по сравнению с производством электроэнергии в Китае является наличие в восточных районах России крупных запасов первичных энергоресурсов и относительно меньшие расстояния передачи электроэнергии от генерирующих источников с российской стороны до потребителей в Китае, чем расстояние передачи между потребителями и производителями в Китае.

На сегодняшний день в Китае расстояние между энергоисточниками и потребителями в среднем составляет от 800 до 3000 км, что ведет к увеличению доли затрат на транспортировку электроэнергии по сравнению с расходами на генерацию⁵. Основные энергоресурсы

¹ Annual by Province / National Bureau of Statistics of China. 2016. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=E0103>.

² China Statistical Yearbook/ National Bureau of Statistics of China. 2014. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexeh.htm>.

³ National Bureau of Statistics of China. 2014. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>.

⁴ U.S. Energy Information Administration. International Energy Outlook 2016. URL: [http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484\(2016\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484(2016).pdf).

⁵ Тимофеев О.А. Реформа электроэнергетики и электросетевой отрасли Китая // Вестник Амурского государственного университета. 2013. № 63. С. 60–64.

в Китае расположены в менее освоенных и развитых провинциях: северных и северо-западных (уголь) и юго-западных (гидроресурсы). Для организации поставок электроэнергии из энергоизбыточных к энергодефицитным провинциям начато строительство линий электропередачи ультравысокого напряжения по направлению с запада на восток общей протяженностью 12,6 тыс. км.

В то же время расстояние между действующими российскими электростанциями и потребителями северо-восточных провинций Китая, по оценкам, составляет не более 200 км; даже в случае реализации проекта наиболее удаленных экспортно-ориентированных электростанций – Учурского ГЭК в Республике Саха (Якутия) – расстояние до китайских потребителей составит 1,9 тыс. км¹.

При возведении экспортно-ориентированных электростанций возникают неизбежные риски, прежде всего для российской стороны. В случае если электростанции будут построены, то они будут ориентированы только на одного потребителя. Не существует технической возможности переориентировать экспортные потоки электроэнергии из восточных регионов России ни на внутренний рынок России, где в таких объемах спроса на электроэнергию нет, ни на рынки других стран.

Усугубляется ситуация тем, что зависимость Китая от экспорта российской электроэнергии будет незначительной даже в случае ежегодных поставок в объемах 6–6,4 ГВт, что составит всего 5,7% от текущего объема установленной мощности в Северо-Восточной энергосистеме Китая². В то время как для российской стороны зависимость будет существенной. Так, для ОЭС Востока, имеющей установленную мощность 9,2 ГВт, прирост на 6 ГВт составит 40% мощности³. В данном случае создается ситуация монополии, которая позволяет Китаю в том числе в одностороннем порядке изменять цены на электроэнергию.

Традиционно доминирующую долю в структуре производ-

¹ Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. С. 257–263; Демина О.В., Огнев А.Ю. Развитие энергетического сотрудничества России и Китая: декларации и практика // Энергетика России в XXI веке. Инновационное развитие и управление: мат-лы всероссийской конференции. Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2015. С. 141–147.

² IRENA. Renewable Energy Prospects: China, REmap 2030 Analysis. URL: http://irena.org/remap/IRENA_REmap_China_report_2014.pdf.

³ Отчеты о функционировании Единой энергетической системы / Акционерное общество «Системный оператор Единой энергетической системы». 2016. URL: http://so-ups.ru/index.php?id=ups_reports.

ства электроэнергии в Китае занимают тепловые электростанции (78,6% от суммарного объема производства в 2013 г.¹). Основным видом топлива, используемым на электростанциях, является уголь: свыше 95% в структуре топливной корзины. Доминирующим видом топлива, используемым для производства тепловой энергии, также является уголь (92%)². Основной объем производства тепловой энергии обеспечивают котельные (51%) и ТЭЦ (46%)³.

Большая часть генерирующих мощностей в электро- и теплоэнергетике в качестве топлива использует уголь (52% в структуре потребления угля в Китае⁴). В то же время соотношение видов топлива, используемых для производства электрической и тепловой энергии, постепенно изменяется в сторону увеличения доли природного газа и возобновляемых источников энергии. По мнению экспертов, данная тенденция сохранится в дальнейшем⁵. Если в 2013 г. доля электроэнергии, произведенной на тепловых электростанциях, работающих на угле, составляла 75%, то к 2030 г. прогнозируется ее сокращение до 53%, а к 2040 г. – до 44%⁶.

С 2013 г. в стране реализуется новая энергетическая политика, направленная на изменение структуры производства и потребления энергии в сторону более чистых источников энергии, в том числе за счет снижения использования угля. С конца 2015 г. реализуется программа реконструкции тепловых электростанций, работающих

¹ China: Electricity and Heat for 2013 / OECD, IEA. 2016. URL: <http://www.iea.org/statistics/statisticssearch/report/?year=2013&country=CHINA&product=ElectricityandHeat>.

² China: Balances for 2013 / OECD, IEA. 2016. URL: <http://www.iea.org/statistics/statisticssearch/report/?country=CHINA&product=balances&year=2013>.

³ Odgaard O. China's Quest for New District Heating Reforms. URL: http://www.thinkchina.ku.dk/documents/2015-12-01ThinkChina_PolicyBrief_DH_and_CHP_in_China.pdf.

⁴ China: Balances for 2013 / OECD, IEA. 2016. URL: <http://www.iea.org/statistics/statisticssearch/report/?country=CHINA&product=balances&year=2013>.

⁵ APEC Energy Overview. 2015. URL: <http://aperc.ieej.or.jp/file/2016/5/31/APEC+Energy+Overview+2015.pdf>; Danish Energy Agency & Danish Board of District Heating. District Heating – Danish and Chinese Experience. URL: http://www.ens.dk/sites/ens.dk/files/energistyrelsen/Nyheder/district_heating_danish-chinese_experiences.pdf; U.S. Energy Information Administration. International Energy Outlook 2016. URL: [http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484\(2016\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484(2016).pdf).

⁶ U.S. Energy Information Administration. International Energy Outlook 2016. URL: [http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484\(2016\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484(2016).pdf).

на угле. По новым правилам в стране запрещено строительство генерирующих источников на угле, исключение составляют источники комбинированной выработки электрической и тепловой энергии (ТЭЦ).

Реализация указанных мер привела сначала к стабилизации потребления угля по экономике в целом (в 2014 г. на уровне 2013 г.), что обусловило сокращение импорта угля на 11%, а затем к снижению использования угля в электроэнергетике на 4% в 2015 г., сопровождавшемуся падением импорта угля на 31%. В итоге только в 2015 г. поставки российского угля в Китай сократились на 40%¹.

Приведенные примеры показывают, что трансформации, происходящие в секторах электроэнергетики и теплоэнергетики Китая, оказывают разнонаправленное воздействие на динамику потребления угля.

С одной стороны, развитие систем централизованного теплоснабжения и строительство новых ТЭЦ на угле способствуют росту потребления угля. С другой стороны, прекращение работы действующих тепловых электростанций на угле и запрет на строительство новых, изменение топливной корзины электростанций в пользу возобновляемых источников энергии и природного газа, увеличение доли комбинированной выработки электрической и тепловой энергии ведут к уменьшению потребления угля. Влияние факторов, направленных на сокращение спроса на уголь, является доминирующим. По оценкам экспертов, пик потребления угля в Китае был пройден в 2013–2014 гг. и в дальнейшем не ожидается его роста. В соответствии с наблюдаемыми тенденциями, рыночная ниша для российского угля будет сокращаться как в результате усиления межтопливной конкуренции и снижения спроса на ресурс, так и в результате обострения конкуренции между поставщиками, в том числе с добывающими предприятиями Китая.

¹ ТЭК РОССИИ – 2015 / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2016. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/9162.pdf>.

7

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ

7.1. Формирование национально-пространственной системы технологических инноваций

Научный анализ любого экономического явления на макроуровне неизбежно сталкивается с задачей членения общенационального целого на некие части или таксоны в разрезе отраслей и регионов. Часто такая задача нетривиальна сама по себе. В то же время технологические инновации (ТИ) представляют собой сложнейший социально-экономический процесс, пространственное и временное распределение которого в экономике России изучены весьма слабо. Поэтому большую актуальность имеет обоснование неких относительно стабильных пространственных классификаций, паттернов ТИ, обладающих внутренним единством и внешними различиями. Вопросы районирования при этом тесно связаны с вопросами периодизации инновационного развития территорий.

Прежде всего, здесь затрагивается проблематика инноваций как «фактора» или «драйвера» экономического роста, – одним словом, некоторого ресурса, который по ряду причин неоднородно распределен во времени и пространстве. На развитие этого ресурса субъектами хозяйственной деятельности ежегодно расходуются значительные средства, причем объем вложений год от года ощутимо растет; одновременно нарастает неоднородность их пространственного распределения. Восприятие инноваций обществом непосредственно связано с развитием российской системы статистики инноваций и прежде всего, обследования по форме «Сведения об инновационной деятельности организации».

Российская статистика инноваций как специальная отрасль статистического наблюдения существует с 1994 г., ориентируясь в своем развитии на современные тренды международной статистики¹.

¹ Кузнецова, И.А., Гостева, С.Ю., Грачева Г.А. Методология и практика статистического измерения инновационной деятельности в экономике России: современные тенденции // Вопросы статистики. 2008. № 5. С. 37.

Первые четыре года ежегодные обследования инноваций осуществлялись только на крупных и средних предприятиях в добывающих и обрабатывающих отраслях промышленности¹, причем вопросник анкеты ежегодно обновлялся². Впервые в истории страны менеджмент отечественных предприятий столкнулся с необходимостью раскрыть информацию о технологических инновациях (ТИ) как особом направлении хозяйственно-экономической деятельности. В соответствии с общемировой практикой ТИ определены как «конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности». При этом под инновационной деятельностью понимается «вид деятельности, связанный с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений) в новый или усовершенствованный продукт, внедренный на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, использованный в практической деятельности».

С 1998 г. начинаются систематические обследования предприятий отдельных отраслей сферы услуг. В 1999 г. состоялось первое обследование инновационной деятельности малых предприятий. Таким образом, за пять лет была создана некая методологическая и организационная база статистического наблюдения ТИ, который впоследствии можно было бы усилить и перенести на большее число отраслей экономики. Однако, следуя общемировой моде, с начала XXI в. российская статистика инноваций постоянно «модернизируется» в соответствии с международными стандартами ОЭСР и Евростата. Так, с 2000 г. в состав формы «Сведения об инновационной деятельности организации» включены вопросы, касающиеся «организационных», с 2006 г. – «маркетинговых», а с 2009 г. – «экологических» инноваций. Кроме того, с 2011 г. эта же форма статотчетности стала рассылаться по организациям сферы научных исследований и разработок. В результате число организаций сферы услуг, охваченных выборкой, начало заметно расти. Если в 2010 г. исследование охватило 11,9 тыс. организаций третичного сектора, то в 2011 г. их число составило уже 14,4, в

¹ Статистика инноваций в России / ФСГС. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.pdf.

² Кузнецова, И.А., Гостева, С. Ю., Грачева Г. А. Методология и практика статистического измерения инновационной деятельности в экономике России: современные тенденции // Вопросы статистики. 2008. № 5. С. 38.

2012 г. – 15,3, в 2013 г. – 16,6, а в 2014 г. – 17,2 тыс. ед.¹ При этом число промышленных предприятий, попавших в выборку, не претерпело существенных изменений, составляя около 24,5 тыс. ед. в течение 2010–2015 гг.

Таким образом, выделяя некую постоянную часть, можно резюмировать, что в зеркале статистики ТИ понимаются в течение последних 20 лет как технологические новшества, реализуемые крупными и средними предприятиями определенных отраслей, непосредственно связанные с основным производством, выпуском основной продукции и реализацией основного вида деятельности. В то же время множество дополнительных параметров статизмерения, таких как отраслевой охват, перечень вопросов и общий объем собираемой информации претерпевали изменения, что объективно ограничивает возможности содержательного экономического анализа накопленного массива данных.

Отсюда переходим к другой важной составляющей проблемы релевантного анализа ТИ в стране – фактической непрозрачности централизованной статистики инноваций. По сути, речь идет о весьма специфическом массиве данных, собранных невозпроизводимым способом и выборочно публикуемом в нескольких статистических изданиях. На основании обстоятельного обзора И.И. Елисеевой², можно указать на ряд принципиальных изъянов, существующих сегодня в практике статистического обследования по форме № 4-инновации и искажающие экономический смысл предоставляемых данных: отсутствие профессиональной подготовки у сотрудников, заполняющих форму; отсутствие институтов принуждения к обязательному, полному и добросовестному заполнению формы; отсутствие экономических стимулов как к осуществлению инноваций, так и к предоставлению данных по ним; неудачные сроки предоставления формы в органы статистики; некорректные и неоднозначные подсказки и методические указания.

Наличие указанных изъянов очевидным образом делит все экономико-статистические исследования ТИ в России на основе официальной статистики на две очень неравные части.

Первая и важнейшая часть представлена публикациями авторов

¹ Статистика инноваций в России / ФСГС. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.pdf.

² Елисеева И.И. Профессиональное суждение в российской официальной статистике / Доклад на Первом российском экономическом конгрессе 9 декабря 2009 г. М., 2009. URL: <http://www.econorus.org/cprogram.phtml?vid=progsections&sid=31&ssid=98&rid=1191>.

и разработчиков государственной системы статистики инноваций¹. Стилистически данные работы представляют собой расширенные аналитические записки, информирующие о самых общих тенденциях, текущих методических новациях и творческих планах на будущее. Их отличительными чертами являются не только эксклюзивная осведомленность о методологических тонкостях измерения ТИ, но также игнорирование какой-либо содержательной проблематики, в том числе пространственной.

Во вторую группу исследований справедливо объединить работы специалистов, использующих централизованную статистику инноваций для разрешения некоторых содержательных проблем экономики инноваций в стране, но не входящих в «клуб» лиц, принимающих участие в формировании массива данных². И здесь научная мысль, ограниченная узким коридором статистических возможностей, нашла для себя два закономерных, но бесперспективных, на наш взгляд, пути развития. Во-первых, это игнорирование проблем методологии измерения как таковых и концентрация внимания собственно на «экономике», «содержании» инноваци-

¹ Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. Анализ и перспективы статистического исследования инновационной деятельности в экономике России // Вопросы статистики. 2004. № 9. С. 3–15; Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. Статистика инноваций: первые результаты и ближайшие перспективы // Вопросы статистики. 1996. № 3. С. 9–20; Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. Технологические инновации в промышленности и сфере услуг. М., 2001; Кузнецова И.А., Гостева С.Ю., Грачева Г.А. Методология и практика статистического измерения инновационной деятельности в экономике России: современные тенденции // Вопросы статистики. 2008. № 5. С. 30–46; Gurkov I. Innovations in Russian Industries: Conditions for Implementation and Impact on Competitiveness // Journal of East European Management Studies. 2005. Vol. 10. No. 3. Pp. 218–246.

² Антоненко, И. В. Формирование функциональной макроструктуры региональной инновационной системы // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 23. С. 20–28; Зинченко В.И., Касинский С.В., Дырко Н.П., Тюльков Г.И., Монастырский Е.А., Грик Я.Н. Статистическое наблюдение инновационной деятельности в России: федеральная система и региональные инициативы // Вопросы статистики. 2008. № 4. С. 12–22; Макарова П.А., Флуд Н.А. Статистическая оценка инновационного развития // Вопросы статистики. 2008. № 2. С. 15–29; Мариев О.С., Савин И.В. Факторы инновационной активности российских регионов: моделирование и эмпирический анализ // Экономика региона. 2010. № 3. С. 235–244; Петухов Н.А. Инновационная деятельность предприятий в федеральных округах Российской Федерации // Друкеровский вестник. 2014. 31. С. 31–38; Посталюк М.П. Функциональная роль инновационных отношений в экономической системе // Проблемы современной экономики. 2006. № 1/2.

онных процессов в стране¹. По факту же имеет место накопление воспроизводимых, но сомнительных по смыслу результатов, которые, как правило, нельзя соотнести ни с международным опытом, ни между собой. Во-вторых, это некие утопические «наработки» и «рекомендации» по совершенствованию системы статиндикаторов инноваций, спорадически внедряемые в отдельных регионах². Подобные результаты также остаются замкнутыми на себе, при этом невоспроизводимыми.

Заметный интерес представляют исследования инновационного и научно-технологического потенциала регионов России на основе патентной статистики. Тем не менее, адекватный экономический анализ российской патентной статистики требует ее значительной детализации, что весьма трудозатратно³. Реализация же типовых эконометрических подходов к анализу эффективности инновационных процессов в терминах патентной отдачи на российском статистическом материале чревата получением оценок воспроизводимых, но довольно бессмысленных⁴. В качестве особого направления экономико-статистических исследований ТИ в России необхо-

¹ Антоненко И.В. Формирование функциональной макроструктуры региональной инновационной системы // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 23. С. 20–28; Макарова П.А., Флуд Н.А. Статистическая оценка инновационного развития // Вопросы статистики. 2008. № 2. С. 15–29; Мариев О.С., Савин И.В. Факторы инновационной активности российских регионов: моделирование и эмпирический анализ // Экономика региона. 2010. № 3. С. 235–244; Петухов Н.А. Инновационная деятельность предприятий в федеральных округах Российской Федерации // Друкерровский вестник. 2014. № 31. С. 31–38; Посталюк М.П. Функциональная роль инновационных отношений в экономической системе // Проблемы современной экономики. 2006. № 1/2.

² Зинченко В.И., Касинский С.В., Дырко Н.П., Тюльков Г.И., Монастырный Е.А., Грик Я.Н. Статистическое наблюдение инновационной деятельности в России: федеральная система и региональные инициативы // Вопросы статистики. 2008. № 4. С. 12–22.

³ Домнич Е.Л. Патентная статистика как измеритель экономики науки и инноваций в регионах России // Инновации. 2013. № 5. С. 92–95; Домнич Е.Л. Патентный потенциал Дальневосточного федерального округа // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 115–130; Домнич Е.Л. Проблемы экономического анализа технологических инноваций в отраслях промышленности Дальнего Востока России // Инновации. 2011. № 6. С. 85–92.

⁴ Crescenzi R., Jaax A. Innovation in Russia: The Territorial Dimension // Economic Geography. 2017. Vol. 93.; Zemtsov S., Baburin V. Does Economic-Geographical Position Affect Innovation Processes in Russian Regions? // Geography, Environment, Sustainability. 2016. No. 4 (9). Pp. 14–33.

димо отметить также обследования предприятий с использованием авторского вопросника, по итогам которых зачастую удается получить небанальные, хотя и невозпроизводимые результаты¹. Общей чертой всех перечисленных направлений является игнорирование вопросов районирования и региональной проблематики ТИ.

Важнейшей теоретико-методологической проблемой исследования, посвященного анализу экономических процессов в регионах, является определение понятия «регион». Можно согласиться с Э.Б. Алаевым, что регионом является «территория, по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других элементов и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной территории»². То есть понятию «регион» имманентны два основных признака: наличие специфики данной территории, отличий от смежных территорий, а также наличие свойств территориального единства и целостности.

Логика экономического исследования не связывает выбор региона с заведомо очерченными линиями на карте, не исключает и даже предписывает «выход» из принятых сеток государственных и административных делений³. Однако очевидно, что в прикладных исследованиях такой выбор де-факто ограничен как сложившимся территориально-административным делением, так и организацией системы статистики в стране. В российских региональных исследованиях под регионом, как правило, понимается субъект Федерации, что обусловлено как системой статистического обеспечения, так и основополагающими принципами государственного управления⁴.

¹ Голикова В.В., Гончар К.Р., Кузнецов Б.В. Влияние экспортной деятельности на технологические и управленческие инновации российских фирм // Российский журнал менеджмента. 2012. Т. 10. № 1. С. 3–28.

² Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль. 1982. 290 с.

³ Демьяненко А.Н. Район как объект стратегического управления в контексте теории организации // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 60–88; Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. 2010. № 3. С. 7–5.

⁴ Леонов С.Н. Типология проблемных регионов на основе оценки межрегиональных социально-экономических и финансовых различий // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2005. № 2. С. 68–76; Минакир П.А., Власюк Л.И., Демьяненко А.Н., Деваева Е.И., Калашников В.Д., Леонов С.Н., Мотрич Е.Л., Рензин О.М. К вопросу о стратегии развития Хабаровского края // Пространственная экономика. 2008. № 3. С. 5–44.

Данный консенсус распространяется в том числе на работы по экономике инноваций, поэтому и здесь под регионом будем понимать часть национальной экономики, выделенную на основании сетки административно-территориального деления России, – субъект Российской Федерации. Соответственно, районом будем считать некую совокупность субъектов Федерации, ставшую результатом их классификации по ряду объективных экономико-статистических критериев.

В сухом остатке, за 20 лет централизованного статистического наблюдения ТИ в России затраты на технологические инновации¹ (ЗТИ) увеличились с 7,3 трлн неденоминированных рублей в 1995 г. до 1,2 трлн неденоминированных рублей в 2015 г., в то время как объем инновационных товаров, работ и услуг² (ОИТ) вырос с 39,8 трлн неденоминированных рублей до 3,8 трлн неденоминированных рублей³. То есть, поднимая экономическую проблематику ТИ в современной России, можно говорить примерно о 1,5–4,5% валового внутреннего продукта (ВВП) страны, если абстрагироваться от некоторых методологических тонкостей.

Статистически наблюдаемое наращивание масштабов ТИ в стране происходило неравномерно, с заметным усилением в течение двух последних пятилеток 2006–2010 и 2011–2015 гг. Так, если совокупные за 2000–2015 гг. ЗТИ, зафиксированные органами статистики, составили примерно 7,4 трлн руб., то 1,6 трлн из них (21,1%) пришлось на 2006 – 2010 гг. и 5,2 трлн руб. (70,2%) – на 2011–2015 гг. Аналогично, совокупный ОИТ за 2000–2015 гг. составил 22,8 трлн руб., в том числе 5 трлн руб. (22%) пришлось на 2006–2010 гг. и 15,9 трлн руб. (69,9%) – на последнюю пятилетку (*рис. 7.1*). Таким образом, масштаб ТИ в стране, как в терминах затрат, так и выпуска, дважды поднимался на новый средний уровень: один раз в 2006 г., второй раз – в 2011 г. В обоих случаях это было вызвано, прежде всего, ростом инновационной

¹ Выраженные в денежной форме фактические расходы, связанные с осуществлением различных видов инновационной деятельности, выполняемой в масштабе организации (отрасли, региона, страны). В составе затрат на технологические инновации учитываются текущие и капитальные затраты.

² Включает товары, работы, услуги, подвергавшиеся в течение последних трех лет разной степени технологическим изменениям.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc/1138623506156; Технологические инновации в России / ЦИСН. М., 1997.

активности отраслей промышленности при незначительном вкладе сектора услуг. Тем не менее, благодаря увеличению отраслевого охвата исследования, на рубеже 2010/2011 гг. по обоим индикаторам происходит снижение удельного веса промышленного сектора с 85–95% до 60–65%, в том числе обрабатывающих отраслей – с 65 до 50%.

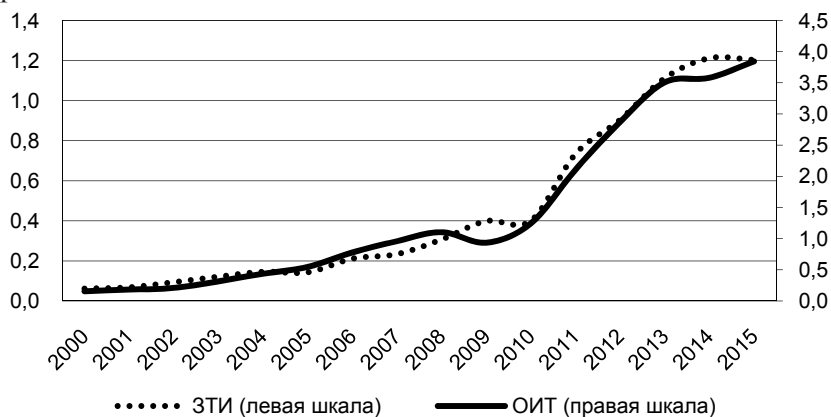

Рис. 7.1. Динамика инноваций: затраты на технологические инновации (ЗТИ) и объем инновационных товаров (ОИТ) крупных и средних предприятий в России в 2000–2015 гг., трлн руб.

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС.

Оба индикатора характеризуются неоднородным пространственно-временным распределением. Так например, стандартное отклонение ЗТИ по выборке из 76 субъектов Федерации в 2000–2015 гг. увеличилось с 1,9 до 30,3 млрд руб., а стандартное отклонение ОИТ – с 4,4 до 115,3 млрд руб. Для сравнения, валовой региональный продукт (ВРП) Псковской области составил в 2015 г. 132,8 млрд руб., Магаданской области – 124,6 млрд руб., Республики Адыгея – 82,6 млрд руб., Карачаево-Черкесской республики – 67,4 млрд руб., Республики Ингушетия – 54,3 млрд руб., Республики Калмыкии – 47,3 млрд руб., Республики Алтай – 41,8 млрд руб., г. Севастополя – 37,9 млрд руб.¹ Таким образом, для целого ряда российских регионов, обладающих скромным экономическим потенциалом, размах колебаний как вложений, так и отдачи от ТИ в

¹ Валовой региональный продукт / ФСГС. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-15.xlsx.

общероссийском экономическом пространстве сегодня сопоставим с совокупным размером региональной экономики.

Актуальность пространственного анализа обостряется выраженной поляризацией, концентрацией инновационного потенциала в нескольких регионах. Если в 2000–2010 гг. удельный вес 15 наиболее инновационно мощных регионов в национальных ЗТИ и ОИТ составлял 60–67%, то в 2011–2015 гг. их доля возросла до 73–76%. В рамках этой когорты доминирующие позиции занимает г. Москва, удельный вес которой неуклонно увеличивается и где к 2015 г. оказалось сосредоточено 16 – 17% инновационных затрат и выпуска страны (*табл. 7.1*). Устойчиво высокие позиции занимают также Республика Татарстан, Самарская, Московская, Нижегородская области, Пермский край и г. Санкт-Петербург.

Таблица 7.1

Лидеры инноваций: ТОП-15 регионов с наибольшими значениями индикаторов технологических инноваций, в % от общероссийского уровня

Субъект Российской Федерации	Затраты на технологические инновации				Объем инновационных товаров			
	2000–2015	2000–2005	2006–2010	2011–2015	2000–2015	2000–2005	2006–2010	2011–2015
1	2	3	4	5	6	7	8	9
г. Москва	13,8	10,3	6,5	16,5	13,0	1,2	3,9	17,2
Республика Татарстан	5,7	5,9	5,3	5,7	10,5	10,8	13,6	9,4
Самарская область	5,2	8,4	3,7	5,3	8,9	14,5	12,2	7,2
Московская область	6,4	4,4	3,6	7,5	7,1	6,6	8,4	6,8
Свердловская область	4,4	9,3	6,0	3,4	3,9	6,7	6,6	2,7
г. Санкт-Петербург	5,4	4,9	4,6	5,7	5,5	3,1	4,3	6,2
Нижегородская область	4,6	3,4	4,3	4,9	5,0	4,5	3,5	5,5

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пермский край	3,6	5,0	3,2	3,5	3,9	3,1	5,5	3,5
Челябинская область	4,5	6,9	8,9	2,9	2,2	5,8	2,2	1,7
Сахалинская область	3,1	0,1	4,9	2,9	6,3	0,03	0,01	9,0
Ханты-Мансийский автономный округ	4,4	2,6	6,1	4,1	0,7	0,8	1,2	0,6
Красноярский край	4,1	1,0	2,5	5,0	1,2	0,6	0,8	1,3
Республика Башкортостан	2,1	2,3	2,5	1,9	2,7	1,7	2,5	2,8
Ленинградская область	2,0	0,5	1,4	2,4	0,5	0,2	0,4	0,5
Липецкая область	1,9	0,4	3,7	1,5	1,7	1,4	1,9	1,7
Итого ТОП-15, %	71,3	65,2	67,1	73,3	72,9	61,0	67,1	76,1
Итого ТОП-15, млрд руб.	5240,3	414,3	1041,6	3784,4	16 594,7	1122,3	3367,6	12 104,8

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС.

Основной причиной поляризации видится накопленный научно-технологический и инновационный потенциал данных регионов, в свою очередь являющийся отражением исторически закреплённой специализации, уникальной ниши в общенациональном разделении труда. По-видимому, такой эффект гистерезиса является основным фактором дифференциации уровня инновационных расходов и выпуска субъектов Федерации. Его трудно формализовать статистически: накопленная региональная специфика не

сводится к различиям в региональных доходах или структуре промышленности. Различима также группа регионов, не обладающая значимым научно-технологическим потенциалом, но вошедшая в когорту лидеров ТИ благодаря реализации масштабных проектов в добывающих отраслях. Поэтому справедливо ожидать скорого выбытия Сахалинской области, Ханты-Мансийского автономного округа и Красноярского края из когорты лидеров ТИ по мере окончания реализации таких проектов.

Обращает на себя внимание также выраженная диспропорция между показателями. Индикатор инновационного выпуска ОИТ в целом по стране существенно и систематически превосходит индикатор инновационных затрат ЗТИ при том, что динамика индикаторов не всегда положительно коррелирована. Совокупно за 2000–2015 гг. разница составила более 3 раз. Формально, это означает, что каждый рубль, вложенный в ТИ, в среднем, возвращается в этом же году тремя (!) рублями дохода без учета налогов. Ситуация, однако, сильно различается по годам и регионам, что отражает крайне неустойчивую и взаимно несогласованную динамику ЗТИ и ОИТ. Примечательно, что своеобразные рекорд и антирекорд в этом смысле демонстрировала Еврейская автономная область – депрессивный регион с малой экономикой, где отношение ОИТ к ЗТИ в 2008 г. превысило 1000 раз (или 100000%), тогда как в 2012–2013 гг. – 0,002–0,004 раза (менее 1%). Во многих регионах рост ЗТИ зачастую сопровождается снижением ОИТ и наоборот. Поэтому отношение индикаторов характеризуется широкой амплитудой колебаний также и в регионах со сравнительно развитым экономическим потенциалом.

Это, в целом, не противоречит теоретическому представлению об инновациях как о растянутом во времени и трудно предсказуемом по результатам процессу. Допустимо, однако предположить, что выраженная и систематическая нестационарность этого индикатора «эффективности» или «результативности» ТИ на самом деле отражает не сложные экономические взаимодействия, а грубейшие методологические ошибки наблюдения. В частности, парные для отдельно взятого региона или отрасли индикаторы ЗТИ и ОИТ по факту могут относиться к разным технологическим цепочкам или проектам, т. е. описывать разные объекты наблюдения. Таким образом, согласованность динамики общероссийских индикаторов, наблюдаемая на рисунке 7.1, не должна восприниматься в качестве иллюстрации инновационного развития некоего «репрезентативного» региона России.

Рассмотрим, какие таксоны, т. е. территориальные единицы,

обладающие специфическими квалификационными признаками¹, можно выделить на основании доступной статистики ТИ в регионах России.

Проблемы начинаются уже с определения наиболее общего и вместительного таксона – ареала ТИ, т. е. территории, в пределах которой наблюдается данное явление, не наблюдаемое на сопряженных территориях². В значительном числе субъектов Федерации инновационная деятельность осуществляется нерегулярно, либо ее статистическое наблюдение сталкивается с непреодолимыми трудностями. Сбалансированная панель ежегодных наблюдений по таким регионам до сих пор не сформирована, они то входят, то покидают ареал ТИ российской экономики при том, что действительные причины такого входа-выхода абсолютно непрозрачны. Такая ситуация вполне обычна, в частности, для ряда национальных республик – Адыгеи, Алтая, Ингушетии, Калмыкии, Коми, Тывы, Хакасии и Чечни, автономных округов – Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского, а также Еврейской автономной области и Магаданской области. В силу проблем переходного периода в этот же ряд попадают Республика Крым и г. Севастополь. Из 85 субъектов Федерации только в 70 за период 2000–2015 гг. накоплена сбалансированная панель наблюдений без пропусков и нулей (табл. 7.2). Фактически, только эти регионы целесообразно включать в ареал ТИ при осуществлении экономико-статистического моделирования.

Таблица 7.2

Ареал инноваций: субъекты Федерации со сбалансированной панелью наблюдений индикаторов технологических инноваций в 2000–2015 гг.

№	Субъект РФ	№	Субъект РФ
1	2	3	4
1	Белгородская область	36	Ставропольский край
2	Брянская область	37	Республика Башкортостан
3	Владимирская область	38	Республика Марий Эл
4	Воронежская область	39	Республика Мордовия
5	Ивановская область	40	Республика Татарстан
6	Калужская область	41	Удмуртская Республика
7	Костромская область	42	Чувашская Республика

¹ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль. 1982. С. 64.

² Там же. С. 65.

1	2	3	4
8	Курская область	43	Пермский край
9	Липецкая область	44	Кировская область
10	Московская область	45	Нижегородская область
11	Орловская область	46	Оренбургская область
12	Рязанская область	47	Пензенская область
13	Смоленская область	48	Самарская область
14	Тамбовская область	49	Саратовская область
15	Тверская область	50	Ульяновская область
16	Тульская область	51	Курганская область
17	Ярославская область	52	Свердловская область
18	г. Москва	53	Тюменская область
19	Республика Карелия	54	Ханты-Мансийский автономный округ
20	Архангельская область	55	Челябинская область
21	Вологодская область	56	Республика Бурятия
22	Калининградская область	57	Алтайский край
23	Ленинградская область	58	Забайкальский край
24	Мурманская область	59	Красноярский край
25	Новгородская область	60	Иркутская область
26	Псковская область	61	Кемеровская область
27	г. Санкт-Петербург	62	Новосибирская область
28	Краснодарский край	63	Омская область
29	Астраханская область	64	Томская область
30	Волгоградская область	65	Республика Саха (Якутия)
31	Ростовская область	66	Приморский край
32	Республика Дагестан	67	Хабаровский край
33	Кабардино-Балкарская Республика	68	Амурская область
34	Карачаево-Черкесская Республика	69	Камчатский край
35	Республика Северная Осетия – Алания	70	Сахалинская область

Еще большие сложности возникают при определении зон ТИ, т. е. территорий, в пределах которой наблюдается однозначность показателей по их интенсивности, либо эта интенсивность варьирует в пределах определенного интервала¹. Амплитуда ежегодных коле-

¹ Алаев, Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль. 1982. С. 66.

баний ЗТИ и ОИТ такова, что задача зонирования или «ранжирования» регионов России по степени инновационной интенсивности методически некорректна. У всех субъектов Федерации стандартное отклонение индикаторов ТИ либо превышает, либо сопоставимо со средним значением (см. *рис. 7.2 и 7.3*). Характерно, что если средние за 2000–2015 гг. ЗТИ «усредненного» субъекта Федерации (на *рис. 7.2 и 7.3* он обозначен как «РФ») равнялись 6,5 млрд руб., а средний ОИТ – 19,9 млрд руб., то соответствующие стандартные отклонения составили 16,7 и 58,4 млрд руб. соответственно. Рисунки 7.2 и 7.3 наглядно показывают, что ситуация, когда среднее значение региональных индикаторов ТИ хотя бы немного превышает их стандартное отклонение – сама по себе большая редкость.

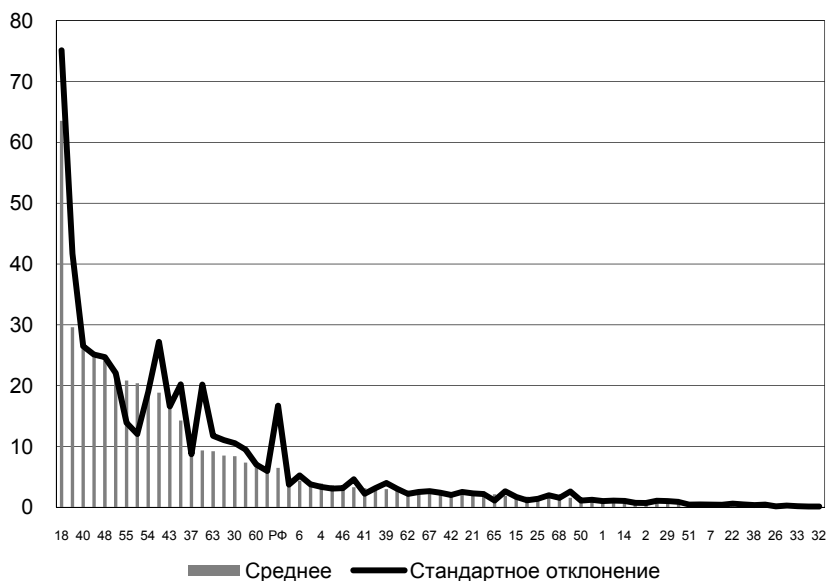

Рис. 7.2. Зонирование инноваций: средние значения и стандартные отклонения затрат на технологические инновации (ЗТИ) в рамках ареала инноваций в 2000–2015 гг., млрд руб.

Источник: рассчитано по Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС.

Поэтому любые результаты зонирования ТИ изначально обречены быть неустойчивыми, а значит, сомнительными. Не вызывает сомнения лишь наличие некой когорты («суперзоны») из 10–15 регионов-лидеров, описанной выше (см. *табл. 7.1*).

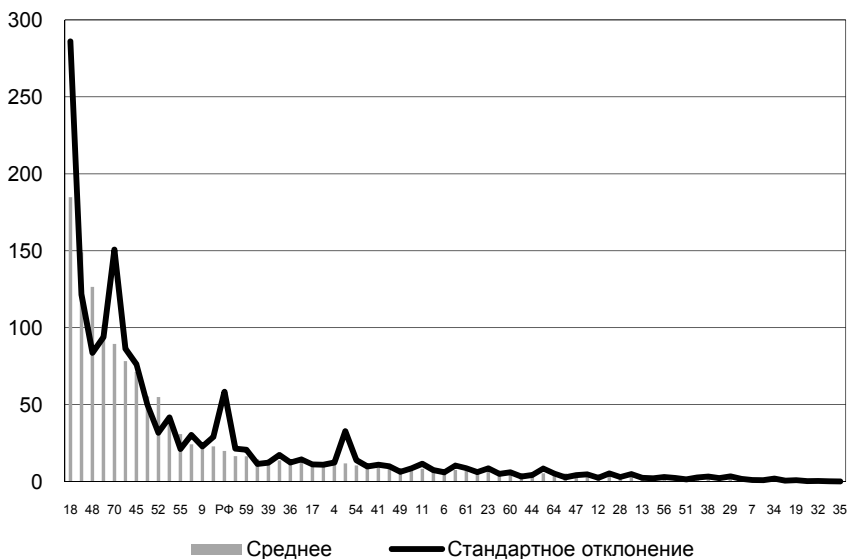

Рис. 7.3. Зонирование инноваций: средние значения и стандартные отклонения объема инновационных товаров (ОИТ) в рамках ареала инноваций в 2000–2015 гг., млрд руб.

Источник: рассчитано по Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС.

Однако естественное для операции зонирования выделение подзон, равно как и зонирование остальных регионов, не имеет аналитической ценности. Опять же, не вполне понятны содержательные причины настолько нестационарной динамики индикаторов ТИ. Как показывает многовековой опыт зонирования явлений природы и общества, процесс зонообразования в большинстве случаев связан с внешними по отношению к зонированной территории факторами, силами¹. О каких внешних силах может идти речь в данном случае не вполне понятно. Экономика российского региона, как

¹ «Природно-климатические зоны суть главным образом производное от интенсивности солнечной энергии; приморская зона – территория, испытывающая влияние моря, тогда как прибрежная зона – обычно часть акватории, на которую влияет суша; пригородная зона – территория, испытывающая влияние большого города; зона Севера – территория, на которой сказывается влияние Арктики» (Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль. 1982. С. 66).

правило, зависит от широкого спектра государственных инициатив и внешнеэкономических взаимодействий, а отображение результатов развития – от методологии статического наблюдения.

В этой связи наиболее естественным подходом к классификации регионов–субъектов Федерации представляется объединение их в районы. В отличие от зоны район всегда внутренне разнороден, что отвечает в том числе природе инновационной деятельности, пространственное распределение и распространение (диффузия) которой, как правило, весьма неравномерны. Отмечается, например, что «при выделении районов на основании даже одного признака ... можно получить неоднородный район, в том же случае, когда используются несколько признаков..., можно получить систему многофакторных районов; наконец, когда выделение районов предполагает использование счетного количества признаков, то речь идет о системе «общегеографических» районов или «компажей»¹. При этом как признак единства, так и признак целостности района может пониматься как угодно широко и удовлетворять лишь единственному требованию – объективности².

Такой методологический плюрализм весьма удобен при классификации разновеликих регионов по интенсивности, либо структурным характеристикам инновационной деятельности. В частности, он позволяет группировать вместе субъекты Федерации, находящиеся на значительном удалении друг от друга, но демонстрирующие сходства, например, экономического базиса или видовой структуры ТИ региона. Вообще, любая статистически корректная группировка субъектов Федерации, отвечающая неким экономическим критериям, в том числе в разрезе ТИ, неизбежно объединит в себе регионы, не граничащие друг с другом. И здесь на первое место выходит проблематика построения методического подхода, алгоритма районирования. Различают следующие циклически повторяемые этапы районирования: формулирование исходной гипотезы о районировании, распознавание районов, проведение границ, обзор сетки, повторная итерация³.

¹ Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории / отв. ред. П.Я. Бакланов; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. С. 29.

² Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1982. С. 67.

³ Смирнягин Л.В. Методические подходы у районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2011. № 6. С. 13–19; Смирнягин Л.В. Районирование общества: методика и алгоритмы // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М.: Смоленск, 2011. С. 55–82.

Наиболее важен первый этап, когда необходимо, во-первых, выбрать путь районирования, а во-вторых, определиться с конкретным экономико-математическим аппаратом исследования. Различают три основных пути районирования: исторический, культурологический и модельный. Рассмотрим подробнее методологические ограничения, связанные с реализацией каждого из них применительно к районированию ТИ в современной России.

Сущность исторического пути состоит в том, что районирование развитой страны всегда начинается с осмысления и ревизии опыта предшественников. Основы экономического районирования в России были заложены в дореволюционный период и получили интенсивное развитие в годы Советской власти. Возникновение государственной собственности на средства производства в СССР создало предпосылки превращения экономики СССР в единый народнохозяйственный комплекс, развивающийся не по законам рынка, а на основе народнохозяйственных планов. В числе научных основ их разработки была и методология экономического районирования, основы которой были заложены до революции К.И. Арсеньевым, П.П. Семеновым Тянь-Шанским, Д.И. Менделеевым и др. В новых условиях районирование, помимо пассивного сбора и анализа экономико-географических и статистических народнохозяйственных данных, стало инструментом, обеспечивающим комплексное развитие т. н. территориально-производственных комплексов (ТПК), охватывающих сразу несколько краев, областей и даже союзных республик.

В советское время определяющим фактором была общая специализация промышленности отдельных территорий и существование производственных связей между предприятиями внутри экономических районов. Понятие экономического района (ЭР) было одним из ключевых в советской районной школе экономической географии. Состав ЭР СССР менялся в соответствии с задачами совершенствования управления и планирования народного хозяйства в целях ускорения темпов и повышения эффективности общественного производства. В настоящее время органами статистики России используется деление территории Российской Федерации на 12 ЭР¹. Общероссийский классификатор экономических регионов (ОКЭР) поддерживается Минэкономразвития России.

Основная часть ЗТИ и ОИТ страны концентрируется в Центральном, Поволжском и Уральском ЭР (*табл. 7.3*).

¹ В дальнейших расчетах Северо-Западный ЭР объединен с Калининградским.

Таблица 7.3

География инноваций: распределение индикаторов технологических инноваций по экономическим районам России в 2000–2015 гг., %

Экономический район	Затраты на технологические инновации				Объем инновационных товаров			
	2000–2015	2000–2005	2006–2010	2011–2015	2000–2015	2000–2005	2006–2010	2011–2015
Всего, млрд руб.	7354,4	635,5	1552,6	5166,3	22 770,0	1841,1	5018,1	15 910,9
Всего, %	100	100	100	100	100	100	100	100
Центральный	26,0	20,3	17,2	29,4	25,8	18,8	18,4	28,9
Центрально-Черноземный	3,6	2,5	5,9	3,1	3,8	3,2	4,8	3,6
Северо-Западный ¹	7,9	6,4	6,9	8,4	6,6	5,1	6,4	6,9
Северный ²	2,0	4,4	3,0	1,4	3,4	5,0	2,6	3,4
Северо-Кавказский ³	3,0	2,6	2,7	3,2	3,1	1,4	3,8	3,1
Поволжский ⁴	14,6	19,4	12,7	14,6	22,4	28,3	31,8	18,8
Волго-Вятский	6,2	4,7	6,2	6,4	7,1	5,7	6,5	7,5
Уральский	16,3	25,4	23,3	13,0	13,8	18,3	18,7	11,8
Западно-Сибирский ⁵	9,7	7,9	11,3	9,4	4,6	11,1	4,7	3,9
Восточно-Сибирский ⁶	5,8	2,7	4,4	6,6	2,0	2,4	1,3	2,2
Дальневосточный ⁷	5,0	3,8	6,5	4,7	7,4	0,7	1,1	10,1

Примечания. 1 – включая Калининградскую область; 2 – исключая Республику Коми и Ненецкий автономный округ; 3 – исключая Республику Адыгея, Республику Ингушетию и Чеченскую республику; 4 – исключая Республику Калмыкия; 5 – исключая Республику Алтай и Ямало-Ненецкий автономный округ; 6 – исключая Республику Тува и Республику Хакасия; 7 – исключая Магаданскую область, ЕАО и ЧАО.

Источник: рассчитано по Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС.

Прослеживаемая с 2011 г. тенденция к увеличению веса Центрального ЭР, связанная со значительным увеличением масштабов инновационной деятельности в Москве, не имеет самостоятельной аналитической ценности. Территория страны нарезана на крупные фрагменты, что отвечало задачам теории и практики районирования в советский период, но весьма условно коррелирует с современными тенденциями развития, в том числе в сфере инноваций. Для целей исследования историческое районирование может предоставить традиционную сетку ЭР, с которой удобно соотносить результаты авторского районирования. Кроме того, сложившаяся в советский период сетка ЭР учитывает в том числе ряд объективных экономико-географических и природно-климатических констант, фиксирующих перманентные особенности тех или иных групп регионов, имея тем самым важное значение для их классификации и группирования.

Культурологический путь районирования предполагает отыскание социологическими методами некоего консенсуса мнений обывателей и профессионалов относительно территориального деления страны. Обыкновенно он связан с историко-культурным и языковым районированием и слабо адаптирован для исследований экономического характера.

Наконец, модельный путь районирования основан на применении статистико-картографических методов, которые позволили бы определить районируемость страны еще до того, как исследователь начнет вникать в особенности исследуемой территории¹. Его очевидным достоинством является реализация строгих математических процедур, исключающих влияние исследователя и тем самым получающих статус объективных методов. Применение модельного метода основано на представлении о том, что размещение людей и результатов их деятельности имеет неслучайный характер и через территориальную конфигурацию отражает объективные закономерности районообразования.

Конкретные экономико-математические методы будут зависеть от непосредственных целей районирования ТИ в пространстве регионов России, характеризуюсь специфическими проблемами интерпретации и ограничениями по применению. Однако сложившаяся за 20 лет специфика статистики ТИ, описанная выше, будет порождать определенный круг вопросов, общих для любых количественных исследований инноваций. К их числу следует отнести

¹ Смирнягин Л.В. Методические подходы у районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2011. № 6. С. 13–19. С. 14.

(а) имеющие место противоречия в региональной динамике ЗТИ и ОИТ, (б) репрезентативность централизованной статистики ТИ с точки зрения реальных масштабов инноваций в регионах и (в) смещение эффективных эконометрических оценок вследствие уникальных пространственных характеристик каждого региона, географии инноваций.

Подводя итоги 20-летнего инновационного развития и развития статистики инноваций в России, следует признать, что количественные различия инновационного развития регионов страны, регистрируемые статистически, – лишь часть большой проблемы, которая обладает также методологической и идейной составляющими. Есть существенная разница не только между темпами технологического обновления региональных экономик (что, конечно, наиболее интересно), но и в реализации методологии их оценки в разные моменты времени в разных точках экономического пространства, а также в понимании, «идее» инноваций в теории и на практике. Таким образом, результаты районирования и периодизации инновационного развития страны будут зависеть в том числе и от методических особенностей измерения ТИ в различных субъектах Федерации.

Отсюда проистекает необходимость построения альтернативных сеток районирования, учитывающих как объективный экономический базис, так и специфику централизованного статистического наблюдения инновационной деятельности в регионах страны.

Помимо выделения неких территориальных структур, уместно говорить также о специфической территориальной организации технологических инноваций в России. Под последней, в соответствии с наработками экономической географии, следует понимать сочетание функционирующих территориальных структур, объединяемых структурами управления в целях осуществления инновационной деятельности в соответствии с целями и на основе действующих в рамках данных территориальных структур экономических законов. В исследовании закономерностей, особенностей территориальной организации ТИ, в управлении процессами, от которых зависит эта организация, видится наиболее перспективный и конструктивный путь развития пространственной экономики как современной науки.

7.2. Наука и образование Дальнего Востока России: голгосрочная перспектива

Поскольку институциональная среда ведения научно-образовательной деятельности в России едина, любые изменения в ней будут восприниматься наукой Дальнего Востока как непреодоли-

мая сила, т. е. «по умолчанию». Единственное преимущество – в географическом расположении Дальнего Востока, которое может рассматриваться как с точки зрения близости к ведущим странам СВА (наличие общих природных объектов и явлений для совместных исследований, общей слабости развития фундаментальной науки стран СВА, перспективный рост затрат на науку и образование в данных странах), так и с позиций наличия уникальных в рамках российской науки исследований. Однако сможет ли уникальность географического места пересилить многолетнюю тенденцию к унификации?

Если унитарная парадигма в научно-технической политике все еще обладает, а содержательно эта политика будет по-прежнему основана на предположении о «непроизводительности» затрат на развитие науки и допустимости переноса в Россию схем финансирования и организации, присущих американской системе, основанной на иных начальных принципах формирования и иной ресурсной базе, имея в виду механизм воспроизводства интеллектуального потенциала прежде всего в науке, долгосрочная перспектива для научно-образовательного комплекса в России по-прежнему будет связана с усиливающейся «коммерциализацией» этой составляющей человеческого капитала и инновационно-технологического потенциала.

Даже повышение удельного веса расходов на науку и образование в ВВП страны в этом случае не даст желаемого результата в виде кардинального повышения уровня и качества знаний и технологий, качества совокупной рабочей силы. Управление научно-образовательной деятельностью на национальном уровне через общие меры организационного содействия, не требующие значительных расходов, приведут к замораживанию неэффективных внутренних структур управления и дальнейшему снижению мотиваций в области производства нового знания и подготовки квалифицированных кадров. Это отразится в вялой динамике роста публикаций результатов фундаментальных исследований, оригинальных патентных потоков и в дальнейшем снижении конкурентоспособности российских опытных конструкторских разработок по отношению к импорту готовых технологий.

Усилия по конструированию национальной инновационной системы России не приведут к желаемому результату в форме генерирования стабильно увеличивающегося по мощности потока отечественных инноваций, модифицировавшись в поддержку механизмов адаптации заимствованных технологий под российские стандарты. Организация научно-образовательной деятельности в России останется либо прежней, либо максимально компромисс-

ной с точки зрения соблюдения интересов между элементами существующей системы.

Акцент в государственной финансовой политике с точки зрения форм организации научно-образовательной деятельности будет делаться по-прежнему на перенос исследовательской нагрузки в университеты. Однако возможности по созданию подлинно исследовательских университетов с преобладающей компонентой фундаментальных и корреспондирующих с ними прикладных и технологически ориентированных исследований с переносом результатов в дочерние предпринимательские структуры, эксплуатирующие инновационные возможности университетских исследований и обеспечивающих получение дифференциальной ренты на этой основе, будут в перспективе весьма ограничены. Следовательно, удастся создать ограниченное число таких университетов, которые будут поддерживаться федеральным финансированием на основе долгосрочных программ развития и обеспечивать реализацию исследовательских программ по наиболее приоритетным направлениям развития науки и техники. Однако это породит проблему переноса в эти университеты не просто ученых из государственных Академий наук, но целых научных школ, что скорее всего приведет к утрате если не всех, то значительной части этих научных школ без каких-либо перспектив их восстановления или выращивания в недрах исследовательских университетов. В принципе выращивание новых научных школ возможно, но требует чрезвычайно системного, затратного подхода и длительного времени.

При этих условиях на Дальнем Востоке удастся сохранить, в значительной степени под эгидой созданных к настоящему времени Дальневосточного (Владивосток) и Северо-восточного (Якутск) федеральных университетов и ограниченного числа государственных университетов инновационного и исследовательского профиля (Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск), лишь те академические и отраслевые исследовательские организации, которые являются уникальными по характеру своих исследований, связанных с изучением особенных для региона природных объектов и явлений либо сумеют стать или остаться коммерчески самостоятельными.

Будущее исследовательских организаций, специализирующихся на изучении и разработке, теоретических основ, методов и технологий «рядовых», но критически важных для науки и региональной практики проблем и явлений, будет неопределенным ввиду отсутствия развитого механизма венчурного финансирования, спроса со стороны реального сектора экономики региона, а также «дублирования» подобных исследований за пределами региона (как в Рос-

сии, так и за рубежом). Развитие общенаучных (теоретических) исследований будет проводиться в гораздо меньших масштабах. Организация исследований в области общественных и гуманитарных наук может изменить свою форму: из немногочисленных академических институтов исследователи могут переместиться в вузы, и, при отсутствии академических стандартов качества исследований, их уровень неминуемо существенно снизится. Эта тенденция будет отражаться в постепенном уменьшении публикаций дальневосточных исследователей в ведущих научных журналах и снижением научных контактов с ведущими научными школами.

Страны СВА уже сейчас, в еще большей степени в перспективе наращивают именно фундаментальные исследования, сталкиваясь, конечно, с большими проблемами, в том числе в виде отсутствия и медленного выращивания собственных научных школ и кадров высококлассных исследователей. «Выдавливание» ведущих исследователей и целых коллективов из академической науки в регионе в этих условиях не обязательно приведет к их перемещению в университеты, которые тем более не будут в состоянии без существенного изменения пропорций учебной и исследовательской занятости предоставить в распоряжение перемещающихся ученых комфортную среду для продолжения работы. Вполне вероятно, что ученые будут перемещаться в сопредельные страны и другие регионы страны. В этом случае регион потеряет существенную часть своего нынешнего научного потенциала, вслед за чем неминуемо разрушится система высшего образования, во всяком случае она потеряет перспективы превращения в элемент международного образовательного консорциума в Северо-Восточной Азии.

Перспектива научно-образовательного комплекса региона, конечно, связана с совершенно иными тенденциями.

На базе созданного в регионе потенциала фундаментальной науки должен быть сформирован имеющий не только региональное или национальное, но и субглобальное значение научно-технологический комплекс, генерирующий и координирующий фундаментальные, в первую очередь, научные исследования на основе изучения уникальных для региона природных объектов и явлений, развития полного цикла общенаучных исследований в области физики, химии, биологии, информатики, геологии, геофизики, сейсмологии, вулканологии, математики, общественных и гуманитарных наук.

Вторым элементом научного комплекса в регионе должна являться совокупность исследовательских организаций и опытно-конструкторских мощностей по разработке новых технических и технологических возможностей в области добычи и переработки

природных ресурсов, энергетики, транспорта, телекоммуникаций, продовольствия.

В области общественных и гуманитарных наук прикладные разработки и исследования должны концентрироваться на моделировании и обосновании веера вероятных решений в области регулирования региональной экономики и международной экономической интеграции.

Трансляция фундаментальных результатов в новые технологии, а также адаптация заимствованных в других регионах и странах технологий может осуществляться в рамках создаваемого на базе исследовательского комплекса фундаментального и прикладного характера опытно-конструкторских организаций, которые организационно должны быть связаны с академическими исследовательскими организациями. Эти организации в совокупности должны будут возместить потерю в 1990-е гг. прикладной науки в форме отраслевых научно-исследовательских институтов и проектных организаций, подчиненных различным ведомствам и министерствам по отраслевому признаку.

Преобразование технологического потенциала в инновационный поток возможно в рамках множества венчурных и малых инновационных предприятий и организаций производственного и консультационного профиля, которые будут базироваться на результатах академического сектора науки.

Взаимодействие научного и образовательного комплексов в регионе должно основываться на разделении их функций.

Научно-исследовательские организации должны поддерживать за счет инкорпорирования своего кадрового потенциала в структуру университетов исследовательские программы в последних, обеспечивая принятые в академической науке методики и критерии исследований, привлекая преподавателей, аспирантов и студентов университетов к практической работе в рамках фундаментальных и прикладных научных программ, осуществляемых в государственных академиях наук. Важно обеспечить развитие сети исследовательских лабораторий академических исследовательских институтов в ведущих университетах. В этих лабораториях должны реализовываться по плану Академии наук исследовательские проекты, финансируемые за счет грантов, выделяемых научными фондами и самими университетами. Кадровый состав этих лабораторий должен формироваться из ведущих ученых академических институтов и преподавателей (аспирантов, студентов) университетов.

Кроме этого на уровень исследовательских институтов академического профиля следует передать в значительной степени финальные

этапы университетского образования за счет организации в исследовательских институтах на базе их ведущих лабораторий и отделов кафедр по подготовке магистрантов и аспирантов университетов.

Система высшего образования на Дальнем Востоке должна быть организационно синхронизирована в определенной степени с образовательной системой в Восточной и Северо-Восточной Азии, которая следует общемировым тенденциям развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в высшем профессиональном образовании. Основной задачей при этом является усиление роли учреждений высшего профессионального образования (в первую очередь университетов) в генерации, использовании и распространении знаний.

В частности, в США широкое распространение получила так называемая модель глобального научно-исследовательского университета (global research university), в рамках которой университеты становятся активными игроками не только в производстве новых знаний, но и в их распространении и использовании через инновационную деятельность.

Значительное усиление научно-исследовательской и инновационной деятельности привело к тому, что именно научно-исследовательские университеты добились наибольших успехов и показали высокую эффективность в решении таких важных задач, как:

- генерация новых знаний и формирование инновационной интеллектуальной среды;
- осуществление разработок на докоммерческой стадии, когда коммерциализация носит большей частью вероятностный и отсроченный характер;
- прогнозирование научно-технологического развития и исследование технологических рынков;
- привлечение молодых ученых к современной инновационной тематике;
- оказание консультационных услуг и консалтинговая поддержка широкого круга организаций и предприятий.

Данная форма интеграции науки и образования широко используется в ряде учебных заведений Азиатско-Тихоокеанского региона. Можно отметить среди них Бангалорский, Сеульский, Гонконгский и ряд других азиатских университетов.

На Дальнем Востоке система высшего образования должна вобрать в себя этот опыт и вместе с тем приобрести стройные очертания и определенную территориально-организационную логику, включив в себя различные типы (по каналам финансирования, специализации и формам собственности) университетов:

федеральные университеты, имеющие исследовательский статус;

государственные университеты инновационного профиля на базе технических вузов;

государственные университеты регионального уровня, созданные и функционирующие в каждом субъекте Федерации на Дальнем Востоке;

региональные университеты и муниципальные университеты, которые создаются и финансируются за счет региональных и муниципальных бюджетов;

частные специализированные университеты с государственной (федеральной и/или региональной) поддержкой;

частные университеты, ориентированные на рыночный спрос.

Независимо от размеров, специализации, типа финансирования и формы собственности все университеты должны соответствовать определенным обязательным инфраструктурным и методическим стандартам.

Федеральные исследовательские университеты и университеты инновационного профиля должны стать центрами кристаллизации для малых фирм и предприятий, создаваемых сотрудниками и аспирантами, выпускниками университетов для реализации полученных ими прикладных результатов. Кроме этого они должны включиться в единую образовательную сеть Северо-Восточной Азии, что обеспечит эффект масштаба от объединения функций спроса, профессорско-преподавательских кадров, уникального оборудования, распространения технологических инноваций в образовании, позволит повысить уровень привлекательности входящих в эту сеть национальных университетов за счет реализации возможностей обмена студентами и получения мультинациональных дипломов и образования.

7.3. Инновационная среда

Создание в перспективе мощного, встроенного в международную научно-образовательную сеть комплекса научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций и университетов даже при условии успешной реализации программ новой индустриализации все-таки не станет гарантией безусловной интеграции новых знаний, технологических разработок и высокопрофессиональных кадров отечественного происхождения в экономическую жизнь. Это лишь достаточное условие. Необходимым условием является создание в перспективе эффективной инновационной инфраструктуры и

системы инновационных мотиваций, которые в совокупности образуют инновационную среду в стране и регионе.

К настоящему времени результаты деятельности по стимулированию внедрения научно-технических результатов не выглядят системными и достаточно эффективными. В части стимулирования научно-технической деятельности и внедрения ее результатов в экономику на федеральном уровне был принят ряд законодательных актов, в том числе 4-я часть Гражданского кодекса и поправки в Налоговый кодекс РФ. К наиболее значимым стимулирующим мерам в них относятся: 1) освобождение от НДС патентно-лицензионных операций; 2) освобождение от НДС НИОКР, выполненных любыми организациями, если эти работы относятся к созданию новой или усовершенствованию производимой продукции (товаров, работ, услуг); 3) исключение из состава налоговой базы по налогу на прибыль средств, полученных из федеральных фондов поддержки научной и научно-технической деятельности и других фондов по перечню, утверждаемому Правительством России; 4) установление права применения специального коэффициента к основной норме амортизации по основным средствам, используемым только для осуществления научно-технической деятельности (не выше 3); 5) увеличение с 0,5 до 1,5% от валовой выручки суммы расходов на НИОКР, осуществляемых в форме отчислений на формирование РФТР, внебюджетных отраслевых и межотраслевых фондов, зарегистрированных в соответствии с законом о науке; 6) включение расходов на патентование, исследования и разработки, относящихся к созданию новой или усовершенствованию производимой продукции (в том числе затрат на изобретательство и формирование внебюджетных фондов), а также расходов на НИОКР в состав расходов субъектов, применяющих упрощенную систему налогообложения; 7) принудительная лицензия на неиспользуемые, либо недостаточно используемые изобретения, полезные модели и промышленные образцы.

Однако системных изменений в общий неблагоприятный инновационный климат эти поправки не вносят. Они в некоторой степени позволяют решить часть проблем, связанных со стимулированием научной и инновационной деятельности в стране¹. Однако практически не решается на законодательном уровне проблема стимулирования увеличения технологической сложности инноваций, поскольку сегодня законодателю гораздо важнее обеспечить про-

¹ Гутников О.В. Реформирование законодательства в сфере науки и инноваций // Форсайт. 2007. № 3. С. 58–64.

дуцирование инноваций как таковых, невзирая на их технологический размер.

Создание инновационной среды, даже при эффективной системе стимулирования инноваций является необходимым условием поддержания параметров инновационного потока в регионе.

Инновационная среда в регионе формируется по нескольким направлениям:

- определение национальных и связанных с ними региональных приоритетов в области научно-технологической политики;
- стимулирование приоритетов предприятий и организаций по развитию инноваций и НИОКР в целом;
- создание инновационно проводящей инфраструктуры;
- подготовка инновационно ориентированных кадров для экономики.

К настоящему времени национальные приоритеты фактически доминируются приоритетами корпоративной среды, мотивации предпринимательского сообщества являются определяющими. Они в свою очередь связаны с коммерческой эффективностью применяемого капитала, подчинены задачам минимизации издержек производства. Учитывая высокую капиталоемкость генерации знаний, их технологической трансформации и имплантации инноваций, формируемых на основе новых технологий отечественной разработки, предприниматели заинтересованы в заимствовании готовых технологий и инноваций, что позволяет экономить на НИОКР. Правда, как отмечалось выше, в России основная часть финансирования фундаментальных исследований лежит на государстве. Это, конечно, сокращает общее финансовое бремя экономических агентов на инновационную деятельность.

Это могло бы быть существенным конкурентным преимуществом российских производителей. Однако отсутствие в стране сбалансированной системы сопровождения результатов фундаментальных научных исследований до уровня инноваций фактически девальвирует это преимущество. Кроме того, в современном мире ни одна страна, в том числе и Россия с ее предельно ослабленным, особенно в части финишных разработок, научно-техническим комплексом, не в состоянии обеспечить полностью весь спектр технологических разработок и возможных инноваций в экономике. Поэтому экономические агенты вынуждены значительную часть ресурсов, предназначенных на модернизацию техники, технологий и управления тратить на импортные образцы и технологии. Эти затраты постоянно возрастают со временем, соответственно увеличивается степень неоднородности инновационного потока по сек-

торам экономики и типам экономических агентов. Возрастающие затраты на импорт инноваций соответствуют убывающим затратам экономических агентов на разработку и адаптацию инноваций. Возникает ловушка инновационной отсталости.

Выход из этой ловушки возможен в случае применения адаптированной версии японской модели инновационного роста, в соответствии с которой государственное и корпоративное финансирование целенаправленно направляется на формирование банка патентов и лицензий по наиболее важным и перспективным секторам экономики. Разумеется, это предполагает государственную мотивацию экономических агентов для подобного использования части их доходов. Фактически это означает своеобразное инвестирование в будущей технологический уровень, в будущую конкурентоспособность национальной экономики.

Однако просто формирование национальной патентной базы передовых технологий и инноваций недостаточно. Ее использование и адаптация будут практически невозможны без развертывания, точнее восстановления организационной инфраструктуры научно-проектных прикладных разработок. Создание такой инфраструктуры также является задачей совместного финансирования государства и частного бизнеса.

Россия имеет существенное преимущество в этом отношении, так как сохранила определенную часть потенциала фундаментальных исследований, которые могут, как поддерживать прикладные разработки, так и использовать накапливаемые заимствованные технологии для стартовых исследований.

Ведущим звеном в формировании инновационной среды в национальной экономике является, конечно, превращение политики стимулирования и содействия инновациям в приоритетное направление государственной экономической политики вообще. В последнее время это характерно практически для всех передовых в экономическом отношении государств. «На самом высоком политическом уровне провозглашается и затем активно проводится в жизнь задача ускорения инновационного развития, как основы... экономического роста, происходит мобилизация политических элит с участием всех слоев бизнеса, а также гражданского общества»¹.

Изменение приоритетов у собственно экономических агентов зависит в гораздо меньшей степени от общественного мнения или политических приоритетов государства. В гораздо большей степени

¹ Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 67.

приверженность экономических агентов принципам инновационного поведения определяется уровнем конкуренции на отраслевых рынках, как на национальных, так и международных рынках. В этой связи возникает сложная проблема структуризации эффектов конкуренции. Это важно для реализации селективной государственной поддержки отечественным производителям. В случае, если государство будет защищать отечественных производителей без учета того, что их неконкурентоспособность полностью или частично может быть связана именно с отсутствием инноваций, это станет антистимулом для экономических агентов с точки зрения инновационного поведения.

Инновационная инфраструктура в регионе опирается на систему инфраструктурных объектов в форме технопарков, технозон, бизнес-парков. Они предоставляют предпринимателям в области малого и венчурного бизнесов, ориентированных на инновационное производство и оказание услуг, на льготных условиях площади, оборудование, услуги по маркетингу, инжинирингу, технологическому консультированию, учету и юридическому сопровождению.

Важнейшей составляющей инновационной политики на уровне предприятий и организаций является подготовка кадров не только по узким специальностям, но, главное, готовых к гибкому реагированию на быстрое изменение технологических параметров, производственных структур, управленческих моделей. Это практически невозможно сделать в форме создания «инновационных специальностей». Новые специальности, конечно, должны и будут появляться в связи с постоянным изменением технологического облика в экономике. Однако главной задачей будет являться переход к подготовке по всем техническим и экономическим специальностям специалистов, способных к гибкому изменению специализации и подстройке к научно-техническим и экономико-управленческим новшествам. Это может быть достигнуто только при создании системы постоянного обучения. Действующие университеты не в состоянии подготовить специалистов, заложив в них программу, рассчитанную на периодическую перезагрузку информацией и умениями в соответствии с изменениями экономико-технологической системы. Такая «перезагрузка» должна осуществляться периодически в рамках программ переобучения специалистов разного уровня по программам и графику самих производителей.

Следовательно, в перспективе появится поддерживающая система обучения в форме постоянно функционирующих программ корпоративного тренинга в университетах региона. Это будет содействовать постоянному увеличению человеческого капитала каждого данного региона и каждого хозяйствующего субъекта.

8

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Декларирование приоритетности для национального развития в XXI в. развития Дальнего Востока вызвало в области институционального строительства обширные и многообещающие инициативы. Первоначально дискутировался вопрос о создании госкорпорации по развитию Сибири и Дальнего Востока с широкими полномочиями при подчинении ее непосредственно Президенту РФ. Однако в мае 2012 г. было создано Министерство по развитию Дальнего Востока, а в сентябре 2013 г. Постановлением Правительства РФ – Комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Вновь образованное министерство в марте 2013 г. представило государственную Программу «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Ключевыми инструментами ее реализации полагались комплексные инвестиционные проекты (КИП), набор которых свидетельствовал о желании развивать макрорегион по всем направлениям и по всем территориям.

Но уже в августе 2013 г. в условиях нарастания кризиса в экономике реализация КИПов, требующих огромных бюджетных вложений, оказалась под вопросом. При этом развитие Сибири и Дальнего Востока было объявлено «национальным приоритетом на весь XXI век»¹, и уже в апреле 2014 г. Министерство по развитию Дальнего Востока приступило к корректировке программы. В новой версии на смену КИПам пришли ТОРы, а масштабы бюджетного финансирования сократились более чем в десять раз. Институциональным обеспечением этой версии программы стал федеральный закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (декабрь 2014 г.).

Быстро появились и новые институциональные инициативы

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию, 12 декабря 2013 г.

(федеральные законы: № 212 «О свободном порте Владивосток» от 13.7.2015 г.; № 119, более известный как «Закон о дальневосточном гектаре» от 01.05. 2016 г.; № 252 от 03.07.2016 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации” и Федеральный закон “О свободном порте Владивосток”»).

8.1. Исторические аспекты новаций в политике государственного регулирования

Особое место в череде формальных и неформальных решений по проблемам развития Дальнего Востока в имперский период российской истории занимает законотворческая деятельность по организации переселения на Дальний Восток и непосредственно связанный с этим вопрос о землепользовании. Анализировать эволюцию институтов и организаций развития в этой области без понимания проблем границ региона невозможно.

Первоначально Дальний Восток – часть Сибири, а в административном отношении – Амурская и Приморская области, образованные в 1858 и 1856 г., которые входили в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство в составе Амурской, Приморской и Забайкальской областей. Последняя была в 1906 г. передана в состав Иркутского генерал-губернаторства. Именно Приамурское генерал-губернаторство в границах 1906 г. мы и рассматриваем в качестве Дальнего Востока (интересно, что в первоначальных схемах районирования Госплана начала 1920-х гг. можно найти Дальний Восток, Ленско-Байкальскую и Якутскую области).

Вслед за юридическим установлением государственной границы согласно договорам с Китаем следует принятие «Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях». Эти Правила, составленные генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н. Н. Муравьевым-Амурским и получившие Высочайшее утверждение 26 марта 1861 г., по мнению авторов «Колонизации Сибири в связи с общим переселенческим вопросом»¹, стали «основанием для пореформенного законодательства о заселении восточной окраины Сибири»².

¹ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900. 374 с.

² Цит. по: Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX–XX веков. Хабаровск: РИОТИП, 2008. С. 88.

Правила имели целью привлечение в пределы южной части Дальнего Востока всех, кто мог содействовать экономическому развитию края и не требовал бы от правительства дополнительных усилий по организации самого переселенческого процесса. Тем самым законодатель четко зафиксировал свою позицию: в Приамурском крае нужны только те, кто обладал определенным уровнем средств и/или отличался готовностью идти на риск, переселяясь на необжитые земли.

И таким колонистам законодатель был готов предоставить систему стимулов – выбор как способа водворения (отдельными семьями или целыми обществами), так и самого характера земельных отношений, то есть приобретение земельных участков на праве пользования (с возможностью выкупа своих участков по цене 3 руб. за десятину) или же полной собственности.

Другой особенностью Правил 1861 г. было установление максимальной величины семейной доли в 100 десятин, что значительно превышало норму земельного обеспечения не только в Европейской России, но и норму земельного обеспечения государственных крестьян, переселяемых в Сибирь. При этом 100 десятин в Законе – это максимальная норма надела. Между тем на практике местная администрация сделала 100 десятин абсолютной нормой, то есть всем возникшим в крае деревням стали отводить по 100 десятин на семью, не принимая в расчет ни качество угодий, ни их взаимное отношение.

Законодатель, не имевший возможности входить в рассмотрение местных условий, хотел предоставить местной администрации возможно более широкий выбор наделов, установив только максимальный размер для самых худших в крае земель. Но местная администрация разом избавила себя от всяких хлопот по оценке земель¹. Хотя следует принять во внимание и тот факт, что у местных администраций вплоть до организации Уссурийской партии в 1900 г. не было средств на проведение подобного рода работ.

Кроме того, Правила 1861 г. предусматривали широкий спектр льгот: переселенцы в Приамурский край освобождались на 10 рекрутских наборов, навсегда – от подушной подати, на 20 лет – вообще от всяких платежей в пользу казны, а для переселявшихся в Южно-Уссурийский край особыми Правилами 1866 г. устанавли-

¹ Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей / Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. II. Вып. II. М., 1896. С. 12–13.

валась еще выдача ссуд до 100 руб. на семью и запас продовольствия на год со времени вселения в край. И хотя Правила 1866 г. не оказали сколько-нибудь существенного влияния на ход переселенческого движения в Южно-Уссурийский край, но сам факт их появления свидетельствует о том, что и местная администрация, и правительственные органы понимали, что Дальний Восток неоднороден по условиям вселения, и это необходимо учитывать в законодательных актах.

Однако следует признать, что Правила 1861 и 1866 г. не привели к массовому переселению в Приамурский край. Причин тому было несколько. Во-первых, конкуренция со стороны Предкавказья, Предуралья и Степного края. Так, по данным А.А. Кауфмана, «в течение 1870-х гг. в одной только Кубанской области осело 200 тыс. иногородних; Уфимско-Оренбургский край за это же время принял до 120 тыс.»¹. Во-вторых, отсутствовали сколько-нибудь развитые пути сообщения. В-третьих, не выдавались материальные пособия ни в ходе переселения, ни при водворении переселенцев в местах вселения. Наконец, право приобретения земельных участков в собственность явно не могло служить побудительным мотивом при том земельном просторе, который был в то время на Амуре.

Таким образом, Правила 1861 г. – это институциональная оболочка на перспективу, так как для реализации заложенных в них положений не было объективных оснований. А само государство еще не в полной мере осознавало, каковы перспективы Дальнего Востока. Поэтому неудивительно, что «большинство переселенцев, получивших разрешение переселиться на Амур, не обладавшие ни энергией, ни средствами для преодоления трудностей бесконечно длинного пути, оседало в Западной Сибири или в Оренбургском крае»².

Удивляться надо тому, что были колонисты, готовые пойти на этих условиях в Приамурский край, и среди них особо следует упомянуть русских старообрядцев. Участники экспедиции общеземского союза 1907 г. отмечали, что «в образовании особого типа амурского переселенца сыграло роль наше сектантство... староверы ... явились полными силы “бойцами” против тяжелых природных условий новой страны и, в значительной степени, победили их. Они дали тон Амурской крестьянской жизни»³.

¹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 349 с. + Приложения. С. 22.

² Там же.

³ Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. М., 1908. С. 720.

Общий вывод заключается в том, что правила были, но воспользоваться ими смогли далеко не все. Но те, у кого это получилось, создали такие хозяйства, которые по своим масштабам и эффективности не уступали, как сказали бы сейчас, лучшим мировым образцам.

Однако в это период не существовало бесплатной раздачи земли, да еще кто где захочет. Ситуация меняется в начале 1880-х гг., когда в правительственных сферах все-таки определились с местом Дальнего Востока в системе не только национальных, но и геополитических интересов России. И во главу угла была поставлена крестьянская колонизация, что, конечно, не отменяло колонизации казачьей¹, но приоритет все-таки был за крестьянским переселением. То есть южная часть региона стала рассматриваться как земледельческая колония.

Поэтому в Законе от 26.01.1882 г.² были сохранены все льготы из Правил 1861 г. При этом была подтверждена не только максимальная норма надела в 100 десятин, но и установлен минимальный размер надела – в 15 десятин на душу. Закон предоставлял переселенцам: 1) освобождение на родине от всех недоимок; 2) отвод земли – не менее 15 десятин на душу и не более 100 на семью – с правом выкупа в собственность по 3 руб. за десятину; 3) освобождение от государственных податей и повинностей на 5 лет (общественные повинности оставались на переселенцах); 4) даровой проезд из Одессы во Владивосток; 5) продовольствие на 1,5 года; 6) 100 руб. на заготовку материалов для строительства жилища; 7) пару лошадей или быков; 8) одну корову; 9) семена для полевых и огородных посевов; 9) предметы хозяйственного обзаведения (28 названий).

Если сопоставлять Правила 1861 г. и Закон от 26.01.1882 г., то следует обратить внимание на две новации, имеющие большое

¹ В ноябре 1894 г. генерал-губернатор Приамурского края С.И. Духовской предоставил отвод казачьим войскам во временное пользование, чтобы они могли поправить свое экономическое положение. «Отвод Духовского» – это полоса вдоль границы шириной 25 верст, а в некоторых случаях – до 100, общей площадью 9 142 359 десятин. Общая стоимость пригодных богатств «отвода» – 1 млрд руб. Отметим, что эта инициатива местной администрации оказалась вполне удачной, и действительно в короткие сроки казачьи хозяйства «поправили» экономическое положение.

² Инициатива исходила от генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина, который в 1881 г. внес в Министерство внутренних дел предложение продлить действие Правил 1861 г.

значение. Во-первых, государство берет на себя издержки по обустройству крестьян-переселенцев, и, во-вторых, организацию их доставки морским путем. Впрочем, через два года была разрешена и самоокупаемая (на своем содержании) перевозка, при самой широкой помощи и поддержке правительства.

Закон от 26.01.1882 г. подвергся в 1892 г. пересмотру в той части, которая касалась отчуждения казенных земель в частную собственность. При рассмотрении этого вопроса в Государственном совете было признано необходимым сохранить за переселенцами право выкупа своих наделов в собственность. Но, и это крайне важно, было высказано мнение о полном запрете продажи земли иностранным подданным. Кроме того, было признано целесообразным придать прежней цене (3 руб. за десятину) значение нижней предельной цены, установив при этом максимальный размер участков, продаваемых в одни руки, в 400 десятин. Все эти положения получили силу закона, утвержденного 18.06.1892 г.

Дальнейшему обсуждению вопрос об отчуждении казенных земель в Приамурском крае подвергся уже в 1895 г. в Комитете Сибирской железной дороги. В результате Комитет постановил, во-первых, пересмотреть правила, касающиеся продажи казенных земель в Амурской и Приморской областях, во-вторых, запретить продажу земель в районе Уссурийской и проектируемой линии Амурской ж.д. и, в-третьих, до окончательного пересмотра упомянутых выше узаконений позволить продажу земель лишь с разрешения Приамурского генерал-губернатора.

На эволюцию институтов экономического развития повлияла Русско-японская война. После 1907 г. «пригодность Приамурья для земледелия была подвергнута сомнению. Последовавшие исследования природных богатств дали основания многим ученым и практическим деятелям смотреть на окраину, как на колонию промышленную. Эта точка зрения считается в настоящее время наиболее распространенной»¹.

Эта смена стратегии освоения сопровождалась институциональными новациями, направленными на инфраструктурное обустройство территорий и содействие развитию сельского хозяйства, которое во все большей мере приобретало предпринимательский характер.

Показательно, что после того как в 1906 г. аграрная политика правительства П.А. Столыпина активизировала переселенческое

¹ Куртеев К.К. Экономическая проблема Приамурья. Владивосток, 1921. С. 3.

дело¹, в 1907 г. в Приморскую область прибыло 61 722, а в Амурскую – 11 782 человека². Реакция на столь неожиданно большой поток переселенцев последовала незамедлительно. И хотя большая часть переселенцев шла не за землей, а за заработками (в строительстве железных дорог, портов, на рыбные и лесные промыслы), правительство и местная администрация приступили к разработке мер по инфраструктурному обеспечению районов вселения³.

Кроме того, предпринимались активные действия по созданию индустриального комплекса в регионе, развитие которого опиралось бы на уникальные по масштабу и качеству природные ресурсы и близость к рынкам Китая, Японии и Кореи.

Параллельно формировались законодательные основы регулирования регионального рынка труда. Массовый наплыв в регион китайских рабочих стал побудительным мотивом принятия Закона от 21 июня 1910 г., воспретившего наем китайцев на производимые средствами казны работы. Отметим, что уже в 1911 г. проводится массовое обследование рынка труда, то есть каждая институциональная новация предполагала не только научную проработку вопроса, но и проведение исследований, направленных на выявление последствий изменения институтов.

Организационная структура управления развитием Дальнего Востока. В центре в рамках первого периода, то есть примерно до середины 1880-х гг., отсутствовал орган, ответственный за развитие Дальнего Востока, так как регион был частью Сибири и объектом регулятивной деятельности сибирских комитетов⁴. Только после создания в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства Дальний Восток стал самостоятельным объектом государственного регулирования. При этом генерал-губернатор до 1911 г. был одновременно высшим и военным, и гражданским начальником, то есть фактически заместителем российского императора. Такое совмеще-

¹ Был введен льготный железнодорожный тариф и предпринята система мер по облегчению тягот в ходе переезда на новые места и обустройства на них.

² Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. М., 1908. С. 147.

³ Уже в 1908 г. местная администрация инициирует исследования Нижнего Амура на предмет выявления нужд местного населения. А в 1910 и 1911 гг. осуществляется массовое обследование хозяйств крестьян-старожилов. И перечень исследований подобного рода весьма и весьма велик.

⁴ Было два сибирских комитета. Первый комитет с 1821 г. по 1838 г., второй – с 1852 г. по 1864 г. Координирована ли деятельность ведомств по разработке государственной политики в отношении Сибири.

ние функций на начальных этапах развития региона было не только оправданно, но и необходимо.

Аппарат, то есть Канцелярия приамурского генерал-губернатора, была весьма немногочисленна, но весьма эффективна. Можно предположить, что этому способствовало привлечение к подготовке управленческих решений неформальных организаций двух типов – научных обществ и объединений предпринимателей.

Среди первых – Общество изучения Амурского края (ОИАК) и Приамурский отдел Императорского Русского географического общества (ИРГО)¹, которые, помимо организации экспедиций, музеев, научных библиотек, научных собраний, служили площадками для обсуждения конкретных проблем экономического развития региона. Качество же обсуждений было обеспечено уровнем образования участвующих в этих собраниях.

Среди вторых – сообщества предпринимателей, зачастую объединенных только общими интересами. Они инициировали самые различные совещания, на которых обсуждались проблемы развития отдельных отраслей и территорий Дальнего Востока (сельского хозяйства, горного дела, лесной промышленности и рыболовства и т. п.) и предлагались решения этих проблем.

Материалы этих совещаний публиковались и были доступны всем желающим. Но, конечно же, как бы ни были значимы обратные связи в системе управления посредством неформальных организаций, главными «игроками» были правительственные и местные органы управления. Их можно достаточно условно разделить на действующие на постоянной и на временной основах.

Среди первых особого внимания заслуживает Переселенческое управление, на которое с 1896 г. возлагались обязанности не только по определению контингента будущих переселенцев, но и организации переселенческого движения, подготовке мест вселения и попечении о первоначальном устройстве переселенцев. В 1911 г. на местах, помимо чиновников по особым поручениям, действовали районные управления; на территории Дальнего Востока – Амурское и Приморское. Заслуживает упоминания и Приморский областной статистический комитет (ПОСК)², который, помимо привычных для современных органов статистики мероприятий, осуществлял массовые обследования и крестьянских хозяйств, и промышленных заведений.

Что же касается «временных организационных структур», то в

¹ Оба общества организованы в 1894 г. во Владивостоке и в Хабаровске.

² Организован в 1895 г.

качестве примера можно привести поездку товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого в 1908 г. на Дальний Восток. В Совещании по вопросам колонизации дальневосточных областей была предложена система мер, многие из которых представляют интерес и в наши дни. Отмечалось, что, во-первых, усилия Переселенческого управления следует сконцентрировать не столько на расширении землеотводных работ, сколько на постановке «возможно более подробных и тщательных обследований в пределах заселяемых уже пространств...». А, во-вторых, «заселение новых пространств должно идти с известной постепенностью, опираясь на районы, экономически уже окрепшие»¹. Иначе говоря, первоочередные районы вселения – это районы вокруг уже сложившихся крупных экономических центров.

Интересны особенности разработки и осуществления крупных инвестиционных проектов. В этой связи полезно вспомнить историю постройки Амурской железной дороги. Вначале Совет министров принимает решение об организации экспедиции для колонизационного обследования района Амурской железной дороги, более известной как Амурская экспедиция 1910 г.² Она имела комплексный характер, к ее работе были привлечены геологи, геоботаники, гидротехники, почвоведы, климатологи, экономисты и статистики. Причем это были либо уже широко известные исследователи, либо те, которые очень скоро стали таковыми. И в полевых экспедициях, и в обработке материалов принимали участие не только специалисты из ведущих научных организаций России, но и местные исследователи. Результаты исследований и сама их организация все еще могут служить примером того, как следует готовить решения по прорывным инвестиционным проектам.

В 1909 г. при Совете министров создается специальный межведомственный координационный орган – Комитет по заселению Дальнего Востока, в состав которого входили практически все министры тогдашнего правительства, во главе с премьер-министром

¹ Журнал Совещания по вопросам, касающимся колонизации Дальневосточных областей, образованного в 1908 году в г. Хабаровске, при участии высочайше командированного на Дальний Восток товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1908. С. 22–23, 83.

² Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 3. Амурская экспедиция 1910 года. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010; Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов // Ойкумена. 2010. № 3. С. 7–28.

П.А. Стольпиным. Этот орган собирался не часто, но его деятельность была эффективной. И работал он по вполне определенным проблемам, будь то организация Амурской экспедиции 1910 г. или обследования по «рабочему вопросу» в Приамурском крае. Интересно и то, что обходился он без специального аппарата, распределяя и координируя работы по тем или иным проектам между отдельными ведомствами и местной администрацией.

8.2. Проект институциональных инноваций в отношении развития Дальнего Востока

В разделе 3 описаны этапы конструирования системы управления развитием региона в советский период (1922–1991 гг.) и причины финального неуспеха этой системы. Изменение экономического механизма, которое формально датируется 1992 г., фактически видоизменил представление и оценку вероятности перспективы развития региона уже к концу 1987 г. Принятая в этом же году государственная долгосрочная программа развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. как раз и была попыткой реакции на изменение ситуации в экономике страны. Выше отмечалось, что надежды на успех этой программы был изначально иллюзорен в связи с внутренней конфликтностью самой экономической системы. Эта конфликтность определялась тем, что на микроуровне (для предприятий и объединений) были введены элементы экономической свободы с передачей прав по принятию решений об использовании производительных ресурсов предприятий при сохранении обязательств экономического центра по выделению ресурсов для создания комфортной среды для функционирования агентов экономики.

Понимая это, центр провозгласил, что необходимость в прямом государственном управлении всеми процессами общественного воспроизводства при помощи плановых заданий и деятельной регламентации хозяйственной деятельности предприятий и организаций отпадает. Тем самым процесс принятия решений по поводу развития Дальневосточного региона и Забайкалья был перемещен на уровень предприятий, организаций, министерств и ведомств (в лучшем случае). К этому добавился постоянно обостряющийся на протяжении 1988–1990 гг. дефицит капитальных вложений. Обострение политических противоречий между Союзом и республиками трансформировалось в провозглашение необходимости перенести центр тяжести по формированию социальной, структурной,

инвестиционной и экологической политики на республиканский уровень и даже на уровень местных Советов, оставив в компетенции Союза только формирование общегосударственных целей и приоритетов, разработку общегосударственных социальных, научно-технических и экологических программ и некоторые общие инфраструктурные функции.

Это в корне меняло все представления о возможностях и инструментах преодоления кризиса в регионе и требовало определения новой парадигмы регионального развития и управления, опирающейся на ставший к началу 1991 г. неизбежным процесс встраивания в экономический механизм рыночных регуляторов и открытия экономики для внешних взаимодействий.

К 1991 г. стало вполне очевидным, что Дальний Восток может развиваться лишь как открытый в обе стороны регион – в сторону тихоокеанского кольца и в сторону Европейской России. В закрытом состоянии регион обречен на быстрое вымирание. Конкурентоспособность практически всех видов продукции для внутреннего рынка чрезвычайно мала. Следовательно, надежды на экономическое развитие за счет привлечения сюда капиталов и создания нового экономического потенциала и увеличения доходов не осталось.

Привлекательность для иностранных производителей падала из-за закрытости региона, как и всей России. Нарращивание импорта могло опираться только на экспорт конкурентоспособных на тихоокеанском рынке сырьевых товаров. Но наращивание этого экспорта все более осложнялось таможенным регулированием и усилением централизованного контроля за экспортом стратегического сырья. Для прорыва этого порочного круга необходимо было создать условия для свободного движения капиталов, людей и технологий между Дальним Востоком и Восточной Азией, что в свою очередь явилось бы стимулом для привлечения в регион внутрироссийских капиталов¹.

В то же время экономико-географическое положение региона как «экономического острова», что усугубилось во второй половине 1980-х гг., позволяло поставить своеобразный экономический эксперимент по введению на его территории «режима открытости», превращению Дальнего Востока в привычное и выгодное поле деятельности для инвесторов и предпринимателей и в то же время в безопасное для потребителей и резидентов место.

¹ О стратегии социально-экономических преобразований в России (совместный доклад) / Отделение экономики РАН и Международный фонд «Реформа». М., 1992. 20 с.

Проект этого эксперимента был предложен в 1990 г.¹ Его смысл заключался в создании особого экономического режима в регионе, режима наибольшего благоприятствования для деятельности отечественного и иностранного и смешанного предпринимательства. Основные принципы этого режима сводятся к следующему:

1) стимулирование инвестиций и функционирования предпринимательского капитала на территории региона; налоговые стимулы не могут являться достаточно действенными, учитывая удорожающие факторы и неосвоенность региона, отсутствие инфраструктуры, что повышает капиталоемкость производства, наиболее мощными стимулами могут быть:

– для отечественных предпринимателей – предоставление полной свободы операций и контактов с внешним миром (страны АТР) и льготный режим валютных операций;

– для иностранных и смешанных капиталов – получение широкого доступа на внутренний рынок Дальневосточного региона и Забайкалья, а также (через этот регион) других регионов и республик;

2) для обеспечения процесса «открытия» рынка Дальневосточного региона и Забайкалья в направлении АТР необходимо создание региональной банковской системы, гарантирующей конвертируемость рублевых доходов производителей, осуществляющих операции на данной территории;

3) широкое использование для финансирования инфраструктуры, поддержки рынка и социальных программ средств, мобилизуемых внутри региона на межтерриториальной основе в рамках общерегионального фонда экономического развития, а также средств специально создаваемого общегосударственного фонда развития этого региона, который должен мобилизовать средства в разных регионах страны у разных производителей, заинтересованных в развитии региона и получении с его помощью продукции и услуг, в том числе международных: мобилизация средств осуществляется равными методами, в том числе посредством размещаемых с помощью региональной банковской системы межрегиональных займов;

4) создание локальных свободных экономических зон на территории региона, которые должны выполнить функцию катализаторов иностранного предпринимательства и стимулировать экспортно ориентированные производства;

5) использование сырьевого потенциала региона для создания

¹ Минакир П.А. Концепция долговременного развития Дальнего Востока. Препринт научного доклада. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990.

экономической основы процессов конвертируемости рубля в операциях Дальневосточного банка.

Практически легитимизация вышеизложенных принципов означало бы законодательное закрепление за регионом основных положений статуса свободного предпринимательства, основные элементы которого следующие.

А. Стимулирование инвестиций и предпринимательской деятельности национальных, совместных и иностранных предприятий, фирм и организаций, функционирующих на территории региона или инвестирующих на этой территории, с предоставлением им равных прав и равных обязательств перед регионом. В систему регулирования на национальном и региональном уровнях имплементируются следующие меры стимулирования инвестиций.

Налоговые льготы и условия:

- освобождение всех предприятий, независимо от национальной принадлежности и форм собственности, с планируемым сроком функционирования не менее 10 лет, от налога на полученную прибыль в первые 3 года после получения объявленной прибыли; дополнительно к этому иностранные предприятия или предприятия с иностранным участием освобождаются от налога на прибыль в первые 5 лет после получения объявленной прибыли в качестве меры дополнительного стимулирования привлечения иностранного капитала;

- установление нормы налога на прибыль в регионе не более 20–25%, при этом высокотехнологичные предприятия и предприятия с высокой долей экспортной продукции в общем объеме производства (порядка 70%) могут получать льготу по налогообложению до 50% ставки налога;

- освобождение иностранных юридических и физических лиц на срок до 10 лет от налога на перевод за границу прибыли и личных доходов;

- освобождение иностранных и совместных предприятий в регионе от налогов на ту часть объявленной прибыли, которая направляется на финансирование социальных объектов и объектов производственной инфраструктуры, а также направляемой для реинвестирования в регионе части прибыли;

- разрешение ускоренной амортизации основного капитала для всех предприятий в регионе, амортизационный фонд полностью остается в распоряжении предприятия;

- исключение из подлежащей налогообложению прибыли затраты на капиталовложения для модернизации производства, внедрение новых технологий и технических систем, развитие социально-культурной сферы в регионе;

– установление дополнительных льгот для предприятий и ассоциаций, образуемых на межтерриториальных основах и занимающихся производством продукции или оказанием услуг общерегионального назначения за счет концентрации общерегиональных ресурсов.

Финансовые и тарифные льготы:

– гарантия всем иностранным и совместным предприятиям, а российским предприятиям в части, соответствующей объему их экспортной деятельности, конверсии рублевых средств в иностранную валюту по рыночному курсу через Дальневосточный банк экономического развития (ДВБЭР);

– установление для иностранных, совместных и российских предприятий в регионе, создающихся в наиболее важных секторах экономики и решающих наиболее важные проблемы территории, в течение первых 5 лет после начала функционирования, льготных ставок всех видов рентных платежей, арендной платы за землю, здания и сооружения, тарифы платы за воду, электроэнергию, связь и другие виды коммунальных услуг за счет средств государственного фонда развития;

– предоставление всем фирмам и предприятиям возможности получения льготных банковских кредитов через ДВБЭР для организации производства импортозамещающей продукции.

Организационные условия:

– установление в регионе упрощенного порядка регистрации иностранных, совместных предприятий посредством принятия решений местными органами власти с проведением предварительной экспертизы;

– предоставление предприятиям, находящимся в государственной форме собственности, прав организации совместных предприятий за счет собственных ресурсов при согласовании с вышестоящими организациями в соответствии с общими правилами регистрации иностранных капиталов и предприятий в регионе;

– предоставление всем субъектам хозяйствования прав на осуществление товарообменных и посреднических операций с товарами и услугами, производимыми в пределах региона;

– установление для всех субъектов хозяйственной деятельности деловой и бухгалтерской отчетности на основе зарубежных стандартов и методик;

– организация материально-технического снабжения в регионе через товарную биржу.

Таможенные льготы:

– установление льготных таможенных пошлин на экспорт то-

варов и услуг, произведенных в регионе, и освобождение от таможенных пошлин, импортных товаров производственного и потребительского назначения, предназначенных для осуществления предпринимательской деятельности;

– отлаженное взимание таможенной пошлины в уменьшенном размере с импортируемых компонентов и сырья, используемых в производстве на территории региона товаров, предназначенных для реализации на внутреннем рынке других регионов республики и Союза;

– установление льготных таможенных пошлин на товары и услуги, экспортируемые транзитом через регион из внутренних районов СССР, в части, соответствующей стоимости, добавленной на территории Дальневосточного района и Забайкалья (в случае осуществления в регионе финишных операций по производству, упаковке и пр.).

Создание Дальневосточного банка экономического развития (ДВБЭР) и государственного фонда социально-экономического развития региона (ФРДВ). Банк создается как элемент государственной банковской системы, при этом являясь особым и самостоятельным государственным банком акционерного типа. Акции этого банка, кроме государственных структур, могут распространяться также среди коммерческих банков, территориальных органов, деловых кругов, в том числе и за границей. ДВБЭР, таким образом, тесно связывается с союзной и республиканской банковскими системами.

Кроме этого, стимулируется создание сети филиалов иностранных банков. ДВБЭР наделяется правом и ресурсами (в том числе валютными) для осуществления заграничных операций. Им выполняются основные задачи по финансированию и кредитованию проектов экономического развития и сотрудничества региона, включая финансирование из государственных фондов. Важнейшей задачей ДВБЭР является обеспечение частичной конвертируемости рублевых депозитов, корреспондирующих с экономической деятельностью в пределах региона, на основе экспортных операций и установления справедливого (рыночного) курса рубля по отношению к иностранным валютам. На территории региона необходимо поддерживать исключительно рублевое денежное обращение, включая и систему налогообложения.

Фонд должен представлять собой финансовую организацию, опирающуюся на государственную поддержку, причем государство (союзный и республиканский бюджеты) может и должно быть одним из наиболее активных участников и спонсоров этого фонда. Фонд мобилизует финансовые средства регионов, республик, пред-

приятий на основе распространения акций ключевых объектов инфраструктуры и сырьевого сектора Дальнего Востока и Забайкалья, а также проведения крупномасштабных займов. Организует работу по привлечению предпринимательского капитала на территории страны для инвестирования его на Дальнем Востоке и в Забайкалье, оказывает помощь инвесторам в изучении условий инвестирования, страхования рисков и пр.

Средства данного государственного фонда должны быть использованы для реализации идеи государственного обеспечения социально-экономического развития региона. Государственный бюджет не может и не должен в условиях рыночной экономики финансировать все экономическое развитие и все элементы социальной программы. Это нереально, и обещания подобного финансирования только дезорганизуют регион и блокируют возможные шаги по использованию собственных возможностей. Данный фонд (ФРДВ) необходим для финансовой и материально-технической поддержки важнейших проектов развития социальной и производственной инфраструктуры, а также для стимулирования инвестиций на развитие производств, имеющих ключевое значение для совершенствования экономической структуры региона и повышения его эффективности. Финансирование из ФРДВ нужно производить по программно-целевым принципам.

За счет средств данного фонда, как правило, будут финансироваться проекты общерегионального значения, которые ориентированы не на получение прибыли, а на создание условий для сбалансированного экономического развития, что служит общеэкономической базой коммерческой деятельности и способствует созданию инфраструктуры, обслуживающей, например, транзитные потребности разных регионов и предпринимательских структур. В перспективе подобные проекты, как правило, становятся коммерчески выгодными и способны приносить дивиденды.

Имеются в виду проекты:

- развития производственной инфраструктуры (энергетика, система топливоснабжения, дорожно-транспортное строительство, связь, создание концентрированных баз строительной индустрии);
- строительства и реконструкции важнейших производственных объектов, определяющих развитие экономики региона и гарантирующих государственный и региональный контроль над социально-экономической ситуацией. Особое значение имеет финансирование за счет ФРДВ «пусковых объектов» – объектов, определяющих возможности наращивания производственного потенциала всего региона и имеющих структурообразующий характер;

– решения экологических проблем.

Кроме ФРДВ предлагалось создание бюджетных фондов поддержки региона на основе как союзного, так и республиканского бюджета. Их задачей должно быть в основном обеспечение социальной поддержки населения, создание и поддержание социального минимума в области обеспечения жильем, коммунальными услугами, услугами здравоохранения и образования, а также финансирование отдельных проектов инфраструктурного характера.

В дополнение к ФРДВ предлагалось создать валютный фонд регионального развития как часть общесоюзного валютного фонда и предназначается для финансирования важнейших проектов социально-экономического развития региона, которые носят международный характер и имеют важное значение не только для самого Дальневосточного района и Забайкалья, но и для других регионов страны (реконструкция и строительство морских портов, магистральных железных дорог, магистральных каналов связи, обустройство свободных экономзон и др.), а также для обеспечения гарантий по иностранным обязательствам региона (в том числе и для обеспечения конвертируемых расчетных счетов через ДВБЭР).

Для обеспечения операций ДВБЭР и ФРДВ по конвертируемости рубля, гарантий иностранных инвестиций и займов создается залоговый фонд, величина которого определяется размером операций с конвертируемой валютой и размером гарантируемых активов иностранных партнеров. Для создания залогового фонда необходимо часть природных ресурсов региона, включая запасы руд цветных и благородных металлов, лесные и рыбные ресурсы, пушнину, передать в исключительное распоряжение и пользование местным органам власти на основе договора между ассоциацией, представляющей регион, с одной стороны, и правительствами Союза и республики – с другой стороны. Для обеспечения гарантии валютных операций ДВБЭР, частичной сбалансированности платежей необходимо создать золотой запас ДВБЭР на основе части продукции золотодобывающей промышленности региона.

Кроме этого, источниками формирования залогового фонда могут являться:

- доходы в свободно конвертируемой валюте (СКВ), полученные от продажи предприятий в собственность иностранным юридическим и физическим лицам;
- часть доходов в СКВ от внешнеторговой и предпринимательской деятельности, аккумулируемых местными органами власти;
- часть доходов от арендных платежей, платежей за концессии, услуги инфраструктуры и пр.;

- часть доходов от поступающих в СКВ налогов, доходов от ценных бумаг и депозитов в иностранных банках;
- иностранные кредиты, полученные для создания гарантийного фонда и обеспечения конвертируемости платежных средств в регионе;
- отдельные ресурсы (месторождения минерального сырья, лесопокрытые площади, рыбные поля), которые могут передаваться на условиях концессии или на других приемлемых условиях в пользование партнеру в случае серьезных финансово-экономических осложнений или форс-мажорных обстоятельств;
- земельные участки, обладающие экономической ценностью.

Собственность и контроль. Вопрос о разграничении прав собственности на землю и другие природные ресурсы решается по согласованию местными органами власти и правительствами региона и республики. Земля и природные ресурсы на территории региона, составляющие фонд приватизации, а также земельные участки и природные ресурсы, являющиеся коммунальной собственностью, передаются в собственность юридическим и физическим лицам, независимо от гражданства. Данный порядок устанавливается для регионов в качестве дополнительной льготы во изменение законодательства РСФСР. Всем предпринимателям предоставляется право длительной (до 50 лет) аренды земли, зданий и сооружений в целях осуществления коммерческой общественной деятельности.

На территории региона разрешаются любые виды экономической деятельности в рамках установленных правил и ограничений, направленных на гарантию сохранения окружающей среды и соблюдение экономических интересов территории республики и Союза. Все хозяйственные субъекты в регионе являются полностью самостоятельными во всех коммерческих, организационных и кадровых вопросах. Не допускается какое-либо вмешательство министерств и ведомств в деятельность отечественных предприятий и организаций, расположенных в зоне свободного предпринимательства. Министерства и ведомства могут лишь размещать заказы на коммерческой основе и предлагать также на коммерческой основе услуги (информационные, снабженческие, по реализации продукции и др.).

Организация рынка и денежного обращения. В пределах региона для государственных и коммунальных предприятий может устанавливаться госзаказ на продукцию с обязательной оплатой по государственным ценам и предоставлением полного материально-технического обеспечения в объеме госзаказа. Для предприятий, находящихся в коммунальной собственности, госзаказ имеет форму регионального заказа на тех же условиях.

Для организации внутрирегионального оптового рынка создается товарная биржа с соответствующими обслуживающими фирмами, которая обеспечивает функционирование товарного рынка наряду со специализированными и универсальными торговыми фирмами.

Для предпринимателей, функционирующих в регионе, доступ к оптовому рынку свободен. Свободным является осуществление операций по торговле с другими районами страны. Для защиты сбалансированности товарных и денежных потоков в качестве антиинфляционного стабилизатора используется правило, согласно которому до достижения товарной и денежной фиксированности на внутреннем рынке СССР доступ на внутренний рынок Дальнего Востока и Забайкалья предприятий других регионов страны ограничен денежными средствами этих предприятий на счетах ДВБЭР (или других банков), образуемыми от поступлений в результате реализации продукции данных предпринимателей на рынке региона. Средства с этих счетов могут использоваться лишь на оплату товаров и услуг, а также как инвестиции, однако не подлежат конверсии в иностранной валюте.

Посреднические операции по реэкспорту продукции сырья, завозимого из других районов страны, запрещаются. Устанавливается определенная степень переработки на территории региона ввозимой продукции и последующего ее экспорта. Это не распространяется на продукцию, экспортируемую из других районов страны и следующую транзитом через территорию Дальневосточного района и Забайкалья.

Для стимулирования процессов акционирования и создания рынка ценных бумаг создается фондовая биржа, к операциям на которой допускаются экономические агенты, представляющие любые формы собственности как для данного, так и для других регионов, как государственные, так и иностранные.

Для защиты платежных операций ДВБЭР и курса рубля перевод рублевых поступлений от реализации на территории региона продукции, ввезенной из других регионов страны и республик, а также рублевых накоплений, переведенных из других регионов от реализации там продукции, произведенной в регионе, осуществляется только в размерах, определяемых договорами с этими регионами и республиками о поставке конкурентоспособной экспортной продукции.

Совместные и иностранные предприятия в регионе получают право безлицензионных внешнеторговых операций. Право выдачи лицензии делегируется местным органам власти во всех случаях,

кроме случаев ограничения на торгово-экономические отношения, накладываемых полномочными органами центральной власти по военно-политическим соображениям.

Для поддержания рублевого денежного обращения регионов розничная торговля, оплата труда персонала (кроме иностранного персонала), социальные выплаты, оплата заказов государственных и местных органов осуществляются исключительно в рублях. Остальные платежи могут осуществляться в свободно конвертируемой валюте, но только через банк, с обязательной конверсией в рубли по банковскому курсу.

Предприятиям региона разрешаются операции с акциями и ценными бумагами, в том числе и за рубежом.

Ценообразование в регионе основывается на принципах свободного рыночного ценообразования. Для предприятий, находящихся в государственной собственности, допускается установление цен соответствующими государственными органами. На продукцию и услуги предприятий, находящихся в коммунальной собственности, цены и тарифы устанавливаются по решению соответствующих органов власти.

Для обеспечения гарантированного минимума уровня жизни населения, особенно в первый период, когда товарный рынок не насыщен и конкуренция производителей не развернута, необходимо ввести систему гарантированных розничных цен на продовольственные и промышленные товары по определенному ассортименту. Разницу между рыночными ценами и гарантированными розничными ценами должны компенсировать местные органы власти за счет средств, получаемых от налога с оборота по товарам со свободными ценами. Компенсацию следует производить торговле в соответствии с объемом реально проданного товара оговоренного ассортимента. Для стимулирования снижения цен или их стабилизации по данным товарам необходимо ввести систему стимулирования для производителей, например, снижение ставок налога на прибыль в определенной пропорции по мере снижения цен или же, наоборот, увеличение ставки налога на прибыль пропорционально росту индекса цен с учетом изменения индекса на сырье и комплектующие.

Формирование открытой экономики. Предлагалось принять пакет нормативных актов и законов, определяющий все основные стороны инвестирования и функционирования предприятий и организаций всех форм собственности в этом регионе, содержащий акты:

- о правилах аренды и использования земельных участков;
- о концессиях;
- о налогах и налоговых льготах;

- о таможенных пошлинах и налогах и об их использовании;
- о трудовых отношениях и безработице;
- об иностранных банках, их филиалах и представительствах;
- о заключении договоров о безвизовых перемещениях;
- о порядке и правилах приобретения иностранными юридическими и физическими лицами собственности на территории Дальнего Востока и Забайкалья.

Ссылки на то, что в одной стране не могут действовать разные законы на разных территориях, несостоятельны. В такой стране, как Россия не может быть унифицированного регулирования для всех без исключения региональных зон, каждая из которых представляет собой по масштабам и специфике целую страну. Выше речь шла о законах и нормах, дифференцирующих режим регулирования экономической деятельности в соответствии с особенностями и возможностями конкретного региона. Это совершенно не означает изменения конституционных основ и основополагающих принципов, поддерживающих основные принципы конституции. В нашем понимании именно такая дифференциация есть региональная экономическая политика, а единообразие правил регулирования есть верный залог конечного развала страны в результате внутренних напряжений.

За основу при разработке и принятии законов и нормативных актов, а также собственно региональных норм и постановлений предлагалось принять модель законодательного оформления процедуры экономического регулирования в китайских свободных экономических зонах, что в принципе соответствовало уровню подготовленности региона к интенсивному экономическому росту, общему экономическому уровню, соотношению новых намерений и старых заблуждений. Кроме того, китайская модель заслужила достаточно хорошую репутацию и показала хорошие результаты в течение последних 10 лет.

Интернационализация собственности как основа интеграции на рынке капиталов и технологий. Формальная возможность вкладывать деньги в приобретение объектов государственной собственности и в другие формы собственности, приобретая недвижимость, должна быть существенно укреплена. Для этого предлагалось создать сеть компаний по операциям с ценными бумагами и недвижимостью, ориентированных на иностранных вкладчиков и покупателей. Функционирование рынка недвижимости при этом должно было регулироваться доверенными банками, имеющие функции оценки и установления справедливых рыночных цен для продавцов и покупателей независимо от их гражданства.

Особое значение имела модернизация регулирования прав земельной собственности, в частности на горные и лесные участки и площади, имея в виду установление перечня участков, для которых абсолютно невозможна (даже при законодательном разрешении этой проблемы) продажа, но возможна долговременная аренда на срок 50–75–99 лет, совмещаемая с концессией на разработку.

Концессионная форма предпринимательства предлагалась как стабильный и регламентированный элемент экономической политики в регионе. Реализация концессионной формы предлагалось передать в ведение специальных компаний, задачей которых не должно быть извлечение прибыли из своей деятельности по подготовке и проведению тендеров и концессионных конкурсов, а также торгов и аукционов. Задачей таких компаний должны быть только содействие и организация подобной деятельности. Это предполагало конкуренцию между хозяйствующими в природноресурсной сфере субъектами, между которыми практически поделены наличные сырьевые ресурсы, и новыми пользователями.

Однако существовали значительные потенциальные запасы и территории, которые были либо не разведаны, либо недоступны в настоящее время по финансовым причинам российским предпринимателям и государственным структурам. Они могли бы стать предметом максимально быстрого и разумного развития концессионных проектов при соблюдении следующих условий:

- поставка определенной части продукции на внутренний рынок;
- реинвестиции в обустройство территории и социальное развитие;
- гарантии по использованию современной технологии, обеспечивающей комплексность использования ресурсов и поддержание экологических стандартов.

Таможенное регулирование. Предлагалось предусмотреть:

- снижение таможенной пошлины на 50% при экспорте товаров и услуг дальневосточного происхождения;
- при импорте товаров производственного и потребительского назначения, предназначенных для осуществления производственной деятельности в пределах Дальнего Востока, таможенная пошлина должна быть снижена на 50%;
- отложенное взимание таможенной пошлины в уменьшенном размере с импортируемых компонентов и сырья, используемых в производстве на территории региона товаров, предназначенных для реализации на внутреннем рынке других регионов страны;
- установление льготных таможенных пошлин на товары и ус-

луги, экспортируемые транзитом через регион из внутренних районов страны, в части, соответствующей стоимости, добавленной на территории Дальнего Востока (в случае осуществления в регионе финишных операций по производству, упаковке и пр.);

– установление пониженных таможенных пошлин на экспорт продукции, осуществляемый по квотам администраций краев и областей, в части, соответствующей объему встречного импорта по договорам между администрациями и экспортерами;

– установление льготных таможенных пошлин на экспорт продукции собственного производства предприятий с удельным весом иностранных инвестиций в уставном капитале не менее 30% (по оплаченному капиталу).

Дальний Восток уже в конце 1980-х гг. все в большей степени превращался в транзитный регион. Для компенсации повышенной нагрузки региона и содействия социально-экономическому развитию транзитных коридоров и конечных пунктов предлагалось установить норматив отчислений взимаемых экспортных и импортных пошлин с товаров, следующих транзитом через территорию Дальнего Востока, с направлением этих средств во внебюджетные фонды территорий.

Создание локальных свободных экономических зон. Так же как чрезвычайно трудно «открывать» экономику всей страны одновременно, повсеместно и по всем направлениям, почти невозможно было добиться реального открытия Дальнего Востока в целом и сразу без создания действенного механизма такого открытия. Таким механизмом могли стать локальные свободные экономические зоны, которые бы по аналогии с Китаем играли роль «окон» для проникновения в регион не только капитала и технологий, но и идеологии международного рынка, атмосферы доверия и уверенности.

Аналогия с Китаем кончается очень скоро, когда речь идет о свободных экономических зонах. Условия Дальнего Востока и прибрежных районов Китая чрезвычайно различны. На Дальнем Востоке практически нет густонаселенной прибрежной полосы, благоприятного климата, близко расположенных развитых финансовых и производственных центров с китайским населением и китайским капиталом. Тем не менее свободные экономические зоны могут эффективно использоваться для создания каналов открытия экономики Дальнего Востока.

В качестве свободных экономических зон не могли рассматриваться официальные СЭЗ типа СЭЗ «Сахалин» или «ЕВА», созданные по политическим соображениям в условиях острой политической борьбы союзного и российских центров. Фактически

придание статуса свободной экономической зоны этим территориям стало всего лишь демонстрацией готовности центрального правительства осуществлять более или менее гибкую региональную политику в области экономического регулирования в надежде на способность территории воспользоваться предоставленными льготами для решения своих проблем.

Это оказалось слабым решением по двум причинам. Во-первых, общая дестабилизация экономической и политической ситуации в СССР стала таким сильным отрицательным фактором в международной конкуренции импортеров капитала, что весьма слабые льготы в СЭЗ при сохранении там общей унылой картины в смысле инфраструктуры заведомо не могли помочь изменить ситуацию в пользу дальневосточных СЭЗ. Во-вторых, при огромных масштабах территории СЭЗ количество проблем было и остается так велико, что любые инвестиции должны раствориться, даже при охотном инвестировании в эти СЭЗ произошло бы простое «разубоживание инвестиций».

Несколько лучше ситуация в СЭЗ «Находка», которая территориально гораздо больше напоминает классическую свободную экономическую зону, но общей проблемой для всех СЭЗ стало принципиальное иждивенчество, традиционная экономия на «непроизводственных затратах», затратах на инфраструктуру. Надежды на то, что иностранные инвесторы смирятся так же, как это делают инвесторы отечественные, не имеют шансов на осуществление.

Необходимо было создавать свободные экономические зоны как локальные, с концентрированным вложением капитала, преимущественно государственного, в создание соответствующей общепринятым международным стандартам инфраструктуры при обеспечении максимально стабильного режима регулирования, конкурентоспособного по основным показателям с конкурирующими СЭЗ в других странах Тихого океана, прежде всего в Китае.

На территории Дальнего Востока, учитывая его географию и сложившиеся внешнеэкономические связи, реальный экономический потенциал, предлагалось приступить к целенаправленному формированию ряда свободных экономических зон.

1. СЭЗ «Находка», ориентированная на развитие транспортно-производственных функций.

2. Создание режима свободного города и свободного порта во Владивостоке, который является наиболее естественным пунктом для этого, имеющим кроме того исторический прецедент.

3. Зоны свободной торговли в Уссурийске и Пограничном, ориентированные на торгово-посреднические операции с Китаем.

4. Свободный порт Ванино, ориентированный на генерацию агломерационных эффектов линейного характера вдоль ветки БАМа вплоть до Комсомольска-на-Амуре.

5. Создание режима свободной транспортно-производственной и технологической зоны в Хабаровске с целью использования возможностей, связанных с центральным положением города в системе общедальневосточного транзита (железнодорожного, авиационного, речного), а также технического, технологического и образовательного потенциала, позволяющего создать в перспективе технопарк.

6. Создание в районе Благовещенска свободной экономической зоны, ориентированной на Китай и взаимодействующей с торговой зоной в районе китайского города Хэйхэ.

8.3. Современные новации в государственной политике развития региона

В значительной степени инновации в области институционального строительства на Дальнем Востоке в настоящее время стали следствием неудачного эксперимента с государственными программами «накачки» региона инвестиционными ресурсами. Так, например, в 2007–2012 гг. на Дальнем Востоке был реализован крупный инвестиционный проект с внешними для региона капиталовложениями – строительство инфраструктуры для проведения форума АТЭС. Но за счет государственных капиталовложений не удалось существенно снизить риски для инвестирования в региональную экономику. Приток частного капитала с 2011 г. сменился его оттоком, а для дальнейшего развития компаний проблемой стал поиск инвестиций. Индекс инвестиционного риска (ИИР) региона остается выше, чем в среднем по стране¹, что ставит под вопрос результативность реализации задачи по формированию на территории Дальнего Востока благоприятного инвестиционного климата.

Капиталовложения в рамках имиджевого проекта АТЭС, а так-

¹ Несмотря на его сокращение, которое, как предполагается, было вызвано в целом выравниванием рисков между регионами России. ИИР оценивается рейтинговым агентством «Эксперт РА» и представляет собой сочетание социального, экономического, финансового, криминального, экологического и управленческого рисков. Чем выше значение ИИР, тем выше инвестиционный риск; если отношение ИИР региона к ИИР страны превышает 1, то риск для инвестирования в регионе считается выше, чем в среднем по стране. Для Дальнего Востока ИИР был рассчитан как среднее значение ИИР всех входящих в него регионов.

же в прочую инфраструктуру региона за счет средств федерального бюджета и внебюджетных фондов, не генерируют мультипликативный эффект для региональной экономики. В среднем за 1992–2014 гг. вложение 1 руб. инвестиций в основной капитал увеличивало прирост ВРП Дальнего Востока лишь на 0,14 руб. против 0,2 руб. для России в целом (рис. 8.1).

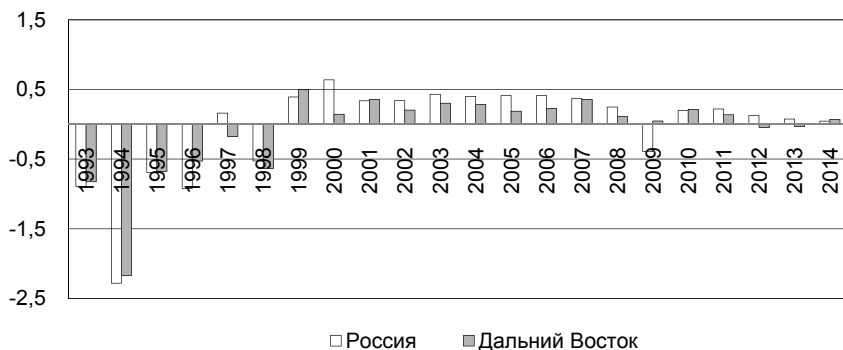

Рис. 8.1. Эффективность инвестиций России и Дальнего Востока, руб./руб.

Примечание: для расчетов был использован показатель эффективности инвестиций, который является обратным предельному коэффициенту капиталоотдачи (Incremental Capital-Output Ratio – ICOR) и отражает отношение прироста ВРП ко всем вложенным инвестициям за год. Показатели приведены к ценам 2014 г.

Источник: рассчитано с использованием данных Госкомстата РФ и оценок автора.

Действительно, для стран с высокой долей природной ренты в экономике важным условием развития является создание инфраструктуры. Использование нефтяной ренты для осуществления государственных инвестиций в инфраструктуру помогло ОАЭ опередить по качеству инфраструктуры такие страны как Австралия и Норвегия. В рамках текущих рассуждений логично вытекает, что государственные инвестиции могут выступить в качестве источника долгосрочного роста экономики с высокой долей природной ренты¹ только при наличии сильных

¹ Как и для стран с незначительной долей природной ренты в ВВП. См.: Rajkumar A.S., Swaroop V. Public spending and outcomes: Does governance matter? // Journal of Development Economics. 2008. Vol. 86. Pp. 98–111.

институтов¹. Однако, как показывает более подробный анализ исследований данной проблематики, не все так однозначно. Если ранние работы в данной области² показали положительное воздействие инфраструктуры на экономический рост, то в последующих исследованиях³ было показано, что государственные расходы на создание инфраструктурных объектов значимо воздействуют на экономику преимущественно стран с низкими доходами на душу населения, вне зависимости от наличия сильных институтов. Говоря иначе, помимо институтов принципиальным моментом является уровень развития страны, когда спрос на инфраструктуру со стороны бизнеса значительно превышает предложение. Несмотря на то, что по качеству транспортной инфраструктуры российская экономика значительно отстает от ведущих экономик мира, Россия является страной со средним уровнем дохода на душу населения. С этой точки зрения, видятся ограниченное воздействие на экономический рост России от создания инфраструктуры за счет государственных инвестиций, так или иначе представляющих собой перераспределенную природную ренту.

На первый взгляд, весьма логично, что за счет решения проблемы с инфраструктурой для предпринимателей снимаются некоторые трудности по организации бизнеса. Однако, это инверсия причинно-следственной связи: действительно, в странах, где делается много бизнеса, обычно хорошая инфраструктура. Но хорошо развита инфраструктура в этих странах потому, что там делается много бизнеса, и бизнес готов вкладывать в эту инфраструктуру, а государство готово спонсировать инфраструктуру, видя, как она нужна бизнесу. Чем меньше уверенность в том, что государство защищает интересы инвесторов и бизнесменов, и устанавливает единые, понятные и исполнимые правила игры, тем меньше бу-

¹ Albino-War M., Cerovic S., Grigoli F., Flores J.C., Kapsoli J., Qu H., Said Y., Shukurov B., Sommer M., Yoon S.H. Making the Most of Public Investment in MENA and CCA Oil-Exporting Countries. International Monetary Fund. Middle East and Central Asia Department – Fiscal Affairs Department. Staff Discussion Notes No.14/10. November 12, 2014; Vandycke N. Natural Resources, Physical Capital and Institutions: Evidence from Eurasia. World Bank Policy Research Working Paper No. 6586. 2013. 1 August.

² Aschauer D.A. Why is infrastructure important? // Conference Series. Federal Reserve Bank of Boston. 1990. Vol. 34. Pp. 21–68.

³ Gupta S., Kangur A., Papageorgiou C., Wane A. Efficiency-Adjusted Public Capital and Growth // World Development. 2014. Vol. 57. Pp. 164–178; Warner A.M. Public Investment as an Engine of Growth. International Monetary Fund WP/14/148. 2014. August.

дет поток инвестиций, какое бы ни было высокое качество инфраструктуры¹.

На Дальнем Востоке крупные инвестиционные программы имеют главным образом государственные корпорации, получающие поддержку в виде льгот и субсидий. Практически каждое третье предприятие в рейтинге крупнейших компаний региона – с государственным капиталом, с большей долей совокупной выручки. На самом деле, доля государственных и муниципальных предприятий в объеме производимых продукции и услуг на Дальнем Востоке еще больше². Закрытость и непрозрачность бизнеса на Дальнем Востоке усугубили крупные российские корпорации, поглощая акционерные общества и превращая их в зависимые структуры, нередко уводя активы из региональной юрисдикции³.

С одной стороны, опыт стран с высоким качеством институтов с высокой долей ренты в экономике (Канада) показал, что эффективность региональных программ развития с государственным участием, а также контролирующих их реализацию соответствующих министерств и агентств, ввиду частой размытости целевых индикаторов⁴ и периодической реорганизации органов власти, является сомнительной⁵, поэтому до сих пор ведется поиск путей и возможностей для сохранения самоподдерживающегося экономического роста регионов. С другой стороны, как показывает опыт стран с высокой долей ренты в экономике, которые постепенно улучшают качество институциональной среды, государственные программы только тогда в целом способствовали снижению региональных диспропорций, когда они были встроены в общую политику по снижению экономических рисков в национальной экономике, создания

¹ Андрей Мовчан: «Без пруда не вытащишь рыбку и с трудом». URL: <http://economytimes.ru/mesto-dlya-diskussiy/andrey-movchan-bez-pruda-neytashchish-rybku-i-s-trudom/>.

² Баркова Е. Умеренно позитивный и скучный год // Дальневосточный капитал. 2011. № 11. С. 20–24.

³ Баркова Е. Поход к Тихому океану // Дальневосточный капитал. 2012. № 11. С. 26–33.

⁴ Зачастую целевым индикатором программ выступает создание рабочих мест и удержание населения без учета реальных структурных изменений и потребностей местных экономик, определяющих их долгосрочный экономический рост. Подробно: Beaumier G. Regional Development in Canada. Economics Division. Revised 27 October 1998. 88–13E. URL: <http://publications.gc.ca/Collection-R/LoPBdP/CIR/8813-e.htm/>.

⁵ Regional Development Planning. The Canadian Encyclopedia. URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/regional-development-planning/>.

конкурентных условий и открытости, а также реализовывались в условиях децентрализации власти, являясь одним из элементов мер по улучшению инвестиционного климата: появление и развитие новых отраслей ресурсной специализации в пионерных регионах Дальнего Юга Чили¹.

ТОСЭРы и Свободный порт Владивосток

Институциональной новацией в регионе является создание специальных зон, на территории которых было решено распространить особый правовой режим таможенного, налогового, инвестиционного и смежного регулирования. В рамках специальных зон за счет налоговых льгот и различного рода преференций, как предполагается Министерством развития Дальнего Востока, для резидентов будут созданы благоприятные условия ведения бизнеса и инвестирования.

Общему описанию, систематизации, особенностям функционирования и оценке эффектов специальных экономических зон (СЭЗ) посвящено большое число исследований. Существует большое количество примеров неудач в построении СЭЗ, особенно часто в странах с неустойчивыми институтами и высокой природной рентой в экономике, к которым относится и Россия².

В странах с высокой политической централизацией возникает подробно описанная «проблема информированности»³, когда чиновники, обладая достаточной властью и аппаратом подчинения, при конструировании СЭЗ не имеют достаточных знаний о поведении рынка и общества для выполнения этой задачи. В таких условиях СЭЗ являются плохо спланированными и неуместными, а снижение налогового бремени в рамках данной особой территории

¹ Chile: Regional Development Planning. Evolving Policy and its Application to Regions I and XV. Main Document. December 21, 2007. Poverty Reduction and Economic Management Unit Latin America and the Caribbean. Document of The World Bank; Mintz J.M., Rotman J.L. The Spotty Record of Regional Development Programs: Can Governments Do Better? Delivered to the Alberta Economic Development conference on “Best Practices on Economic Development”. 2004. 24 March.

² Special Economic Zones. Progress, Emerging Challenges, and Future Directions / Ed. by T. Farole, G. Akinci. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2011; Not so special. The World is Awash with Free-Trade Zones and their Offshoots. Many are not Worth the Effort // The Economist. 2015. 4 April.

³ Gupta S., Kangur A., Papageorgiou C., Wane A. Efficiency-Adjusted Public Capital and Growth // World Development. 2014. Vol. 57. Pp. 164–178.

может привести только к неэффективному распределению экономической деятельности в стране и в регионе. Директивные попытки создания кластерных структур в зонах вряд ли будут успешными, поскольку они формируются спонтанно в рамках рыночной координации и в результате прогресса всей отрасли экономики. В этом случае необходимо делегировать принятие решения по выбору местоположения и отраслевой специализации СЭЗ частному бизнесу, либо выработать единый подход в условиях политической децентрализации¹.

Одной из серьезных проблем является стимулирование: если центральные правительственные чиновники передают власть и контроль над СЭЗ на более низкие уровни их бюрократии, то резиденты зоны могут пострадать от рентоориентированного поведения чиновников с точки зрения увеличения расходов на их содержание, больших, чем это необходимо². Если зоны влекут за собой огромные государственные инвестиции в инфраструктуру, то схемы, которые требуют большого количества ресурсов, способны привести к существенному их перерасходу. Ситуация может еще более усугубиться в случае слабых институтов. В результате, возведенная инфраструктура с большой долей вероятности может не соответствовать реальным потребностям, что может привести в конечном итоге к общей неэффективности СЭЗ. В условиях слабых институтов и высокой природной ренты в национальной экономике чиновники имеют стимул инвестировать еще больше в СЭЗ за счет бюджета, косвенно присваивая себе эту самую ренту³. С этой точки зрения, развитие частных СЭЗ является более привлекательным, поскольку не предполагает большого объема государственных инвестиций.

Долгая практика существования СЭЗ позволяет выделить четыре цели их создания⁴: 1) привлечение ПИИ; 2) снижение высокого уровня безработицы; 3) поддержка стратегии масштабной экономической реформы в стране; 4) экспериментальная апроба-

¹ Moberg L. The political economy of special economic zones // Journal of Institutional Economics. 2015. Vol. 11. No. 1. Pp. 167–190.

² С этой точки зрения, фирмы выигрывают от инвестиций в СЭЗ до тех пор, пока они тратят на административные барьеры меньше, чем прибыль, получаемую от особого статуса зоны.

³ Moberg L. The political economy of special economic zones // Journal of Institutional Economics. 2015. Vol. 11. No. 1. Pp. 167–190.

⁴ Special Economic Zones. Performance, Lessons Learned, and Implications for Zone Development. FIAS, The Multi-Donor Investment Climate Advisory Service of the World Bank. 2008. April.

ция новых стратегий и подходов развития экономики. Ни одной из этих целей в явном виде не сформулировано при разработке действующих и проектируемых ТОСЭРов и «Свободного порта Владивосток».

Одной из серьезных проблем зон является стимулирование, поскольку в условиях слабых институтов СЭЗ могут вызвать нерациональное распределение ресурсов и негативные последствия рентного поведения. С другой стороны, СЭЗ могут привлечь не иностранные фирмы, которые наверняка будут избегать инвестиций в условиях высоких экономических рисков, а отечественные фирмы по причине отсутствия для них лучших альтернатив повышения прибыли на национальном рынке¹, что может вызвать в перспективе серьезные территориальные и экономические диспропорции региона и «сжатие» экономического пространства. Поскольку в таких условиях зоны опираются на государственные инвестиции, то возникает вопрос принесут ли они пользу экономике.

Как показал опыт других стран, при снижении тарифной нагрузки на импорт, СЭЗ может увеличить экспорт страны, только в случае, если она включена в глобальный производственный цикл создания добавленной стоимости за счет промежуточных товаров или компонентов, что характерно для стран с избыточной и дешевой рабочей силой². Также, СЭЗ могут создаваться в том случае, если экономика является сравнительно закрытой и характеризуется высокими рисками, а зоны для зарубежных фирм представляют собой способ преодоления высоких импортных и институциональных барьеров во-первых, для получения доступа к активам и во-вторых, для проникновения на национальный рынок. В первом случае – это опыт китайских зон в Африке, которые функционируют при помощи капитала из КНР в ресурсо- и трудоизбыточных африканских странах³, как правило на основе доступа к месторождениям природных ресурсов, последующего экспорта сырьевых товаров и привязки к рынку Китая. Во втором – российских

¹ Moberg L. The Political Economy of Special Economic Zones // Journal of Institutional Economics. 2015. Vol. 11. No. 1. Pp. 167–190.

² Siroën J.-M., Yücer A. Trade Performance of Free Trade Zones. Document De Travail DT/2014-09. Université Paris-Dauphine. URL: http://www.dial.ird.fr/media/ird-sites-d-unites-de-recherche/dial/documents/publications/doc_travail/2014/2014-09/.

³ Special Economic Zones. Progress, Emerging Challenges, and Future Directions. Ed. by T. Farole, G. Akinci. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2011.

СЭЗ, расположенных в западной части страны¹. Вполне вероятно, что при неизменных институциональных условиях и отсутствии видимого прогресса в снижении рисков, функционирование дальневосточных зон, помимо описанных выше вызовов, может стать одним из эпизодов обхода барьеров для импортных поставок на региональный рынок, добавляя список неудачных примеров политики импортозамещения.

Некоторые страны с высокой природной рентой снижают риски для инвестирования путем имплантации в экономическую практику более продвинутых институтов развитых стран, что в случае российских реалий пока не представляется возможным. Например, в ОАЭ финансовый центр Дубая, представляющий собой СЭЗ, функционирует в рамках британского права, что позволило снизить риски и привлечь дополнительное число инвесторов, рабочую силу и предпринимателей из-за рубежа. Высокие риски в СЭЗ стран с высокой природной рентой в экономике могут также смягчаться доступом к дешевой энергии и материалам за счет масштабных государственных субсидий для зарубежных и отечественных фирм, однако, это себе могут позволить страны с очень высокой обеспеченностью ресурсами, например, Саудовская Аравия². С другой стороны, страны со слабыми институтами и высокими рисками не смогли создать успешно функционирующих СЭЗ³, особенно те, которые нерационально растратили природную ренту, лишившись значительной ее доли в результате негативных конъюнктурных факторов, а также существенно ограничили в правах иностранных инвесторов.

Опыт стран с высокой природной рентой и стабильными институтами свидетельствует, что такой инструмент экономической политики как СЭЗ используется в единичном случае (Виннипег,

¹ Göler D., Levchenkov A. Special Economic Zones as Revitalization Strategy for Old Industrial Regions in Russia // *Geographische Rundschau*. 2010. 2 Februar. Pp. 18–25; Liuhto K. Special Economic Zones in Russia – What do the Zones Offer for Foreign Firms? *Electronic Publications of Pan-European Institute*. 2009. 2.

² Ayyub R. Will ‘Economic Cities’ Bring Diversity to Saudi Arabia? // *Global Risk Insights*. 2015. 23 January.

³ Зачастую, это провальные проекты с огромными государственными инвестициями в инфраструктуру без ее дальнейшего использования по причине плохих программ планирования и слабого управления, высоких издержек и затрудненного доступа к электрическим и коммунальным сетям, удаленности от рынков, отсутствия институциональной координации и т. д.

Канада¹) или не используется вовсе (Австралия²) по причине общего благоприятного инвестиционного климата в национальной экономике.

Бесплатное предоставление земельных участков

Бесплатная раздача земельных участков для переселенцев интенсивно осуществлялась больше полутора веков тому назад при колонизации Северной и Южной Америки, Австралии, Южной Африки. Данный процесс затронул и Российскую Империю при переселении крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Переселение в пионерные регионы и его закрепление путем бесплатной раздачи земельных наделов и прочей государственной поддержки осуществлялось в тот период времени, когда неграмотные крестьяне составляли подавляющее большинство в общей численности населения, а численность детей в семьях была гораздо больше, чем в современной России. Демографическое, экономическое, социальное поведение городского населения существенно отличается от сельского.

Анализ данного решения с точки зрения современного зарубежного опыта является довольно непростым, ввиду малого количества фактов его применения. Однако, даже отталкиваясь от пусть небольшого, но современного опыта, можно усомниться в высокой эффективности такого решения для таких больших территориальных объектов как Дальний Восток. В современном мире имеется опыт бесплатной раздачи земельных участков в странах с устойчивыми институтами. Например, в Канаде власти девяти городских поселений заранее определяют конкретную деятельность на предоставляемом бесплатно земельном участке для тех, кто собирается его использовать³. Условия для получения бесплатной земли разнятся в зависимости от городского поселения.

Опыт Канады показывает, что стратегии развития для предотвращения упадка в регионах не должны становиться средством удержания и закрепления в них населения, в том числе посредством раздачи бесплатных участков земли. Главной задачей становится обеспечение перехода к экономике, соответствующей более низкому

¹ Foreign Trade Zone – Free Trade Zone Winnipeg. Canada and Manitoba are Moving Forward. URL: <http://foreigntradezone.ca>.

² Special Economic Zones. National Economic Development Conference Darwin. 30th October 2014. URL: <http://www.edaaustralia.com.au/documents/item/1155>.

³ Nine Canadian Towns Just Giving Away Free Land. URL: <http://www.theloop.ca/9-canadian-towns-where-you-might-be-able-to-score-free-land/>.

уровню населенности региона, что означает новое целеполагание. Необходимо заметить, что бесплатное распределение земельных участков в Канаде является эпизодичным и очень осторожным¹ – не более сорока участков в рамках одного из девяти городов, а данная инициатива местных властей реализуется в условиях политики массового привлечения мигрантов из-за рубежа, а также тщательного отбора претендентов. Помимо Канады раздача небольших земельных участков, только для неимущих граждан в сельской местности, за счет средств частных фондов осуществляется в Индии.

В современных условиях как в развитых странах, так и в развивающихся с неустойчивыми институтами наблюдается напротив, консолидация больших по площади земельных участков крупными собственниками или их коллективами для ведения эффективного сельского хозяйства.

8.4. Свободные экономические зоны на Дальнем Востоке

Первые СЭЗ² были созданы в регионе еще в советское время, в 1990–1991 гг., решениями органов власти РСФСР. Это СЭЗ «Находка» в Приморском крае, СЭЗ «ЕВА» в ЕАО и СЭЗ «Сахалин», причем СЭЗ «ЕВА» и СЭЗ «Сахалин» целиком охватывали соответствующие административно-территориальные образования.

Единого закона, регламентирующего деятельность СЭЗ, в России в 1990-е гг. не существовало.

Первые попытки создания и функционирования СЭЗ не принесли особых положительных результатов в силу следующих причин:

масштабы СЭЗ, бывшие заведомо нереальными, требовавшими для инфраструктурного обустройства огромных капиталовложений, обеспечить которые Правительство РФ было не в состоянии³;

¹ Бесплатная раздача земли под сельскохозяйственное назначение – это скорее исключение.

² В российской научной литературе и практике тех лет использовался термин «свободная экономическая зона» (от английского Free Economic Zone). Как отмечала О.В. Кузнецова, при разработке закона 2005 г. свободные зоны превратились в особые в результате бюрократического казуса, содержательных мотивов для подобного переименования не было (Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 293).

³ Архипов А.Ю., Павлов П.В., Татарова А.В. Институты особой экономической зоны и приграничной торговли как структуры эффективного развития международной инвестиционной деятельности. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2011.

– слабая нормативно-законодательная база, не обеспечивавшая реально благоприятных экономических (налоговых, таможенных и валютных) условий для создания и функционирования СЭЗ в сравнении с условиями, предлагавшимися в сопредельных странах¹;

– абсолютизация правительством при создании СЭЗ фискального подхода, ориентированного на получение как можно больших доходов в бюджет в кратчайшие сроки, а не на соблюдение баланса интересов государства и инвесторов².

После дефолта 1998 г. Правительство РФ объявило о прекращении платежей по ряду обязательств. Как следствие, даже в имевшей выгодное приморское положение СЭЗ «Находка», активно развивавшейся в начале 1990-х гг.³, половина предприятий, в которые были направлены государственные инвестиции, обанкротилась. СЭЗ в России были объявлены убыточными, их финансирование прекращено.

В мае 1999 г., несмотря на накопленный к тому времени отрицательный опыт создания СЭЗ и разгар кризиса, была создана ОЭЗ в Магаданской области⁴. Формируя границы зоны, были учтены ошибки прошлого – зону создали в административных границах города Магадана. Фактически это была свободная таможенная зона с реальными преференциями предпринимателям. Результаты Магаданской ОЭЗ обсуждаются редко, они не столь значимы, но позволяют компенсировать негативные объективные условия хозяйствования на Крайнем Севере⁵. По итогам 2016 г. на 136 ре-

¹ Леонов С.Н. Региональная экономическая политика в переходной экономике. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 181–186.

² Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 292–295.

³ С 1990 по 1997 г. государство выделило СЭЗ «Находка» кредиты на сумму 464,5 млн руб., большая часть которых была потрачена на строительство инфраструктуры зоны: развитие систем водоснабжения, тепло-снабжения, энергетики, транспортной системы, связи, гостиниц. Было создано 118 совместных предприятий с общим капиталом более 80 млн долл. Всего было привлечено инвестиций в объеме около 220 млн долл., на стадии рассмотрения находились проекты с инвестициями более 300 млн долл., см.: Свободная экономическая зона «Находка». 2017. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1574120>.

⁴ Об Особой экономической зоне в Магаданской области: федеральный закон от 31 мая 1999 № 104-ФЗ.

⁵ Гальцева Н.В. Особая экономическая зона как фактор повышения инвестиционной привлекательности Магаданской области // Экономика и управление. 2014. № 8. С. 37–44.

зидентов зоны приходилось 65% общего объема промышленного производства Магаданской области. Благодаря ОЭЗ в области оставлено 13,6 млрд руб. таможенных освобождений и 7 млрд руб. налоговых освобождений¹.

В 2014 г. статус единственной из свободных экономических зон, созданных на Дальнем Востоке в XX в., был продлен до 2025 г. Тем не менее признать опыт Магаданской ОЭЗ безоговорочно успешным из-за отсутствия возможности получения налоговых льгот базовыми отраслями хозяйства области (золотодобывающей, рыбной, аэропортом «Магадан» и торговым портом), так как льготами они могут воспользоваться, лишь выполняя работы на территории Магаданской области и при условии реализации продукции участникам ОЭЗ, а также из-за неопределенности правового поля, что обусловило превращение функционирования Магаданской ОЭЗ в доказательство легитимности ее существования, а также становления правовой базы. Результатом явился отказ множества предприятий от участия в ОЭЗ «Магадан».

С 2005 г. на Дальнем Востоке наблюдается своеобразный ренессанс идеологии локальных зон, когда за 10-летний период были введены 4 группы новых федеральных инструментов – ОЭЗ (2005 г.), ЗТР (2011 г.), ТОРы (2014 г.) и СПВ (2015 г.)

На Дальнем Востоке была предпринята попытка создания трех ОЭЗ: портовой ОЭЗ «Советская Гавань» (2009 г.) (Хабаровский край), туристско-рекреационной «Остров Русский» (2010 г.) и промышленно-производственной ОЭЗ на базе автомобильного кластера – Владивостокской (2014 г.) (обе – Приморский край).

Идея создания портовой зоны на Дальнем Востоке оказалась провальной. Базовой причиной явился экономический кризис. Требования к стоимости инвестиционных проектов в портовой зоне велики, а в результате они еще выросли, и в зону не удалось привлечь ни одного резидента, как и в туристско-рекреационную зону «Остров Русский». В результате, согласно условиям досрочного прекращения деятельности ОЭЗ, в 2016 г. обе названные зоны были ликвидированы. Созданная в 2014 г. промышленно-производственная зона во Владивостоке фактически столкнулась с конкуренцией со стороны ТОРов. Через несколько месяцев после подписания правительственного постановления, когда в зону должны были начать приходить первые резиденты, в правительстве началось

¹ Публичный отчет о деятельности администрации ОЭЗ в Магаданской области за 2016 г. / Администрация особой экономической зоны Магаданской области. 2016. URL: <https://oez.49gov.ru/activities/reports/>.

активное обсуждение федеральных законопроектов по ТОРам на Дальнем Востоке. Льготы, предоставляемые инвесторам в ТОРах, более значимы, чем в ОЭЗ (*табл. 8.1*). Поэтому, хотя сами потенциальные льготы не являются гарантией успеха, в настоящий момент ни одного официального резидента во Владивостокской ОЭЗ не зафиксировано.

Таблица 8.1

**Льготы, предоставляемые резидентам на территории
со специальным режимом предпринимательской деятельности
на Дальнем Востоке России**

Льготы	ОЭЗ	ЗТР	ТОР	СПВ
1	2	3	4	5
Свободная таможенная зона	Да	Нет	Да	Да
Налоговые льготы для резидентов зон	Пониженная ставка налога на прибыль, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов РФ. Освобождение от уплаты налога на имущество на срок от 5 до 10 лет в зависимости от зоны. Преференции по транспортному налогу. Освобождение от уплаты земельного налога на 5–10 лет (в зависимости от типа зоны)	Налоговые льготы и инвестиционный налоговый кредит – в соответствии с законодательством о налогах и сборах	Налог на добычу полезных ископаемых – 0% в первые 4 года, с постепенным повышением до 100%. Налог на прибыль – не более 5% в первые 5 лет, не менее 10% в следующие 5 лет. Налог на имущество, налог на землю (может быть освобождение). Социальные взносы – 7,6% первые 10 лет	7,6% – общий размер страховых взносов на 10 лет. 5% – налог на прибыль (0% в федеральный бюджет и не более 5% в региональный). 0% – налог на землю 5 лет. 0% – налог на имущество первые 5 лет и 0,5% в следующие 5 лет. 10 дней – ускоренное возмещение НДС

1	2	3	4	5
Дополнительные преференции	Дополнительные льготы в зависимости от типа зоны	Предоставление бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ. Создание объектов кап. строительства в области энергетики, транспорта. Предоставление в аренду земельных участков из земель государственной или муниципальной собственности в границах ЗТР	Льготное подключение к инфраструктуре. Льготный и ускоренный порядок привлечения иностранного квалифицированного персонала. Льготные ставки по арендной плате. Особый порядок проведения государственного контроля и муниципального надзора	Сокращенное время проведения контрольных проверок – до 15 дней. Сокращенные сроки получения разрешительной документации для объектов кап. строительства – до 40 дней. Упрощенный визовый режим* (получение 8-дневной визы на границе)

Примечание. * Госдума 17.02.2017 г. приняла во втором чтении закон об упрощенном визовом порядке в СПВ: электронная виза будет действовать в течение 30 дней с момента ее оформления с разрешенным сроком пребывания в России до восьми суток¹.

Источники: составлено по перечню нормативно-законодательных документов.

В 2011 г. была предпринята попытка создать зоны территориального развития (ЗТР). В отличие от ОЭЗ, ЗТР могут создаваться в одном или нескольких муниципалитетах на срок до 12 лет. Перечень субъектов РФ, в которых могут создаваться ЗТР, утверждается правительством из устойчиво депрессивных на протяжении последних 10 лет территорий (на Дальнем Востоке таких субъектов РФ было выделено 5). В отличие от ОЭЗ зоны территориального

¹ Галушка А.С. Хабаровск включают в территорию Свободного порта // РИА Новости. 2017. 18 февраля.

развития не специализированы, что по замыслу разработчиков должно было способствовать привлечению инвесторов в различные сектора экономики, за исключением запрещенных.

Не допускалось одновременное создание ЗТР и ОЭЗ на территории одного муниципалитета. Управление ЗТР было возложено на администрации региона, а у ОЭЗ – на управляющую компанию. Меры господдержки в ЗТР оказались гораздо слабее, чем в ОЭЗ (см. *табл. 8.1*), кроме того, эти меры не были зафиксированы в соответствующих подзаконных актах. Так, налоговые льготы резидентам ЗТР, в отличие от ОЭЗ, не были закреплены в Налоговом кодексе РФ, что ставило под сомнение их выполнение федеральным центром.

В результате – лишь в Амурской области и Камчатском крае велись подготовительные работы по созданию ЗТР, но реально ни одной ЗТР на Дальнем Востоке не было сформировано. Фактически, в силу изложенного, ЗТР, как и ОЭЗ, не смогли стать реальным действенным инструментом поддержки экономики Дальнего Востока России.

8.5. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики

Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» была принята в 2013 г. Идея создания ТОР появилась в новой редакции программы 2014 г. В конце того же года был подписан Закон о территориях опережающего социально-экономического развития. Первостепенной задачей Закон ставит развитие Дальнего Востока, поэтому первые три года специальные территории будут создаваться только на территории Дальнего Востока. При этом границы ТОР не включают в себя субъекты федерации целиком, а представляют собой отдельные площадки, на которые будут распространяться закрепленные Законом льготы. Закон подразумевает создание ТОР на территории любых субъектов федерации, однако на первом этапе реализации ТОР выступают в качестве специфического инструмента развития Дальнего Востока. Распространение данного механизма на всю остальную территорию страны предполагается лишь при получении успешных результатов на Дальнем Востоке.

ТОР по сути имеет все признаки, присущие свободным экономическим зонам. На этих площадках устанавливается режим осу-

ществления предпринимательской деятельности с особыми благоприятными условиями для привлечения инвестиций, ускоренного социально-экономического развития и обеспечения комфортных условий для жизнедеятельности населения. Территории опережающего развития имеют свою специализацию, поскольку Правительством утверждается перечень видов экономической деятельности, которыми могут заниматься резиденты. Для зарегистрированных в них предприятий будут действовать различные налоговые льготы, такие как: налоговые каникулы; сниженные налоговые ставки; таможенные льготы. На территориях также вводится облегченный режим для иностранной рабочей силы: не потребуется разрешение на работу, а также не будут действовать квоты. Также отсутствуют пошлины на любые ввозимые для производственных нужд импортные товары. Для резидентов ТОР предусмотрен более широкий набор льгот, по сравнению с резидентами особых экономических зон:

- снижение ставки по налогу на прибыль (0–5% в течение первых 5 лет после получения первой прибыли);
- снижение ставки по налогу на добычу полезных ископаемых;
- освобождение от уплаты налогов на имущество и землю;
- снижение ставок обязательных платежей по страховым взносам до 7,6% в течение 10 лет с момента получения статуса резидента.

Последние два аспекта являются наиболее привлекательными для компаний. Прибыль предприятий – величина всегда переменная, имущество же величина относительно постоянная. С этой точки зрения льготы по налогу на прибыль имеют мало значения для бизнеса в сравнении с прочими видами налогового бремени. Прибыль даже небольших размеров уже говорит о здоровой бизнес-среде в регионе. В то же время налог на имущество является относительно постоянной статьей затрат, которая увеличивает нагрузку на бизнес, особенно в периоды экономической рецессии, когда доля этого вида налога повышается в результате сокращения прибыли предприятий. Таким образом, рост налогов на имущество сказывается на замедлении экономического роста. Привлекательность для компаний пониженных ставок платежей по страховым взносам также трудно переоценить, поскольку создание и содержание рабочих мест при действующих ставках отчислений в условиях Дальнего Востока представляется крайне затратным.

Резидентами ТОР могут являться только вновь создаваемые предприятия, не имеющие филиалов и представительств за пределами территории опережающего развития. Таким образом, перенос деятельности действующих предприятий на территорию ТОР не-

возможен. Данный аспект является объектом постоянной критики со стороны деловых кругов и экспертного сообщества, поскольку ставит действующие предприятия в заведомо неконкурентное положение по сравнению с резидентами ТОР. Минимальный объем инвестиций должен составлять 500 тыс. рублей при наличии инвестиционного проекта высокой степени проработки. Малые и средние предприятия, не удовлетворяющие этим условиям, могут быть вовлечены в деятельность на территориях опережающего развития опосредованно, через оказание сервисных и производственных услуг для участников ТОР.

В 2015 и 2016 гг. Правительство РФ одобрило создание территорий опережающего развития «Хабаровск» и «Комсомольск» в Хабаровском крае, «Надеждинская», «Большой Камень», «Михайловская» в Приморском крае. На площадке «Надеждинская» в Приморском крае анонсировано создание мультимодального транспортно-логистического комплекса, а также ряда обрабатывающих и сборочных производств (лесопереработка, переработка минерального сырья, производство продуктов питания). Объем планируемых частных инвестиций составляет более 37 млрд рублей. Бюджетные инвестиции на строительство инфраструктуры на первом этапе предполагаются в объеме 3,9 млрд рублей¹.

В августе 2015 г. в Приморском крае создана ТОР «Михайловская», специализирующаяся в сельском хозяйстве и производстве пищевых продуктов. Анонсированный объем частных инвестиций составляет 45 млрд рублей. На строительство инженерной и транспортной инфраструктуры из бюджетов Приморского края и входящих муниципальных районов запланировано 4,4 млрд рублей.

В ТОР «Хабаровск» выделены и начинают осваиваться три площадки: «Ракитное» (создание кластера строительных материалов, пищевая и сельскохозяйственная промышленность, металлургия), «Авангард» (машиностроение, сельскохозяйственная промышленность), «Аэропорт» (логистика, гостиничный и деловой центр). На конец 2015 г. в качестве перспективных значится около 23 инвестиционных проектов на общую сумму порядка 36,7 млрд рублей. Государственная поддержка на создание инфраструктуры площадок составляет 2,36 млрд рублей. В ТОР «Комсомольск» также выделены три площадки: «Амурлитмаш» (территория бывшего машиностроительного предприятия), «Парус» (авиа- и судостроение, машиностроение, пищевая промышленность), «Амурск» (деревопереработка и др.). Общий объем заявленных инвестиций состав-

¹ Источник: данные Минвостокразвития РФ. URL: <http://minvtr.ru>.

ляет порядка 12 млрд рублей. Государственные инфраструктурные инвестиции – 1,23 млрд рублей. Следует отметить, что на территории г. Комсомольска-на-Амуре формально продолжает действовать кластер авиа- и судостроения. Ключевыми предприятиями кластера являются Комсомольский-на-Амуре авиационный завод (КнА-АЗ) и Амурский судостроительный завод. В конце 2015 г. на уровне Президента РФ было объявлено о приоритетном комплексном развитии г. Комсомольска-на-Амуре.

В январе 2016 г. в Приморском крае был создан ГОР «Большой камень» специализирующийся в судостроении. В 2009 г. было начато строительство верфи крупнотоннажного судостроения на ОАО «Дальневосточный завод «Звезда» в Приморском крае, которая должна стать первой российской специализированной верфью (большинство крупнейших российских верфей являются универсальными). Общая сумма частных инвестиций в проект по созданию верфи составит более 160 млрд рублей. Инфраструктурные инвестиции оцениваются в 3,2 млрд рублей.

В планах развития значатся еще несколько дальневосточных ГОР: «Приамурская» (промышленная и логистическая деятельность) и «Белогорск» (агропромышленная специализация) в Амурской области, «Камчатка» (туристическо-рекреационная, логистическая деятельность), «Беринговский» (добыча полезных ископаемых) в Чукотском АО, индустриальный парк «Кангалассы» в Республике Саха (Якутия). Среди основных факторов выбора указанных площадок были заинтересованность потенциальных инвесторов в реализации проектов на данных территориях, наличие «якорных» инвесторов, проработка вопроса инфраструктурной обеспеченности. В ГОР «Приамурская» в качестве крупных инвестиционных проектов выступают цементный завод и нефтеперерабатывающий завод. Данная территория опережающего развития является наиболее инвестиционноемкой на Дальнем Востоке – объем заявленных инвестиций составляет почти 130 млрд рублей. Интерес к площадке проявляют китайские инвесторы¹.

Возникает вопрос, в чем состоят различия между территориями опережающего развития и особыми экономическими зонами? В сентябре 2016 г. Правительство России досрочно прекратило деятельность восьми особых экономических зон (ОЭЗ), в том числе двух дальневосточных – портовой зоны «Советская Гавань» (Хаба-

¹ Кашина Н.В. Территории опережающего развития в Дальневосточном регионе: особенности создания // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2015. № 3. С. 35.

ровский край) и туристско-рекреационной зоны на о. Русский (Приморский край), ввиду отсутствия зарегистрированных резидентов. Портовая зона создавалась для целей реализации экспортных планов крупных компаний, которые должны были вложить средства для строительства портовых терминалов, однако их заявки так и не были удовлетворены. ОЭЗ на о. Русский создавалась под турпоток во Владивосток из стран Азии, который ожидался после проведения Саммита АТЭС в 2012 г.

Базовые принципы формирования ОЭЗ практически идентичны таковым в случае ТОР: за счет бюджетных средств осуществляется развитие инфраструктуры, а компаниям-резидентам предоставляются налоговые, таможенные и прочие льготы. Номинальные заявляемые преимущества ТОР состоят в более широком перечне налоговых льгот. Так если режим ОЭЗ обеспечивает снижение издержек резидентов до 30% по сравнению с общим режимом хозяйствования, то по некоторым оценкам, в рамках ТОР экономия составит порядка 40%¹. В качестве принципиальной новации ТОР по сравнению с режимом ОЭЗ провозглашена индивидуальная работа с каждым инвестором. В чем состоит особенность этого положения сказать трудно, однако, по-видимому, речь идет о каких-либо специальных условиях для каждого из потенциальных инвесторов. Если в рамках ОЭЗ основные надежды возлагались на силы свободного рынка, которые должны проявлять себя при наличии льготных условий для инвесторов, то в ТОР гораздо больше внимания уделяется организационному участию государства.

Значительный пласт критики ТОР посвящен проблеме так называемой «китайской угрозы». Действительно, население приграничных районов КНР в несколько раз превышает население российского Дальнего Востока, а китайский бизнес активно осваивает приграничные регионы Дальнего Востока, главным образом, в сферах сельского хозяйства и вывоза (или примитивной переработки) минеральных и лесных ресурсов. В Законе о территориях опережающего развития содержатся условия, по мнению ряда экспертов, открывающие масштабные возможности для злоупотреблений со стороны иностранных компаний, что способно негативно сказаться на развитии отечественного предпринимательства. Так, иностранным компаниям разрешается изымать земельные участки и расположенное на них недвижимое имущество с компенсацией,

¹ Кашина Н.В. Территории опережающего развития в Дальневосточном регионе: особенности создания // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2015. № 3. С. 32.

размер которой определяется самой компанией. Также в разрешении неограниченного приема на работу иностранных граждан видится угроза массового привлечения низкоквалифицированной иностранной рабочей силы. Однако здесь стоит вспомнить базовый принцип движения факторов производства, в соответствии с которым капитал перемещается туда, где может произвести наибольший предельный продукт. Последний, в свою очередь, обратно пропорционален предельному продукту труда. В этой связи, относительно более низкооплачиваемая иностранная рабочая сила является важным условием прихода иностранных инвесторов.

Территории опережающего развития, созданные в Приморском и Хабаровском краях, а также в Амурской области, представляют собой узлы, формирующие каркас т.н. южной дуги, о которой упоминалось ранее в концепции «новой индустриализации» Дальнего Востока. При этом, исходя из сложившейся промышленной структуры и экономического потенциала территорий, ТОР Хабаровского края несут в себе возможности формирования высокотехнологичных промышленных кластеров, а также создания инфраструктурного каркаса, обеспечивающего взаимодействие РФ с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Целью создания ТОР «Комсомольск» является размещение и развитие на его территории высокотехнологичных производств в сфере авиастроения: металлообработки; производства комплектующих; ориентированных на импортозамещение. В развитых странах комплексы высокотехнологичных (и не только) предприятий, зачастую существуют в виде кластеров – множества локально сконцентрированных и взаимосвязанных компаний, одновременно конкурирующих и кооперирующихся между собой. При чем главной их структурной характеристикой, в отличие от производственных комплексов, выступает преобладание мелких и средних производств. Одними из главных факторов притяжения компаний в кластер являются: наличие трудовых ресурсов; близость рынков сбыта; доступность финансовых и административных услуг. Инфраструктурная обеспеченность территории также играет весомую роль: предприятия притягиваются к определенной географической местности наличием развитой транспортной инфраструктуры и системы коммуникаций. Исследования функционирования мировой авиастроительной индустрии показывают, что крупные предприятия данной отрасли являются центрами генерации высокотехнологичных технологий на территориях своего размещения.

Данные производства предполагается разместить на промышленной площадке ТОР «Комсомольск». Главным потребителем

продукции резидентов ТОР является Комсомольский-на-Амуре авиационный завод, выпускающий, в том числе, региональный пассажирский самолет Суперджет-100. Якорным резидентом и инвестором ТОР «Комсомольск» является компания «Эпсилон-2», с которым в сентябре 2015 г. было подписано инвестиционное соглашение. Данный проект по сборке комплектующих деталей для авиационного завода был призван стать первым успешным опытом локализации производства высокотехнологичной продукции – пассажирского самолета, значение которой для технологического развития экономики Дальнего Востока трудно переоценить.

Мировой опыт развития аэрокосмических кластеров показывает, что главным фактором их формирования выступают естественные рыночные причины – растущие объемы выпуска продукции головными предприятиями, когда 1) дальнейшее осуществление полного производственного цикла (в рамках специализации) внутри этих предприятий при увеличении масштабов производства грозит снижением эффективности, 2) возникает гарантированный спрос на соответствующие производственные услуги со стороны головного производителя. Выполняются ли эти, а также другие, условия привлечения в случае с комсомольским авиапредприятием?

На протяжении всего 2016 г. приход в г. Комсомольск-на-Амуре находился под вопросом, который до конца не снят и по сегодняшний день, несмотря на заверения компании в решимости осуществить данный амбициозный проект, носящий для Дальнего Востока не только практическую, но и имиджевую значимость. Несмотря на то, что компания стала самым первым резидентом комсомольской площадки, начало реализации самого проекта постоянно переносилось. Можно выделить несколько причин, далеко не все из которых носят чисто административный характер. Одна из них – проблемы с финансированием. Как известно, данный проект не значится в списке поддерживаемых Фондом развития Дальнего Востока, попадание в который возможно только при достаточно серьезной проработке проекта и высоких гарантиях возврата средств фонду¹. Кроме этого существуют неопределенности по обеспечению предприятия гарантированными заказами со стороны головного производителя самолетов, а также проблемы с наличием достаточного количества высококвалифицированных трудовых ресурсов. Последние два аспекта носят объективный экономический

¹ Веревкина В. Энергия на исходе // Информационно-аналитическое агентство «Восток России», 2016. 16 июня. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/energiya-na-iskhode/>.

характер, но именно они являются критичными для организации вокруг головного сборщика пула локализованных поставщиков.

В 2016 г. было объявлено о том, что компания-инвестор собирается строить аналогичный завод в Свердловской области, на площадках индустриального парка «Богословский». Несмотря на заверения компании о продолжении реализации проекта на Дальнем Востоке, возникают опасения в создании дублирующих друг друга производств. Если в рамках национальной экономики строительство импортозамещающих производств в сфере авиастроения является безусловным благом, то с точки зрения развития Дальнего Востока на новой высокотехнологичной платформе возможный перенос проекта на Урал – негативный прецедент. Выпадение данного проекта может дискредитировать идею о специализации ТОР «Комсомольск» на высокотехнологичных производствах, поскольку в сухом остатке резидентами ТОР остаются предприятия деревообрабатывающей и пищевой промышленности.

В отличие от комсомольской площадки, ТОР «Хабаровск» представляет собой более динамично развивающийся проект, наиболее освоенный и относительно привлекательный для инвесторов. Не в последнюю очередь причиной тому послужила более высокая степень проработки вопросов с инфраструктурной обеспеченностью. Кроме того ТОР «Хабаровск» имеет более удачное расположение с географической точки зрения, находясь на границе с Китаем, на пересечении международных железнодорожных и воздушных транспортных путей. Здесь уже функционирует якорный инвестор – совместная российско-японская компания «JGC Эвергрин» по производству овощей в закрытом грунте. В рамках первой очереди построен тепличный комплекс площадью 2,5 га. Предприятие удовлетворяет в основном локальный круглогодичный спрос населения на свежие овощи с перспективой расширения сбыта на весь Дальний Восток. В 2017 г. ожидается запуск второй очереди проекта. Другим инвестором, уже реализующим проект на хабаровской площадке является компания «Технониколь-ДВ» по производству теплоизоляционных материалов. Предприятие нацелено на удовлетворение не только дальневосточного спроса, но и на экспортные поставки. Также находятся в стадии реализации проекты по производству трубной полимерной продукции, сборке дорожно-строительной техники.

Ввиду незначительных сроков, прошедших с момента начала реализации проекта по созданию территорий опережающего развития на Дальнем Востоке, еще слишком рано делать фундаментальные выводы о реальной, а не заявленной динамике инвестиций в

них, равно как и выводы об успешности или неуспешности данного инструмента развития экономики. С одной стороны, опасения в усилении анклавизации экономики в результате придания импульса развитию отдельных локальных образований имеют под собой основания¹. Действительно, если развитие ТОР будет ориентировано само на себя, вне связи с окружающим их пространством, то это грозит усилением анклавизации развития уже имеющихся промышленных узлов, в которых сосредоточение разрозненных производств не будет являться гарантией возникновения технологических импульсов, способных распространяться за пределы особых территорий. В свою очередь эти производства будут пользоваться предоставляемыми им в рамках таких территорий льготами, получая преимущественно перед аналогичными предприятиями других районов, не входящих в «анклавы». Преимущество, при котором будут отсутствовать стимулы к дальнейшему технологическому развитию.

С другой стороны, отбор потенциальных площадок и определение их приоритетной специализации – чрезвычайно непростая задача. А именно это условие необходимо для получения в перспективе агломерационных эффектов, внутренней и внешней экономики от масштаба, которые являются факторами формирования подлинных полюсов роста экономики. Есть определенные основания полагать, что на территориях опережающего развития учтены основные ошибки и недостатки организации особых экономических зон. К тому же, как географически, так и в плане потенциальной специализации, территории опережающего развития могут явиться опорным каркасом процесса новой индустриализации. Она, как отмечалось ранее, предполагает формирование производственной структуры региона на базе использования научно-образовательного, инновационного потенциала края и Дальнего Востока в целом, а также на основе адаптированных технологических решений. Данный процесс подразумевает создание промышленной структуры, ориентированной на кооперационные взаимодействия с внутренними и внешними агентами, опираясь как на эксплуатацию сырьевых ресурсов, так и на новые, в том числе наукоемкие виды деятельности и продукты. Последний аспект подразумевает опору на существующие в регионе высокотехнологичные виды деятельности, занявшие определенную нишу на глобальных рынках, но пока еще остающиеся «анклавными» по отношению к экономике территории своего расположения.

¹ Крюков В.А. «Квадратура» анклавной экономики // ЭКО. 2017. № 2. С. 2–4.

Крупные высокотехнологичные предприятия являются движущей силой создания полностью новых отраслей. На их основе и в рамках производственной кооперации с ними могут создаваться предприятия, реализующие научно-исследовательский потенциал, в том числе на основе технологий гражданского, двойного и военного назначения. Наиболее очевидные преимущества для создания новых отраслей на Дальнем Востоке связаны с производственным потенциалом КнААЗа, производящим современные пассажирские реактивные самолеты, занявшим свою нишу на глобальном рынке высокотехнологичной продукции, с перспективами дальнейшего укрепления в ней. Структура будущих новых производств с одной стороны диктуется специализацией головного производителя, с другой – возможностями, открываемыми теми отраслями, которые являются совершенно новыми для региона, но в то же время в глобальном масштабе находятся в фазе динамичных технологических изменений.

Группа потенциальных производств рассматривается как движущая сила технологического развития, и охватывает отрасли, находящиеся (в глобальном масштабе) в фазе быстрого роста. К таким отраслям относятся производство авионики и авиационных композитных материалов. Авионика на сегодняшний день является наиболее инновативным сектором авиастроения. Исследования показывают, что в рамках крупных мировых авиастроительных кластеров, сектор авионики является наиболее динамичным как в плане роста производства, так и в сфере патентной активности. Возникновение этой отрасли в свою очередь отвечало бы задаче технологического развития региона путем «оседлания» волны жизненного цикла новой технологии в фазе ее роста. Таким образом, КнААЗ является одним из тех ресурсов, на основе которых необходимо организовать производства, способствующие повышению технологического уровня экономики Дальнего Востока. Это в свою очередь приведет к формированию технологических связей за пределы территории непосредственной локализации предприятий, придавая импульс развитию всей остальной территории региона.

9

СЦЕНАРНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

9.1. Методология

Долгосрочное прогнозирование в экономической науке, и на уровне национальной экономики, и на уровне региональной экономики, характеризуется высокой количественной неопределенностью получаемых результатов, предполагает, использование принципа вариантности прогнозирования, а так же разбиение периода прогноза на несколько периодов.

В общем случае долгосрочные модели предназначены для исследования условий длительного экономического роста, они являются моделями роста, в том смысле, что представляют собой инструмент для исследований относительно того, каким может быть будущее общество в зависимости от стратегии развития; задача среднесрочных моделей – выбор политики развития и строительства в ближайшем будущем; цель краткосрочных моделей – прогнозирование конъюнктуры в коротких периодах.

Временной горизонт долгосрочного прогноза социально-экономической системы может варьироваться от 10–15 лет до 30–40 лет, и естественно, что при таких различиях, невозможно использовать одинаковые предпосылки, концепции и модели в рамках построения долгосрочного прогноза. Прогнозирование на 10–20 лет ориентируется, в большей степени, на получение количественных оценок («традиционный прогноз»), на основе использования модельных конструкций и расчетных схем. Прогнозирование на 30–40 лет в большей степени ориентируется на качественные характеристики, описательную концепцию и идею будущего развития. Кроме того, в случае разработки сверхдолго-срочных прогнозов, на первый план выходит научно-технический прогноз, при этом общеэкономический прогноз строится не просто с учетом возможных технологических изменений, а возможные технологические изменения определяют будущее развитие.

При формировании исходных гипотез и предпосылок долгосрочного прогноза предполагает определение максимальных возможностей экономического роста с учетом первичных ресурсов, то есть, определение возможностей, которые лежат на стороне предложения; и определение ограничений роста производства, возникающих с учетом анализа возможностей совокупного спроса в перспективе. При этом первостепенное значение отдается возможностям предложения с учетом ресурсов роста, а не спросовым ограничениям.

При разработке долгосрочного прогноза необходимо оценить, во-первых, какие факторы оказывают и будут оказывать решающее воздействие на экономическую систему, во-вторых, определить инструментарий прогнозирования, то есть какие использовать способы, методы и модели для прогнозирования.

Ориентировочно логика долгосрочных прогнозов может быть выражена следующим образом¹:

а) исследования, касающиеся весьма отдаленных предсказаний в области науки, техники и социальных процессов, в которых отражаются предполагаемые изменения в будущем;

б) долгосрочные прогнозы, связанные, как правило, с исследованием направлений и масштабов научно-технического и экономического развития на основе оценки выявленных или выкристаллизовывающихся направлений и тенденций развития науки и техники;

с) исследования и концепции, синтезирующие на основе долгосрочных прогнозов направления, которые необходимо реализовать;

д) долгосрочные программы развития и, или планы, с помощью которых производится отбор направлений, содержащихся в долгосрочных исследованиях и концепциях, с учетом возможных ресурсов развития социально-экономической системы.

Разработанные прогнозные расчеты, касающиеся связей экономики, капиталовложений и научно-технического развития, можно подразделить на следующие группы:

1. Исследования, представляющие собой анализ и технико-экономическое обоснование всех основных направлений развития науки и техники, выливающиеся в оценку наиболее надежных и эффективных направлений в перспективе.

2. Концепции, представляющие собой сформулированное на базе исследования представление о дальнейшем развитии; при

¹ Комарек В., Ржига Л. Долгосрочное планирование и прогнозирование. М.: Экономика, 1973. С. 81–82.

этом отдается предпочтение определенным областям развития, другие занимают второстепенное место и все вместе образуют целенаправленную и сбалансированную систему связей, создающих условия для развития определенной области.

Исследования основываются преимущественно на аналитической деятельности, тогда как центр тяжести концепций состоит в качественном синтезе, намечающем желаемое с точки зрения общества и наиболее эффективное развитие в определенной области (отрасли, подотрасли или группе отраслей).

Выбор того или иного конкретного метода прогнозирования определяется стадией прогнозно-аналитической работы, наличием доступной информации и временем упреждения прогноза.

Первой научной методикой прогнозирования будущего, доведенной до уровня технологии, является метод Дельфи, разработанный в 1953 г. Гордоном и Хелмером в RAND Corporation и предполагающий несколько итераций, в ходе которых экспертам предлагают ответить на список вопросов. После нескольких раундов и корректировок позиций группа участников приходит к определенному консенсусу, общей позиции в отношении перспектив развития, которая и является результатом работы. Метод Дельфи по сути отражает «общие представления на уровне здравого смысла», но практически неспособен предсказать что-либо действительно новое или нетривиальное.

Следующим направлением в изучении будущего является метод игрового имитационного моделирования. Его суть заключается в проведении ролевой имитационной игры, отражающей определенную ситуацию, что позволяет на основании поведения игроков и итогов игры сделать выводы о возможных вариантах развития ситуации и действиях субъектов в ней. В настоящее время, этот метод используется для анализа, в первую очередь, действий субъектов в определенных условиях и служит одной из основ работы по сценарированию.

Значительные трудности в применении количественных методов для получения надежных с математической точки зрения прогнозов создает необходимость использования достаточно больших, «длинных» и достоверных массивов статистических данных. Но главная проблема заключается в том, что статистические методы в принципе не позволяют учитывать быстро протекающие изменения изучаемой системы, обусловленные появлением новых факторов развития, например, формированием принципиально новых экономических условий, осуществлением технологических нововведений и пр.

В итоге многих лет интенсивного научного поиска специалисты постепенно пришли к выводу о том, что более объективные и точные прогнозы могут быть получены лишь на качественной основе, в результате многоэтапных процедур проведения экспертных оценок с привлечением ведущих представителей конкретных областей знаний. Ведущее место среди этих инструментов прогнозирования заняли метод Дельфи, матричный метод, метод анализа иерархий, прогнозно-аналитический метод, морфологический метод и др., дающие общее представление о направлениях в развитии качественно новых для рассматриваемого периода подходов к долгосрочному прогнозированию, однако далеко не исчерпывают весь арсенал прогностических методов, опирающихся на анализ мнений экспертов. В частности, к ним с полным правом относятся методы организации так называемого мозгового штурма в различных вариантах и метод написания сценариев, получивший особенно широкое распространение для прогнозирования на сверхдлинные периоды.

Задача прогнозирования будущего в силу ее важности для выработки стратегических решений в масштабах государства постепенно выходит за пределы сферы компетенции научного сообщества. К ее решению активно подключаются правительственные и деловые круги ведущих индустриальных стран, представители различных социальных слоев общества, специалисты различных сфер.

Научно-технологические прогнозы, тесно взаимодействуя с социально-экономическими, отличаются от последних используемой методологией. Так, для научно-технологических прогнозов первоначально сами события и их характеристики, в то время как одним из главных параметров прогнозируемых социально-экономических событий является время их свершения, а также необходимые ресурсы. Иначе говоря, сначала необходимо спрогнозировать сами технологии и их компоненты, установить их характеристики и оценить параметры, а затем оценить ожидаемое время свершения и требующиеся для этого ресурсы. Поэтому научно-технологические прогнозы, прежде всего, предполагают получение качественной, содержательной информации.

Согласно современным представлениям, долгосрочный научно-технологический прогноз должен быть интегрирован в единую систему стратегического управления экономикой, основой которой является концепция долгосрочного развития экономики. Поэтому необходима взаимная увязка долгосрочного прогноза научно-технологического развития и долгосрочного социально-экономического прогноза.

Возможны два взаимодополняющих подхода к определению

научно-технологических приоритетов: макроуровневый – опирающийся на макроэкономический прогноз (условия достижения его параметров) и микроуровневый – на конкретные интересы субъектов деловой активности в области развития технологий.

Макроуровневый подход предусматривает выявление технологических направлений, наиболее значимых с точки зрения макроэкономического развития. Технологический прогноз представляет собой проекцию макроэкономического прогноза на сферу технологического развития. Ключевой угрозой в данном случае является риск невостребованности бизнесом тех технологий, которые соответствуют экспертно заданным технологическим приоритетам.

Микроуровневый подход основан на определении тех конкретных технологических направлений, в развитии которых заинтересованы реально работающие субъекты бизнеса. Перспективный технологический профиль экономики формируется как сумма запросов на технологии со стороны субъектов. Ключевым ограничением применимости данного подхода являются короткие прогнозные горизонты бизнеса (в России для средних компаний, по оценкам, не более трех-пяти лет), что сводит на нет возможность долгосрочного научно-технологического прогнозирования – будущее развитие для таких компаний либо неопределенно, либо выглядит «продленным настоящим».

Отмеченные два подхода, вообще говоря, противоречащие друг другу по технологиям прогнозирования и результатам, все же могут быть согласованы. Технологией соединения макро- и микроуровневого подходов может стать процедура форсайт-прогнозирования – механизма взаимодействия государства, бизнеса, науки и общества, который обеспечивает возможности совместного видения перспектив научно-технологического (шире – экономического) развития и общей линии действий, позволяющие реализовать «желаемое будущее».

В основе методологии форсайта лежит принцип трансформации скрытого или интуитивного знания в явное. Под скрытым знанием здесь подразумевается знание доступное в явной форме некоторой группе в составе общества, или некоторой научной дисциплине, но не участвующее в процессе формирования целевых и программных установок всего общества в силу своей изолированности. Под интуитивным знанием понимается знание возможно участвующее в формировании целей и программ общества, однако не осознаваемое явно. Поэтому, методологически, процесс формулирования форсайт прогноза должен способствовать выявлению и артикуляции этих двух видов знаний, тем самым (в случае скрытого знания)

Форсайт-подход не является прерогативой некоего класса «футурологов» или «специалистов форсайта». Также его нельзя отнести и к категории методов экономического прогнозирования. Форсайт-прогноз является междисциплинарным по определению.

Со временем, методика форсайта была расширена за счет включения в нее сценарной работы, использования данных различных моделей, экспертных опросов и т.д. В настоящее время, методика подобного «комплексного» форсайта считается западными авторами наиболее прогрессивной и эффективной среди прочих. Такой «комплексный» форсайт включает в себя подробный анализ ситуации и мнений, работу с экспертами, проведение семинаров, разработку сценариев и активную работу по продвижению результатов (табл. 9.1).

Таблица 9.1

Методы исследований будущего

Метод	Краткое описание	Преимущества	Недостатки
Дельфи	Широкий перекрестный экспертный опрос	Получение согласованного мнения широкого круга экспертов	Отсутствие возможности получения нетривиальных результатов
Сценарирование	Долгосрочные сценарии развития	Работа с долгосрочными тенденциями	Невозможность предсказать точные события, сделать «количественный» прогноз
Имитационное моделирование	Игровое моделирование поведения субъектов в развитии ситуации	Подробная картина вариантов поведения и развития событий	Высокая доля субъективности
Форсайт	Многоэтапная работа экспертов по разработке прогноза на будущее	Согласованная позиция участников	Это не только методика исследования, но и политический инструмент

Форсайт-проекты могут сильно отличаться по своим масштабам, целям, рассматриваемым проблемам, однако все они в той или иной степени охватывают несколько основных элементов. На начальной стадии определяются цели проекта – это может быть определение научно-технических приоритетов, оценка проблем регионального развития, перспективы развития отдельных отраслей или крупных компаний, разработка сценариев развития и т. п. (в соответствии с макро- и/или микроуровневым подходом). Определяются рамки программы – охват отраслей, тематика, горизонты

прогнозирования, количество и состав привлекаемых экспертов, временные сроки реализации проекта.

На начальной стадии проекта проводится сбор и анализ информации, результатов аналитических исследований, имеющих отношение к теме проекта. Эти данные обобщаются, систематизируются и используются в качестве отправного материала для экспертов, привлекаемых к работе. На последующих стадиях используются отдельные методы или комбинации методов работы с экспертами, включая SWOT-анализ, метод Дельфи, построение вероятных сценариев, дорожная карта и многие другие методы.

Метод форсайта отличается от простого технологического прогноза. Последний широко использовался в советское время и был преимущественно основан на математических моделях. Форсайт является по сути единственным сколько-нибудь формализованным подходом к прогнозированию будущего, позволяющим выйти за рамки ограничений традиционных, математических моделей долгосрочной динамики. Конкретные инструменты прогнозирования, экспертного анализа, выработки новых и выявления «скрытых» знаний, разработанные за годы практического использования этого подхода являются безусловно ценным вкладом в дело научного прогнозирования.

Вместе с тем, критики¹ форсайта указывают на отсутствие в нем единого методологического основания. Это затрудняет оценку соответствия той или иной методики прогнозирования поставленным в исследовании задачам, как и оценку степени объективности полученных в результате использования этой методики результатов. Еще одна существенная проблема форсайт-исследований – это невозможность количественной оценки исследуемых явлений, что обусловлено длительной перспективой исследований. Указывается на необходимость объединения разрозненных методик форсайта в рамках методологически целостностного подхода к прогнозированию будущего. Определенные усилия в этом направлении предпринимаются², однако очень большую роль в обеспечении научного качества исследований по-прежнему играет опыт, а зачастую и просто интуиция исследователей.

При всех своих недостатках, тем не менее, форсайт сегодня находит весьма широкое практическое применение, а результа-

¹ MacKay R.B; McKiernan P. Exploring Strategy Context with Foresight // *European Management Review*. 2004. Vol. 1. No. 1. Pp. 69–77.

² Charles Booth, Peter Clark et al., *Modal Narratives, Possible Worlds and Strategic Foresight* // *Handbook of Research on Strategy and Foresight* / Ed. by Constanzo L.A., MacKay R.B. Cornwall, 2009. P. 113.

ты форсайт-исследований ложатся в основу весьма масштабных стратегических программ как на государственном, так и на частном уровне.

9.2. Синтетическое прогнозирование регионального развития

Использование технологии форсайта для построения на региональном уровне синтетических прогнозов, представляющих собой взаимообуславливающие друг друга прогнозы количественных и качественных показателей развития секторов экономики, структурных пропорций, качественных состояний факторных параметров и т. п., невозможно без принятия определенного правила (алгоритма), устанавливающего порядок взаимодействия как между параметрами экономических, социальных и научно-технологических систем, так и между уровнями пространственных систем.

Взаимообусловленность и характер взаимодействия параметров систем различного ранга и функционального содержания на каждом пространственном уровне описывается более или менее формализовано и вербально определенными функциями и моделями. Иное положение с взаимодействием этих же параметров, конституирующих экономические, социальные и технологические системы разных таксономических уровней. Здесь возникает неожиданная методологическая трудность.

Связана она с тем, что пространственные системы в экономике и производстве взаимодействуют как иерархически организованные системы. Это означает, что прогнозы для региональной системы любого ранга должны быть строго соподчинены прогнозу системы вышестоящего ранга. На практике это означает, что целевые показатели и значения ограничений, принимаемых в прогнозах для региона, должны быть определенной декомпозицией значений уже принятых и утвержденных в рамках «вышестоящего» прогноза (вертикальная соподчиненность). Соответственно, и сама методика прогнозирования представляет собой на уровне региона некую производную от общенациональной методики прогнозирования.

Кроме того, подсистемы национальной экономической (социальной, производственной) системы не могут функционировать как автаркические образования. Регионы встроены в систему пространственно-временных взаимосвязей с другими пространственными частями национальной экономики. А, следовательно, прогноз каждой региональной системы должен быть согласован, соподчинен не только с прогнозами национальной системы в целом, но и с про-

гнозами других региональных систем (горизонтальная соподчиненность). При этом горизонтальная соподчиненность оказывается вторичной по отношению к соподчиненности вертикальной.

Впрочем, даже в случае приоритета горизонтальной соподчиненности региональные подсистемы национальной экономики, как открытые системы, как с точки зрения натурально-стоимостных потоков товаров и услуг, так и с точки зрения институциональных взаимодействий, являются «прогнозополучателями», а не «прогнозопроизводителями». Состояние экономики региона в значительной степени зависит от решений, принимаемых на внерегиональных уровнях (в корпорациях и федеральном правительстве) относительно размеров фонда накопления в данном регионе, изменения значений факторов производства, режимов функционирования экономической системы в целом и отдельных экономических агентов на территории.

Таким образом, на региональном уровне возможен прогноз как некая комбинация: 1) прогнозов корпораций, размещенных на данной территории, 2) национальных прогнозных показателей, 3) оценок сопряженного развития внутрирегиональной экономической «среды»¹. Если проанализировать инструментальную базу регионального прогнозирования², то нельзя не заметить, что макроэкономические показатели перспективного развития получаются, либо в результате использования различного рода моделей, которые прямо или косвенно интегрированы с общенациональной моделью, либо в процессе интегрирования информации бизнес-проектов, каким-либо образом отобранных для соответствующего региона. В последнем случае связь между результатами развития региона в перспективе и принятыми на национальном и корпоративном уровнях решениями относительно распределения ресурсов накопления и факторов производства является наиболее очевидной.

Еще более существенным препятствием для самостоятельного конструирования прогноза региональной системы является получения прогнозных значений структуры экономики и, особенно, качественных параметров факторов производства. Это предполагает прогнозирование результатов развития научно-технического комплекса и их трансформации в экономические параметры. Научно-технический комплекс принципиально не может быть простран-

¹ Под «внутрирегиональной средой» понимаются вспомогательные и обслуживающие производства, сервисные отрасли и социальная сфера, включая коммунальные услуги.

² Тихоокеанская Россия – 2030 / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ДВО РАН. 2010.

ственно локализован, если не меть в виду конкретные организации и опытные производства. Более того, результаты научно-технологического развития не локализируются даже в пределах национальных систем. Поэтому в области прогнозирования качественных и структурных модификаций региональные системы являются даже еще в большей степени прогнозополучателями, чем в случае собственно экономических и социальных прогнозов.

Таким образом, традиционная интерпретация регионального прогноза как определение вероятностных значений некоторой сознательно сконструированной системы индикаторов экономического и социального характера при заданных ограничениях и ресурсах является отражением весьма ограниченной задачи оценки возможных результатов принятых в самом регионе и за его пределами управленческих и инвестиционных решений. Косвенным образом при этом, конечно, учитывается технологический дрейф, имеющий отношение к производственной системе данного региона.

Решение более широкой задачи – определение вероятных значений структурных, качественных и количественных параметров региональной системы, соответствующих определенному представлению о ее состоянии самой по себе, а также сравнительному положению на множестве региональных подсистем национального и глобального уровней – предполагает совмещение социально-экономических и научно-технологических форсайт прогнозов, выполненных на метауровнях относительно данного региона, с прогнозом количественных значений, характеризующих состояние экономики и социальной среды самого региона при данном потенциале самой региональной системы и метасистемы, а также при определенных значениях ресурсных и факторных ограничений. Подобное совмещение прогнозов разного уровня общности предполагает разбиение собственно прогнозирования развития региональной системы на несколько этапов, соответствующих различным уровням общности, между которыми устанавливается определенный алгоритм согласования результатов. Общее соотношение задач построения обобщенного прогноза развития региональной системы представлено на рисунке 9.1.

Представленные на схеме последовательно реализуемые этапы прогнозирования различаются с точки зрения уровня локализации и адекватности методик прогнозирования.

Измерение потенциала развития в будущем, разработка и реализация программ модернизации, а также прогнозирование в «узком» смысле как оценка значений стоимостных, структурных и социальных параметров региональной системы в будущем осуществляется

в рамках и на основе трендов собственно региональной системы. При этом возможно использование традиционных методик и инструментов, модельных комплексов.

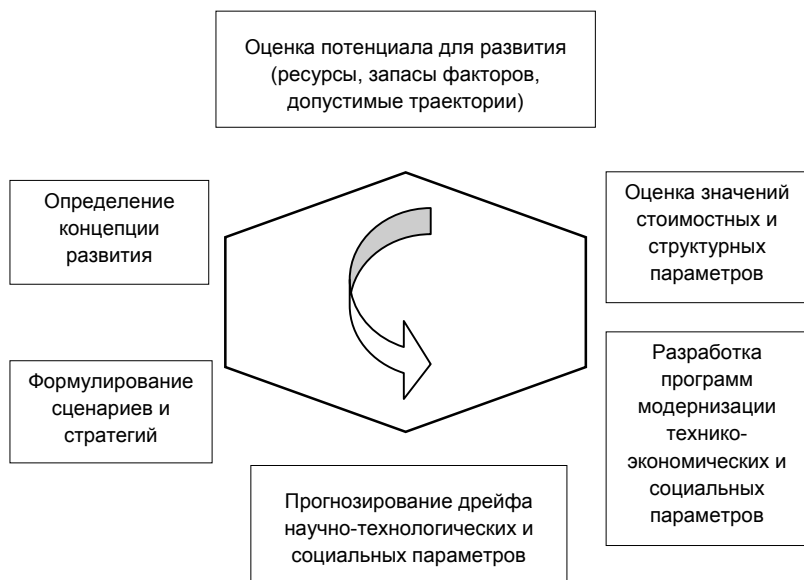

Рис. 9.1. Соотношение задач долгосрочного прогноза регионального развития

Формирование концепции развития, а также оценка параметров дрейфа научно-технологических и социальных параметров развития осуществляется в рамках метасистем (национальной и глобальной/субглобальной). На этих стадиях прогноза использование каких-либо, во всяком случае известных, традиционных и формализованных методик и инструментов практически исключается, а в случае оценки вариантов параметров научно-технологического дрейфа и вероятных трансформаций изменения существующих и появления новых технологий в изменение структуры и стоимостных параметров конкретных отраслевых рынков единственным доступным методом является форсайт.

Определение сценарных условий и стратегий достижения определенных в концепции целей перспективного развития возможно лишь в рамках комбинированного подхода, сочетающего информацию как собственно регионального уровня, так и сигналы метасистемы. При этом возможно и необходимо использовать как

формальные, так и экспертные методы получения результатов в области сценарного моделирования. Это относится также и к этапу формирования на основе «узкого регионального прогноза» и прогноза научно-технологического развития программ модернизации экономической и социальной структуры региона.

Одной из наиболее сложных задач при разработке подобного рода программ является, конечно, конструирование механизма трансформации изменения состояний научно-технологического комплекса в изменение структурных и качественных параметров региональной экономической (а, следовательно, и социальной) системы. Именно успех в подобном, чаще всего институциональном, преобразовании обеспечивает, в конечном счете, реализацию сложных стратегий преобразования структуры и качества использования факторов роста.

Необходимо особо подчеркнуть важность самого первого этапа взаимодействия прогнозных операций – исследование и количественная оценка потенциала для развития системы. Этот этап необходим не только и не столько для того, чтобы охарактеризовать состояние региональной системы и ее соотношение и взаимоотношения с системами того же или более высокого ранга. Ключевой задачей является определение характеристик равновесия и устойчивости тенденций развития, выявление узких мест и потенциальных возможностей региона как с точки зрения качественных и количественных характеристик экономического роста и развития, так и с точки зрения возможностей и ограничений модификации этих характеристик в будущем.

Именно этот анализ параметров динамического равновесия является основой для качественного и количественного определения целей развития и концепции (совокупности идей), задающих траекторию развития региональной системы. Идея или идеи регионального развития более или менее жестко определены сочетаний вероятных условий, которые могут сложиться в прогнозном периоде, и в совокупности описывают сценарии развития.

Сценарии представляют собой некоторое множество макроэкономических, ресурсных и институциональных параметров, которые оказывают существенное воздействие на перспективное развитие региона¹. В число этих параметров входит, конечно, и характеристика изменений как используемых, так и вероятных технологий.

¹ Тихоокеанская Россия – 2030 / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ДВО РАН. 2010. С. 62.

В общем виде сценарий, описывающий условия развития региональной системы, записывается как некоторое множество параметров «S», включающее подмножества {M, R, F, T, I, G}:

T – подмножество параметров технического и технологического характера;

I – подмножество параметров, характеризующих состояние экономических институтов;

G – подмножество параметров, описывающих перспективные состояния внешнего спроса, условия глобальной конкуренции на товарных и факторных рынках;

M – (макропараметры национального уровня) включает в себя параметры, характеризующие состояние федерального бюджета, уровень инфляции, темпы роста национальной экономики;

R – (параметры ресурсов) включает параметры, описывающие перспективные значения численности населения и трудовых ресурсов на национальном и региональном уровнях, оценку накопленного капитала на региональном уровне, оценку природных ресурсов, составляющих экономически эффективный потенциал бизнеса;

F – (факторные параметры микроуровня) – оценки сравнительного уровня факторных цен и экономического расстояния, что характеризует сравнительную конкурентоспособность производственных систем в регионе.

Параметры в этих подмножествах, конечно, характеризуются существенной неопределенностью, они могут формулироваться только в предположении об определенном распределении вероятностей того или иного состояния этих параметров. Причем эти вероятности в свою очередь являются некоторыми стохастическими функциями изменения корреспондирующих параметров.

Следовательно, каждой сформулированной концепции регионального развития соответствуют в перспективе несколько сценариев развития событий вокруг и в связи с регионом, а также событий, происходящих непосредственно в самом регионе. При этом далеко не все параметры могут быть заданы не только численно, но даже однозначно. Конечно, это создает трудности в количественной обработке и дальнейшем прогнозировании в «узком» смысле, которое предполагает оценку некоторого множества количественных параметров регионального развития. А каждый сценарий исчерпывающим образом описывается единственным сочетанием вышеприведенных подмножеств.

Тот или иной сценарий, то есть определенное сочетание подмножеств перспективных значений качественных и количественных параметров функционирования и развития собственно ре-

гиональной и детерминирующих систем, определяет некоторое множество операций (действий) по достижению сформулированной в концепции развития региона цели (целей). Такое множество операций (решений, проектов, событий) будем называть стратегией достижения цели (целей). Учитывая генерализованность целей, подобных стратегий может быть в общем случае более, чем одна. Однако в каждую единицу времени может быть реализован только один набор действий, которые не противоречат друг другу и опираются на сценарные ограничения и ресурсы. Следовательно, последовательность таких наборов во времени образует единственную для каждого данного сценария стратегию достижения обозначенной в концепции развития цели (целей).

Формально выбор наилучшей (оптимальной) для данного сценария стратегии развития осуществляется в рамках процедуры минимаксной оптимизации¹ на основе взвешивания выигрышей и потерь с точки зрения приближения или удаления от сформулированной цели регионального развития. Фактически стратегии формируются в рамках отдельных отраслей и секторов экономики региона, а также в рамках национальной и региональной институциональной систем в форме программ развития соответствующей сферы деятельности.

Обобщение программ развития дает количественную оценку совокупных результатов развития региона в рамках существующих ресурсных и бюджетных ограничений. Это и будет являться прогнозом в «узком» смысле.

9.3. Сценарии синтетического прогноза развития

Определение в явном виде сценариев предстоящей перспективы, то есть множества условий, определяющих качественные и количественные изменения экономических, социальных, технологических, организационных систем, а также их внешних и внутренних оболочек, является сложной процедурой, которая к настоящему времени практически не формализована. Это связано с тем, что само понятие «сценарий развития» не имеет определенного содержания, что позволяет определять его довольно произвольно.

В частности, смешиваются цели и условия развития, что характерно для различного рода программных и проектных документов и исследований нормативного характера, то есть таких, которые

¹ Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Иностранная литература, 1968.

ориентированы на представление определенного, априорно заданного состояния региональной системы в конце прогнозного периода, которое отождествляется, как правило, с целью развития. В этом случае сценарии представляют собой вариантное описание конечных результатов развития той или иной региональной системы. То есть сценарии формулируются в форме множества версий перспективных состояний системы. При этом практически никогда в явном виде не указывается причина (комплекс причин), в такие состояния систему приводящая.

Если предполагается, что каждая из декларируемых целей обязательно реализуется, то каждой должно соответствовать некое состояние региональной системы. Именно такие состояния и порождают сценарии. В действительности это, конечно, не сценарии, а произвольное изложение состояний, соответствующих реализованным целям. Собственно говоря, это некий манифест развития автаркичного региона, который в своем развитии ориентируется на какую-то эндогенно или экзогенно заданную цель при отсутствии ресурсных ограничений, при предположении, что не существует проблемы рынков, технологического развития, конкурентных целей национального развития, многообразия средств достижения цели и так далее.

Подобное изложение сценариев имеет основание в предположениях двух типов: 1) будущее детерминируется прошлым (опытом, тенденциями, потенциалом, структурой, ожиданиями и т. п.); 2) будущее является продуктом сознательного преобразования прошлого, построения «идеальной системы». Конечно, и во втором случае вольно или невольно исследователь (проектировщик будущего) основывается на ретроспективе, так как накопленный потенциал, пропорции, структурные параметры, взаимозависимости экономического и социального характера, внеэкономический «фон» являются естественными ограничениями будущего развития. Эти ограничения могут в явном виде включаться в состав параметров будущей системы (тогда они становятся частью сценария будущего развития и формируют эволюционную динамику), но они могут и игнорироваться полностью или частично (в этом случае решающим обстоятельством становятся цели, которые ставит перед собой сама система или проектанты).

Между тем стратегия представляет собой как раз выбор способов достижения целей в предположении, что «среда», то есть совокупность условий, при которых осуществляется региональное развитие, является вторым активным игроком наряду с системой целеполагания (регион – центр), который генерирует различные

воздействия, требующие адекватного отклика со стороны субъекта (субъектов) целеполагания. Как раз различные состояния «среды» и являются сценариями, определяющими поведения региональной социально-экономической системы, траекторию ее динамики и характеристики используемых средств (ресурсов, механизмов) для достижения целей.

Описание сценариев предстоящего развития в национальном, региональном или глобальном аспектах является до настоящего времени скорее искусством, чем наукой, так как стандартных методик и процедур для такого описания фактически не существует. Однако, опираясь на приведенное выше определение сценария развития как генерируемых «средой» состояний, предполагающих отклик системы целеполагания в форме выбора ресурсов и механизмов достижения первоначально поставленных целей или их модификации, можно предложить в качестве объективной основы формирования сценариев регионального развития систему вероятностных оценок состояний на каждом из критических этапов декомпозиции обобщенной цели (целей).

То есть сценарий регионального развития в этом случае представляет собой совокупность оценок вероятных состояний каждого элемента дерева целей. Разумеется при этом должны выполняться следующие условия: 1) дерево целей должно быть достаточно простым; 2) количество целей верхнего уровня не должно быть больше единицы; 3) формулировки целей каждого уровня должны позволять точно интерпретировать их в форме количественных или качественных параметров. Конечно, чем сложнее прогнозируемая система, тем больше уровней, на которых формулируются цели развития. То есть общее дерево целей разбивается на множество блоков (фрагментов), каждый из которых соответствует определенному уровню общности.

Реализация идеи новой индустриализации региона направлена на достижение главной цели, которая формулируется как синхронизация экономической структуры и качественных параметров воспроизводства в регионе с параметрами субглобальной экономической и социальной магистрали в Северо-Восточной Азии и формирование на этой основе конкурентоспособного экономического и социального комплексов в регионе.

Соподчинение целей, следовательно, можно представить следующим образом. Каждому уровню целеполагания соответствует определенное множество предположений или вероятностей относительно условий, критически важных для достижения соответствующей цели.

Сценарии развития региона представляют собой некоторое множество макроэкономических, ресурсных и институциональных параметров, которые с определенной вероятностью могут характеризовать перспективную ситуацию, связанную с реализацией целей нижнего уровня. Таких множеств может быть в принципе несколько, то есть достижение главной цели развития при избранной концепции могут соответствовать в перспективе несколько сценариев развития событий вокруг и в связи с регионом, а также событий, происходящих непосредственно в самом регионе. Весьма деликатным делом при этом является способ задания параметров, описывающих сценарий. Наилучшим вариантом является, конечно, задание значения параметра определенным числом. Однако, очевидно, что это далеко не всегда возможно. Поэтому необходимо смириться с одновременным наличием как количественных, так и качественно определяемых параметров. Это создает трудности в количественной обработке и дальнейшем прогнозировании, которое должно выражаться набором количественных показателей. Однако эта трудность должна быть преодолена.

При построении сценариев предстоящего развития региональной экономической системы, представляющей собой некоторую часть общенациональной экономики, используется в принципе стандартный набор параметров внешней и внутренней среды, определяющих те или иные сочетания условий и факторов, определяющих характер, направления и масштабы социально-экономической системы региона в предстоящей перспективе.

Эти параметры классифицируются на 9 групп (*табл. 9.2*), в том числе – инвестиции, состояние рынка труда, состояние запасов природных ресурсов, объем спроса (внутреннего и внешнего), состояние национального бюджета, параметры государственной экономической политики, технологические разработки и состояние инновационной системы, состояние интеграционных взаимодействий в США и Восточной Азии, состояние федерального и региональных бюджетов, конкурентоспособность региональных производителей.

Именно характеристика параметров каждой из этих групп в совокупности образуют сценарий перспективного развития, описание внутренней и внешней среды, в которых развивается регион. Конечно, количество возможных сочетаний вышеприведенных групп параметров очень велико. Однако будем исходить из того, что в действительности существует достаточно сильная взаимозависимость между этими группами, многие из которых производны в своих характеристиках от других. Эти эффекты не всегда очевидны, но всегда оказывают влияние на отбор сценарных параметров.

**Классификация параметров перспективных сценариев
регионального развития**

Сценарий	Производственные факторы и ресурсы	Макроэкономическая среда	Институты	Технологии
А. Создание новых индустриальных ниш	1. Инвестиции 2. Квалифицированные кадры	3. Внутренний и внешний спрос	4. Параметры экономической политики	5. Наличие оригинальных технологических разработок
В. Модернизация ресурсной экономики	1. Инвестиции 6. Природные ресурсы	3. Внутренний и внешний спрос	4. Параметры экономической политики	5. Наличие новых технологий добычи и переработки
С. Модернизация инфраструктуры	1. Инвестиции	3. Внешний спрос	7. Внешняя интеграционная ситуация	5. Наличие новых технологий
Д. Модернизация социальной инфраструктуры	1. Инвестиции	8. Параметры федерального и корпоративных бюджетов	4. Параметры экономической политики	5. Наличие новых технологий
Е. Модернизация социально-ориентированных производств, транспортно-коммуникационной инфраструктуры	1. Инвестиции 2. Наличие трудовых ресурсов	8. Параметры федерального и корпоративных бюджетов	4. Параметры экономической политики	5. Наличие новых технологий
Ф. Интеграция на рынках благ, услуг и капиталов	—	9. Конкурененто-способность региональных производителей	4. Параметры экономической политики 7. Внешняя интеграционная ситуация	—
Г. Институциональная интеграция	—	—	4. Параметры экономической политики	—

Описывая вероятные сценарии предстоящего регионального развития, необходимо учитывать, что промежуточные 10–12-летние кризисы внесут свои коррективы в макроэкономические оценки. Однако если рассматривать весь прогнозный период как единый «временной кварк», то можно предполагать, что последствия этих кризисов будут преодолеваются и их результатом станет некоторое снижение макроэкономических индикаторов по сравнению с теми значениями, которые достигались бы при совершенно монотонном тренде. То есть траектория развития в предстоящей перспективе может рассматриваться теоретически как гладкая кривая, которая расположена ниже гипотетической кривой, соответствующей полному использованию ресурсов. Рассмотрим два вероятных сценария.

Сценарий 1. Параметры и общее направление экономической политики внутри страны будут изменяться чрезвычайно медленно, магистральным направлением этих изменений в отношении Дальнего Востока будут являться создание новых институтов, обеспечивающих канализацию бюджетных средств в инфраструктурные проекты на территории региона, а также поддержка корпоративных проектов в сырьевых отраслях. Это обусловит поддержание общего уровня инвестиций, выделяемых из государственного бюджета, а также прирост корпоративных инвестиций на увеличение сырьевого потенциала добывающей промышленности региона и экспорта. В период до 2020 г. в связи с необходимостью завершения масштабных инвестиционных проектов типа АТЭС, нового космодрома, энергетической транспортной инфраструктуры, а также завершения формирования пространственного инфраструктурного коридора на юге Дальнего Востока, предназначенного для устойчивого транзита сырьевого экспорта в страны АТР, осуществления корпоративных инвестиционных проектов по наращиванию сырьевой базы (прежде всего углеводородов) в восточной Сибири и Якутии, номинальный уровень инвестиций будет стабилен.

Однако состояние государственного бюджета в течение прогнозного периода будет сравнительно ухудшаться в связи с изменением мировых тенденций энергообеспечения и энергопотребления, соответственно, изменением уровня доходов от экспорта углеводородов. Сбалансированность федерального бюджета будет поддерживаться сравнительно напряженными макроэкономическими балансами при вялых (3–4% в год) темпах экономического роста на фоне агрессивной тарифной политики естественных монополий, которая вряд ли будет эффективно корректироваться малоэффективной институциональной средой. Это приведет к снижению

темпов роста инвестиций из государственного бюджета, а затем и корпоративных инвестиций после 2020 г. Начиная с 2030–2035 г. это приведет к сокращению объемов инвестиций в сопоставимых ценах.

Усилятся мотивы роста тарифов для компенсации относительного снижения экспортных доходов в условиях стабилизации курса рубля и слабо выраженного роста внешнего спроса на сырье из-за снижения темпов прироста ВВП в зоне СВА до 3–7% в год из-за постепенной ревальвации юаня и ослабления японской йены при невозможности компенсировать относительное сокращение внешнего спроса ростом внутреннего спроса на сырье в связи с невысокими темпами роста ВВП.

Сохранение сырьевых приоритетов в области экономических и политических институтов не позволит кардинально изменить до 2025 г. общую ситуацию в области НИОКР и запустить эффективную инновационную систему. Это затруднит формирование конкурентных ниш в целом в российской, в том числе и в дальневосточной экономике. Вероятные изменения в институциональных приоритетах после 2025 г. не оставят достаточно времени для развертывания инновационной системы и капитализации технологических эффектов в период до 2050 г.

Внешнеэкономическая политика России останется ориентированной на торговые взаимодействия со странами АТР и СВА. При этом уровень интеграционных взаимодействий в Северо-Восточной и Восточной Азии будет значительно повышен и доведен до состояния институциональной и финансовой интеграции. Это приведет к увеличению степени разнообразия отраслевых рынков, снижению уровня предельных издержек производства. Россия и ее Дальний Восток не сможет интегрироваться в рынки факторов производства и технологий в Восточной Азии и останется относительно изолированной от новых рынков и технологического обмена. Сохранение сырьевой ориентации экономики ограничит спрос на инновации, что не позволит существенно изменить положение в области сравнительного уровня развития науки и технологий.

Сценарий 2. Уже в период 2018–2020 гг. начнутся существенные институциональные преобразования в целом по России, в том числе коррективировка механизмов и принципов региональной экономической политики, включая политику по отношению к Дальнему Востоку. Это позволит создать к 2025 г. эффективную национальную инновационную систему, что обеспечит ускорение процессов оздоровления сферы НИОКР и формирование технологических, а затем и рыночных ниш. Для Дальнего Востока это будет соот-

ветствовать формированию приграничных сегментов «новой индустрии».

Формирование к 2025–2030 г. скелета новой промышленной структуры в целом для российской экономики, следовательно, ослабление рентной зависимости доходов федерального бюджета обусловит ослабление бюджетных ограничений и повышение нормы накопления, соответственно, масштабов и темпов инвестиционной деятельности в несырьевых секторах экономики. Это позволит начать процесс структурной перестройки инвестиций в основной капитал за счет ориентации инвестиционной деятельности на создании фундамента «новой индустриализации» в регионе. Появление новых перспектив инвестиционной деятельности в регионе обеспечит повышение индекса инвестиционных и предпринимательских ожиданий, что послужит сигналом для направления в регион дополнительных корпоративных инвестиций.

В странах Северо-Восточной и Восточной Азии макроэкономическая конъюнктура будет поддерживаться на высоком уровне, благодаря усилению действия после 2020 г. эффектов экономической, институциональной и финансовой интеграции. Это позволит поддерживать темпы прироста ВВП в этом субрегионе на уровне 6–9% в год, что обеспечит сохранение уровня спроса на сырьевые товары, производимые на Дальнем Востоке, а также ослабит барьеры на вход в восточноазиатский рынок продукции обрабатывающей промышленности региона, производимой в секторе «новой индустриализации».

Экономическая политика России в зоне Северо-Восточной и Восточной Азии модифицируется и существенно обогащается, превращаясь из политики максимизации торговых доходов в сырьевом секторе в политику формирования единого экономического и финансового пространства, охватывающего весь ареал Северо-Восточной и Восточной Азии, включая российский Дальний Восток. Осуществляется в период после 2030 г. реальная интеграция со странами Северо-Восточной и Восточной Азии на рынках факторов производства и технологий.

9.4. Синтез социально-экономических и научно-технологических прогнозов

Для прогнозирования возможно использование традиционных методик и инструментов, модельных комплексов в рамках и на основе трендов собственно региональной системы. В данной главе сделана попытка оценки вероятных результатов системных преоб-

разований экономической и социальной среды региона на основе разработанного инструментария для получения таких оценок.

Прогнозирование технологического развития экономики в целом и ее отдельных отраслей является одной из наиболее важных и сложных проблем долгосрочного прогнозирования. Огромное количество самых разнообразных технологий и инноваций, применяемых в экономике, делает практически невозможным прямое измерение и сведение результата их использования как на отраслевом, так и на макроуровне. При этом для целей прогнозирования крайне важны именно количественные характеристики уровня технологического развития.

Анализ российского и зарубежного опыта создания инструментальных средств прогнозирования макроэкономической динамики с учетом технологических ограничений и возможностей позволил выделить основные применяемые способы: прогнозирование структурных сдвигов в экономике региона на базе моделей «затраты-выпуск» (межотраслевого баланса) и использование специализированных эконометрических моделей, с помощью которых прогнозируется технический прогресс. В долгосрочных моделях на базе методологии «затраты – выпуск» учет технологических сдвигов осуществляется через корректировку коэффициентов прямых затрат в межотраслевом блоке. Корректировка коэффициентов может осуществляться различными способами.

Например, предлагается подход для количественного измерения динамики технологических изменений в экономике, при котором используется косвенный показатель технологического развития – материалоемкость (либо продуктивность) по первичным ресурсам¹.

В созданной в Центре макроэкономического анализа и конъюнктурных прогнозов долгосрочной балансово-эконометрической модели прогнозирования российской экономики, используется методика долгосрочного прогнозирования производственной структуры экономики схожая с методикой, примененной в модели К. Алмона. Строится прогноз элементов конечного спроса, затем на основе расчетов по межотраслевому балансу строится прогноз объемов производства по видам экономической деятельности. В первое время использования модели применялась гипотеза о постоянстве коэффициентов прямых затрат, усовершенствования модели по-

¹ Узяков М.Н. Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2. С. 3–18.

зволили строить гипотезы об изменениях в технологиях. В модели учитываются технологические изменения двух типов. Во-первых, изменения, связанные со снижением или увеличением удельных затрат (энергоёмкость, материалоемкость). Во-вторых, изменения, связанные с замещением одних ресурсов другими (например, замещение металлических изделий пластмассовыми).

Используемый для синтеза технологических и макроэкономических параметров развития модельный комплекс состоит из трех основных блоков, для прогнозов используется несколько видов моделей.

I блок – блок агрегированных макроэкономических моделей, предназначенных для прогнозирования отдельных макроэкономических показателей развития региона с учетом динамики среднесрочных циклов (примерно 1 раз в десятилетие), прежде всего ВРП региона. Прогнозы в этом блоке выполнены без разбивки по видам деятельности. Кроме того, это блок предназначен для прогнозирования эндогенного технологического экономического роста с помощью аппарат производственных функций¹. Цифры, полученные в этом блоке, используются в качестве контрольных на следующих этапах расчетов.

II блок – отраслевой блок, предназначенный для получения прогнозных выпусков с учетом имеющихся ресурсных ограничений и предполагаемого влияния технологического развития на развитие секторов. В этом блоке осуществляется анализ влияния технологических сдвигов на удельные затраты в важнейших секторах экономики и на возможное замещение важнейших видов ресурсов.

III блок – межотраслевая балансовая модель, предназначенная для согласования всех отраслевых прогнозов и макроэкономического прогноза. На основе полученной информации, прежде всего, из отраслевого блока, осуществляется корректировка технологической матрицы. Изменение коэффициентов прямых затрат осуществляется с использованием корректирующих коэффициентов, которые задаются экзогенно экспертным путем для каждого периода прогноза. Изменение коэффициентов прямых затрат приводит к корректировке объема и структуры промежуточного потребления, меняется и производственная структура по видам экономической деятельности. Именно наличие в модельном комплексе межотраслевого блока позволяет строить долгосрочные прогнозы, в которых учитываются изменения в технологиях.

¹ Власюк Л.И., Редько В.В. Факторы роста экономики Дальнего Востока в 2000–2007 гг. // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 32–41.

Ранее на основе разработанного в ИЭИ ДВО РАН межотраслевого модельного комплекса были выполнены прогнозные расчеты для экономики Дальнего Востока до 2030 г. по двум вариантам, существенно отличающимся по тем предпосылкам, которые закладывались при проведении расчетов¹. Межотраслевая модель была выполнена в разрезе 23 отраслей в классификации ОКОНХ, базовый год расчетов – 2004, от которого затем был осуществлен переход к 2007 г. Межотраслевая модель была модифицирована с учетом увеличения периода прогнозирования до 2050 г. Информационное обеспечение действующего модельного комплекса осуществлено на основе ОКВЭД, что позволяет адекватно учитывать имеющуюся статистическую базу при проведении расчетов.

Для более корректного учета тенденций технологического развития и других факторов роста в долгосрочной перспективе, прогнозный период был разбит на два подпериода: 2010–2030 гг., и 2030–2050 гг. В период 2010–2030 гг. варианты развития региона отличаются тем, что структурные и технологические изменения определяются для варианта №1 исключительно учетом инвестиционных намерений и начатых реализацией проектов в рамках стратегии развития региона до 2025 г., а для варианта № 2 созданием институциональных предпосылок и проведением заделных научно-технических работ и началом формирования новых структурных ниш в экономике на основе новых технологий. Соответственно, для варианта №2 осуществляется вышеуказанная процедура корректировки коэффициентов прямых затрат.

Для прогноза на период 2015–2050 гг. использовался согласованный комплекс моделей (межотраслевая – эконометрическая) с явным учетом при корректировке параметров межотраслевой модели взаимосвязей социально-экономических параметров и параметров сферы научно-технологического развития и инноваций.

9.5. Варианты будущего

Под научно-методическим руководством ИЭИ ДВО РАН с участием большого количества институтов ДВО РАН был выполнен форсайт-прогноз, в котором даны вероятные значения технологических и производных от них структурных и качественных параметров производственной и социальной среды в Дальневосточном

¹ Тихоокеанская Россия – 2030 / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ДВО РАН. 2010. С. 489–502.

федеральном округе с учетом сравнительных условий конкурентоспособности на различных отраслевых рынках в национальной и международной экономике. Это является основанием для композиции полученных качественных и количественных оценок и определения агрегатных макроэкономических показателей, описывающих при определенных предположениях равновесное состояние региональной социально-экономической системы.

В то же время модернизация экономической структуры на основе технологических инноваций и реализации концепции новой индустриализации является лишь одним из вероятных результатов в перспективе до 2050 г., который соответствует сценарию № 1.

Столь же вероятен и вариант блокирования необходимых институциональных трансформаций, а следовательно, консервации структурно-технологических параметров региональной экономики. Этот вариант соответствует вышеописанному сценарию № 2.

В этом случае экономика региона будет по-прежнему концентрироваться в пределах сервисно-добывающего кластера (добывающие отрасли промышленности – транспорт – строительство), который обеспечивает в настоящее время 50% валового выпуска, промежуточного потребления и добавленной стоимости. Если в перспективе сохранится концепция ресурсного транзита (концепция № 9), ориентированная в самом регионе на преимущественные инвестиции в сырьевой сектор и транспортную инфраструктуру, а в области факторов роста – на увеличение масштабов инвестиций для поддержания инфраструктурных мощностей и сырьевого потенциала добывающих отраслей, то развитие как экономической, так и социальной среды будет полностью определяться в структурном отношении первичным сектором экономики и услугами транзита, а темпы экономического роста будут основываться на увеличении добычи сырья и приросте инвестиций в основной капитал, которые трансформируются в рост стоимости продукции строительства.

Очевидно, что такой рост имеет ограничения, по крайней мере, двух видов. Во-первых, монотонный рост стоимости добываемого сырья должен строго коррелировать с пропорциональным увеличением размеров спроса на сырье. Причем в случае Дальнего Востока это увеличение в значительной степени связано с состоянием внешнеэкономической конъюнктуры. Предположение об устойчивости роста спроса на сырье на внешних рынках при заданном уровне цен нереалистично, так как реализуемо только в случае линейной функции спроса, то есть при отсутствии эффектов субституции в результате технического прогресса. Во-вторых, монотонное увеличение объемов инвестиций при сохранении низкого значения инве-

стиционного мультипликатора в регионе равнозначно требованию монотонного наращивания отношения инвестиций к ВРП. Это соотношение уже сейчас находится на уровне 40%, что является высоким, но допустимым значением для развивающейся экономики. Однако длительное поддержание такого уровня инвестирования в экономику региона без адекватного отклика в форме прироста продуктивности инвестиций вряд ли возможно, а наращивание этого соотношения имеет очевидные пределы в перспективе.

Тем не менее, такой вариант развития в перспективе должен учитываться, и в наших оценках макроэкономического синтеза он рассматривается в качестве варианта № 1. Содержанием этого варианта является предположение и о том, что экономическая динамика определяется экстраполяцией сложившихся и формирующихся в пределах 2010–2030 гг. в рамках принятых программ и стратегий тенденций в развитии региона с минимальными технологическими изменениями. Структурные сдвиги в рамках этого варианта определяются также только теми проектами, которые объявлены и начаты реализацией.

Однако сам по себе этот вариант имеет подвариант (будем обозначать его как вариант № 1а). Вариант № 1а отличается от варианта 1 тем, что мы отказываемся от предположения об отсутствии в течении прогнозного периода структурно-технологических скачков на сопредельных с Дальним Востоком рынках, особенно таких скачков, которые кардинально могут изменить масштабы и темпы роста спроса на сырьевые товары, производимые на Дальнем Востоке и/или поставляемые через Дальний Восток транзитом. В первую очередь речь идет, конечно, об энергетическом сырье и продукции конечных переделов в энергетических отраслях (электроэнергия, нефтепродукты).

Второй вариант развития (вариант № 2) предполагает масштабную модернизацию, технологические и структурные изменения в экономической системе региона. Изменение структуры экономики региона будет являться результатом реализации описанных выше программ развития в различных сферах экономики. То есть содержанием этого варианта является собственно синтез технологических и экономических программ в производственных и функциональных секторах, а также наиболее благоприятные возможности с точки зрения внутренних институциональных трансформаций и результатов встраивания во внешние интеграционные форматы. Конечно, и в случае варианта № 2 вполне вероятен кардинальный структурно-технологический сдвиг на внешних для Дальнего Востока рынках, соответственно и существенные изменения современ-

ных пропорций и масштабов внешнего спроса. Разница с вариантом № 1 заключается в том, что эти сдвиги не только включены в рассмотрение при проектировании программ научно-технической и функциональной модернизации в регионе, но реализация этих программ напрямую зависит от их синхронизации с этими внешними сдвигами.

Важнейшее отличие варианта № 2 заключается, конечно, не в объемах используемых ресурсов и показателях выпуска продукции, а в структуре региональной экономики и ассортименте продукции, выпускаемой в различных отраслях и сферах общественного производства. Различия между вариантами в структуре реального сектора экономики (табл. 9.3), конечно, отражаются и как различия в объеме и ассортименте сектора услуг.

Таблица 9.3

Структура видов деятельности по вариантам

Отрасли, комплексы	Виды деятельности, 2010	Виды деятельности, 2050-1	Виды деятельности, 2050-2
1	2	3	4
Минерально-сырьевой комплекс	<ul style="list-style-type: none"> – золото – серебро – платина – цинк – медь – алмазы – вольфрам – никель – уголь – нефть – газ 	<ul style="list-style-type: none"> – золото (-) – серебро (-) – платина (-) – цинк – медь – алмазы – вольфрам – никель – уголь – нефть – газ – титан – бериллий – железная руда – марганцевая руда 	<ul style="list-style-type: none"> – золото (+) – серебро (+) – платина (+) – цинк – медь – алмазы – вольфрам – никель (+) – уголь – нефть (+) – газ (+) – титан (+) – бериллий (+) – железная руда – марганцевая руда – германий – уран – кремний из аморфного кремнезема – золото и платина из техногенных россыпей – тонковкрапленное самородное золото

1	2	3	4
Минерально-сырьевой комплекс			<ul style="list-style-type: none"> – золото и платина из графитизированных метаморфитов – редкоземельные элементы – полиметаллы – алюминий из небокситового сырья – газогидраты – углеводороды из нетрадиционного сырья (битумы, уголь и др.)
Энергетика	<ul style="list-style-type: none"> – гидроэлектроэнергия – угольные станции – дизельные станции – газотурбинные станции – атомная станция – геотермальная станция – нефтепереработка (топлива) – газопереработка (сжижение) 	<ul style="list-style-type: none"> – гидроэлектроэнергия – угольные станции – дизельные станции – газотурбинные станции – атомная станция – геотермальные станции – нефтепереработка (топлива) – газопереработка (сжижение) – биотопливо 	<ul style="list-style-type: none"> – гидроэлектроэнергия – угольные станции – газотурбинные станции – атомные станции – геотермальные станции – ветростанции – солнечные установки – нефтепереработка (топлива) – газопереработка (сжижение) – биотопливо – волновая энергия – установки прямого преобразования энергии недр – промышленные накопители энергии
Лесная промышленность	<ul style="list-style-type: none"> – заготовка древесины – пиломатериалы и щепы – фанера и плитные материалы 	<ul style="list-style-type: none"> – заготовка древесины – пиломатериалы и щепы – фанера и плитные материалы – целлюлоза и бумага – волокнистые материалы 	<ul style="list-style-type: none"> – заготовка древесины – плантационное хозяйство – пиломатериалы и щепы – фанера и плитные материалы – целлюлоза и бумага – волокнистые материалы – мебель – деревянное домостроение – коммерческая заготовка недревесных ресурсов леса

1	2	3	4
Рыбная промышленность	<ul style="list-style-type: none"> – активное рыболовство – рыборазведение – мороженая рыба и консервы 		<ul style="list-style-type: none"> – активное рыболовство – рыборазведение – плантационная марикультура – переработка ВБР на основе биотехнологий – мороженая рыба и консервы
Химическая промышленность	<ul style="list-style-type: none"> – гидролизное производство – горнохимическое производство 	<ul style="list-style-type: none"> – гидролизное производство – горнохимическое производство – лесохимия 	<ul style="list-style-type: none"> – нефтехимия – газохимия – лесохимия – производство новых материалов из местного сырья – производство наноматериалов и гибридных наноструктур, имитирующих природные соединения – производство материалов с заданными свойствами – производство керамических материалов – производство химически чистых материалов для электронной промышленности
Судо-строение	<ul style="list-style-type: none"> – строительство гражданских судов малого и среднего тоннажа, рыболовных сейнеров – строительство и ремонт судов военного назначения – ремонт, сервисное обслуживание и утилизация судов, включая атомные подводные лодки 	<ul style="list-style-type: none"> – строительство гражданских судов малого и среднего тоннажа, рыболовных сейнеров – строительство и ремонт судов военного назначения – ремонт, сервисное обслуживание и утилизация судов, включая атомные подводные лодки 	<ul style="list-style-type: none"> – строительство гражданских судов малого и среднего тоннажа, рыболовных сейнеров – строительство гражданских судов крупного тоннажа (танкеров, газовозов, плавучих заводов по производству СПГ) – строительство подводных аппаратов – строительство и ремонт судов военного назначения – строительство судов ледового класса для марикультуры

1	2	3	4
Судо- строе- ние		<ul style="list-style-type: none"> – строительство танкеров, газозавозов, плавучих заводов по производству СПГ – строительство морских буровых установок и платформ (в т.ч. ледостойких), – строительство плавучих нефтекомплексов 	<ul style="list-style-type: none"> – строительство морских буровых установок и платформ (в т.ч. ледостойких), – строительство плавучих нефтекомплексов – ремонт, сервисное обслуживание и утилизация судов, включая атомные подводные лодки – строительство
Авиа- строе- ние	<ul style="list-style-type: none"> – строительство боевых вертолетов и вооружения – строительство гражданских самолетов (региональный Суперджет-100, амфибия Бе-103, Су-80) – строительство боевых самолетов 	<ul style="list-style-type: none"> – строительство боевых вертолетов и вооружения – строительство гражданских самолетов (региональный Суперджет-100, амфибия Бе-103, Су-80) – строительство боевых самолетов 	<ul style="list-style-type: none"> – строительство боевых самолетов и вертолетов – производство гражданских самолетов регионального класса – производство легкой и специальной авиатехники – производство компонентов, элементов авионики – сборочное производство грузовых дирижаблей
Произ- водство машин и про- мыш- ленного обору- дования	<ul style="list-style-type: none"> – сборка легковых автомобилей – металлические кабели и провода – литейные машины – компрессоры, нагнетатели – горно-буровое и горно-шахтное оборудование, – металлоконструкции 	<ul style="list-style-type: none"> – сборка легковых автомобилей – металлические кабели и провода – литейные машины – компрессоры, нагнетатели – горно-буровое и горно-шахтное оборудование, – металлоконструкции 	<ul style="list-style-type: none"> – энергетическое оборудование – производство металлоконструкций – производство оригинальных моделей легковых автомобилей – сборка техники для сельского хозяйства – производство машинных комплексов для горной промышленности – производство компонентов для энергосберегающего оборудования

1	2	3	4
Производство машин и промышленного оборудования	– консольно-козловые, автомобильные краны, бурильные машины, машины для установки свай – зерноуборочные комбайны	– сельскохозяйственное оборудование	– производство оборудования для разведки и эксплуатации ресурсов шельфа – производство робототехнических систем – производство медицинского оборудования – производство энергосберегающего оборудования для коммунальных и промышленных целей
Электронная промышленность	–	–	– производство элементов для электронного приборостроения – производство компьютерной периферии – производство компонентов для солнечных батарей
Биотехнологии, фармацевтика	– производство отдельных видов лекарственных препаратов	– производство отдельных видов лекарственных препаратов	– производство биологически активных веществ – производство лекарственных препаратов на основе природного сырья – производство элитных образцов животных и растений с заданными свойствами
Металлургия	– обогащение и переработка руд цветных и благородных металлов – производство стали – производство черного проката	– обогащение и переработка руд цветных и благородных металлов – производство стали – производство черного проката	– обогащение и переработка руд цветных и благородных металлов – производство стали – производство черного проката – производство алюминия

Примечание: (+) – кратное увеличение по сравнению с вариантом № 1; (–) – кратное сокращение по сравнению с 2010 г.

Очевидно, что вариант № 2 отличается значительно более высоким уровнем разнообразия в сфере, прежде всего, обрабатывающей промышленности, а следовательно экономический комплекс реги-

она является значительно более диверсифицированным по сравнению с вариантом № 1. Еще одной отличительной чертой варианта № 2 является более высокий уровень межотраслевых взаимодействий в пределах самого региона, а, следовательно, потенциал увеличения внутрирегионального спроса выше. Это гарантирует более высокую устойчивость по отношению к внешним шокам (табл. 9.4).

Таблица 9.4

**Макроэкономические параметры развития экономики
Дальнего Востока**

Показатель	2015–2030		2030–2050		2015–2050	
	рост за период, раз	средне-годовой темп, %	рост за период, раз	средне-годовой темп, %	рост за период, раз	средне-годовой темп, %
1	2	3	4	5	6	7
Вариант № 1						
ВРП	2,0	103,4	1,8	103,0	3,5	103,2
Продукция промышленности	1,9	103,3	1,6	102,2	3,0	102,7
Добыча полезных ископаемых	2,3	104,1	1,6	102,4	3,6	103,3
Обрабатывающие производства	1,5	101,9	1,5	102,0	2,2	101,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,4	101,7	1,4	101,6	1,9	101,6
Строительство	2,3	104,3	1,8	103,0	4,2	103,7
Транспорт и связь	2,6	104,9	2,4	104,5	6,3	104,7
Инвестиции	2,6	104,8	1,6	102,5	4,2	103,6
Вариант № 2						
ВРП	2,4	104,5	2,9	105,4	6,9	105,0
Продукция промышленности	2,6	104,9	3,1	105,8	7,9	105,3

1	2	3	4	5	6	7
Добыча полезных ископаемых	2,5	104,6	2,5	104,6	6,1	104,6
Обрабатывающие производства	3,4	106,3	4,6	107,9	15,5	107,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,9	103,2	2,2	104,0	4,2	103,6
Строительство	2,8	105,3	2,8	105,2	7,7	105,2
Транспорт и связь	3,2	106,0	3,5	106,5	11,3	106,2
Инвестиции	2,9	105,5	2,3	104,1	6,6	104,8

Параметры в рамках варианта № 1 (экстраполяция тенденций при принятых программах и стратегиях с минимальными технологическими изменениями.) свидетельствуют, что даже без учета вероятного изменения тенденций динамики внешнего спроса на продукцию сырьевого сектора Дальнего Востока сохранение в перспективе сложившихся тенденций в темпах обновления производственного потенциала (с учетом реализации инвестиционных проектов до 2025–2030 гг.), внедрения новых технологий, пропорций межрегионального распределения ресурсов и структуры распределения инвестиций в основной капитал приведет к неизбежному затуханию темпов роста ВРП на Дальнем Востоке после 2030 г.

Сохранение преимущественной ориентации на экспорт сырья обусловит увеличение доли таких видов деятельности, как добыча полезных ископаемых, строительство и транспорт до 63% в 2050 г., что будет обусловлено максимальными темпами роста именно в этих секторах экономики региона (табл. 9.5).

Высокая капиталоемкость транспортной инфраструктуры и горнодобывающей промышленности не позволит снизить общую капиталоемкость производства ВРП. В результате сохранятся высокие темпы роста инвестиций в основной капитал, которые по-прежнему будут являться основным макроэкономическим фактором поддержания темпов роста при сохранении сравнительно низкого значения инвестиционного мультипликатора. Доля инвестиций в ВРП региона к 2050 г. достигнет 40%.

Так как в варианте № 1 не предполагается существенных институциональных новаций в области национальной экономической политики, поддержание высокой нормы инвестиций в основной капитал без изменения характера распределения рентных доходов будет возможно в перспективе только при условии сохранения высокого уровня оценок предельной полезности развития сырьевой базы и опорной инфраструктуры на Дальнем Востоке для внешних по отношению к региону игроков. Уровень этих оценок будет определяться заинтересованностью транснациональных корпораций в транзите сырья через территорию и порты региона на рынки стран АТР, а также интенсивность государственных геостратегических намерений в АТР. Любые изменения намерений политического или экономического характера будут ухудшать приведенный выше прогноз основных макроэкономических параметров. В частности, снижение уровня или темпов роста спроса на сырьевых рынках в АТР неизбежно приведет к существенному сокращению темпов развития региона в целом, прежде всего, через снижение уровня инвестиций.

Таблица 9.5

**Структура выпуска товаров и услуг
в экономике Дальнего Востока, %**

Вид деятельности	Вариант № 1		Вариант № 2	
	2030	2050	2030	2050
Производство товаров	56,8	51,1	58,9	57,7
Промышленность	33,8	29,3	37,0	38,5
в том числе добыча полезных ископаемых	23,1	20,7	20,5	17,1
обрабатывающие производства	6,0	5,0	11,3	17,5
производство и распределение электро- энергии, газа и воды	4,8	3,7	5,2	3,9
Строительство	18,8	18,9	18,2	17,0
Прочие отрасли по производству товаров	4,2	2,9	3,6	2,2
Производство услуг	43,2	48,9	41,1	42,3
Транспорт и связь	17,6	23,6	17,3	20,7
Торговля	10,1	12,1	9,3	10,4
Прочие отрасли, оказывающие услуги	15,5	13,1	14,5	11,2
Валовой выпуск	100,0	100,0	100,0	100,0

Наименьшие темпы роста в варианте № 1 характерны для обрабатывающих производств, так как в отсутствие выраженных технологических трансформаций сравнительная конкурентоспособность, а также потенциал внутреннего замещения и внешнего взаимодополнения будет снижаться даже по сравнению с современным низким уровнем. В результате при росте доли добывающих производств общая доля промышленности в перспективе будет сокращаться. Это приведет к тому, что в структуре промышленного производства доля добычи полезных ископаемых увеличится до 70,5%.

Вариант № 2 основан на предположении о полномасштабной реализации к 2050 г. концепции новой индустриализации на базе активного внедрения достижений научно-технического прогресса. В этом варианте общие темпы экономической динамики (ВРП) оказываются значительно выше, чем в варианте № 1, в основном благодаря существенному ускорению развития обрабатывающих отраслей промышленности, среднегодовые темпы роста которых в целом за период превышают общерегиональные темпы роста и темпы роста добывающей промышленности. В результате соотношение между отраслями обрабатывающей и добывающей промышленности существенно изменится уже к 2030 г., а к 2050 г. удельный вес обрабатывающих отраслей в общей стоимости промышленной продукции превысит удельный вес добывающего сектора.

Благодаря существенному увеличению удельного веса обрабатывающей промышленности, соответственно снижению инвестиционной нагрузки в форме масштабных инфраструктурных и сырьевых проектов, капиталоемкость экономического развития региона в этом варианте существенно снижается, отношение суммарных инвестиций в основной капитал к стоимости ВРП составляет 27% к 2030 г. с повышением до 33% к 2050 г. в связи с необходимостью циклического роста заделных инвестиций в поддержание сырьевой базы и обновления инфраструктурных мощностей.

В обоих вариантах предусматривается наличие циклических колебаний в течение 2015–2050 гг., которые приводят к существенной корректировке динамики региональной экономической системы по отдельным подпериодам общей перспективы.

Следует учесть при интерпретации прогнозных вариантов, что существует определенная условность в получаемых оценках, связанная с вынужденными допущениями при долгосрочном прогнозе. Первое сильное допущение заключается в том, что прогноз

рассчитывается в «постоянных ценах», то есть при существенных ассортиментных и технологических изменениях. Эти изменения максимальны в случае варианта № 2. В результате оценки валового выпуска могут оказаться заниженными, так как часть продукции (тем большая, чем выше удельный вес обрабатывающего сектора и интенсивность продуктовых инноваций) просто не может быть включена в расчет индекса физического объема. Второе, не менее сильное, допущение заключается в том, что предполагается неизменность конъюнктуры на внешних рынках, неизменность функций спроса на отдельных отраслевых рынках. Это особенно важно для варианта № 1, в котором наиболее силен акцент именно на добывающий (сырьевой) сектор, максимально зависимый от конъюнктуры внешних рынков. Изменение конъюнктуры, то есть изменение спрсовых ограничений, может существенно изменить характер динамики.

Учет этих особенностей долгосрочного прогноза чрезвычайно трудноосуществим в рамках собственно модельных инструментов прогноза. Поэтому при возможности высоких оценок смещения прогнозных параметров в результате этих допущений необходимо использовать процедуру «модельно-интеллектуального прогнозирования», то есть включать в процедуру формирования прогнозных параметров наряду с формальными инструментальными процедурами этап экспертной корректировки значений целевых параметров и системы ограничений. В случае разработки макроэкономического прогноза для Дальнего Востока на период до 2050 гг. такая процедура была реализована для оценки прогноза по варианту № 1а (см. выше).

Таблица 9.6

**ВВП (ВРП) на душу населения, 2010–2050 гг., тыс. долл.
(по рыночному курсу 2011 г.)**

Территория	2010	2030	2050*
Весь мир	8,8	16,0	30,0
Япония	47,7	78,4	129,0
Китай	4,0	17,0	75,0
Россия	9,0	21,0	50,0
Дальний Восток (вариант № 1)	10,1	22,5	41,0**
Дальний Восток (вариант № 2)	10,1	25,0	60,0**

Примечание. * Оценка. ** Расчеты по модели для Дальнего Востока
Источник: Стратегический глобальный прогноз. 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011. С. 470.

Качественная оценка перспективы развития региона в случае альтернативных сценариев (соответственно, вариантов) динамики до 2050 г. характеризуется показателем выпуска продукции на душу населения. Сравнение среднедушевых показателей выпуска в регионе к 2050 г. с прогнозными данными для России и ведущих стран Северо-Восточной Азии показывает, что с количественной точки зрения до 2030 г. даже по варианту № 1 уровень экономического развития в регионе остается сопоставимым с общероссийским и по-прежнему превосходит уровень Китая.

Но к 2050 г. при развитии вне рамок концепции новой индустриализации (по варианту № 1) отставание региона от среднероссийского показателя составит уже 18%, тогда как при варианте № 2 среднедушевой выпуск в регионе превысит среднероссийский уровень на 20%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала 2000-х гг., задолго до официального провозглашения нового «восточного курса» в экономической политике, тематика развития экономики и социальной системы стала модным направлением в экспертном сообществе. Проблемами Дальнего Востока занималось и занимается тем больше организаций, исследовательских групп и «консультантов», чем больше внимания и, соответственно, денег концентрируется на этом регионе. Решающим поворотом стала программа подготовки к саммиту АТЭС–2012 с последующим объявлением ускоренного развития Дальнего Востока национальным проектом XXI в. Дальневосточная проблематика превратилась в модный тренд, следование которому является обязательным условием подтверждения претензий на экспертное лидерство в области экономики.

С одной стороны, это хорошо, так как позволяет привлечь к серьезным исследованиям региональных проблем и региональной политики новые интеллектуальные силы. С другой стороны, массовый «вход на рынок» дальневосточных разработок и исследований новых коллективов и отдельных специалистов, претендующих на то, чтобы быть законодателями этой новой моды, порождает эклектичность и потерю качества собственно исследовательской работы.

Десятилетиями нарабатывавшиеся результаты в области изучения закономерностей, теоретических и прикладных исследований различных сторон и эффектов функционирования и развития обширнейшей и сложнейшей системы, каковой является вообще региональная система, особенно такая как дальневосточная, конечно, требуют непрерывного развития и углубления с учетом стремительно ускорившегося темпа всех происходящих и планируемых в регионе и в связи с ним событий политического и экономического характера. Но это требует времени и серьезной системной работы, предполагающей концентрацию сил и средств, использование программных методов планирования, финансирования и координации. Однако практика требует синоминутных решений и быстрой экспертизы основанных на ранее полученных научных результатах решений.

Последнее является опасной ловушкой, так как предполагает глубокое знакомство с сутью результатов многолетних исследований. Времени для такого глубокого знакомства и тщательной экс-

пертизы ранее полученных результатов с точки зрения новых подходов и опыта, как правило, не хватает.

Экономические проблемы освоения и развития Дальнего Востока в России исследовались в течение более чем 120 лет, причем последние почти 70 лет они целенаправленно развивались в рамках целой системы научных и планово-практических организаций Москвы и самого Дальнего Востока. Ситуация сложилась таким образом, что в новейшей истории исследованиями экономических проблем региона пришлось заниматься почти исключительно силами сравнительно небольшого коллектива Института экономических исследований ДВО РАН в кооперации с немногочисленными исследовательскими группами в некоторых институтах Москвы и Дальнего Востока.

В последнее время многие ранее полученные исследовательские результаты различными путями и в различной интерпретации проникли в управленческую практику и послужили основой для постановки новых исследований, как правило, ориентированных на прикладные результаты. Это является важным продвижением в деле работ по экономике региона. Но работы эти необходимо базировать для гарантии предсказуемости и надежности их результатов, прежде всего практического свойства, на системном учете результатов длительной исследовательской работы, проведенной ранее и проводящейся до настоящего времени.

Настоящий доклад посвящен как раз попытке системного изложения некоторой части исследовательских результатов в области макроэкономики, отраслевой экономики, социального развития, внешнеэкономического сотрудничества, экономической политики, теории и методологии, прогнозирования социально-экономического развития Дальнего Востока России, полученных в рамках собственных и кооперируемых с другими исследовательскими группами научных разработок Института экономических исследований ДВО РАН.

Доклад предназначен для использования как научными работниками, так и специалистами органов государственного управления, которые заинтересованы в привязке своих исследований и практических решений к научно-обоснованным оценкам, основанным на многолетних прикладных, теоретических и инструментальных исследованиях в рамках дальневосточной научно-экономической школы.

Основные публикации ИЭИ ДВО РАН по проблемам развития российского Дальнего Востока

Монографии и сборники статей

- Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX–XX веков / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с.
- Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 2. Исследование сельской экономики Приамурского края между Русско-японской и Первой мировой / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 288 с.
- Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 3. Амурская экспедиция 1910 года / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 288 с.
- Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 4. Региональные экономические исследования в 1920-е годы / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011. 240 с.
- Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 5. Региональные экономические исследования в 50-е 60-е годы XX века / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012. 224 с.
- Антонова Н.Е.* Лесная политика: региональные проявления / отв. ред. В.Д. Калашников; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 224 с.
- Антонова Н.Е., Шейнгауз А.С.* Управление лесным комплексом многолесного региона / отв. ред. С.Н. Леонов; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2002. 192 с.
- Атлас населения Дальнего Востока России (выпуск 1. Размещение и динамика населения) / ред. А.В. Харченко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2000. 44 с.

- Бакланова М.П.* Региональное планирование в Японии / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2003. 220 с.
- Барабаш Е.С., Леонов С.Н.* Межмуниципальное взаимодействие: потенциал и механизм реализации / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2013. 188 с.
- Белуsoва А.В.* Региональный вывоз в экономике Хабаровского края: шоки и эффекты / отв. ред. А.П. Горюнов; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011. 128 с.
- Вишневский Д.С.* Избранные труды / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 320 с.
- Власюк Л.И.* Прогнозирование экономики макрорегиона: Дальний Восток / отв. ред. акад. РАН П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012. 208 с.
- Внешнеэкономическое сотрудничество Дальневосточного федерального округа: атлас / Д.С. Вишневский, Е.И. Деваева, В.Д. Калашников, Т.Е. Котова, А.В. Харченко, В.Д. Хижняк; отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2006. 48 с.
- Внешнеэкономическое сотрудничество Дальневосточного федерального округа: атлас / Д.С. Вишневский, Е.И. Деваева, В.Д. Калашников, Т.Е. Котова, А.В. Харченко, В.Д. Хижняк; отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2006. 48 с.
- Горюнова Н.П., Минакир П.А.* Финансовые кризисы на развивающемся рынке / Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Наука, 2006. 215 с.
- Гудкова Е.В.* Предпринимательский климат: региональный аспект / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2005. 268 с.
- Дальний Восток и Забайкалье 2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Москва: ЗАО «Экономика», 2002. 434 с.
- Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР: аналитический до-

- клад / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2005. 80 с.
- Дальний Восток России: плюсы и минусы экономической интеграции: материалы Международной научной конференции / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН; Российский национальный комитет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству; Международная Академия регионального сотрудничества. Хабаровск: РИОТИП, 2004. 464 с.
- Дальний Восток России: экономический потенциал / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1999. 594 с.
- Дальний Восток: ресурсная экономика [Электронный ресурс] / Н.Е. Антонова, Н.В. Ломакина, Г.И. Сухомиров; отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 49 с. Режим доступа:<http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/151-2017-books/1160-book2017-antonova>.
- Деваева Е.И.* Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии: региональные аспекты / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 208 с.
- Демьяненко А.Н.* Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
- Демьяненко А.Н.* Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I / отв. ред. П.Я. Бакланов; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 224 с.
- Динамика пространственной структуры экономической системы Российской Федерации: материалы всероссийской научной конференции / под общ. ред. Н.Н. Михеевой; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2003. 480 с.
- Долгосрочная стратегия развития российского Дальнего Востока: материалы научно-практической конференции (4 дек., 2007 г., г. Хабаровск) / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2008. 614 с.
- Долгосрочный комплексный прогноз регионального социально-

экономического и технологического развития. «Тихоокеанская Россия 2050» (методические положения) / под ред. В.И. Сергиенко, П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 96 с.

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов (Тихоокеанская Россия 2050): материалы международной научно-практической конференции (18–19 ноября 2010 г., г. Хабаровск) / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2011. 596 с. Деп. в ИНИОН РАН № 60994 от 28.07.2011.

Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е. Экономическое развитие Китая на современном этапе (аналитический обзор) / под ред. Е.И. Девяевой; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 48 с.

Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е. Экономическое развитие новых индустриальных стран Азии: от кризиса до кризиса / под ред. В.В. Кучука; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Издательский дом «АРНО», 2009. 124 с.

Калашиников В.Д. Проблемы стратегического планирования энергетики региона / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2001. 149 с.

Корсунский Б.Л. Предпринимательство на Дальнем Востоке России: проблемы развития и регулирования / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2001. 152 с.

Корсунский Б.Л., Леонов С.Н. Управление развитием проблемного региона / отв. ред. П.А. Минакир. Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2006. 276 с.

Краснопольский Б.Х. Аляска: трудный путь к благополучию / отв. ред. акад. РАН П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 224 с.

Краснопольский Б.Х. Государственное управление природопользованием: опыт США / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 224 с.

Леонов С.Н. Региональная экономическая политика в переходной экономике / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1998. 205 с.

- Леонов С.Н.* Кредитоспособность региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2003. 144 с.
- Леонов С.Н., Барабаш Е.С.* Проблемы и механизмы реализации региональной политики. Учебное пособие / Институт экономических исследований ДВО РАН. Москва: РУСАЙНС, 201. 160 с.
- Леонов С.Н., Иванченко О.Г., Рензин О.М.* Формирование финансовой базы региона / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2001. 130 с.
- Леонов С.Н., Казанцева Т.В.* Межбюджетные отношения на уровне субъектов Федерации / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2006. 151 с.
- Леонов С.Н., Корсунский Б.Л.* Региональная политика: ресурсный аспект / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2003. 176 с.
- Леонов С.Н., Корсунский Б.Л., Барабаш Е.С.* Региональная экономика и управление: экономика Дальнего Востока. Учеб. пособие для вузов / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2007. 176 с.
- Леонов С.Н., Сидоренко О.В.* Зарубежный опыт регионального управления / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2011. 144 с.
- Леонов С.Н., Сидоренко О.В.* Селективная региональная политика: российский и зарубежный опыт / отв. ред. А.Н. Демьяненко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2012. 168 с.
- Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 160 с.
- Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор, изд. 2-е, пересмотр. и доп. / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 192 с.
- Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2001. 256 с.
- Ли Чжэ Ён, Ли Сун Чол.* Стратегии проникновения на российский рынок: опыт компаний Республики Корея / Корейский ин-т междунар. экон. политики; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 160 с.

- Ломакина Н.В.* Минерально-сырьевой комплекс в экономике Дальнего Востока / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2002. 135 с.
- Ломакина Н.В.* Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал развития / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 240 с.
- Материалы II открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых / ред. П.А. Минакир, В.А. Сыркин; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Изд-во Хаб. гос. техн. ун-та, 2000. 188 с. ISBN 5-7389-0168-1
- Материалы XIX совместного симпозиума ученых Дальневосточного отделения Российской Академии наук и ученых района Кансай, Япония / отв. ред. Ларин В.Л., Минакир П.А., Вакио Фудзимото; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2003. 132 с.
- Материалы XVII совместного симпозиума ученых Дальневосточного отделения Российской Академии наук и ученых района Кансай, Япония / отв. ред. Ларин В.Л., Минакир П.А., Вакио Фудзимото. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2002. 160 с.
- Материалы восьмой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция) / под общ. ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2006. 256 с.
- Материалы двенадцатой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция) / под общ. ред. С.Н. Леонова; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2010. 208 с.
- Материалы девятой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция) / под общ. ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 292 с.
- Материалы десятой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция) / под общ. ред. В.Д. Калашникова; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 288 с.

- Материалы одиннадцатой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция) / под общ. ред. В.Д. Калашникова; Институт экономических исследований ДВО РАН . Хабаровск: РИОТИП, 2009. 192 с.
- Материалы пятой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция) / под общ. ред. Н.Н. Михеевой; Институт экономических исследований ДВО РАН . Хабаровск: РИОТИП, 2003. 192 с.
- Материалы седьмой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция) / под общ. ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН . Хабаровск: РИОТИП, 2005. 224 с.
- Материалы третьей открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 2001. 228 с.
- Материалы четвертой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых и аспирантов Хабаровского края / под ред. Н.Н. Михеевой; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2002. 242 с.
- Материалы шестой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция) / под общ. ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2004. 276 с.
- Минакир П.А.* Синтез отраслевых и территориальных плановых решений. М.: Наука, 1988. 152 с
- Минакир П.А.* Системные трансформации в экономике / Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.
- Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток / П.А. Минакир; отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН . М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 848 с.
- Минакир П.А.* Экономическое развитие региона: программный подход / отв. ред. А.Г. Зельднер, Н.И. Цветков; Институт экономических исследований ДВНЦ АН СССР. М.: Изд-во «Наука», 1983. 224 с.

- Минакир П.А., Демьяненко А.Н. *Очерки по пространственной экономике* / отв. ред. В.М. Полтерович; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
- Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / отв. ред. В.В. Кулешов; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
- Михеева Н.Н. Макроэкономический анализ на основе региональных счетов / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1998. 176 с.
- Михеева Н.Н. Региональная экономика и управление. Учебное пособие для вузов / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Изд-во РИОТИП, 2000. 400 с.
- Михеева Н.Н., Леонов С.Н. Региональная экономика и управление. Учебно-методическое руководство / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2000. 124 с.
- Мотрич Е.Л. Население Амурской области по городам, поселкам городского типа, сельским населенным пунктам и населенным местам (1989–2010 гг.) / Е.Л. Мотрич, А.В. Лепехин, В.В. Лазарева. Хабаровск; Благовещенск, 2015. 200 с.
- Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.
- Найден С.Н. Общественные блага и коммунальные услуги / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2004. 176 с.
- Население Дальневосточного федерального округа. 1991–2011 гг.: карта / науч. ред. Д.С. Вишневский, А.В. Харченко; Е.Л. Мотрич, В.Д. Хижняк; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ФГУП «Дальневосточное аэрогеодезическое предприятие», 2011. 1 л.
- Население и трудовые ресурсы Дальневосточного федерального округа: атлас. Вып. 2. Трудовые ресурсы и их использование / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 50 с.
- Население и трудовые ресурсы Дальневосточного федерального округа: атлас. Вып. 1. Размещение и демографические особен-

- ности населения / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 48 с.
- Научные исследования по проблемам социально-экономического развития Дальнего Востока: библиографический указатель публикаций (2006–2010 гг.) / сост. Ен Сук Бак, М.Ю. Пак; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011. 112 с.
- Научные исследования по проблемам социально-экономического развития Дальнего Востока: библиографический указатель публикаций (2001–2005 гг.) / сост. Ен Сук Бак, Е.Д. Карасева; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2006. 96 с.
- Научные исследования по проблемам социально-экономического развития Дальнего Востока: Библиографический указатель (1996–2000 гг.) / Бак Ен Сук, Ломанчук Т.Б.; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2001. 72 с.
- Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии (институциональные аспекты) / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2005. 256 с.
- Оценка факторов роста и прогнозирование социально-экономического развития регионов России / под ред. А.И. Татаркина, П.А. Минакира; Институт экономики УрО РАН; Институт экономических исследований ДВО РАН. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 178 с.
- Перспективы развития регионов: Дальний Восток и Забайкалье до 2010 г.: материалы международной научно-практической конференции / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2001. 672 с.
- Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.
- Природопользование Российского Дальнего Востока и Северо-Восточная Азия / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 1997. 224 с.
- Проблемы и перспективы использования природно-ресурсного потенциала Хабаровского края и развития эксплуатирующих его отраслей: аналит. доклад / отв. ред. А.С. Шейнгауз; Институт

- экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2000. 115 с.
- Проблемы экономической политики на российском Дальнем Востоке: материалы международной научно-практической конференции / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2001. 432 с.
- Прокапало О.М.* Социально-экономический потенциал субъектов Федерации Российского Дальнего Востока / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Изд-во ХГТУ. 1999. 143 с.
- Прокапало О.М.* Региональная социально-экономическая динамика: Дальний Восток и Забайкалье / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2003. 256 с.
- Пространственные трансформации в российской экономике / общ ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Экономика», 2002. 424 с.
- Развитие Дальнего Востока: влияние глобальных и национальных шоков [Электронный ресурс]: материалы 11-го международного совместного семинара КИЭП ИЭИ ДВО РАН (23 июня 2016 г., Биробиджан) / Корейский институт международной экономической политики; Институт экономических исследований ДВО РАН; под общ. ред. Ли Чжэ Ен, О.М. Рензина. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2016. 144 с. Режим доступа: <http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/146-2016-opisanie-knig/1104>
- Региональное стратегическое планирование: опыт Хабаровского края [Электронный ресурс]: мат-лы науч.-практ. конф. (9 июня 2016 г., Хабаровск) / под общ. ред. д-ра геогр. наук, проф. А.Н. Демьяненко. Хабаровск: Институт экономических исследований ДВО РАН, 2016. 224 с. Режим доступа: <http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/146-2016-opisanie-knig/1102>.
- Региональные траектории социально-экономического развития / под ред. А.И. Татаркина, П.А. Минакира; Институт экономики УрО РАН; Институт экономических исследований ДВО РАН. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 184 с.
- Региональный программный мониторинг: федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. и до 2010 года» / рук. авт. коллектива и науч. ред. П.А. Минакир; Институт экономи-

- ческих исследований ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 160 с.
- Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы международного семинара (25–26 янв., 2005; Хабаровск) / отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исслед.; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2005. 208 с.
- Российский Дальний Восток: вектор развития до 2025 года: материалы научно-практической конференции (25 ноября, 2008 г., г. Хабаровск) / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2009. 339 с. Деп. в ИНИОН РАН № 60817 от 07.12.2009.
- Российский Дальний Восток: экономические тренды [Электронный ресурс] / О.М. Прокапало, С.Н. Найден, Е.Л. Мотрич, А.Б. Бардаль; под ред. О.М. Прокапало; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 66 с. Режим доступа: <http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/151-2017-books/1162-book2017-prokapalo>
- Россия и Япония: потенциал регионального сотрудничества / ред. П.А. Минакир, В.А. Сыркин; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Изд-во Хаб. гос. техн. ун-та., 2000. 240 с.
- Рыжова Н.П.* Экономическая интеграция приграничных регионов / отв. ред. акад. РАН П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
- Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
- Стратегия регионального развития: Республика Бурятия 2015 / под общ. ред. А.Г. Гранберга, П.А. Минакира, Л.В. Потапова; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Экономика, 2005. 624 с.
- Сухомиров Г.И.* Таежное природопользование на Дальнем Востоке России / Институт экономических исследований ДВО РАН; Всемирный фонд дикой природы (WWF) Россия, Амурский филиал. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 384 с.
- Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира; Институт эконо-

- мических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
- Топливо-энергетический комплекс Хабаровского края: состояние и стратегия развития / под ред. В.И. Ишаева; прав-во Хабаровского края; Ин-т систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 155 с.
- Транспортно-энергетическая инфраструктура Дальневосточного федерального округа: атлас [Электронное издание] / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. 10 с. Режим доступа: http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/151-2017-opisanie-knig/atlas_2017
- Условия жизни и уровень благосостояния населения Дальневосточного федерального округа: атлас / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 64 с.
- Ученые записки. Выпуск 1. Проблемы пространственного развития. [Электронный ресурс] / под ред. д-р экон. наук О.М. Прокапало; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 137 с. Режим доступа: <http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/151-2017-books/1171-sci-reports-1>
- Ученые записки. Выпуск 2. Проблемы инфраструктурных и ресурсных отраслей экономики. [Электронный ресурс] / под ред. акад. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 94 с. Режим доступа: <http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/151-2017-books/1172-sci-reports-2>.
- Ученые записки. Выпуск 3. Проблемы региональной экономической политики. [Электронный ресурс] / под ред. д-ра экон. наук О.М. Прокапало; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 144 с. Режим доступа: <http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/151-2017-books/1173-sci-reports-3>.
- Шейнгауз А.С.* Избранные труды / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ДВО РАН, 2008. 656 с.
- Шляховой А.З., Горюнов А.П.* Финансово-кредитный сектор экономики: региональный динамический аспект / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 192 с.
- Экономика Дальнего Востока: пять лет реформ / отв. ред. П.А. Минакир, Н.Н. Михеева; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. 262 с.

- Экономика и инфраструктура: российские тренды [Электронный ресурс] / Е.Л. Домнич, Е.А. Заостровских, Т.И. Троп; отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 72 с. Режим доступа: <http://ecrin.ru/mainmenu-33/1/151-2017-books/1161-book2017-domnich>.
- Экономика регионов. Хабаровский край / под ред. акад. РАН П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 400 с.
- Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 352 с.
- Экономическая карта Дальнего Востока / Разраб. Д.С. Вишнеvский, Г.С. Вороная, В.Д. Хижняк; Институт экономических исследований ДВО РАН. 1:2500. Хабаровск, 1998. 6 л.
- Экономическая политика на Дальнем Востоке России (концепция и программа) / под ред. Минакира П.А. / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2000. 92 с.
- Экономическая реформа: теория и практика / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1997. 328 с.
- Экономическое пространство Дальневосточного федерального округа в географических картах: научно-справочный атлас / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 36 с.
- Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / под ред. П. А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.

Научные статьи

- Антонова Н.Е.* Лесная политика: теория и применение // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 33–52.
- Антонова Н.Е.* Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российскокитайского взаимодействия // *ЭКО*. 2014. № 6. С. 40–55.
- Антонова Н.Е.* Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока? // *ЭКО*. 2015. № 7. С. 16–34.
- Антонова Н.Е.* Экономический пояс Шелкового пути: есть ли возможности для развития биоресурсного сектора Дальнего Востока? // *ЭКО*. 2016. № 7. С. 37–55.
- Антонова Н.Е., Волков Л.В., Сухомиров Г.И.* Биоресурсный сектор Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2017. № 2. С. 110–137.
- Бардаль А.Б.* Доступность транспорта для населения на Дальнем Востоке России // *Региональная экономика: теория и практика*. 2015. № 46. С. 42–53.
- Бардаль А.Б.* Новый Шелковый Путь: возможности и угрозы для транспортного комплекса Дальнего Востока России // *ЭКО*. 2016. № 7 (505). С. 69–80.
- Бардаль А.Б.* Рынок транспортных услуг Северо-Восточной Азии: тенденции и перспективы // *Пространственная экономика*. 2016. № 1. С. 132–162.
- Бардаль А.Б.* Транспортная инфраструктура Дальнего Востока: изменение условий для предприятий // *ЭКО*. 2015. № 7. С. 35–51.
- Бардаль А.Б.* Транспортные взаимодействия России и Китая: Дальний Восток // *ЭКО*. 2014. № 6. С. 66–81.
- Бардаль А.Б.* Транспортный комплекс региона в условиях вступления России в ВТО: Дальний Восток // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 153–175.
- Белюсова А.В.* Моделирование экономических эффектов изменения параметров внешней среды региона // *Регионалистика*. 2017. Т. 4. № 3. С. 14–25.
- Белюсова А.В.* Оценка влияния федеральных дотаций на динамику дифференциации бюджетной обеспеченности субъектов РФ // *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2016. № 2 (78). С. 89–98.

- Белоусова А.В.* Пространственное распределение инвестиций в РФ: влияние на межрегиональное неравенство // *Пространственная экономика*. 2014. № 3. С. 26–43.
- Васильева О.Г.* Вредит ли изобилие природных ресурсов инвестициям в образование? Случай российских регионов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2012. № 2 (14). С. 67–81.
- Васильева О.Г.* Накопление человеческого капитала и изобилие природных ресурсов // *Вопросы экономики*. 2011. № 12. С. 66–77.
- Васильева О.Г., Билько А.М.* Оценка эффекта масштаба в сельском хозяйстве Амурской области // *Пространственная экономика*. 2016. № 2.
- Васильева О.Г., Ковшун Ю.А.* Доступ к кредиту и экономический рост в регионах России // *Пространственная экономика*. 2015. № 2. С. 31–46.
- Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н.* Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // *Пространственная экономика*. 2010. № 4. С. 6–31.
- Вишневский Д.С., Харченко А.В., Хижняк В.Д.* Картографическое обеспечение исследовательской и хозяйственно-управленческой деятельности: основные направления и инструментарий // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. 2011. № 2. С. 29–38.
- Вишневский Д.С., Харченко А.В., Хижняк В.Д.* Общеэкономическая карта мегарегиона страны: пути совершенствования содержания и методов составления // *Известия Русского географического общества*. 2009. Т. 141. № 5. С. 22–29.
- Грицко М.А.* Тенденции на рынке труда в условиях сокращения человеческого потенциала и роста демографической нагрузки (на примере субъектов Дальнего Востока) // *Власть и управление на Востоке России*. 2016. № 3 (76). С. 68–75.
- Грицко М.А.* Человеческий потенциал Дальнего Востока: современная динамика и ограничения роста // *Власть и управление на Востоке России*. 2014. № 3. С. 47–52.
- Гудкова Е.В.* Возможности инновационного развития экономики Дальнего Востока // *Федерализм*. 2011. № 3 (63). С. 23–32.
- Гудкова Е.В.* Когнитивные технологии прогнозирования, планирования и проектирования центра связанности Дальнего Востока

- России со странами Восточной Азии // Проблемы современной экономики. 2017. №1 (61). С. 125–130.
- Гудкова Е.В.* Конверсия оборонного комплекса российского Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 1997. № 5. С. 40–50.
- Гудкова Е.В.* Новые тенденции и возможности формирования предпринимательского климата в регионе // Вестник ДВО РАН. 2003. № 5. С. 12–26.
- Гудкова Е.В.* Стратегические ориентиры машиностроения Дальнего Востока России: технологические цепочки // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 408–411.
- Гудкова Е.В., Гетьман А.А.* Предприятия машиностроения Дальнего Востока в условиях экономической реформы // ЭКО. 1998. № 4. С. 81–94.
- Дёмина О.В.* Рынки тепловой энергии: тенденции пространственной организации // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 33–60.
- Дёмина О.В., Минакир П.А.* Дифференциация цен на электроэнергию: роль пространства и институтов // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 30–59.
- Дёмина О.В., Новицкий А.А.* Энергетические рынки стран АТЭС: возможности для России // Пространственная экономика. 2012. № 3. С. 55–78.
- Дёмина О.В.* Поворот на Восток: риски и возможности увеличения экспорта российских энергоресурсов в Китай // Регионалистика. 2016. № 6. С. 47–55.
- Дёмина О.В.* Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. 2015. № 4. С. 21–30.
- Дёмина О.В.* Энергетическая сфера Азии: экспорт электроэнергии из России в Китай // ЭКО. 2014. № 6. С. 56–65.
- Дёмина О.В., Огнев А.Ю.* Развитие энергетического сотрудничества России и Китая: декларации и практика // Энергетика России в XXI веке. Инновационное развитие и управление: сб. статей всероссийской конференции. Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2015. С. 141–147.
- Дёмина Я.В.* Влияние валютной политики на внешнеторговые потоки Восточной Азии // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 136–143.

- Дёмина Я.В.* Координация валютной политики стран АСЕАН: влияние на параметры внешней торговли // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 98–116.
- Дёмина Я.В.* Перспективы создания валютной зоны в АСЕАН // *Пространственная экономика*. 2016. № 1. С. 81–98.
- Дёмина Я.В.* Платежные балансы стран Восточной Азии: влияние скоординированной валютной политики // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 138–152.
- Дёмина Я.В.* Процессы международной экономической интеграции в АТР и интересы России: итоги 25 лет // *Пространственная экономика*. 2017. № 2. С. 16–40.
- Дёмина Я.В.* Финансовые рынки стран Восточной Азии: интеграция и конвергенция // *Пространственная экономика*. 2016. № 3. С. 81–104.
- Дёмина Я.В.* Эффекты торговой интеграции в странах АСЕАН // *Пространственная экономика*. 2015. № 3. С. 120–141.
- Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А.* География экономической науки: постановка проблемы // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 65–78.
- Демьяненко А.Н., Демьяненко Н.А., Хижняк В.Д., Украинский В.Н.* Деконцентрация российской экономической науки и качество институтов // *Регионалистика*. 2015. Т. 2. № 5–6. С. 70–84.
- Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А.* Современные стратегические инициативы и уроки истории в освоении Дальнего Востока // *ЭКО*. 2016. № 4. С. 45–60.
- Демьяненко А.Н., Украинский В.Н., Демьяненко Н.А.* Российская пространственная экономика: библиометрический анализ // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. С. 111–134.
- Демьяненко А.Н., Украинский В.Н., Швецов А.Н.* Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования // *Регионалистика*. 2016. С. 48–60 и № 6. С. 63–74.
- Домнич Е.Л.* Взаимосвязь занятости и производительности труда в странах ОЭСР и России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. № 44. С. 38–52.
- Домнич Е.Л.* Моделирование индикаторов численности трудовых ресурсов в регионах России // *Экономический анализ: теория и практика*. 2015. № 25. С. 43–56.

- Домнич Е.Л.* Научно-технологический задел Дальневосточного федерального округа в зеркале патентной статистики // *Инновации*. 2012. № 10 (168). С. 79–85.
- Домнич Е.Л.* Научно-технологический задел Дальневосточного федерального округа и стран Северо-Восточной Азии // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. С. 79–110.
- Домнич Е.Л.* Патентная статистика как измеритель экономики науки и инноваций в регионах России // *Инновации*. 2013. № 5 (175). С. 92–95.
- Домнич Е.Л.* Структура дальневосточного машиностроения: проблемы измерения и опыт оценки // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. № 8 (431). С. 4–18.
- Домнич Е.Л.* Экономический анализ структуры российского машиностроения: проблемы теории и практики // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 101–118.
- Журавская Т.Н.* «Серый» импорт на российско-китайской границе: что нового? // *Экономическая социология*. 2011. Т. 12. № 5. С. 54–71.
- Журавская Т.Н.* «Собственники без собственности»: неформальные практики в условиях открытого рынка // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. Т. XVII. № 5 (76). С. 52–69.
- Журавская Т.Н.* Конфигурация и функционирование социальных сетей в приграничном регионе // *Пространственная экономика*. 2014. № 3. С. 67–94.
- Журавская Т.Н.* Миграция из стран СНГ в Амурскую область в контексте синтетической теории // *Пространственная экономика*. 2016. № 3. С. 105–132.
- Заостровских Е.А.* Свободный порт Владивосток в концепции развития международных транспортных коридоров Приморского края // *Регионалистика*. 2016. № 4. С. 44–54.
- Заостровских Е.А.* Ванино Советско-Гаванский транспортно-промышленный узел: потенциал формирования полюса роста // *Власть и управление на Востоке России*. 2017. № 1. С. 35–43.
- Заостровских Е.А.* Комплексные транспортные исследования в России // *Экономика Востока России*. 2017. № 1. С. 92–101.
- Заостровских Е.А.* Проблемы и перспективы интеграции морского транспорта Дальнего Востока России в мировую транспортную

- сеть // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 1. С. 31–37.
- Заостровских Е.А.* Состояние и перспективы развития внутреннего водного транспорта Дальнего Востока России // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 3. С. 35–47.
- Захарченко Н.Г.* Исследование экономического пространства: синтез балансового и теоретико-игрового методов моделирования // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 12–38.
- Захарченко Н.Г., Дёмина О.В.* Макроэконометрическое моделирование как метод региональных исследований // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 40–64.
- Захарченко Н.Г., Дёмина О.В.* Моделирование экономических взаимодействий в системе «энергетика-экономика»: опыт Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2015. №1. С. 62–90.
- Захарченко Н.Г., Дёмина О.В.* ТЭЖ в экономике региона: оценка мультипликативных эффектов // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 33–54.
- Захарченко Н.Г., Минакир П.А.* Макроэкономический прогноз в региональных стратегиях: пример Хабаровского края // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 61–74.
- Изотов Д.А.* Россия – АТР: перспективы либерализации торговли // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 5. С. 67–78.
- Изотов Д.А.* Внешнеторговое сотрудничество России с Восточной Азией // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 9. С. 24–40.
- Изотов Д.А.* Внешняя торговля зон с льготным режимом КНР // Экономика региона. 2013. № 1. С. 123–132.
- Изотов Д.А.* Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4 (514). С. 27–44.
- Изотов Д.А.* Либерализация торговли между Россией и Восточной Азией // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 75–97.
- Изотов Д.А.* Либерализация торговли России со странами Европейского союза, БРИКС и Транстихоокеанского партнерства // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 133–141.
- Изотов Д.А.* Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. 2013. №3. С.123–160.

- Изотов Д.А.* Опыт интеграции науки и образования в странах Северо-восточной Азии // *Инновации*. 2013. №1. С.76–81.
- Изотов Д.А.* Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. №2. С.149–176.
- Изотов Д.А.* Рынок сырьевых товаров КНР // *Пространственная экономика*. 2013. №4. С.70–89.
- Изотов Д.А.* Торговая интеграция России со странами АТР // *ЭКО*. 2016. №10. С.104–124.
- Изотов Д.А., Суслов Д.В.* Валютный курс и внешняя торговля КНР // *Пространственная экономика*. 2009. № 3. С. 36–63.
- Изотов Д.А., Суслов Д.В.* Пока только намерения: первые итоги реализации программы сотрудничества между восточными районами России и северо-востоком КНР // *ЭКО*. 2011. № 3. С. 160–178.
- Исаев А.Г.* Дальний Восток в системе межрегиональных взаимодействий // *Регионалистика*. №6. 2016. С. 33–46.
- Исаев А.Г.* Перспективы формирования авиастроительного кластера в Хабаровском крае // *Федерализм*. № 3. 2012. С. 71–84.
- Исаев А.Г.* Распределение финансовых ресурсов в бюджетной системе РФ и экономический рост российских регионов // *Пространственная экономика*. 2016. № 4. С. 61–74.
- Исаев А.Г.* Распределение финансовых ресурсов в бюджетной системе РФ и экономический рост российских регионов // *Пространственная экономика*. 2016. № 4–5 (48). С. 61–74.
- Исаев А.Г.* Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // *ЭКО*. 2017. № 4 (514). С. 61–77.
- Исаев А.Г.* Технологические параметры региональной экономической системы // *Пространственная экономика*. № 4. 2013. С. 11–27.
- Исаев А.Г.* Транспортная инфраструктура и экономический рост: пространственные эффекты // *Пространственная экономика*. №3. 2015. С. 57–71.
- Исаев А.Г., Власюк Л.И.* Мобильность факторов производства в российской экономике // *Пространственная экономика*. № 4. 2012. С. 10–27.

- Колбина Е.О., Найден С.Н.* Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России // *Пространственная экономика*. 2013. № 4. С.44–69.
- Краснопольский Б.Х.* Национальная и глобальная инфраструктура арктической зоны АТР: новые вызовы // *Пространственная экономика*. 2015. № 2. С. 165–179.
- Краснопольский Б.Х.* Собственность на земельные ресурсы – главное условие децентрализации и регионализации экономического развития России // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2011. № 10 (10). С. 182–183.
- Леонов С.Н.* Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // *Пространственная экономика*. 2017. № 2. С. 41–67.
- Леонов С.Н.* Типология проблемных регионов на основе оценки межрегиональных социально-экономических и финансовых различий // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2005. № 2. С. 68–76.
- Леонов С.Н.* Анализ условий стратегического развития Дальнего Востока России после кризиса // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2011. № 1. С. 159–168.
- Леонов С.Н.* Проблемные результаты и перспективы реформы местного самоуправления в России // *Пространственная экономика*. 2017. № 3. С. 107–132.
- Леонов С.Н.* Становление муниципальной статистики, ее современное состояние и соответствие потребностям исследования региональной экономики // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 400. С. 223–230.
- Леонов С.Н., Леонова Т.В.* Методические вопросы оценки информационной базы регионального управления при переходе с ОКОНХ на ОКВЭД // *Пространственная экономика*. 2007. № 4. С. 123–132.
- Ломакина Н.В.* Ключевые механизмы новой модели развития Дальнего Востока и их влияние на роль минерального сектора в экономике региона // *ЭКО*. 2015. № 7 (493). С. 5–15.
- Ломакина Н.В.* Промышленное развитие Дальнего Востока России и северо-востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // *ЭКО*. 2014. № 6 (480). С. 25–39.
- Ломакина Н.В.* Развитие цветной металлургии на Дальнем Востоке

- ке в период реформ // Проблемы прогнозирования. 2000. № 3. С. 44–54.
- Ломакина Н.В.* Реализация проекта Шелкового пути: новые стимулы и механизмы для развития минерального сектора экономики // ЭКО. 2016. № 7 (505). С. 56–68.
- Ломакина Н.В.* Цветная металлургия Дальнего Востока и интеграционные процессы // География и природные ресурсы. 2006. № 1. С. 24–30.
- Ломакина Н.В., Антонова Н.Е.* Современная система природопользования Дальнего Востока: новые тенденции и оценки // Пространственная экономика. 2013. № 3. С. 89–107.
- Ломакина Н.В., Гулидов Р.В.* Структурные характеристики минерально-сырьевой базы Дальнего Востока на основе стоимостной оценки недр // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3.
- Мазитова М.Г., Дёмина Я.В.* Международные производственные сети: роль стран Восточной Азии // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 71–98.
- Мазитова М.Г.* Внутрорегиональная торговля в Северо-Восточной Азии: тенденции и перспективы развития // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 3 (76). С. 76–81
- Мазитова М.Г., Суслов Д.С.* Внешняя торговля Дальневосточного федерального округа // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 2. С. 48–56.
- Минакир П.А.* Дальневосточное измерение пространственной экономики // Мир перемен. 2016. № 4. С. 140–148.
- Минакир П.А.* Промышленная политика // Журнал новой экономической ассоциации. 2014. № 2 (22). С. 180–185.
- Минакир П.А.* Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 10 (10). С. 150–153.
- Минакир П.А.* Пространственный анализ в экономике // Журнал новой экономической ассоциации. 2013. № 2. С. 176–180.
- Минакир П.А.* Пространственный междисциплинарный синтез: опыт программных исследований. // Регион: экономика и социология. 2014. № 4. С. 3–31.
- Минакир П.А.* Региональные социально-экономические исследования: теория и практика // Экономическая наука современной России. 2002. № 1 (8). С. 48–56. С. 3–14.

- Минакир П.А.* Региональные стратегии и имперские амбиции // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 7–11.
- Минакир П.А., Власюк Л.И.* Долгосрочный региональный прогноз: синтез технологического и экономического подходов // *Проблемы прогнозирования*. 2013. № 2. С. 3–14.
- Минакир П.А., Власюк Л.И., Горюнов А.П.* Синтез технологического и экономического подходов в долгосрочном региональном прогнозировании // *European Journal of Economic Studies*. 2012. № 4. С. 117–130.
- Минакир П.А., Горюнов А.П.* Мировой экономический кризис: теоретические и прикладные аспекты // *Вестник ДВО РАН*. 2009. № 4. С. 130–146.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Общественное развитие: междисциплинарное взаимодействие пространственных проекций // *Пространственная экономика*. 2011. №4. С. 124–134.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // *Экономическая наука современной России*. 2010. №3. С. 7–25.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 6–32.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Региональное сценарное прогнозирование // *Федерализм*. 2012. №1. С. 29–44.
- Минакир П.А., Краснополяский Б.Х., Леонов С.Н.* Исследования по проблемам освоения дальневосточной Арктики: экономические аспекты // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 4. С. 6–19.
- Минакир П.А., Михеева Н.Н.* Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года // *Регион: экономика и социология*. 2002. № 3.
- Минакир П.А., Прокапало О.М.* Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // *ЭКО*. 2017. № 4 (514). С. 5–26.
- Мотрич Е.Л.* Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // *Пространственная экономика*. 2017. № 3. С.133–153.
- Мотрич Е.Л.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: основные тренды и вызовы // *Народонаселение*. 2016. Т. 1. № 1 (71–1). С. 25–33.

- Мотрич Е.Л., Ли Е.Л., Скрипник Е.О.* Студенчество Хабаровского края: социально-профессиональные и миграционные ориентиры и мотивация поведения // СОЦИС. 2008. № 5. С. 47–57.
- Мотрич Е.Л.* Миграция в воспроизводстве населения на Дальнем Востоке // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 25–33.
- Мотрич Е.Л.* Народонаселение Дальнего Востока России: настоящее и будущее // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1 (167). С. 29–36.
- Мотрич Е.Л.* Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2. С. 70–77.
- Мотрич Е.Л.* Роль миграции в динамике населения Дальнего Востока России // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 45–53.
- Мотрич Е.Л.* Условия жизни и уровень благосостояния населения Дальневосточного федерального округа // Проблемы прогнозирования. 2011. № 4. С. 106–124.
- Мотрич Е.Л., Найден С.Н.* Перспективы развития Дальнего Востока и Забайкалья: социально-демографические ограничения и возможности // Вестник Российской нации. 2012. Т. 2–3. № 22–23. С. 208–231.
- Мотрич Е.Л., Найден С.Н.* Уровень жизни населения и потенциал социальной сферы в регионах Дальнего Востока России // Уровень жизни населения регионов России. 2013. №1(179). С. 18–25.
- Мотрич Е.Л., Найден С.Н.* Влияние социально-демографической ситуации на трудовую миграцию: дальневосточный вектор // Проблемы прогнозирования. 2009. № 5. С. 134–146.
- Мотрич Е.Л., Найден С.Н.* Демографические реалии и социальные перспективы регионов Дальнего Востока и Забайкалья // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 84–94.
- Мотрич Е.Л., Найден С.Н.* Миграционные процессы в социально-экономическом развитии Дальнего Востока // Проблемы прогнозирования. 2015. № 5. С. 108–118.
- Мотрич Е.Л., Найден С.Н.* Население и социальное развитие Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47–67.

- Найден С.Н.* Дифференциация показателей социального развития субъектов РФ // *Пространственная экономика*. 2010. № 1. С. 5–67.
- Найден С.Н.* Качество жизни как фактор миграционных мотиваций населения Камчатского края // *Региональные проблемы*. 2015. Т. 18. № 3. С. 35–44.
- Найден С.Н.* Развитие социальной инфраструктуры в условиях Дальнего Востока // *Регионалистика*. 2015. Т. 2. № 3. С. 6–17.
- Найден С.Н.* Региональный сектор общественных благ: институциональный аспект // *Пространственная экономика*. 2011. № 3. С. 6–23.
- Найден С.Н., Грицко М.А.* Воспроизводство жилищно-коммунальной инфраструктуры как фактор повышения качества жизни населения на Дальнем Востоке РФ // *Власть и управление на Востоке России*. 2012. № 4. С. 37–43.
- Найден С.Н., Грицко М.А.* Перспективы развития человеческого потенциала Хабаровского края // *Экономика Востока России*. 2016. № 2 (06). С. 44–50.
- Найден С.Н., Грицко М.А.* Реакция региональной социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 6. С. 6–22.
- Найден С.Н., Колбина Е.О.* Города Дальнего Востока: социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения // *Регионалистика*. 2014. Т.1. №4. С.23–35.
- Найден С.Н., Мотрич Е.Л.* Формирование постоянного населения в опорных городах Приморского края и южной зоны Дальнего Востока // *Власть и управление на Востоке России*. 2014. № 4 (69). С.8–16.
- Найден С.Н., Скрипник Е.О.* Человеческий капитал и факторы мобильности населения: образ новых возможностей Тихоокеанской России – 2050 // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. 2012. № 4 (164). С. 15–23.
- Новопашина А.Н.* Пространственная политика экспорта прямых инвестиций: особенности Китая // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 79–100.
- Новопашина А.Н.* Прямые инвестиции из Китая в регионах России: субституты или комплименты внешней торговли? // *Пространственная экономика*. 2012. № 4. С. 67–86.

- Новопашина А.Н.* Региональное распределение иностранного капитала в России: пример прямых китайских инвестиций // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 4. С. 59–76.
- Прокапало О.М.* Программы и стратегии развития российского Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 93–104.
- Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2014 г. // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 132–164.
- Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2015 г. // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 123–157.
- Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2016 г. // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 138–173.
- Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2012 г. // Пространственная экономика. 2013. № 2. С. 119–149.
- Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2013 г. // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 106–140.
- Прокапало О.М., Минакир П.А.* Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 103–122.
- Прокапало О.М., Минакир П.А.* Дальний Восток России: программные ожидания // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 2. С. 6–16.
- Прокапало О.М., Минакир П.А.* Дальний Восток: реальные стратегии и мнимые программы // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 13–21.
- Скрипник Е.О.* Оценка влияния условий проживания в регионах РФ на миграцию и продолжительность жизни населения // Вестник университета: социология и управление. 2008. № 6 (44). С. 271–275.
- Суслов Д.В.* Внешняя торговля Дальневосточного федерального округа в 2016 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 50–56.

- Суслов Д.В.* Проблемы и перспективы экономического взаимодействия КНР и России // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 2 (75). С. 22–33.
- Суслов Д.В.* Экономическое развитие стран СВА в условиях кризиса // Пространственная экономика. 2010. № 3. С. 140–154.
- Сухомиров Г.И.* Инвестиции и государственная поддержка сельского хозяйства в Дальневосточном федеральном округе // Проблемы развития территории. 2015. № 5 (79). С. 156–169.
- Сухомиров Г.И.* Пищевая промышленность и обеспеченность продуктами питания населения Дальнего Востока // Наука и социальное качество. 2014. № 2. С. 1–13.
- Сухомиров Г.И.* Проблемы развития сельского хозяйства в ДФО // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 3. С. 37–55.
- Сухомиров Г.И.* Проблемы самообеспечения сельскохозяйственными продуктами в регионах Дальневосточного федерального округа // Проблемы развития территории. 2017. Вып. 1 (87). С. 173–186.
- Сухомиров Г.И.* Ресурсы охотничьего и природного плодово-ягодного хозяйства на Дальнем Востоке // ЭКО. 2014. № 9 (483). С. 107–117.
- Сухомиров Г.И.* Технологическая модернизация сельского хозяйства Дальнего Востока // Проблемы развития территории. 2014. № 5(73). С. 123–135.
- Сухомиров Г.И.* Условия и тенденции развития сельского хозяйства Дальневосточного федерального округа // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 81–92.
- Сухомиров Г.И., Шелепа А.С.* Проблемы долгосрочного развития сельского хозяйства Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 155–165.
- Сухомиров Г.И., Заостровских Е.А.* Региональный зерновой экспорт: Сибирь и Дальний Восток // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 56–71.
- Троп Т.И., Рензин О.М.* Кредитное поведение населения: региональная компаративистика // Власть и управление на Востоке России. 2016. №3 (76). С.52–60.
- Украинский В.Н.* Методологический плюрализм в исследовании экономического пространства // Пространственная экономика. 2012. № 4 (32). С. 87–106.

Украинский В.Н. Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем // Пространственная экономика. 2011. № 2. С. 92–126.

Украинский В.Н., Чимитдоржиев Ж.Ж. «Этнизированное» предпринимательство: предпринимательские практики дальневосточных корейцев // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 1. С. 43–54.

Шейнгауз А.С., Антонова Н.Е. Оценка вклада лесного комплекса в экономику и благосостояние Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2006. № 1. С. 59–72.

Шейнгауз А.С., Антонова Н.Е. Оценка последствий присоединения России к ВТО для развития лесного комплекса Дальневосточного федерального округа // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3. С. 118–124.

Научное издание

**РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
НА ПУТИ В БУДУЩЕЕ**

Ответственный редактор, академик РАН *П.А. Минакир*

Ответственная за выпуск *Л.А. Самохина*

Сдано в набор 10.07.17. Подписано к печати 20.08.17.
Формат 60x90/16. Уч.-изд. л. 25. Заказ 321.

Институт экономических исследований ДВО РАН,
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, www.ecrin.ru

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии издательства
Тихоокеанского государственного университета,
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.